

ПРОТИВ СУБЪЕКТИВИСТСКИХ ОШИБОК В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза подвёл итоги борьбы партии и советского народа за годы, протекавшие со времени XVIII съезда, и наметил пути дальнейшего движения советского общества к коммунизму. Теоретической основой работы съезда и его решений послужил гениальный труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», открывший величественные перспективы постепенного перехода советского общества от социализма к коммунизму.

Важнейшим программным документом нашей эпохи является речь товарища Сталина на XIX съезде партии. В этой речи и в труде «Экономические проблемы социализма в СССР» рассматриваются наиболее жизненные проблемы современности.

В книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин исследовал закономерности экономического развития монополистического капитализма, капитализма паразитического и умирающего. Открыв закон неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран в период империализма, Ленин сделал величайшей важности вывод о новой эпохе всемирной истории — эпохе империализма и пролетарских революций — и создал новую теорию социалистической революции.

Глубокое творческое разрешение коренных проблем переходного периода от капитализма к социализму, задач строительства социалистического общества содержат произведения Ленина, посвящённые анализу экономики нашей страны после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1921 г. Ленин указывал, что уже первые четыре года истории советского общества по своему содержанию богаче, чем все предшествующие сорок лет истории революционного движения в России¹.

Великие идеи этих ленинских произведений, развитые товарищем Сталиным, явились могучим оружием Коммунистической партии, советского народа в борьбе за создание социалистической экономики, за построение социализма. Товарищ Сталин, обобщая опыт социалистического строительства в СССР, раскрывая законы социалистической формации, неустанно двигает вперёд марксистско-ленинскую теорию, обогащая её новыми положениями и выводами.

Гениальным продолжением и развитием экономического учения марксизма-ленинизма является труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». В этом труде И. В. Сталин дал гениальный анализ экономических законов социалистического общества, определил научные основы развития социалистической экономики, пути и условия постепенного перехода от социализма к коммунизму. Труд И. В. Сталина представляет собой замечательный образец творческого марксизма, неразрывного единства теории и практики, образец партийности марксист-

¹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 407—408.

ско-ленинской теории, непримиримости ко всем и всяким проявлениям буржуазной идеологии, к попыткам вульгаризации марксизма.

В отчётном докладе XIX съезду партии о работе Центрального Комитета Г. М. Маленков определил значение трудов И. В. Сталина в следующих словах: «Огромное значение теоретических трудов товарища Сталина состоит в том, что они предупреждают против скольжения по поверхности, проникают в глубь явлений, в самую суть процессов развития общества, учат видеть в зародыше те явления, которые будут определять ход событий, что даёт возможность марксистского предвидения»².

Победоносно развивающемуся в нашей стране процессу перехода от социализма к коммунизму соответствует невиданный подъём в идейной жизни партии и всего советского народа. Великая честь первыми строить коммунизм, которая выпала на долю нашей страны, и успехи, достигнутые на этом пути под руководством партии Ленина—Сталина, вызывают чувство законной гордости у трудящихся нашей Родины. Великий основатель Советского государства В. И. Ленин говорил:

«Мы вправе гордиться и мы гордимся тем, что на нашу долю выпало счастье *начать* постройку советского государства, *начать* этим новую эпоху всемирной истории, эпоху господства *нового* класса, угнетенного во всех капиталистических странах и идущего повсюду к новой жизни, к победе над буржуазией, к диктатуре пролетариата, к избавлению человечества от ига капитала, от империалистских войн»³.

Эти бессмертные слова Ленина с особенной силой звучат теперь, когда для всего мира становятся зримыми черты коммунизма в СССР. Советские люди достойно выполнили роль зачинателей социалистического преобразования общества и оправдали надежды эксплуатируемых и трудящихся масс всего мира, создав в лице Союза ССР могучую базу мирового коммунизма.

За срок короче одной человеческой жизни неузнаваемо изменился облик нашей Родины. Огромный путь борьбы и труда прошли за это время советские люди. То был путь народа-строителя, народа-воина, народа-победителя, вседомого великой Коммунистической партией. То был путь самоотверженного претворения в жизнь научно обоснованной Лениным и Сталиным программы социалистического преобразования России.

История советского общества — это живой источник ценнейшего опыта борьбы трудящихся масс, обобщённого партией. Изучение истории советского общества питает силы и уверенность советских людей в победе, рождает у них благородные чувства безграничной любви и преданности своей Родине, делу партии Ленина — Сталина.

Но научное освещение истории советского общества, обобщение опыта социалистического строительства в СССР имеют значение не только для народов Советского Союза. История советского общества — это научный коммунизм в действии. Она указывает всем народам мира практический путь уничтожения капитализма и утверждения социалистических общественных порядков. Изучение истории Советского государства — замечательная школа для всего международного пролетариата, для трудящихся стран народной демократии. История Советского государства учит искусству побеждать врагов, преодолевать трудности.

«Наши зарубежные товарищи, — указывал И. В. Сталин, — хотят знать, каким образом мы вырвались из капиталистической неволи, каким образом преобразовали мы экономику страны в духе социализма, как мы добились дружбы с крестьянством, как мы добились того, что наша недавно ещё нищая и слабая страна превратилась в страну богатую, могущественную, что из себя представляют колхозы, почему мы, несмотря на обобществление средств производства, не уничтожаем товарного про-

² Г. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), стр. 107. Госполитиздат. 1952.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 32—33.

изводства, денег, торговли и т. д. Они хотят знать всё это и многое другое не для простого любопытства, а для того, чтобы учиться у нас и использовать наш опыт для своей страны»⁴. Пропаганда истории социалистического строительства в СССР — это могучее орудие революционного просвещения эксплуатируемых и угнетённых масс всего мира.

Научное освещение истории советского общества имеет важнейшее общегосударственное, внутрисполитическое и международное значение. Оно составляет первейший научный, патриотический долг советских историков. В современных условиях, в период постепенного перехода от социализма к коммунизму, нет у советских историков более важной, более почётной задачи.

Гениальный труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и решения XIX съезда партии открыли широкие перспективы перед советской исторической наукой, поставили перед ней большие новые задачи. Более отчётливо стали видны теперь и серьёзные недостатки, присущие советской исторической науке, и прежде всего одному из важнейших её разделов — разработке истории советского общества, — призванному обобщать опыт социалистического строительства в СССР.

За последние годы в области изучения истории советского общества, несомненно, достигнуты некоторые успехи. Над изучением вопросов истории Коммунистической партии Советского Союза, Советского государства, советского народа-победителя работает большое число историков. Лишь одних кандидатских диссертаций по истории советского общества защищено за послевоенные шесть лет более тысячи. Особенно важным является то, что историки советского общества уже не ограничивают свои исследования рамками Великой Октябрьской социалистической революции, иностранной военной интервенции и гражданской войны, а обращаются к темам периода сталинских пятилеток, к событиям Великой Отечественной войны Советского Союза, к послевоенной истории нашей страны.

Выполнение задач, поставленных перед советскими историками, в огромной мере облегчается тем обстоятельством, что все важнейшие проблемы истории партии и Советского государства получили исчерпывающее освещение в трудах величайших корифеев науки, В. И. Ленина и И. В. Сталина. Гением Сталина создан классический научный труд — «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс». В нём изложен и обобщён гигантский опыт Коммунистической партии, равного которому не имела и не имеет ни одна партия в мире. Партией и правительством созданы все условия для развёртывания плодотворной научной работы в области исследования истории советского общества и государства.

При всём этом работа историков над вопросами истории советского общества всё ещё нетерпимо отстаёт от потребностей советского народа, стран народной демократии и прогрессивных людей всего мира. Советские историки находятся в большом долгу перед народом. Чтобы с успехом решить стоящие перед ними задачи, им предстоит коренным образом перестроить свою работу.

Наша печать, рассматривая труды по истории советского общества, в качестве главного их недостатка справедливо указала на «фактологичность», на слабость научных обобщений. В критической статье «О журнале «Вопросы истории», опубликованной в журнале «Большевик», было справедливо указано, что напечатанные в журнале статьи по истории советского общества носят фактологический, описательный характер⁵.

⁴ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 45. Госполитиздат. 1952.

⁵ См. «Большевик» № 13 за 1952 г., стр. 61.

Особенно ясно этот недостаток проявился в работе историков над большими трудами, которые невыполнимы без научного обобщения. Речь идёт об учебнике по истории СССР советского периода для высших учебных заведений, над которым вот уже много лет работают историки Московского государственного университета и Института истории Академии наук СССР, о томах истории советского общества в многотомной «Истории СССР», подготовляемой Институтом истории, о третьем и последующих томах «Истории гражданской войны в СССР», о соответствующем томе «Истории Москвы». Историки, работающие над перечисленными трудами, собрали огромный фактический материал, который они пока что не сумели научно обобщить.

Основным теоретическим недостатком исследований в области истории советского общества являются субъективистские, волюнтаристские взгляды на развитие советского общества, на процесс строительства социализма в СССР, что не означает, разумеется, что от этих ошибок свободны труды, посвящённые другим разделам исторической науки.

В течение многих десятилетий творцы научного коммунизма Маркс и Энгельс, а позднее Ленин и Сталин, наша партия вели беспощадную борьбу против идеалистических, субъективистских взглядов на историю человеческого общества. Образцом борьбы против субъективистских взглядов на историю является разоблачение Лениным и Сталиным антинаучных взглядов либеральных народников, эсеров, анархистов. Несмотря на ценнейший опыт борьбы нашей партии против субъективизма в объяснении исторических явлений, со стороны значительной части советских экономистов и философов была допущена большая путаница в освещении коренных проблем социализма, заключающаяся главным образом в субъективистском, волюнтаристском истолковании закономерностей социалистической экономики. Эти экономисты и философы считали, что Советское государство по своей воле, своими хозяйственными планами и всей своей политикой может «преобразовать», «формировать», «создавать» и «уничтожать» экономические законы социалистического общества. Именно таких горе-теоретиков имел в виду товарищ Сталин, когда он указал в своём труде «Экономические проблемы социализма в СССР» на следующее:

«Ссылаются на особую роль Советской власти в деле построения социализма, которая якобы даёт ей возможность уничтожить существующие законы экономического развития и «сформировать» новые. Это также неверно». Особая роль советской власти, как указал И. В. Сталин, заключалась в том, что она разрешила труднейшую историческую задачу: ликвидировала всякую эксплуатацию и создала новые, социалистические формы хозяйства.

«Задача эта безусловно трудная и сложная, не имеющая прецедентов, — указывает И. В. Сталин. — Тем не менее Советская власть выполняла эту задачу с честью. Но она выполнила её не потому, что будто бы уничтожила существующие экономические законы и «сформировала» новые, а только лишь потому, что она опиралась на экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил»⁶.

Субъективистскими взглядами на роль Советского государства и государственного планирования в СССР была проникнута антимарксистская книжка Н. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны»⁷, послужившая одним из источников распространения идей волюнтаризма. В течение 1950—1951 гг. вышли в свет две книги И. Гладкова по вопросам планирования советского хозяйства. Автор рассматривает хозяйственные планы Советского государства как экономиче-

⁶ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 7.

⁷ См. статью М. Суслова «По поводу статей Н. Федосеева». «Правда» от 24 декабря 1952 года.

ские законы советского общества, а Советское государство — как творца этих законов. Конечно, такие взгляды не имеют ничего общего с марксизмом.

Историки советского общества также нередко были носителями немарксистских, субъективистских взглядов. Многие из них также считали, что советское общество развивается не согласно объективным законам общественного развития, а по воле Советского государства, которое якобы в силах преобразовать общественную жизнь независимо от объективно существующих законов. Свои исследования многие историки ограничивали поэтому лишь коллекционированием фактов, они скользили по поверхности явлений, не вникая в суть процессов развития общества.

В субъективистских ошибках историков несомненно сказалось не выкорчеванное до конца влияние порочной антимарксистской «школы» Покровского. Известно, что Покровский не смог освободиться от влияния богдановской философии; на всех его работах, в том числе и на работах по истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР, лежит печать богдановского субъективизма. Покровский утверждал, что мы «прорвались» к социализму «наперекор узко-экономическим законам»⁸.

В работах советских историков, посвящённых истории советского общества, экономические преобразования в жизни нашей страны нередко изображаются только как результат политики государства. При этом не вскрывается экономическая обусловленность и объективная необходимость этих преобразований. Историки забывают, что политика есть «концентрированное выражение экономики», что политика Советского государства потому и правильна, что она правильно выражает назревшие экономические потребности общества.

При освещении истории коллективизации сельского хозяйства, перехода от индивидуально-крестьянского строя к социалистическому, колхозному строю в деревне, некоторые историки, правильно подчёркивая, что этот переход совершился по инициативе советской власти, при поддержке основных масс крестьянства, не вскрывают, однако, объективной закономерности этого переворота в деревне, не выясняют экономическую необходимость его. Между тем «самая насущная экономическая потребность, народная нужда, требовала перехода на путь коллективизации. И партия большевиков под руководством Сталина правильно поняла эту насущную экономическую потребность, сумела повернуть миллионные массы крестьянства на путь коллективизации»⁹.

Серьёзным недостатком страдают в этом отношении опубликованные недавно лекции Э. Б. Генкиной «СССР в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства». Автором собран в этих лекциях ценный фактический материал, но в анализе его автор скользит по поверхности явлений, не вскрывает объективных, не зависящих от воли людей закономерностей в развитии социалистического общества¹⁰. Аналогичным недостатком страдает книга С. Трапезникова¹¹. Автор не показывает коллективизацию сельского хозяйства как объективно закономерный процесс.

В 1952 г. Московский университет выпустил серию лекций по истории советского общества, которая представляет собой макет будущего учебника для высшей школы. Начинается эта серия лекциями О. Н. Чаадаевой, посвящёнными подготовке Великой Октябрьской социалистической революции, и заканчивается лекциями Б. С. Тельпуховского о Великой

⁸ «Историческая наука и борьба классов». Вып. 2, стр. 269.

⁹ «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография», стр. 115.

¹⁰ Э. Генкина. Лекции под общим названием «СССР в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930—1934 гг.)». МГУ. 1952.

¹¹ С. Трапезников. Борьба партии большевиков за коллективизацию сельского хозяйства в годы первой сталинской пятилетки. Госполитиздат. 1951.

Отечественной войне Советского Союза. Авторы этих лекций изображают историю советского общества так, как будто бы никаких объективных законов не существует.

Обратимся к лекциям О. Н. Чаадаевой «Подготовка Великой Октябрьской революции» (изд. МГУ. М. 1952). В этих лекциях прежде всего следовало дать анализ глубоких экономических причин революции, того несоответствия между развитием производственных отношений и характером производительных сил, которое могло быть разрешено лишь революционным путём. Социальная революция есть закономерный результат развития материальных условий жизни общества, развития общественного производства, результат обостряющихся в нём антагонистических противоречий между производственными отношениями и характером производительных сил. Это марксистское положение полностью относится и к революции пролетариата. Обосновывая объективную неизбежность социалистической революции в России в 1917 г., Ленин писал:

«Империалистская война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание, — никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически, — а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет»¹².

В этом положении В. И. Ленина заключается та мысль, что для социалистической революции, как и для всякой иной социальной революции, необходимы материальные предпосылки, складывающиеся независимо от воли и сознания людей.

Лекции О. Н. Чаадаевой далеки от такой постановки вопроса. Подготовка Великой Октябрьской социалистической революции рассматривается в книге в отрыве от состояния производительных сил и производственных отношений в стране.

Подобными же ошибками страдает лекция О. М. Лукашовой, посвящённая истории советского общества в 1921—1925 годах¹³. Автор освещает историю социалистического строительства в отрыве от анализа социалистического способа производства. Переход к новой экономической политике автор объясняет исключительно хозяйственными и политическими трудностями молодой Советской республики, в то время как в основе этого перехода лежали более глубокие экономические процессы. В лекции не раскрыта последовательность и преемственность экономической политики советской власти. Допущен разрыв в характеристике новой экономической политики и ленинского кооперативного плана. Не показано, как раскрыл содержание ленинского кооперативного плана И. В. Сталин.

В статье М. П. Кима «Великая Октябрьская социалистическая революция», помещённой в седьмом томе нового издания «Большой Советской Энциклопедии», содержится такой же недостаток. Лишь в начале статьи автор упоминает о закономерности и неизбежности победы пролетарской революции. В дальнейшем он забывает об этом важнейшем обстоятельстве и рассматривает историю революции, полностью абстрагируясь от экономических вопросов. Субъективистские ошибки присущи и лекциям А. А. Матюгина¹⁴. Такого рода ошибки присущи многим работам по истории советского общества, в том числе ряду статей, опублико-

¹² В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 333.

¹³ О. Лукашова. Советская страна в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства. Образование СССР (1921—1925). Изд-во «Знание». М. 1952.

¹⁴ А. Матюгин и Д. Чугаев. СССР в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства. Изд-во МГУ. 1952.

ванных в журнале «Вопросы истории». В журнале не подвергались критическому рассмотрению книги по истории планирования советского хозяйства в 1918—1920 гг., материалы по истории государственного плана электрификации России (ГОЭЛРО) и многие другие произведения.

Субъективистские взгляды проникли и в среду этнографов, занимающихся изучением колхозного крестьянства. П. И. Кушнер в статье «Об этнографическом изучении колхозного крестьянства» договорился до утверждения, что «в советском социалистическом обществе сама экономика подчиняется человеческому сознанию (социалистическому сознанию!) — на этом основано наше плановое хозяйство»¹⁵. Словом, не «общественное бытие определяет общественное сознание», а как раз наоборот — социалистическое сознание определяет бытие! Дальше, как говорится, уже и ехать некуда.

Товарищ Сталин вскрыл всю ошибочность и вредность субъективистских, волюнтаристских взглядов на исторический процесс, означающих на деле разрыв с марксизмом и переход на позиции субъективного идеализма.

В своём гениальном труде «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин высказал одно из важнейших положений исторического материализма: «История вообще не делает чего-либо существенного без особой на то необходимости»¹⁶. Историки обязаны строго руководствоваться этим сталинским положением, чтобы не допускать волюнтаристских ошибок в объяснении фактов и событий истории. Основное и важнейшее требование в деле изучения истории советского общества, вытекающее из сталинских указаний, — это требование подходить к развитию социалистического общества как к объективно-закономерному процессу.

В своих гениальных трудах И. В. Сталин не только подчеркнул, что советское общество развивается по законам, независимым от воли людей, но и указал на эти законы. Товарищ Сталин развил и конкретизировал впервые сформулированный К. Марксом закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, которому социалистическое общество подчиняется с такой же необходимостью, как и все предыдущие социально-экономические формации. Историки советского общества должны решительно покончить с нигилистическим отношением к этому объективному закону общественного развития.

Крупнейшим вкладом в марксистскую общественную науку является открытие товарищем Сталиным основного экономического закона социализма. Его существенными чертами и требованиями, указывает товарищ Сталин, является «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путём непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники»¹⁷.

Открытие товарищем Сталиным основного экономического закона социализма имеет огромное научное и практическое значение. Это открытие создаёт прочную основу для всесторонней разработки истории социалистического общества. Историки советского общества должны показать этот закон в действии, его великую преобразующую силу, показать, как политика партии и государства даёт широкий простор действию этого закона.

Товарищ Сталин в труде «Экономические проблемы социализма в СССР» дал решение таких важнейших вопросов экономики социализма,

¹⁵ «Советская этнография» № 1 за 1952 г., стр. 140.

¹⁶ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 10. Госполитиздат. 1950.

¹⁷ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 40.

как вопрос о товарном производстве и о законе стоимости при социализме. Он научно решил такие великие социальные проблемы и программные вопросы коммунизма, как уничтожение противоположности между городом и деревней, между физическим и умственным трудом, а также разработал новый в марксистской науке вопрос о ликвидации остающихся ещё в социалистическом обществе существенных различий между ними. Перед историками советского общества развёрнута широкая программа научных исследований.

Товарищ Сталин указал, что для достижения высшей фазы коммунизма «нужно пройти ряд этапов экономического и культурного перевоспитания общества, в течение которых труд из средства только лишь поддержания жизни будет превращён в глазах общества в первую жизненную потребность, а общественная собственность — в незыблемую и неприкосновенную основу существования общества»¹⁸.

Впервые в истории марксизма товарищ Сталин сформулировал программное положение о трёх основных предварительных условиях подготовки перехода от социализма к коммунизму, указав, что для этого, во-первых, необходимо обеспечить непрерывный рост общественного производства с преимущественным ростом производства средств производства, во-вторых, необходимо постепенно и с выгодой для колхозов поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности, а товарное обращение заменить системой продуктообмена и, в-третьих, нужно добиться серьёзного культурного роста всех членов общества.

Здесь перед всем советским народом намечена конкретная перспектива движения вперёд, к коммунизму. Историки советского общества должны исследовать процесс возникновения и развития всех этих явлений, которые будут определять ход нашего движения к коммунизму.

Итак, задача историков советского общества — научных работников и преподавателей — заключается в том, чтобы решительно и навсегда покончить с субъективистским, волюнтаристским истолкованием закономерностей в развитии социалистического общества, с ингилистическим отношением к этим закономерностям. Их задача — овладеть теми теоретическими высотами, на которые поднял марксизм-ленинизм величайший учёный современности И. В. Сталин.

Путь для решения этой ответственной задачи нам указан партией, товарищем Сталиным. Это путь критики и самокритики, путь критического рассмотрения уже проделанной работы и выявления ошибок и недостатков. Наша элементарная обязанность состоит в том, чтобы не замалчивать и не замазывать допущенных ошибок, а честно и открыто выявлять их и исправлять. Только такое отношение к ошибкам, учит наша партия, обеспечит успешное их преодоление и даст простор науке для движения вперёд.

¹⁸ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 66.

ПОКОНЧИТЬ С ПРОЯВЛЕНИЯМИ МАРРИЗМА В АРХЕОЛОГИИ

За последние десять — пятнадцать лет археологическая наука в СССР достигла значительных успехов. Используя широчайшие возможности, открытые в Советском Союзе для развития науки, археологи развернули большую исследовательскую работу. Ежегодно десятки экспедиций, вооружённых совершенной техникой, ведут раскопки в различных частях СССР, добывая всё новые и новые данные по истории и, в частности, истории культуры племён и народов, населявших нашу страну в эпохи первобытно-общинного, рабовладельческого и раннефеодального строя.

Благодаря работам советских археологов впервые были получены подробные сведения о многочисленных племенах, обитавших на территории нашей страны в далёком прошлом. Добыты богатые материалы о рабовладельческих и раннефеодальных государствах в Закавказье, Средней Азии и Причерноморье, о культуре племён и народов, входивших в состав этих государств. Исследования археологов блестяще подтвердили важнейшее положение марксизма-ленинизма о единстве исторического процесса, об общих закономерностях развития человеческого общества. Они позволили полностью опровергнуть буржуазные расистские и космополитические «теории», в частности, пресловутую теорию «европоцентризма», пытающуюся отрицать право народов нашей страны на древнюю историю и свои исконные культурные традиции. В новом свете предстали перед наукой древняя жизнь и культура восточных славян — предков русского, украинского и белорусского народов. Советские историки на основании разнообразных данных показали, что славянские племена играли выдающуюся роль в европейской истории, начиная со времени крушения Римской империи. Собранный археологами богатейший материал неопровержимо доказывает, что славяне, в частности их восточная ветвь, были создателями и носителями высокой для своего времени культуры. Последние замечательные открытия в этой области были сделаны в 1951 и 1952 гг. проф. А. В. Арциховским, обнаружившим во время раскопок в Великом Новгороде многочисленные тексты, свидетельствующие о широком распространении письменности на Руси уже в XI—XII веках.

Успехами советской археологии, ставшей неотъемлемой частью марксистско-ленинской исторической науки, объясняется та большая популярность, которой пользуется у советского народа эта, казалось бы, столь далёкая от современности отрасль исторического знания. Советский народ — строитель коммунизма — проявляет живейший интерес к прошлому, в том числе и к далёкому прошлому своей Родины. Труд археологов, выявляющий богатейшее историческое и культурное наследие наших предков, справедливо оценивается как глубоко патристический. Принятое советским правительством в 1948 г. постановление о мерах улучшения охраны памятников культуры, объявленных государственным до-

стоянием, способствовало дальнейшему росту внимания к археологической науке со стороны широкой советской общественности и подняло археологическую науку на новую ступень. Грандиозные археологические работы ведутся советскими археологами в районах великих строек коммунизма.

Достижения советской археологии могли быть, однако, ещё большими, если бы в работе археологических научно-исследовательских учреждений не было существенных недостатков. Эти недостатки проявляются обычно в тех случаях, когда археологи переходят от описания своих открытий и их источниковедческой интерпретации к решению более сложных задач — разработке больших, собственно исторических вопросов. Здесь археологи допускают немало ошибок, путаницы; здесь проявляется нередко теоретическая беспомощность, неумение по-марксистски анализировать исторические явления. Следует отметить также, что некоторые учёные вообще избегают разработки больших вопросов, предпочитая ограничивать свои исследования узко археологической тематикой. В результате за последнее время очень редко появляются исследования, посвящённые таким вопросам, как периодизация истории первобытно-общинного строя, разложение первобытно-общинного строя и возникновение классового общества и государственности у различных племён и народностей, населявших нашу страну. Очень мало положительного сделано в области этногенеза — вопросов происхождения и развития различных этнических групп: славян, балтийцев, угро-финнов, тюрко-язычных народов, народов Закавказья и т. д. Научно-исследовательская разработка этих проблем, несомненно, отстаёт от полевой археологической работы, ежегодно приносящей богатейшие результаты.

Говоря о недостатках археологических исследований, связанных с решением больших исторических и теоретических вопросов, нетрудно убедиться, что главной причиной, вызвавшей эти недостатки, было распространение в среде археологов ненаучных, вульгарно-материалистических «теорий» Н. Я. Марра, приведших к путанице в важнейших вопросах, к своего рода теоретическому тупику не только в языковедческих, но и в археологических исследованиях. Распространению марризма сопутствовал «аракчеевский режим» в археологических учреждениях, выразившийся в том, что пресекались любые попытки критики «учения» Н. Я. Марра, а опубликовать работу, написанную не в марровском духе, было почти невозможно. Всё это привело к застою в научных исследованиях, к отставанию в разработке многих актуальных проблем древней и раннесредневековой истории.

Известно, что акад. Н. Я. Марр в течение многих лет возглавлял центральное археологическое учреждение — Академию истории материальной культуры, реорганизованную впоследствии в Институт истории материальной культуры Академии наук СССР. В этом учреждении выросли многие советские археологи. «Теории» акад. Н. Я. Марра имели в их среде значительное распространение. Эти «теории» некритически рассматривались в качестве главных достижений советской языковедческой науки, с которыми следовало считаться и археологам.

Трудно назвать такую область археологии, в которой в той или иной мере не оставили бы следа антимарксистские взгляды акад. Н. Я. Марра. Марристские концепции в области исследования древнейшего периода истории — первобытно-общинного строя (палеолит по археологической классификации), в частности марровские взгляды на возникновение языка и на характер мышления первобытных людей, нашли место в трудах П. П. Ефименко и П. И. Борисковского. Марровская «теория стадильности» проявилась в работах Т. С. Пассек, А. П. Окладникова и особенно В. И. Равдоникаса и М. И. Артамонова, которые изучали историю племён, обитавших на территории СССР в период неолита и «бронзового века».

В. И. Равдоникас и М. И. Артамонов пытались рассматривать с позиций этой «теории» и всю последующую историю племён и народностей нашей страны, особенно её южных областей. В. И. Равдоникасу принадлежит «исследование» о стадильном развитии населения Северного Причерноморья. В этом «исследовании» автор утверждает, что племена «бронзового века» — киммерийцы — в результате стадильного перевоплощения стали скифами, скифы превратились в готов, готы таким же сверхъестественным образом в результате стадильного «взрыва» превратились в русских славян. Вопросы истории Причерноморья рабовладельческой эпохи пытались решать с марристских позиций К. М. Колобова, М. Ф. Болтенко, С. И. Кипошина. Значительное влияние взглядов Н. Я. Марра проявляется в исследованиях Б. Б. Пиотровского и Б. А. Куфтина по вопросам археологии и древней истории Закавказья. С марристских позиций пытались решать вопросы происхождения и древней истории восточных славян М. И. Артамонов, П. Н. Третьяков, А. Д. Удальцов. Они рассматривали возникновение славян как результат слияния и стадильного перевоплощения различных в этническом отношении племён, отрицая генетическое родство славян. Под сильным влиянием «теорий» Н. Я. Марра оказались и археологи, занимающиеся изучением Средней Азии: С. П. Толстов, С. И. Руденко, оперирующий «скифской стадией», и особенно А. Н. Бернштам. Археологи нередко смешивали в своих работах понятия «язык» и «культура», полагая, что язык принадлежит к надстройке. Пытаясь с позиций марровской «теории стадильности» объяснить исторический процесс, они отрицали факты передвижения племён и народностей («гипертрофированный автохтонизм»). Некоторые археологи усвоили марровские взгляды о классовости языка и допускали, что в одном и том же обществе разные социальные группы людей приобретали различный этнический облик. Очень распространённой ошибкой в трудах археологов являлась переоценка роли скрещений в процессе этногенеза. Были, наконец, и такие археологи, которые пускались в дебри «элементного анализа», названного И. В. Сталиным «гаданием на кофейной гуще».

Казалось бы, после выступлений И. В. Сталина по вопросам языкознания археологи должны были развернуть большую работу по искоренению марризма, рассматривая эту работу как важнейшее условие дальнейшего развития советской археологической науки. Сделать это было тем более необходимо, что некоторые археологи предпринимали попытки спасти марровское «наследство», утверждая, что Н. Я. Марр ошибался лишь как языковед, но в археологии его взгляды сохранили свою силу (А. Н. Бернштам, А. П. Окладников). Эти попытки получили резкий отпор советских археологов, но научные труды, содержащие марристские концепции, так и не были подвергнуты серьёзному и обстоятельному критическому пересмотру в археологических научно-исследовательских учреждениях, в том числе в Институте истории материальной культуры Академии наук СССР. Как правильно указал Л. Максимов в статье «О журнале «Вопросы истории», опубликованной в журнале «Большевик» № 13 за 1952 г., археологи относились к критике «по-семейному»: не вынося критику за стены институтов, они ограничились обсуждением общих вопросов и рассмотрением лишь некоторых ошибок, проистекающих из распространения в археологии антинаучных взглядов акад. Марра. Наиболее значительным и, несомненно, полезным мероприятием археологов в борьбе с марризмом было совещание, посвящённое методологии этногенетических исследований, состоявшееся в Академии наук СССР в октябре — ноябре 1951 года. Но пороки отдельных последователей Н. Я. Марра так и остались нерассмотренными, их ошибочные труды не были подвергнуты критическому анализу.

Знаменательно, что в многочисленных изданиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР и Института археологии Академии наук Украинской ССР, вышедших в свет после выступлений И. В. Сталина по вопросам языкознания, не появилось никаких публикаций, конкретно рассматривающих марристские ошибки в археологии, если не считать передовых статей, затрагивающих данный вопрос лишь в самой общей форме.

Можно указать также на тенденцию оградиться от критики марристских положений заявлением, что археологи якобы уже давно отмежевались от взглядов Н. Я. Марра. Так, А. П. Окладников, выпустивший в начале 1950 г., за несколько месяцев до начала дискуссии о языке, брошюру «Н. Я. Марр и советская археология», где он всячески превозносил заслуги Н. Я. Марра, в конце 1950 г. написал другую брошюру — «Успехи советской археологии», — в которой проводится мысль, что археологи якобы уже давно отошли от «теорий» Н. Я. Марра и даже будто бы боролись с ними.

С такого рода «искоренением» марризма в археологии никак нельзя примириться. Археологическая наука не может с успехом двигаться вперед, не разобравшись как следует в марристских ошибках, имеющих-ся в трудах ряда археологов, не подвергнув серьёзному и обстоятельному критическому рассмотрению работы последователей Н. Я. Марра. Нужно помнить, что ошибки, не вскрытые до конца, неизбежно должны сказаться и в дальнейшей работе.

Так оно в действительности и случилось. Уже после выхода в свет гениального труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» появилось несколько работ в области археологии, содержащих марристские ошибки. Подобные ошибки имели место также и в выступлениях на научных конференциях и совещаниях. Не изгнанный из археологии марризм даёт о себе знать самым недвусмысленным образом.

Обратимся к некоторым примерам. Одним из последовательных марристов в археологии являлся проф. М. И. Артамонов. Ставя факты с ног на голову, он утверждал, что «теория Н. Я. Марра выводит археологию из тупика, в который она зашла в своих попытках исторического осмысления вещественных источников, и открывает перед ней в этом отношении такие возможности, которые позволяют питать надежды на превращение археологии в подлинно историческую науку»¹. М. И. Артамонов неустанно боролся со всеми отклонениями от «теорий» Н. Я. Марра. Он писал, что «марровское научное наследство трудно усвоить, но эта трудность не оправдывает невнимания к тому великому и вечному, что воздвигнуто его трудами и что за грудой мусора от снесенных Марром прежних построек и за неубранными еще лесами и штабелями заготовленного материала возвышается в виде остова здания с новыми и прекрасными архитектурными формами»².

После выхода в свет гениального труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», когда стало ясно, что в теоретическом отношении, кроме груды мусора, Н. Я. Марр ничего и не «воздвиг», проф. Артамонов не выступил в печати с критикой своих многочисленных работ. Но он опубликовал ряд статей, изобилующих всякого рода «реликтами» марризма.

В брошюре «Происхождение славян» М. И. Артамонов никак не может отделаться от марристских представлений, что предками славян были этнически различные племена. Вопреки фактам он пишет, что «культуры Поднепровья и Повисленья в первом тысячелетии до н. э. оказываются настолько различными, что говорить об этнической общности

¹ М. Артамонов. Археологические теории происхождения индо-европейцев в свете учения Н. Я. Марра. «Вестник Ленинградского университета» № 2 за 1947 г., стр. 106.

² Там же. стр. 101.

населения той и другой области в это время на основании археологических данных совершенно невозможно. В первом тысячелетии до н. э. западная и восточная части славянской прародины являются разнокультурными, иначе говоря, этнически неоднородными» (стр. 7). Признавая трипольские неолитические племена предками фракийцев, М. И. Артамонов в то же время приписывает им роль основных предков славян. В духе марровской стадильности он объясняет «процесс превращения трипольской культуры в новое культурное образование» (стр. 37—40). Отсутствие ясных теоретических позиций приводит автора к нагромождению ряда противоречий, которым он не даёт и даже не пытается дать объяснения.

В журнале «Вестник Ленинградского университета» (№ 1, 1951 г.) М. И. Артамонов напечатал статью «Венеды и лужицкая культура», в которой запутывает и осложняет вопрос, толкая читателя к решению проблемы с позиций марровской теории скрещений. В сборнике «Советская археология» (т. XV) М. И. Артамонов напечатал статью «Труды товарища Сталина по вопросам языкознания и советская археология», в которой содержится мысль о том, что в доклассовом обществе скрещивание языков происходило не в порядке борьбы и победы одного из языков, а по иным законам, отличным от законов последующих эпох, — мысль, близкая к «теории лингвистической непрерывности» С. П. Толстова, которая даёт лазейку для сохранения марристских позиций в вопросах этногенеза. В 1952 г. на VI конференции археологов Украины М. И. Артамонов выступил с докладом об этническом составе населения Скифии. Хотя докладчик и заявил о пересмотре им своих ошибочных взглядов на вопросы этногенеза скифов и славян, доклад его содержал грубые марристские ошибки. Самая методика исследования автора основана на пренебрежительном отношении к фактическому материалу и на лингвистических сопоставлениях в духе «элементного анализа» Марра. Доклад этот был справедливо подвергнут критике.

В печати уже подверглась суровой критике книга А. Н. Бернштама «Очерки по истории гуннов», опубликованная в 1951 г. издательством Ленинградского университета. Не касаясь здесь основного порока книги — «теории» прогрессивности гуннских завоеваний, — укажем, что другим её пороком является не изжитый автором марризм. В книге сохранились остатки марровской «теории стадильности». Хотя автор вместо термина «стадия» употребляет термин «период», но он вкладывает в этот термин старый, марристский смысл, доказательством чего служат сохранившиеся в книге марровские стадильные трансформации: «переоформление» тяншанских саков в тюрков, а припамирских саков — в иранцев (стр. 89—90). Влияние антинаучных теорий Н. Я. Марра сказалось в утверждении А. Н. Бернштама об автохтонном происхождении западных гуннов и аваров. Есть в работе А. Н. Бернштама и отголоски марровской «теории о классовом языке» (стр. 9, 148, 166—167). Антинаучные, марристские приёмы видны и в поисках им «скрещенных» этнических терминов. Нужно, наконец, отметить, что в книге А. Н. Бернштам ссылается на свои прежние многочисленные работы, написанные с марристских позиций, не подвергая их критике, не указывая на ошибочность выдвинутых в них положений.

Издательством Ленинградского государственного университета в 1951 г. была опубликована книга К. М. Колобовой «Из истории раннегреческого общества». Эта книга представляет собою докторскую диссертацию, защищённую в июне 1948 года, являясь, как и книга А. Н. Бернштама, исследованием историческим, в котором, однако, использован и археологический материал. Автор использовал «учение» Марра при обосновании сложных историко-культурных явлений, осмыслении древних

терминов, интерпретации мифов и т. д. В 1950 г., когда вышел в свет гениальный труд И. В. Сталина, разоблачивший ложные положения марризма, книга К. М. Колобовой находилась в производстве. Вместо того, чтобы приостановить печатание книги и коренным образом переработать её, автор ограничился тем, что удалил из текста прямые ссылки на работы Н. Я. Марра. В результате в свет вышла книга, содержащая грубые марристские ошибки.

Только поразительной близорукостью руководства исторического факультета и издательства Ленинградского государственного университета можно объяснить выход в свет идейно порочной книги А. Н. Бернштама и содержащей грубые ошибки книги К. М. Колобовой.

Характерно, что рецидивы марризма проявляются главным образом в работах тех учёных, которые пытаются замолчать или отрицать свои прежние ошибки. Вот как, например, определяет свои позиции в отношении «теорий» Н. Я. Марра проф. Б. А. Куфтин, в прошлом допустивший немало марристских ошибок. В предисловии ко II тому «Материалов к археологии Колхиды», подписанному в печать в сентябре 1950 г., Б. А. Куфтин замалчивает методологические ошибки, сделанные им в ряде работ, в том числе и ошибки, допущенные в I томе «Материалов к археологии Колхиды», хотя этот труд насквозь проникнут антимарксистскими установками «яфетической теории», содержит четырёхэлементный анализ, «стадиальную теорию» и т. п. и в целом не только следует марристской методологии, но и посвящён памяти Н. Я. Марра. Пытаясь ввести в заблуждение читателей, Б. А. Куфтин доказывает свою якобы исконную приверженность к «подлинному историзму»: «Явно обнаружившиеся после 1938 года противоречия между защищавшимися всюду автором историзмом в трактовке археологических фактов и отвлечённым социологизированием нового учения о языке заставили по возможности вообще в этом томе не привлекать положений, основанных на элементном анализе, оторвавшемся от породившей его реальной этнической почвы и лишившем в результате географической и исторической определённости тот яфетический, именно иберийско-кавказский этнический субстрат, внутри которого складывались породившие изучаемый здесь археологический материал конкретные — родовые, племенные, народные, наконец, в условиях ликвидации феодальной раздробленности и национальные общности с их языками». Если такова «формула отречения» от Марра, то можно представить, насколько проникнут марризмом весь текст исследования. Здесь есть и «языковые скрещения хозяйственно-общественных систем в допрометеидскую эпоху (т. е. предшествовавшую «индо-европейской трансформации»)» (стр. 181) и яфетическая семантика (стр. 202) и т. п. Для того, чтобы дать представление о марристском стиле II тома, достаточно привести следующую цитату: «...в древнем грузинском календаре... отложилась в календарно-астральной спецификации ритуально-мифологическая переработка первобытно-тотемического структурно-общественного дуамума с двумя выявляющимися на южном Кавказе основными тотемистическими филиациями, с одной стороны, быка — луны, дерева, растительной и производящей силы и, с другой — «гера» (дракона — волка), оленя — змея..., коня — солнца, в характерном их хтоническом аспекте и изобразительной символике» (стр. 213).

Нетрудно убедиться, что здесь не только мысли и терминология, но и сама «тарабарская» манера изложения взяты у акад. Н. Я. Марра.

Приведённые факты неопровержимо свидетельствуют о том, что марристские взгляды и традиции в области археологии, принесшие так много вреда этой отрасли исторической науки, оказались достаточно живучими. Ясно, что некоторые археологи перестраиваются с трудом, не могут пре-

одолеть пережитков привычных для них взглядов и представлений Н. Я. Марра. Отсутствие должной критики и самокритики в работе археологических учреждений, прежде всего Института истории материальной культуры Академии наук СССР, создаёт благоприятные условия для консервации, а иногда и возрождения этих вредных пережитков.

Наш долг — в ближайшее время до конца искоренить теоретическую неразбериху в области археологии, явившуюся следствием распространения антинаучных взглядов Н. Я. Марра. Для этого нужно критически рассмотреть научную продукцию прошлых лет, особенно труды последователей акад. Н. Я. Марра. И сделать это нужно не келейно, а так, чтобы работа археологов по ликвидации последствий марризма стала достоянием широкой общественности. Руководство Института истории материальной культуры — центрального археологического учреждения страны — должно понять, что его отношение к вопросу борьбы с марризмом приносит вред развитию науки. Как бы ни были велики успехи полевой работы археологов, они не принесут полноценных плодов, если в вопросах теории не будет наведён должный порядок. Необходимо уделять вопросам борьбы с «теориями» акад. Н. Я. Марра постоянное внимание на страницах журналов и других изданий. Журнал «Вопросы истории», который допустил в своей работе большую ошибку, уклонившись от критики марризма в археологии, обязан эту ошибку исправить. Подвергнув глубокой научной критике допущенные ошибки, необходимо в то же время, основываясь на положениях марксизма-ленинизма, смелее намечать новые пути исследования вопросов, запутанных археологами в период распространения марристских заблуждений. Необходимо реализовать принятые уже решения о совместной работе лингвистов, археологов, историков и этнографов, без чего невозможно разрешение проблем этногенеза (происхождения этнических групп).

Произведения И. В. Сталина, разоблачившие ошибки акад. Н. Я. Марра и его последователей, открыли широкие возможности для развития науки. Эти произведения содержат программу дальнейшей работы советских учёных в области всех общественных наук. Разрабатывая и реализуя эту программу, советские археологи, несомненно, добьются новых значительных успехов.

СТАТЬИ

ПАРТИЯ ЛЕНИНА — СТАЛИНА — ОРГАНИЗАТОР МАССОВОГО ДВИЖЕНИЯ ЗА КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЮ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СССР

(К 25-летию XV съезда партии)

Г. Н. Пуговкин

Крестьянский вопрос — вопрос об отношении пролетариата и его партии к крестьянству, о роли крестьянства на различных этапах революции, в период социалистического строительства и о путях социалистического преобразования мелкокрестьянского хозяйства в период диктатуры пролетариата — занимает видное место в теории марксизма-ленинизма, в революционной борьбе партии Ленина — Сталина за освобождение трудящихся от капиталистического рабства, в борьбе за построение социализма.

Товарищ Сталин учит, что главным в марксизме-ленинизме является вопрос о диктатуре пролетариата. Высшим принципом диктатуры пролетариата является революционный союз пролетариата с трудящимися массами крестьянства при руководящей роли пролетариата и его авангарда — коммунистической партии. Он является необходимым условием для победоносного завершения пролетарской революции, для ликвидации классов и построения социализма.

Коммунистическая партия под руководством В. И. Ленина и И. В. Сталина, готовя пролетариат и трудящееся крестьянство к революции, к свержению царя, к уничтожению господства помещиков и буржуазии, вела решительную борьбу за завоевание крестьянства на сторону пролетариата. Она указывала крестьянским массам правильный путь революционной борьбы за их освобождение: «...от гнета капитала мелкое крестьянство может избавиться, только примыкая к рабочему движению, помогая ему в его борьбе за социалистический строй»¹. В борьбе против врагов рабочего класса и трудящегося крестьянства В. И. Ленин и И. В. Сталин разгромили враждебные марксизму «теории», отстаивали чистоту марксистского учения по крестьянскому вопросу и гениально развили и обогатили это учение. Они создали законченную теорию социалистического преобразования мелкокрестьянского хозяйства при диктатуре пролетариата на основе кооперации, путём коллективизации. Указания В. И. Ленина и И. В. Сталина по крестьянскому вопросу обеспечили правильное отношение партии и рабочего класса к крестьянству, дали возможность партии разбить врагов марксизма-ленинизма и превратить трудящееся крестьянство в союзника пролетариата.

Эта всемирно-историческая победа партии Ленина — Сталина была бы невозможна без решительного и полного разгрома ревизионистов, меньшевиков, троцкистов, бухаринцев и других злейших врагов социализма, агентов иностранной буржуазии.

Все эти враги коммунистической партии и народа, стремясь не допустить объединения революционных сил пролетариата и крестьянства в борьбе против помещиков и буржуазии, утверждали, что крестьяне, как

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 4, стр. 396.

собственники, враждебны социалистическим идеям пролетариата и потому не могут быть его союзником в борьбе за социалистическую революцию и построение социализма.

Ревизионисты, троцкисты и другие враги народа умышленно замазывали дифференциацию крестьянства, отрицали концентрацию производства и капитала в земледелии, вытеснение мелкого крестьянского производства крупным, неизбежность при капитализме разорения и гибели мелкого крестьянского хозяйства. Обманывая трудящихся, они утверждали, что мелкокрестьянское хозяйство, основанное на личном труде крестьянина и его семьи, непосредственно заинтересованных в результатах своего труда, обладает якобы большими преимуществами, в частности, большей устойчивостью, чем крупное капиталистическое сельское хозяйство. «Социал-демократические теоретики типа Давида и Герца, проповедующие эту теорию, — указывал И. В. Сталин, — пытались при этом «опереться» на тот факт, что мелкий крестьянин вынослив, терпелив, готов принять на себя любые лишения, лишь бы отстоять свой клочок земли, что, ввиду этого, в борьбе с крупным хозяйством в земледелии мелкокрестьянское хозяйство проявляет устойчивость.

Нетрудно понять, что такая «устойчивость» хуже всякой неустойчивости. Нетрудно понять, что эта антимарксистская теория имеет своей целью лишь одно: восхваление и упрочение капиталистических порядков, разоряющих миллионные массы мелких крестьян»².

Развитие сельского хозяйства в капиталистических странах показывает несостоятельность «теории» апологетов капитализма о некапиталистической эволюции земледелия, об «устойчивости» мелкокрестьянского хозяйства в капиталистическом обществе. Так, например, в США невиданно быстрыми темпами идёт процесс капиталистической концентрации средств производства в земледелии, разоряющий сотни тысяч фермерских хозяйств, обрекающий миллионы сельского населения на нищету, голод и вымирание, превращающий так называемых «свободных» фермеров в рабов. За 25 лет (1920—1945) площадь земли мелких и средних ферм уменьшилась на 64 млн. акров. За тот же период численность самых крупных ферм с площадью земли от тысячи акров и выше увеличилась на 68%, а их земельная площадь — более чем на 100%³.

На долю крупных ферм от 175 акров земли и выше, составляющих, по переписи 1945 г., 21,4% всех ферм, приходится 74,4% всей обрабатываемой фермерской земли⁴. По данным всеобщей переписи 1950 г., разорение американской деревни всё усиливается. С 1935 по 1950 г. в США количество ферм уменьшилось на полтора миллиона⁵. Это значит, что только за 15 лет было полностью разорено и выброшено из своих хозяйств полтора миллиона фермеров.

Во Франции с 1892 по 1929 г. было ликвидировано два миллиона мелких крестьянских хозяйств с площадью земли в 10 га каждое. В настоящее время 2 160 тыс. земледельцев, то есть 54% всех сельских хозяев Франции, владеют лишь 10% всей обрабатываемой земли⁶. С 1929 по 1946 г. ликвидировано ещё 879 тыс. мелких крестьянских хозяйств. Более половины всех французских крестьян не имеет своей земли⁷.

² И. В. Сталин. Соч. Т. 12, стр. 150.

³ См. Н. Сегаль. О некоторых тенденциях в развитии сельского хозяйства в США и положении фермерства. «Известия» Академии наук СССР. Отделение экономики и права № 1 за 1949 г., стр. 44—45.

⁴ См. И. Лаптев. Трагедия американского фермерства. «Большевик» № 6 за 1949 г., стр. 55.

⁵ См. П. Гапючка. Ликвидация противоположности между городом и деревней в СССР. Журнал «Вопросы философии» № 4 за 1952 г., стр. 7.

⁶ См. Выступление Мориса Тореза на национальной конференции крестьян Франции. «Правда» от 29 января 1948 года.

⁷ См. М. Лавриченко. Борьба крестьянства капиталистических стран за землю и мир. «Большевик» № 5 за 1951 г., стр. 44.

Из 8 млн. крестьян Италии только четвертая часть (около 2 млн.) работает на своей земле, остальные 6 млн. вынуждены обрабатывать земли, принадлежащие помещикам и капиталистам⁸.

Ещё более бесчеловечной эксплуатации, угнетению, ограблению и разорению со стороны империалистов Америки, Англии и других капиталистических стран подвергается трудящееся крестьянство колониальных и зависимых стран.

Таким образом подтверждаются слова Ленина: «...мелкое производство в земледелии осуждено на гибель и невероятно подавленное, угнетенное положение при капитализме... Будучи зависимым от крупного капитала, будучи отсталым по сравнению с крупным производством в земледелии, мелкое производство держится только отчаянным понижением потребностей и каторжным, двужилым трудом. Распыление и расхищение труда человека, худшие виды зависимости производителя, истощение сил крестьянской семьи, крестьянского скота, крестьянской земли — вот, что несет капитализм везде и повсюду крестьянину»⁹.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции враги партии с ещё большим ожесточением выступали против ленинско-сталинской политики в крестьянском вопросе. Открытые идеологи кулачества Кондратьев, Чаянов, Макаров, предатели Бухарин, Рыков, Томский и другие правооппортунистические реставраторы капитализма ухватились за «теорию» так называемой «устойчивости» мелкокрестьянского хозяйства для того, чтобы спасти кулачество от неизбежной гибели и повернуть развитие сельского хозяйства нашей страны на путь капитализма. Разница между ними была только в том, что враги народа из кондратьевского лагеря открыто держали курс на насаждение и развитие кулацких хозяйств, на возврат к капитализму, а троцкистско-бухаринские предатели маскировались, модернизируя применительно к условиям диктатуры пролетариата избитые, пошлые «теории» ревизионистов типа Бернштейна, Давида, Герца, Фольмара и других. Пытаясь извратить марксизм-ленинизм и сбить партию с ленинско-сталинского пути, они проповедовали, что уничтожение классов в переходный от капитализма к социализму период должно идти не путём ожесточённой классовой борьбы, а путём мирного вращивания капиталистов в социализм.

Разоблачая эти контрреволюционные теории, И. В. Сталин говорил: «До сих пор мы, марксисты-ленинцы, думали, что между капиталистами города и деревни, с одной стороны, и рабочим классом, с другой стороны, существует непримиримая противоположность интересов. На этом именно и зиждется марксистская теория классовой борьбы. А теперь, согласно теории Бухарина о мирном вращивании капиталистов в социализм, всё это переворачивается вверх дном, непримиримая противоположность классовых интересов эксплуататоров и эксплуатируемых исчезает, эксплуататоры вращиваются в социализм».

«Можно ли провести в жизнь вытеснение капиталистов и уничтожение корней капитализма без ожесточённой классовой борьбы? Нет, нельзя.

Можно ли уничтожить классы при теории и практике вращивания капиталистов в социализм? Нет, нельзя. Такая теория и практика могут лишь культивировать и увековечить классы, ибо она, эта теория, противоречит марксистской теории классовой борьбы»¹⁰.

Отстояв в борьбе с врагами чистоту марксистско-ленинского учения по крестьянскому вопросу, руководствуясь марксистско-ленинской теорией классовой борьбы, коммунистическая партия привела рабочий класс

⁸ См. Т. Губарев. О стирании классовых граней между рабочим классом и крестьянством в СССР, стр. 12. Госполитиздат. 1951.

⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 250.

¹⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 12, стр. 29, 30, 32.

и трудящееся крестьянство к всемирно-исторической победе, к установлению советской власти и создала все необходимые условия для перехода трудящихся крестьян к социалистическим формам земледелия.

8 ноября (26 октября) 1917 г. II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов принял по предложению В. И. Ленина «Декрет о земле». Этим декретом была отменена помещичья собственность на землю без всякого выкупа¹¹. Вся земля стала общенародной, государственной собственностью, и тем самым, указывал В. И. Ленин, был «создан земельный строй, наиболее гибкий в смысле перехода к социализму»¹².

Ленинский план построения социализма в нашей стране прямо указывал на необходимость вовлечения широких масс трудящегося крестьянства в общую систему советского хозяйственного развития, в русло социалистического строительства, через кооперацию, путём массового кооперирования миллионов крестьянских хозяйств.

Обосновывая свой гениальный кооперативный план — план вовлечения трудящихся крестьян в социалистическое строительство, В. И. Ленин со всей силой подчеркнул особо важную роль кооперации в социалистическом преобразовании мелкого индивидуального крестьянского хозяйства.

Руководствуясь мудрыми указаниями В. И. Ленина и И. В. Сталина, партия и советская власть всячески поддерживали, развивали и укрепляли кооперативные организации. Благодаря правильной политике коммунистической партии в отношении крестьянства Советская страна смогла быстро восстановить своё хозяйство. Улучшилось положение рабочих и крестьян, возросла их политическая активность. К концу восстановительного периода перед партией со всей силой встал вопрос «о перспективах, о характере нашего развития, нашего строительства, вопрос о судьбах социализма в Советском Союзе»¹³.

С вопросом о победе социализма в СССР был тесно связан вопрос о взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства, о роли широких трудящихся масс крестьянства в социалистическом строительстве.

Разоблачая утверждения врагов социализма о том, что крестьянство будто бы неспособно встать на путь социализма и пойти за рабочим классом, В. И. Ленин писал: «Крестьянство не словами, а делами показало, что оно желает помочь и помогает пролетариату, завоевавшему власть, осуществить социализм»¹⁴. Рабочий класс и трудящиеся массы крестьянства своими делами показали, что они кровно заинтересованы в том, чтобы развитие деревни пошло не по капиталистическому, а по социалистическому пути.

«Путь капиталистический, — говорит И. В. Сталин, — означает развитие через обнищание большинства крестьянства во имя обогащения верхних слоёв городской и сельской буржуазии. Путь социалистический, наоборот, означает развитие через неуклонное поднятие благосостояния большинства крестьянства. Как пролетариат, так и, в особенности, крестьянство заинтересованы в том, чтобы развитие пошло по второму пути, по пути социалистическому. Ибо этот путь является единственным спасением крестьянства от обнищания и полуголодного существования... Вот почему говорит ленинизм, что мы можем и должны построить полное социалисти-

¹¹ См. сборник документов «Экономическая политика СССР». Т. I, стр. 7—8. Госполитиздат. 1947.

¹² В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 290.

¹³ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 259—260.

¹⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 114.

ческое общество вместе с крестьянством, на основе союза рабочих и крестьян»¹⁵.

Учение В. И. Ленина и И. В. Сталина о возможности победы социализма в СССР блестяще подтверждалось практикой социалистического строительства в нашей стране; оно подтверждалось ростом и укреплением социалистических элементов в народном хозяйстве СССР.

Троцкисты и бухаринцы выступали против ленинско-сталинского учения о построении социализма в нашей стране, они добивались того, чтобы восстановить в нашей стране капитализм и поставить её в экономическом отношении в полную зависимость от капиталистического мира.

XIV съезд ВКП(б) разоблачил подлые замыслы замаскированных врагов народа, отверг их предательский план империалистического закабаления СССР и утвердил сформулированный товарищем Сталиным курс партии на социалистическую индустриализацию страны.

Съезд поручил ЦК ВКП(б):

«а) во главу угла поставить задачу всемерного обеспечения победы социалистических хозяйственных форм над частным капиталом, укрепление монополии внешней торговли, рост социалистической госпромышленности и вовлечение под её руководством и при помощи кооперации все большей массы крестьянских хозяйств в русло социалистического строительства;

б) обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, оберегающую СССР от превращения его в придаток капиталистического мирового хозяйства, для чего держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства...

ж) поддерживать и толкать вперед развитие сельского хозяйства по линии повышения земледельческой культуры, развития технических культур, повышения техники земледелия (тракторизация), индустриализации сельского хозяйства, упорядочения дела землеустройства и всемерной поддержки разнообразных форм коллективизации сельского хозяйства»¹⁶.

XIV съезд поставил перед партией центральную задачу — превратить нашу страну в индустриальную державу, экономически независимую от капиталистических стран.

Развивать дальше социалистическое преобразование деревни, чтобы ликвидировать вековую отсталость сельского хозяйства нашей страны и избавить бедняцко-середняцкие массы крестьянства от кулацкой кабалы и эксплуатации.

В докладе на съезде И. В. Сталин подчеркнул, что важнейшей задачей партии является обеспечение прочного союза рабочего класса с середняком.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции наша страна под руководством коммунистической партии в невиданно короткий срок восстановила разрушенное народное хозяйство и, преодолевая огромные трудности, успешно строила социализм.

Успехи социалистического строительства, дальнейшее укрепление позиций социализма в развитии промышленности, сельского хозяйства и в торговле ярко показал И. В. Сталин в политическом отчёте Центрального Комитета XV съезду ВКП(б). К концу 1927 г. валовая продукция сельского хозяйства составила уже 108,3% к 1913 г., продукция промышленности — 100,9%.

Товарищ Сталин указал, что рост народного хозяйства шёл у нас «не вслепую, не в порядке простого количественного роста продукции, а в известном, строго определённом направлении. Решающими факторами в

¹⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 7, стр. 111—112.

¹⁶ «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. II, стр. 49—50. 6-е изд.

деле развития народного хозяйства за последние два года являются два основных обстоятельства.

Во-первых, развитие нашего народного хозяйства идёт под знаком индустриализации страны, под знаком растущей роли промышленности в отношении сельского хозяйства.

Во-вторых, развитие народного хозяйства, индустриализация страны протекает в направлении увеличения удельного веса и командующей роли социалистических форм хозяйства как в области производства, так и в области товарооборота, за счёт частнотоварного и капиталистического секторов»¹⁷.

Но, несмотря на все успехи в развитии социалистической индустриализации, сельское хозяйство, особенно зерновое, чрезмерно отставало от темпа роста социалистической промышленности, от потребностей и нужд бурно растущего народного хозяйства.

Прирост валовой продукции промышленности превышал прирост валовой продукции сельского хозяйства в 1925—1926 г. в 2,3 раза, а в 1926—1927 г. — почти в 4,5 раза. Резко сократилась по сравнению с 1913 г. и товарная продукция сельского хозяйства. В 1927 г. товарная продукция сельского хозяйства по сравнению с 1913 г. составляла всего лишь 37%.

Отставание сельского хозяйства объяснялось, во-первых, тем, что в стране было 24—25 млн. единоличных крестьянских хозяйств. «У нас, — говорил И. В. Сталин в 1933 г., — существовало несколько лет тому назад сильно раздроблённое мелкое и мельчайшее крестьянское хозяйство. В связи с ростом дробления земель крестьянские наделы до того измельчали, что некуда было выпустить курицу»¹⁸.

Вторая причина отставания сельского хозяйства заключалась в чрезвычайной слабости нашей сельскохозяйственной техники. Дедовским способом велось сельское хозяйство, преобладала самая примитивная техника и отсталая экстенсивная обработка почвы. Основными орудиями труда в крестьянском хозяйстве были: соха, косуля, деревянная борона, серп, коса и т. п. И, несмотря на то, что в таких районах, как Украина, Дон и Северный Кавказ, применялись и простейшие сельскохозяйственные машины: плуги, сеялки, жнейки и т. д., в целом картина отсталости раздробленного сельского хозяйства от этого не менялась и в этих районах страны¹⁹.

И, наконец, третьей причиной было то обстоятельство, что мелкокрестьянское хозяйство велось без плана и было подчинено стихии мелкотоварного производства.

Все эти обстоятельства лишили расплывлённое сельское хозяйство тех колоссальных преимуществ крупного, объединённого, планового производства, каким обладала наша социалистическая промышленность. Характеризуя разрыв между промышленностью и сельским хозяйством, созданный в нашей стране, И. В. Сталин говорил в речи на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 года: «Наше мелкокрестьянское хозяйство не только не осуществляет в своей массе ежегодно расширенного воспроизводства, но, наоборот, оно очень редко имеет возможность осуществлять даже простое воспроизводство»²⁰. Двигать дальше ускоренным темпом нашу социализированную индустрию, имея такую сельскохозяйственную базу, было нельзя, ибо «мелкое производство рождает капитализм и буржуазно постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и

¹⁷ И. В. Сталин. Соч. Т. 10, стр. 295.

¹⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 13, стр. 266.

¹⁹ В 1927 г. в единоличных крестьянских хозяйствах для обработки земли использовалось более 5 млн. сох. В Белоруссии, например, количество сох в 1927 г. относительно больше увеличилось, чем плугов. «XV съезд ВКП(б). Стенографический отчёт», стр. 1066. Госиздат. 1928.

²⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 12, стр. 145.

в массовом масштабе»²¹. Коммунистическая партия, товарищ Сталин помнили указание В. И. Ленина о том, что, «пока мы живем в мелко-крестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма»²².

Нельзя было базировать советскую власть и социалистическое строительство на двух разных основах — на основе самой крупной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства.

2 декабря 1927 г. открылся XV съезд партии. В отчётном докладе о работе Центрального Комитета ВКП(б) И. В. Сталин, отмечая успехи индустриализации, рост социалистической промышленности и указывая на значительное отставание сельского хозяйства, говорил:

«Где выход для сельского хозяйства? Может быть, в замедлении темпа развития нашей промышленности вообще, нашей национализированной промышленности в частности? Ни в коем случае! Это было бы реакционнейшей, антипролетарской утопией. Национализированная промышленность, — подчёркивал И. В. Сталин, — должна и будет развиваться ускоренным темпом. В этом гарантия нашего продвижения к социализму. В этом гарантия того, что будет, наконец, индустриализовано само сельское хозяйство.

Где же выход? Выход в переходе мелких и распылённых крестьянских хозяйств в крупные и объединённые хозяйства на основе общественной обработки земли, в переходе на коллективную обработку земли на базе новой, высшей техники.

Выход в том, чтобы мелкие и мельчайшие крестьянские хозяйства постепенно, но неуклонно, не в порядке нажима, а в порядке показа и убеждения, объединять в крупные хозяйства на основе общественной, товарищеской, коллективной обработки земли, с применением сельскохозяйственных машин и тракторов, с применением научных приёмов интенсификации земледелия.

Других выходов нет»²³.

План разрешения этой исторической задачи социалистического преобразования сельского хозяйства путём коллективизации гениально разработал, обосновал и отстаивал товарищ Сталин.

Доклад товарища Сталина на XV съезде стал программой борьбы партии за преобразование сельского хозяйства.

XV съезд ВКП(б) вынес решение — всемерно развернуть коллективизацию сельского хозяйства, «наметил план расширения и укрепления сети колхозов и совхозов и дал четкие указания о способах борьбы за коллективизацию сельского хозяйства»²⁴. Съезд выдвинул в качестве первоочередной задачи социалистического строительства задачу постепенного перевода мелких крестьянских хозяйств на рельсы крупного социалистического производства. Таким образом, XV съезд ВКП(б) открыл новый этап в истории борьбы партии большевиков за перевод широких трудящихся масс крестьянства на путь социализма — борьбы за подготовку и развитие массового колхозного движения.

Коммунистическая партия и её вождь И. В. Сталин уделяли огромное внимание вопросам колхозного строительства. Вопросы коллективизации неоднократно обсуждались на пленумах ЦК ВКП(б), происходивших в период 1928—1929 годов.

Большое значение для развития и укрепления колхозного строительства, преодоления трудностей и исправления недостатков в работе местных партийных организаций по колхозному строительству сыграло письмо

²¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 7—8.

²² Там же. стр. 483.

²³ И. В. Сталин. Соч. Т. 10, стр. 305—306.

²⁴ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 275.

ЦК ВКП(б) от 15 мая 1928 г., подписанное В. М. Молотовым²⁵. В этом письме обобщался опыт коллективизации, указывалось на обострение классовой борьбы в деревне и на практические задачи партийных организаций по социалистическому преобразованию сельского хозяйства.

Мероприятия партии и советского правительства по укреплению колхозного движения вызвали широкий отклик в массах деревенской бедноты и середняков. Опираясь на инициативу бедняцко-середняцких масс крестьянства, руководствуясь решениями XV съезда, ЦК ВКП(б) потребовал от местных партийных, советских и кооперативных организаций усиления руководства колхозным движением. «Кооперативные организации,— указывается в письме ЦК ВКП(б),— при всемерной и непосредственной поддержке партии и Советов должны неустанно работать над превращением коллективного движения в действительно массовое движение бедняцко-середняцкого крестьянства, над тем, чтобы не только отдельные передовые элементы крестьянства переходили к коллективным формам ведения хозяйства, но чтобы такой переход захватил глубокие пласты крестьянских масс до организованного перехода целых крестьянских селений на совместную обработку земли»²⁶.

В целях улучшения оперативного руководства и оказания практической помощи со стороны кооперативных центров колхозам, которые в тот период уже занимали в сельскохозяйственной кооперации значительное место, в системе сельскохозяйственной кооперации были созданы специализированные производственные центры: Льноцентр, Хлебоцентр, Маслоцентр, Хлопкоцентр и т. д.

ЦК ВКП(б) одобрил практику образования специальных видов сельскохозяйственной кооперации и признал необходимым дальнейшее их развитие, «как вернейшего средства постепенного перехода от кооперирования сбыта и снабжения к обобществлению производства индивидуальных крестьянских хозяйств»²⁷.

Успехи социалистического строительства вызвали злобную реакцию врагов. Стремясь сорвать развитие производственной кооперации и строительство колхозов, троцкисты, бухаринцы и их сподручные проникали в кооперативы, извращали директивы партии, нарушали законы советской власти и стремились использовать кооперативный аппарат для осуществления своей контрреволюционной, вредительской работы.

ЦК ВКП(б) в своих директивах местным партийным организациям во-время разоблачил эту подрывную работу и предложил провести проверку, чтобы очистить кооперативный аппарат от чуждых, разложившихся элементов, от троцкистско-бухаринских предателей и вредителей, укрепить кооперативный аппарат проверенными кадрами.

Проведение этих мероприятий укрепило сельскохозяйственную потребительскую кооперацию, расширило её деятельность по производственному кооперированию крестьянства, повернуло сельскохозяйственную кооперацию лицом к колхозному строительству, к укреплению и развитию колхозов. В развитии и укреплении сельскохозяйственной кооперации и колхозного строительства большую роль сыграла контрактация. «Метод контрактации,— указывал И. В. Сталин,— метод заключения договоров с целыми деревнями и сёлами на предмет снабжения их семенами и т. д. при обязательном условии получения от них соответствующего количества хлебных продуктов,— этот метод является лучшим способом поднятия урожайности крестьянских хозяйств и вовлечения крестьян в кооперацию»²⁸. Контрактация способствовала подъёму бедняцко-середняцких хозяйств, их кооперированию и коллективизации.

²⁵ Письмо ЦК ВКП(б) от 15 мая 1928 г. «Об основных задачах отделов по работе в деревне». «Известия» ЦК ВКП(б) № 16—17 за 1928 г., стр. 8.

²⁶ Там же.

²⁷ «XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет», стр. 1314.

²⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 11, стр. 92.

В постановлении от 26 августа 1929 г. «Об основных итогах и очередных задачах в области контрактации» ЦК ВКП(б) отметил, что в результате работы партийных организаций и государственных органов контрактация приняла значительные размеры и охватила почти все сельскохозяйственные культуры²⁹.

К концу 1929 г. было законтрактовано почти 45% всей посевной площади зерновых культур и 65—90% площади технических культур³⁰.

В связи с проведением контрактации, по неполным данным, только по РСФСР было организовано: в 1928 г. 3 987 колхозов, 4 955 зерновых и 1 385 машинных товариществ; в 1929 г. 11 783 зерновых товарищества³¹.

«Несмотря на ряд существенных недостатков в практике проведения контрактации зерновых посевов, — говорится в указанном постановлении, — опыт яровой и озимой кампаний 1928 года и яровой кампании 1929 года вполне выявил положительную роль контрактации зерновых посевов в деле обеспечения планового поступления крестьянской зерновой продукции в распоряжение государства, массового внедрения в крестьянские хозяйства агротехнических улучшений, подъёма урожайности и товарности мелкокрестьянского хозяйства, его производственного кооперирования и коллективизации»³². Контрактация включала миллионы крестьянских хозяйств в систему единого государственного плана, вела к устранению рыночной стихии.

«Эта система хороша в том отношении, — указывал товарищ Сталин, — что она даёт выгоды обеим сторонам и смыкает крестьянское хозяйство с индустрией непосредственно, без посредников. Эта система есть вернейший путь к коллективизации крестьянского хозяйства»³³.

Кулачество и его агентура — правые канитулянты и предатели во главе с Бухариным — оказывали ожесточённое сопротивление развитию контрактации. Защищая интересы кулаков и спекулянтов, они отстаивали форму мелкой торговли вместо новых производственных форм смычки социалистической промышленности с бедняцко-средняцкими массами крестьянства. Они клеветали на партию, будто она, проводя контрактацию, отменяет нэп, возвращается к военному коммунизму.

Товарищ Сталин, разоблачая бухаринских предателей, говорил в речи на апрельском 1929 г. пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б): «Разве трудно понять, что эти новые массовые формы товарооборота по методу контрактации между городом и деревней возникли именно на основе нэпа, что они являются крупнейшим шагом вперёд со стороны наших организаций в смысле усиления планового, социалистического руководства народным хозяйством?»³⁴.

Вопреки воплям и сопротивлению троцкистов, бухаринцев и прочих врагов партии и народа ЦК ВКП(б) предложил всем партийным организациям развивать и использовать контрактацию как могучий рычаг подъёма и социалистической реконструкции крестьянского хозяйства³⁵.

В деле социалистического преобразования мелкокрестьянского хозяйства важную роль сыграли совхозы. Программа совхозного строительства была разработана по инициативе товарища Сталина в апреле 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) и утверждена пленумом ЦК в июле того же года.

²⁹ См. постановление ЦК ВКП(б) от 26 августа 1929 г. «Об основных итогах и очередных задачах в области контрактации зерновых посевов». «Известия» ЦК ВКП(б) № 26—27 за 1929 г., стр. 27.

³⁰ См. «От капитализма к социализму». Передовая статья. «Большевик» № 21 за 1929 год.

³¹ Доклад сельхозсекции НК РКИ в ЦКК «Об итогах контрактации 1927—1929 гг.». ЦГАОР, ф. 374, оп. 367, д. 10, лл. 13—14.

³² Постановление ЦК ВКП(б) от 26 августа 1929 г. «Известия» ЦК ВКП(б) № 26—27 за 1929 г., стр. 27.

³³ И. В. Сталин. Соч. Т. 10, стр. 225.

³⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 12, стр. 48—49.

³⁵ Постановление ЦК ВКП(б) от 26 августа 1929 г. «Известия» ЦК ВКП(б) № 26—27 за 1929 г., стр. 28.

Говоря о задачах совхозов, ЦК ВКП(б) указывал в своём постановлении от 18 июля 1929 года: «При развёртывании совхозного строительства... необходимо исходить из задачи роста совхозов, роста их удельного веса в сельском хозяйстве и качественного их улучшения, но и из задачи превращения совхозов в действительный центр воздействия на окружающие крестьянские хозяйства»³⁶.

Троцкистско-бухаринские предатели выступили против партийных решений об организации совхозов. Этих врагов народа поддерживали «учёные»-контрреволюционеры типа Кондратьева, Чаянова, Макарова. Извращая факты, науку, они «доказывали» прогрессивность единоличного кулацкого хозяйства и нерентабельность крупного социалистического производства колхозов и совхозов.

Коммунистическая партия под руководством товарища Сталина разгромила всех врагов совхозного строительства и успешно разрешила вопрос о создании крупных советских социалистических хозяйств в земледелии. Совхозы оказывали значительную производственную помощь колхозам и бедняцко-середняцким хозяйствам и помогали беднякам и середнякам организовываться в колхозы.

«Совхозы, — указывал И. В. Сталин, — с их новой техникой, с их помощью окружающим крестьянам, с их невиданным хозяйственным размахом явились той ведущей силой, которая облегчила поворот крестьянских масс и двинула их на путь коллективизации»³⁷.

В результате огромной работы, проведённой Центральным Комитетом и местными партийными, советскими и кооперативными организациями, к концу 1928 г. число колхозов по всему Советскому Союзу возросло более чем в два раза — на 224% (в 1927 г. было 14 832 колхоза, а в 1928 г. — 33 258 колхозов)³⁸.

Количество крестьянских хозяйств, вступивших в колхозы за этот период, увеличилось более чем в два раза (в 1927 г. крестьянских хозяйств было коллективизировано 0,8%, в 1928 г. — 1,7%)³⁹.

Успешное развитие колхозного движения возможно было лишь при условии подведения новой мощной технической базы под сельское хозяйство. «Теперь само сельское хозяйство не может двигаться вперёд, — говорил товарищ Сталин, — ежели во-время не подашь сельскохозяйственных машин, тракторов, изделий промышленности и т. д.»⁴⁰.

Выполняя решения XV съезда ВКП(б) о проведении сталинской политики индустриализации, советское правительство приступило к строительству заводов по производству новых сложных сельскохозяйственных машин, тракторов, комбайнов и т. п.

Первый в Советском Союзе тракторный завод был заложен на берегах великой русской реки Волги, в Сталинграде — городе, носящем имя любимого учителя и вождя советского народа И. В. Сталина.

ЦК ВКП(б) и лично товарищ Сталин оказывали непосредственную помощь коллективу завода и в трудные моменты строительства завода и освоения производства посылали на завод выдающихся деятелей партии и Советского государства — М. И. Калинина, Г. К. Орджоникидзе, К. Е. Ворошилова.

В связи с бурным ростом колхозов ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) 1928 г. при утверждении контрольных цифр народного хозяйства СССР указал на необходимость «в ускоренном порядке достраивать Сталинград-

³⁶ «Известия» ЦК ВКП(б) № 22 за 1929 г., стр. 23.

³⁷ И. В. Сталин. Соч. Т. 12, стр. 281.

³⁸ Статистический сборник «Колхозы во второй сталинской пятилетке», стр. 1. Госполитиздат. 1939.

³⁹ См. «Народное хозяйство СССР в цифрах», стр. 87. М. 1940.

⁴⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 8, стр. 119.

ский тракторный завод, Ростовский завод сельскохозяйственного машиностроения и т. д.»⁴¹.

Рабочие и инженерно-технические работники, вдохновлённые повседневным вниманием советского правительства и Центрального Комитета, развернули массовое социалистическое соревнование и, несмотря на увеличение объёма работ, в рекордно короткий срок (за 11 месяцев), на полтора года раньше намеченного срока, закончили строительство. За несколько дней до открытия XVI съезда ВКП(б) (17 июня 1930 г.) с конвейера завода-гиганта сошёл первый колёсный трактор марки «СТЗ».

Эти успехи коллектива рабочих Сталинградского тракторного завода были отмечены Центральным Комитетом в постановлении от 26 сентября 1930 года. «Парторганизация и руководство строительства, — указывается в этом постановлении, — опираясь на активнейшее участие широких рабочих масс и основных кадров инженерно-технических работников, успешно, ранее установленного срока, закончили постройку первого в СССР тракторного гиганта»⁴².

В ответ на рапорт об окончании строительства завода товарищ Сталин писал:

«Привет и поздравления с победой рабочим и руководящему составу первого в СССР Краснознамённого тракторного гиганта. 50 тысяч тракторов, которые вы должны давать стране ежегодно, есть 50 тысяч снарядов, взрывающих старый буржуазный мир и прокладывающих дорогу новому, социалистическому укладу в деревне.

Желаю вам успеха в деле выполнения вашей программы.

17 июня 1930 г.

И. Сталин»⁴³.

Воодушевлённый призывом любимого вождя партии и советского народа, молодой коллектив рабочих и инженерно-технических работников завода-гиганта развернул настойчивую, упорную борьбу за освоение новой техники и овладение сложным процессом тракторостроения. Несмотря на огромные трудности, рабочие быстро освоили первоклассную технику. В апреле 1932 г. завод стал ежедневно выпускать по 150 тракторов вместо 144 по плану.

В 1927 г. по плану индустриализации в одном из важнейших сельскохозяйственных районов, на Северном Кавказе, в Ростове-на-Дону, началось строительство второго гиганта сложного сельскохозяйственного машиностроения — завода «Россельмашстрой».

«Россельмашстрой» имел огромное значение в создании мощной технической базы, для реконструкции сельского хозяйства Северного Кавказа и других областей. Строительство этого гигантского предприятия было почти полностью закончено к XVI съезду партии.

В письме коллективу работников «Россельмашстроя» товарищ Сталин писал:

«Поздравляю с победой рабочих, технический персонал и весь состав руководящего ядра Сельмаша. Победа ваша велика, хотя бы потому, что один лишь Сельмаш по развёрнутой программе должен производить сельхозмашин на 115 миллионов рублей ежегодно, тогда как все имевшиеся в довоенное время 900 заводов по сельхозмашиностроению производили сельхозмашин ежегодно всего лишь на 70 миллионов рублей.

Желаю вам успеха в деле выполнения этой программы.

16 июня 1930 г.

Сталин»⁴⁴.

⁴¹ «ВКП(б) в резолюциях и решениях...». Ч. II, стр. 292.

⁴² Постановление ЦК ВКП(б) от 26 сентября 1930 г. «О состоянии партийно-массовой работы на Сталинградском тракторном заводе». «Партийное строительство» № 18 за 1930 г., стр. 67.

⁴³ И. В. Сталин. Соч. Т. 12, стр. 234.

⁴⁴ Там же, стр. 233.

В 1929 г. в связи с развитием массового колхозного движения Политбюро ЦК ВКП(б) по инициативе товарища Сталина пересмотрело пятилетний план строительства заводов сельскохозяйственного машиностроения, в частности тракторных и комбайновых заводов, и приняло решение расширить план тракторостроения и машиностроения и немедленно приступить к постройке двух новых тракторных заводов производительностью в 50 тыс. гусеничных тракторов в год каждый. Решение предусматривало также постройку двух комбайновых заводов, расширение заводов сложных сельскохозяйственных машин, увеличение производства минеральных удобрений, развёртывание строительства электростанций и электромашин для сельского хозяйства и для переработки сельскохозяйственных продуктов.

Решение Политбюро было утверждено ноябрьским пленумом ЦК ВКП(б) 1929 г. и стало практической программой по сельскохозяйственному машиностроению на период первой пятилетки ⁴⁵.

Решением ЦК партии был определён такой темп развития сельскохозяйственного машиностроения, который обеспечивал к концу первой пятилетки выпуск продукции сельскохозяйственного машиностроения на сумму 1 100 млн. рублей в год. Таким образом, производство машин для сельского хозяйства увеличилось по сравнению с 1927—1928 г. в 7,4 раза, а по сравнению с 1913 г. — более чем в 15 раз.

К началу 1929 г. в сельском хозяйстве нашей страны было уже не менее 36 тыс. тракторов ⁴⁶.

Товарищ Сталин ещё в 1927 г. указал, что обработка крестьянских полей тракторами не только укрепляет производственную форму смычки рабочего класса с крестьянством, но и неизбежно преобразует производственный процесс мелких крестьянских хозяйств на принципах социализма.

Учитывая положительный опыт работы кооперативных тракторных колонн и МТС, их исключительную роль в социалистическом преобразовании сельского хозяйства, партия и советское правительство приступили к организации государственных машинно-тракторных станций, которые товарищ Сталин назвал опорными пунктами коллективизации мелкокрестьянского хозяйства. К весне 1930 г. было организовано 158 государственных МТС ⁴⁷.

Партия и советское правительство успешно и в короткий срок организовали внутри страны массовое производство тракторов, новых, сложных, усовершенствованных сельскохозяйственных машин и инвентаря и снабдили ими сельское хозяйство нашей страны.

Враги партии и народа всячески пытались сорвать строительство тракторных заводов и заводов сельскохозяйственных машин. Партии пришлось преодолеть огромные трудности, сопротивление оппортунистов, вредителей и предателей.

Во время строительства и пуска Сталинградского тракторного завода капиталистическая печать предсказывала неминуемый провал «фантастических» планов большевиков. На разные голоса империалистические кликуши вопили, что Советы не сумеют построить завод, наладить на нём производство тракторов и будут вынуждены снова закупать тракторы за границей.

Советский народ под руководством партии Ленина — Сталина развернул ускоренными темпами производство тракторов на Путиловском, Сталинградском и Харьковском тракторных заводах, сорвал подлые, коварные планы врагов социализма, обеспечил страну тракторами за счёт

⁴⁵ «ВКП(б) в резолюциях и решениях...». Ч. II, стр. 376.

⁴⁶ Там же, стр. 329.

⁴⁷ См. «Народное хозяйство СССР в цифрах», стр. 97.

отечественного производства и в последний год первой сталинской пятилетки полностью прекратил импорт тракторов.

Создав МТС, Советское государство сосредоточило в своих руках собственность не только на землю, но и на основные орудия производства, на новую сельскохозяйственную технику — сложные машины, тракторы и т. д., то есть на основные средства производства в земледелии. МТС стали могучей силой в руках государства, направляющей развитие колхозного производства, организованного на принципах социализма, в интересах всего общества.

Товарищ Сталин в своём новом гениальном труде «Экономические проблемы социализма в СССР» указывает: «Дальнейший рост колхозного движения и развитие колхозного строительства окончательно убедили как колхозников, так и руководящих работников, что сосредоточение основных орудий сельскохозяйственного производства в руках государства, в руках машинно-тракторных станций, является единственным средством обеспечения высоких темпов роста колхозного производства»⁴⁸.

Все мероприятия советской власти по социалистическому преобразованию деревни встречали ожесточённое сопротивление со стороны кулачества, которое активно поддерживалось троцкистами и бухаринцами, пытавшимися любыми средствами дискредитировать в глазах трудящегося крестьянства идею коллективизации и политику партии и сорвать колхозное строительство.

В своей злобной борьбе против коллективизации кулачество совершало террористические акты против партийных, советских работников и крестьянского актива, занималось вредительством внутри колхозов, пытаясь подорвать их экономическую базу и развалить их. «Партия понимала, что пока не будет сломлено сопротивление кулачества, пока не будет разбито кулачество в открытом бою на глазах у крестьянства, рабочий класс и Красная армия будут страдать от недостатка хлеба, а колхозное движение крестьян не может принять массового характера»⁴⁹.

Выполняя решения XV съезда, партия перешла в решительное наступление на кулачество. ЦК ВКП(б) потребовал от партийных организаций проведения в жизнь «всех мероприятий, направленных на ограничение роста капиталистических элементов в деревне, подавление эксплуататорских стремлений кулачества и оказание помощи бедноте. Надо кулачество полностью и на деле подчинить революционной законности... со всей решительностью добиваться полной изоляции кулачества, пытающегося срывать развёртывающееся социалистическое строительство в деревне и усиливающееся наступление пролетарского государства на капиталистические элементы»⁵⁰. Требовалось, опираясь на бедняцко-средняцкие массы крестьянства, развивать дальше наступление на кулачество и принять ряд новых мер, ограничивающих развитие капитализма в деревне и ведущих крестьянское хозяйство по направлению к социализму⁵¹.

В целях ограничения эксплуататорских тенденций кулачества партия провела через советские органы законы, устанавливавшие для кулацких хозяйств сокращение срока аренды и размера арендуемой земли, ограничение найма рабочей силы, увеличение прогрессивно-подоходного налога и ряд других мер.

⁴⁸ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 90. Госполитиздат. 1952.

⁴⁹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 278—279.

⁵⁰ Письмо ЦК ВКП(б) от 15 мая 1928 г. «Об основных задачах отделов по работе в деревне». «Известия» ЦК ВКП(б) № 16—17 за 1928 г., стр. 8.

⁵¹ См. «ВКП(б) в резолюциях и решениях...». Ч. II, стр. 255.

Пытаясь скрыть эксплуататорский характер своих хозяйств, кулаки стали в широком масштабе организовывать лжеколхозы и всякие другие лжекооперативные организации, используя их в своих интересах.

Руководствуясь указанием XV съезда о решительной борьбе «против лжетовариществ (и лжекооперативов вообще), обыкновенно служащих прикрытием кулацких элементов в деле получения незаконным путем всякого рода льгот по кредиту, снабжению и пр.»⁵², партия и советское правительство приняли необходимые меры к разоблачению антиколхозных, антикооперативных действий кулачества. С этой целью в 1928 г. ЦКК РКП была проведена проверка колхозов и других кооперативных организаций. В связи с проверкой было издано постановление СНК СССР, устанавливавшее уголовную ответственность за организацию лжеколхозов и других лжекооперативов⁵³.

Кулаки были лишены права голоса во всех видах кооперации. «Исходя из задач дальнейшего наступления на кулачество, — говорится в постановлении ЦК ВКП(б), — и принимая во внимание лишение кулачества права голоса в земельных обществах, считать необходимым лишение права голоса во всех видах кооперации кулаков и нетрудовых элементов, лишённых избирательных прав в Советы»⁵⁴.

Стремясь сорвать мероприятия партии и советского правительства по социалистическому преобразованию деревни, кулачество, опираясь на поддержку троцкистско-бухаринских предателей, во время хлебозаготовок 1927—1928 г. отказалось сдавать государству товарные излишки хлеба по твёрдым ценам.

ЦК ВКП(б) потребовал от местных партийных органов активного вмешательства в ход хлебозаготовок, конкретного руководства ими, ликвидации допущенных ошибок и извращений в работе как партийных, так и советских, кооперативных организаций.

Товарищ Сталин указывал, что невыполнение плана хлебозаготовок, отсутствие борьбы с кулацкими саботажниками привели к тому, что в хлебном балансе нашей страны образовался дефицит более чем в 100 млн. пудов зерна. На преодоление трудностей в хлебозаготовках ЦК ВКП(б) мобилизовал всю партию и командировал в республики, края, губернии, округа и районы партийный актив Москвы, Ленинграда и других городов.

И. В. Сталин был командирован в Сибирь для оказания помощи в выполнении хлебозаготовок. В одном из своих выступлений товарищ Сталин говорил, что, если дефицит хлеба не будет ликвидирован, «наши города и промышленные центры, а также наша Красная Армия будут поставлены в тяжёлое положение, они будут плохо снабжаться, им будет угрожать голод. Понятно, что мы не можем допустить этого»⁵⁵.

Чтобы сломить кулацкий саботаж и ликвидировать прорыв в хлебозаготовках, Политбюро ЦК ВКП(б) в январе 1928 г. по инициативе товарища Сталина приняло решение применить чрезвычайные меры против кулачества, создать чрезвычайные хлебные тройки при партийных комитетах, проверить и очистить советский, партийный и кооперативный аппарат в хлебозаготовительных районах от классово чуждых, разложившихся элементов.

«Чрезвычайные меры возымели своё действие: беднота и середняки включились в решительную борьбу против кулачества, кулачество было изолировано, сопротивление кулачества и спекулянтов было сломлено.

⁵² Там же, стр. 257.

⁵³ См. постановление СНК СССР от 27 декабря 1928 г. «О мерах борьбы с лжекооперативами». «Собрание законов СССР» № 3 за 1929 г., ст. 28.

⁵⁴ Постановление ЦК ВКП(б) от 19 апреля 1929 г. «Об организационном построении сельскохозяйственной кооперации». «Известия» ЦК ВКП(б) № 23—24 за 1929 г., стр. 20.

⁵⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 11, стр. 1.

К концу 1928 г. советское государство имело уже в своем распоряжении достаточные резервы хлеба, а колхозное движение пошло вперед более уверенным шагом»⁵⁶.

Борьба с кулачеством во время хлебозаготовок помогла вскрыть правооппортунистическую практику в работе некоторых партийных, советских, кооперативных организаций и разоблачить правых капитулянтов как ярых защитников кулачества.

Замаскированные враги народа — Бухарин, Рыков, Томский, — защищавшие кулачество, повели атаку против генеральной линии партии. Они потребовали отказа от выполнения решения XV съезда ВКП(б) о развёртывании колхозного строительства и наступления на кулачество, настаивали на свёртывании темпа индустриализации страны, равнении на «узкие места». Предатели народа умышленно искажали причины трудностей Советского государства в осуществлении социалистического строительства, утверждали о наличии якобы деградации сельского хозяйства, клеветали на партию и её политику.

Коммунистическая партия во главе с товарищем Сталиным своевременно вскрыла опасность враждебной борьбы замаскированных врагов народа: Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова и других, объединившихся с троцкистами в контрреволюционную банду шпионов и убийц. И. В. Сталин разоблачил контрреволюционные цели борьбы врагов и показал, что победа их «теорий» неизбежно развязала бы силы капитализма в нашей стране, подорвала бы позиции рабочего класса и трудящегося крестьянства на фронте социалистического строительства, облегчила бы интервенцию империалистов и привела бы советскую власть к гибели.

В речи на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г. «Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б)» товарищ Сталин показал, к чему могла бы привести мелкобуржуазная политика правых уклонистов. Победа правого уклона, указывал И. В. Сталин, означала бы «идейный разгром нашей партии, развязывание капиталистических элементов, нарастание шансов на реставрацию капитализма или, как говорил Ленин, на «возврат к капитализму»⁵⁷.

Разоблачив антипартийные, контрреволюционные попытки врагов народа столкнуть партию с ленинского пути, сорвать социалистическое строительство, товарищ Сталин мобилизовал коммунистов на дальнейшую борьбу за полную победу социализма в нашей стране.

Трудящиеся массы крестьянства под руководством партии Ленина — Сталина дали отпор всем проискам кулаков, сломили их бешеное сопротивление и успешно завершили хлебозаготовки 1928—1929 года. В октябре 1928 г. государство получило хлеба на 730 тыс. тонн больше, чем в октябре 1927 года.

Бедняцко-середняцкие массы крестьянства на опыте борьбы с кулачеством во время хлебозаготовок 1928—1929 г. ещё глубже поняли контрреволюционные цели борьбы кулачества против социалистического государства и трудящегося крестьянства. Они на примерах работы колхозов и совхозов наглядно убеждались в преимуществах крупного коллективного хозяйства и всё больше проникались сознанием необходимости перехода к общественной обработке земли, к артельному хозяйству как к единственному пути избавления их от кулацкой кабалы и эксплуатации.

После разгрома кулацкого сопротивления во время хлебозаготовок партия Ленина — Сталина приняла меры к дальнейшему улучшению работы партийных, советских и кооперативных организаций, к устранению недостатков, мешавших колхозному движению и укреплению колхозов.

⁵⁶ «История ВКП(б) Краткий курс», стр. 279.

⁵⁷ И. В. Сталин. Соч. Т. 11, стр. 270.

Партия широко развернула шефство рабочих организаций над деревней, направила на временную и постоянную работу в деревню в период между XV и XVI партийными съездами более 250 тыс. партийных и непартийных большевиков⁵⁸.

Широкая пропаганда коллективизации, успехов колхозного движения и колхозного строительства проводилась через печать. «Крестьянская газета» в период развёртывания массовой коллективизации печаталась в 20 пунктах СССР, имела разовый тираж в 3 млн. экземпляров. Ни одна газета в мире в то время не имела такого тиража⁵⁹. Все эти мероприятия подняли политическую активность середнячко-бедняцких масс деревни.

В перевыборах Советов в деревне в 1929 г. участвовало на 13% больше избирателей, чем в 1927 году⁶⁰. Результаты перевыборов сельских Советов показали, что проводимая партией Ленина — Сталина экономическая и политическая линия целиком и полностью поддерживается широкими слоями трудящихся масс крестьянства.

И, наконец, чтобы подготовить партию и рабочий класс к решительному наступлению на кулачество и к руководству развёрнутым социалистическим наступлением по всему фронту, партия приняла решительные меры к укреплению своих рядов, к повышению организованности, сплочённости и боеспособности партии. С этой целью была проведена проверка деревенских партийных организаций, а затем и чистка всей партии. Эти меры укрепили партийный, советский, кооперативный аппарат и особенно низовые звенья этих организаций на селе. Они дали возможность партии очиститься от двурушников, перерожденцев и других враждебных элементов.

Партия воспитывала своих членов в непримиримой борьбе с врагами народа, с троцкистско-зиновьевско-бухаринскими бандитами, в борьбе со всеми отклонениями от генеральной линии партии как в области теории, так и в практике, в борьбе за выполнение ленинско-сталинского плана построения социализма в СССР.

Партийные организации в деревне за период между XV и XVI съездами партии выросли на 78 145 человек⁶¹. Рабочее ядро деревенских ячеек за тот же период увеличилось более чем в три раза⁶², сеть партийных ячеек на селе увеличилась на 18,2%, а количество производственных партийных ячеек (в колхозах, совхозах и МТС) увеличилось с 1 234 до 8 976, то есть более чем в семь раз⁶³. К XVI партийному съезду в деревне было около 30 тысяч партийных ячеек; в них состояло более 400 тысяч коммунистов⁶⁴.

Партия перестроила свои ряды, приспособила организационную форму парторганизаций на селе к новым задачам, решительно повернула их лицом к коллективизации.

Постановлением ЦК ВКП(б) «О сельских партийных районных организациях»⁶⁵ были значительно расширены права и обязанности районных партийных комитетов и организаций. Местные сельские партийные организации превращались в узловые пункты практического осуществления

⁵⁸ См. «XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет», стр. 67. Огиз. «Московский рабочий». 1931.

⁵⁹ См. А. Белков. Большевицкая печать в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства. Стенограмма лекции, прочитанной в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), стр. 7. Изд. Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). 1950.

⁶⁰ См. «Об укреплении классовых позиций пролетариата в деревне». Передовая статья «Известия» ЦК ВКП(б) № 14—15 за 1930 г., стр. 1.

⁶¹ См. «Укрепление рядов партии». «Партстроительство» № 11—12 за 1930 г., стр. 20.

⁶² Там же, стр. 44.

⁶³ См. «Материалы к организационному отчёту ЦК XVI съезду ВКП(б)». «Партстроительство» № 11—12 за 1930 г., стр. 47.

⁶⁴ См. «XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет», стр. 557. Партиздат. 1934.

⁶⁵ Постановление ЦК ВКП(б) от 1 июля 1929 г. «О сельских районных партийных организациях». «Известия» ЦК ВКП(б) № 26—27 за 1929 г., стр. 26.

политики партии по коллективизации сельского хозяйства, а райкомы — в непосредственных руководителей.

ЦК ВКП(б) обязал местные партийные организации улучшить работу с беднотой как надёжной опорой рабочего класса в проведении социалистического преобразования в деревне. Отмечая, что некоторые коммунисты и комсомолцы недооценивают значения работы среди бедноты, ЦК в своём постановлении от 20 октября 1929 г. указывал: «...только чуждые ВКП(б) и ВЛКСМ элементы могут игнорировать эту коренную задачу партии — задачу самостоятельной организации бедноты и батрачества в деревне»⁶⁶.

К XVI партийному съезду только по 14 краям и областям СССР было организовано при сельских советах, правлениях кооперативов и других общественных организациях на селе 24 098 групп бедноты. Эти группы бедноты объединяли около 300 тыс. бедняцко-батрацкого актива⁶⁷. На бедняцко-середняцкий актив партия опиралась в деревне при проведении своей политики в борьбе с кулачеством, за подготовку и организацию массовой коллективизации.

ЦК ВКП(б) в постановлении от 18 июля 1929 г. отметил, что в результате организационно-политической работы партии «общая политическая обстановка характеризуется укреплением союза с середняком и все большим участием бедняцко-середняцкой массы во всех мероприятиях Советской власти, возрастанием авторитета и хозяйственно-организационной роли низовых органов партии и Советов в социалистической реконструкции и подъеме сельского хозяйства»⁶⁸.

В связи с предстоявшими Всероссийским и Всесоюзным съездами колхозов центральный орган нашей партии газета «Правда» в начале мая 1928 г. открыла на своих страницах широкое обсуждение вопросов колхозного строительства и опубликовала проект постановления Всесоюзного съезда колхозов «Об очередных задачах колхозного движения». В проекте рекомендовалось усилить работу по обобществлению средств производства в колхозах, их землеустройству, преимущественному обеспечению колхозов тракторами, машинами и кредитом, проводить в жизнь принцип оплаты труда членов колхоза по его количеству и качеству.

Всесоюзный съезд колхозов (июнь 1928 г.) обсудил эти вопросы и принял соответствующие решения.

Чтобы улучшить производственное обслуживание колхозов и руководство их деятельностью, вскоре после съезда были созданы районные объединения колхозов, областные и республиканские союзы колхозов и Всесоюзный совет колхозов (Колхозцентр).

Для более оперативного разрешения вопросов колхозного строительства Всесоюзный колхозный центр получил право вносить законопроекты по всем вопросам колхозного строительства непосредственно в законодательные органы СССР.

Коммунистическая партия и её Центральный Комитет повседневно руководили колхозным строительством.

Съезды колхозов проходили под непосредственным руководством ЦК ВКП(б); руководители партии и правительства принимали активное участие в работах съездов.

На Всесоюзном съезде колхозов 1 июня 1928 г. с большим докладом выступил М. И. Калинин, подробно осветивший вопросы колхозного

⁶⁶ Постановление ЦК ВКП(б) от 20 октября 1929 г. «Об организации бедноты». «Справочник партработника», вып. VII, стр. 293. 1930.

⁶⁷ См. «XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет», стр. 69.

⁶⁸ Постановление ЦК ВКП(б) от 18 июля 1929 г. по докладу Северокавказского крайкома ВКП(б) «О выполнении решения ноябрьского 1928 года пленума ЦК ВКП(б)». «Известия» ЦК ВКП(б) № 22 от 10 августа 1929 г., стр. 21; см. также «Справочник партработника», вып. VII, ч. II, стр. 143—148.

строительства, значение и задачи колхозов в разрешении зерновой проблемы страны и в борьбе за победу социализма в земледелии. М. И. Калинин отметил, что решающими условиями для дальнейшего успешного развития колхозного движения и укрепления колхозов являются поднятие производительности труда, увеличение обобществлённых фондов колхозов и выращивание кадров.

Особенно неблагоприятное положение в сельском хозяйстве в тот период было с кадрами. После XV съезда вопрос о кадрах почти не сходил с повестки дня пленумов ЦК ВКП(б).

Стремясь к реставрации капитализма, правые оппортунисты, замаскированные предатели и вредители, проповедя контрреволюционную «теорию» «затухания» классовой борьбы и «врастания» кулака в социализм, замазывали классовую сущность проблемы кадров, надеясь таким путём обмануть партию, советские органы, сорвать мероприятия партии по подготовке большевистских кадров и сохранить в государственных, партийных и общественных организациях свои кадры, чтобы использовать их для вредительской и шпионской работы.

Говоря о необходимости выращивания кадров для колхозов, И. В. Сталин указывал: «Колхоз есть крупное хозяйство. Но крупное хозяйство нельзя вести без плана. Крупное хозяйство в земледелии, охватывающее сотни, а иногда и тысячи дворов, может вестись лишь в порядке планового руководства. Без этого оно должно погибнуть и развалиться... Чтобы вести такое хозяйство, надо обеспечить колхоз известным минимумом элементарно грамотных людей, способных планировать хозяйство и вести его организованно»⁶⁹.

Решая проблему кадров, ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) в 1929 г. поручил Политбюро принять меры к укреплению руководящих кадров сельского хозяйства, в частности, выделить не менее одной тысячи ответственных партийных, профсоюзных и хозяйственных работников специально для руководства в сельском хозяйстве. Пленум ЦК ВКП(б) обратил особое внимание партии и правительства на проблему подготовки кадров. «Колхозное движение,— говорится в постановлении пленума,— приняло такие размеры, которые требуют решительной, революционной перестройки всей системы, программы и методов подготовки организаторов, агрономов, инженеров, землеустроителей, техников, финансово-счётных работников и т. д. для колхозного строительства»⁷⁰.

В 1928—1929 г. была проведена реформа всей системы сельскохозяйственного образования. Была значительно расширена сеть сельскохозяйственных учебных заведений, улучшен социальный состав учащихся и преподавателей, перестроена учебная работа в высших учебных заведениях, техникумах, профшколах соответственно задачам социалистического строительства в сельском хозяйстве.

Были пересмотрены учебные планы и программы сельскохозяйственных учебных заведений, проведена более чёткая специализация отдельных высших учебных заведений и техникумов, соответствующая особенностям развития сельскохозяйственного производства.

«Нам,— указывал товарищ Сталин,— нужны такие специалисты, всё равно, являются ли они коммунистами или не коммунистами, которые были бы сильны не только теоретически, но и по своему практическому опыту, по своим связям с производством»⁷¹.

В свете этого указания и была перестроена вся работа сельскохозяйственных учебных заведений.

Реформа системы сельскохозяйственного образования внесла значительные улучшения в дело подготовки специалистов для сельского хозяй-

⁶⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 13, стр. 223—224.

⁷⁰ «ВКП(б) в резолюциях и решениях...». Ч. II, стр. 377.

⁷¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 11, стр. 59.

ства и ускорила темп этой подготовки. Однако и эти темпы подготовки кадров всё ещё значительно отставали от потребностей социалистического сельского хозяйства. Многочисленные кадры практиков сельского хозяйства, проявивших себя в борьбе за организацию колхозов, для того, чтобы стать руководителями колхозного строительства, нуждались в подготовке и переподготовке.

«В деревне среди колхозников,— говорил Л. М. Каганович,— можно встретить много прекраснейших работников, много талантливейших людей. Но вся беда в том, что их заедает малограмотность. Организаторская воспитательная работа города по отношению к деревне должна состоять в том, чтобы поднять этих новых людей, поднимающихся снизу, и их воспитать. Это будут те новые кадры комсостава, которые поведут деревню к новому будущему, которые ее перестроят» ⁷².

Для разрешения этой задачи по указанию партии широко развернулась работа по подготовке и переподготовке кадров для сельского хозяйства через различные курсы.

Большую роль в подготовке кадров для деревни сыграла Красная Армия. В 1927—1929 гг. 278 тыс. красноармейцев-отпускников, вернувшись в деревню, стали руководителями колхозов, советских, партийных и общественных организаций на селе, активными борцами за социалистическое преобразование сельского хозяйства.

Была проведена переподготовка значительного количества партийных кадров. Только за зиму 1928—1929 г. через систему курсов прошли переподготовку 100 секретарей окружных и губернских комитетов, главным образом сельских организаций, 2 750 секретарей уездных и волостных комитетов ВКП(б) ⁷³.

О большом размахе в развитии курсовой переподготовки кадров для сельского хозяйства (колхозного и совхозного строительства) говорит тот факт, что только за год в Северокавказском крае было переподготовлено 79 тыс. человек ⁷⁴; в Центральной чернозёмной области — 65 644 человека ⁷⁵. ЦК ВКП(б) одобрил эту работу и указал на положительный опыт Северокавказского крайкома «по разрешению такого острого вопроса, как подготовка и пополнение кадров для колхозной деревни» ⁷⁶.

Всего за 1928—1929 гг., по неполным данным, государственными органами, кооперативными объединениями и колхозными центрами было переподготовлено более 600 тыс. человек ⁷⁷. Кроме того по решению ноябрьского 1929 г. пленума ЦК ВКП(б) на постоянную работу в деревню для укрепления колхозов было послано 25 тыс. рабочих ⁷⁸.

25-тысячники сыграли огромную роль в проведении новой политики партии в деревне, в организации и хозяйственном укреплении колхозов. Посылка 25-тысячного отряда рабочих вызвала огромный подъём среди колхозников, бедняков и середняков, оживила всю работу местных сельских партийных, советских и других организаций, и они более настойчиво и успешно повели борьбу за социалистическое преобразование деревни.

⁷² «XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет», стр. 69.

⁷³ «Известия» ЦК ВКП(б) № 31 от 21 ноября 1929 г., стр. 10—11. «Партстроительство» № 11—12 за 1930 год, стр. 47.

⁷⁴ См. «Справочник партработника», вып. VII, ч. II, стр. 147.

⁷⁵ Центральная чернозёмная область была образована в июле 1928 г.; в неё вошли бывш. Воронежская, Курская, Орловская и Тамбовская губернии, а также небольшая часть Рязанской и Тульской.

⁷⁶ «Справочник партработника», вып. VII, ч. II, стр. 147.

⁷⁷ В это количество включены и те, кто прошёл курсы отпускников Красной Армии.

⁷⁸ См. «ВКП(б) в резолюциях и решениях...». Ч. II, стр. 378.

Отмечая большую заслугу рабочих бригад, десятками и сотнями рассеянных по районам страны, в колхозном строительстве, И. В. Сталин писал в статье «Год великого перелома»:

«Из всех существующих и возможных пропагандистов колхозного движения рабочие-пропагандисты являются лучшими пропагандистами среди крестьянских масс»⁷⁹.

Мероприятия, проведённые партией и советской властью в 1928—1929 гг., способствовали широкому вовлечению крестьянства в движение за массовую организацию колхозов.

В результате массового колхозного движения только за один год, с 1 июня 1928 г. по 1 июня 1929 г., было создано 23 787 новых колхозов, объединивших 521 тыс. крестьянских хозяйств с площадью посева в 2,8 млн. гектаров.

К 1 июня 1929 г. число колхозов в СССР выросло до 57 045. Колхозы объединяли 1 007,7 тыс., или 3,9% всех крестьянских хозяйств с площадью посева 4,2 млн. гектаров⁸⁰.

Вновь организованные колхозы по своему социальному составу отличались от колхозов, организованных до 1929 года. По данным обследования ЦКК РКИ, в конце 1928 г. в составе колхозов было до 80% бедняков, к концу 1929 г. это соотношение в составе колхозов изменилось в сторону увеличения прослойки середняков⁸¹. В Северокавказском крае уже на 1 июня 1929 г. прослойка середняков в колхозах составляла 27,1%⁸².

В 1929 г. участие середняков в сельскохозяйственных артелях поднялось, как писала «Правда», до 29%, а в тозах — до 36%⁸³. Колхозы перестали быть по своему составу преимущественно бедняцкими.

Вступление в колхозы среднего крестьянства укрепляло колхозы, так как они при этом неизбежно укрупнялись и увеличивался процент обобществлённых средств производства, следовательно, увеличивались обобществлённые неделимые фонды. Колхозы становились более мощными экономически.

Это был новый этап в развитии колхозного движения, «новый исторический этап социалистического преобразования сельского хозяйства на путях укрепления производственной смычки пролетарского государства с основными бедняцко-середняцкими массами деревни»⁸⁴.

Колхозное движение начало перерастать в сплошную коллективизацию целых районов.

Идея коллективизации действительно овладела сознанием крестьянских масс и превратилась в неодолимую материальную силу, ускоряющую развитие деревни по пути к социализму.

Для успешного завершения развёрнутого наступления социализма по всему фронту и ликвидации кулачества как класса необходимо было добить замаскированных врагов народа — остатки контрреволюционного троцкизма и бухаринско-рыковскую группу реставраторов капитализма, открыто выступившую под видом оппозиции против партии. Без разгрома

⁷⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 12, стр. 128.

⁸⁰ См. статистические сведения по сельскому хозяйству за 1927—1930 гг. «Сдвиги в сельском хозяйстве между XV и XVI партийными съездами», стр. 22—24. Соцэкгиз. 1931; см. также «Колхозы в 1929 году», стр. XIII. Планхозиздат. 1931.

⁸¹ См. доклад ЦКК — НК РКИ в СНК СССР «О состоянии и перспективах колхозного строительства». ЦГАОР, ф. 374, оп. 356, д. 12, лл. 245—247.

⁸² Примерно так же увеличилась прослойка середняков в колхозах Центральной чернозёмной области.

⁸³ См. «Правда» от 14 июня 1929 года. «На пути социалистического наступления». Передовая статья.

⁸⁴ «ВКП(б) в резолюциях и решениях...». Ч. II, стр. 376.

троцкистско-бухаринских предателей невозможно было завершить социалистическое преобразование деревни.

«Подобно тому как победа Великой социалистической революции в октябре 1917 года была бы невозможна без разгрома капитулянтов и штрейкбрехеров, меньшевиков и эсеров, точно так же невозможна была бы победа социализма в деревне без разгрома правых капитулянтов в 1928—1929 годах»⁸⁵.

Контрреволюционная бухаринско-рыковская банда правых капитулянтов-предателей сложилась и оформилась на общей платформе реставрации капитализма.

Выступая под видом оппозиции, маскируя свою предательскую работу «идейными» расхождениями и «защитой» интересов социализма, бухаринцы, заклятые враги социализма, на самом деле защищали кулачество, были тайными агентами иностранных разведок. Эта группа замаскированных предателей тайно организовала антипартийные, антисоветские силы для борьбы против Советского государства.

Партия не знала тогда ещё о подлой, контрреволюционной деятельности Бухарина, Рыкова, Томского и их сторонников, не знала, что уже в тот период бухаринцы и троцкисты были в одной шайке и действовали самыми гнусными методами как злейшие враги и предатели советского народа, всесторонне поддерживая контрреволюционную борьбу кулачества против советской власти.

Разоблачая контрреволюционную сущность выступлений троцкистов и бухаринцев, товарищ Сталин на апрельском объединённом Пленуме ЦК и ЦКК в 1929 г. указывал, что правые реставраторы капитализма, в угоду капиталистическим элементам преувеличивая их силы и роль в стране, хотели запугать партию, заставить её отказаться от наступления на кулачество и капитулировать перед ним. Троцкистско-бухаринские бандиты добивались коренного изменения генеральной линии партии — отказа от индустриализации страны, от коллективизации сельского хозяйства, пытались разорвать союз рабочего класса с трудящимися массами крестьянства, сорвать социалистическое строительство, восстановить в нашей стране капитализм.

ЦК и ЦКК ВКП(б) приняли решительные меры к очищению партийного и государственного аппарата от враждебных, вредительских элементов, от троцкистов и бухаринцев, пробравшихся в партийные, советские и другие организации, от разложившихся, сросшихся с кулаками и нэпманами работников и заменяли их выдвиженцами из рабочих и бедняцко-середняцких масс крестьянства.

В начале 1929 г. совместное заседание Политбюро ЦК и Президиума ЦКК разоблало главарей «правотроцкистского блока» — Бухарина, Рыкова, Томского и их сообщников — как защитников кулачества и вскрыло реставраторскую, контрреволюционную сущность их программы.

Апрельский объединённый пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 1929 г. одобрил резолюцию совместного заседания Политбюро ЦК и президиума ЦКК. Состоявшаяся вслед за апрельским объединённым пленумом ЦК и ЦКК XVI Всесоюзная партийная конференция осудила врагов ленинизма — Бухарина, Рыкова и Томского и всю их шайку, указав при этом, что они добивались изменения политики партии в интересах развития и восстановления капитализма в нашей стране.

Руководствуясь решениями конференции, партия Ленина — Сталина ещё теснее сплотилась вокруг ленинского ЦК ВКП(б) и, преодолевая сопротивление классовых врагов и их вдохновителей и пособников — троцкистов и бухаринцев, — развернула большевистскую работу по дальнейшему социалистическому строительству, по осуществлению принятого

⁸⁵ «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография», стр. 118. М. 1949.

пятилетнего плана, плана индустриализации страны и социалистического преобразования сельского хозяйства.

Чтобы ускорить осуществление намеченных темпов индустриализации страны и социалистической реконструкции сельского хозяйства, XVI партийная конференция обратилась с призывом «Ко всем рабочим и трудящимся крестьянам Советского Союза» организовать социалистическое соревнование как «могучее средство пробуждения и организации инициативы масс для выполнения пятилетнего плана и вместе с тем могучее средство развития с а м о к р и т и к и снизу»⁸⁶. Мы должны, говорилось в этом обращении, «обеспечить быстрый рост индустрии и вместе с тем подъем сельского хозяйства, все больше развертывая крупное обобщественное хозяйство в деревне (совхозы, колхозы) на основе высокой машинной техники»⁸⁷.

Рабочий класс и трудящееся крестьянство с энтузиазмом подхватили призыв партии Ленина — Сталина, и по всей стране развернулось могучее социалистическое соревнование. Появились тысячи ударных бригад, миллионы ударников, боровшихся за досрочное выполнение и перевыполнение первой сталинской пятилетки.

Троцкисты, бухаринцы и прочие враги марксизма-ленинизма пытались сорвать осуществление первого пятилетнего плана. Они настойчиво пропагандировали враждебные марксизму-ленинизму буржуазные, правооппортунистические, троцкистские «теории», вроде «равновесия секторов», «самотёка» в развитии сельского хозяйства, теорию «мирного вранствия» кулака в социализм и «затухания» классовой борьбы в период диктатуры пролетариата.

В этот период социалистического строительства особое значение приобрела борьба партии на теоретическом фронте. Новая практика, указывал И. В. Сталин, рождает новый подход к проблемам экономики переходного периода. «Чтобы не отстать от практики, надо заняться теперь же разработкой всех этих проблем с точки зрения новой обстановки. Без этого невозможно преодоление буржуазных теорий, засоряющих головы наших практиков. Без этого невозможно выкорчёвывание этих теорий, приобретающих прочность предрассудков. Ибо только в борьбе с буржуазными предрассудками в теории можно добиться укрепления позиций марксизма-ленинизма»⁸⁸.

Эту историческую задачу — разоблачение враждебных «теорий» и разработку важнейших проблем колхозного строительства — блестяще выполнил великий теоретик марксизма-ленинизма И. В. Сталин. В своих работах и выступлениях в тот период товарищ Сталин с предельной ясностью раскрыл подлинную контрреволюционную сущность всех троцкистско-бухаринских «теорий» и до конца разоблачил правых реставраторов капитализма как врагов социализма, врагов ленинизма в области практики и в области теории.

27 декабря 1929 г. И. В. Сталин, выступая на конференции аграрников-марксистов, с исключительной глубиной обосновал ряд принципиальных положений о строительстве колхозов, разоблачил контрреволюционные измышления врагов колхозного строя, творчески развивая марксизм-ленинизм, вооружил партию и рабочий класс на борьбу за победу колхозного строя.

Развивая марксистско-ленинское учение, товарищ Сталин обосновал необходимость организации крупного социалистического производства в земледелии, указав на особые преимущества, присущие социалистическим формам хозяйства в земледелии (совхозам и колхозам) не только по сравнению с мелким единоличным крестьянским хозяйством, но и с крупными капиталистическими сельскохозяйственными предприятиями.

⁸⁶ «ВКП(б) в резолюциях и решениях...». Ч. II, стр. 358.

⁸⁷ Там же, стр. 355.

⁸⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 12, стр. 143. -

Только простое сложение крестьянских орудий в недрах колхозов при обобществлении землепользования и средств производства, указывал товарищ Сталин, дало невиданное повышение производительности труда и возможность расширить посевную площадь на 30—50 и больше процентов.

«Крестьяне,—говорил И. В. Сталин,—будучи бессильны в условиях индивидуального труда, превратились в величайшую силу, сложив свои орудия и объединившись в колхозы»⁸⁹.

В своём выступлении на конференции аграрников-марксистов товарищ Сталин обосновал возможность и необходимость исторического перехода партии и советской власти от политики вытеснения и ограничения кулацких элементов к политике ликвидации кулачества как класса; И. В. Сталин раскрыл экономические и политические возможности осуществления такой политики и показал, что в конце 1929 г. мы имели все условия к ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации сельского хозяйства.

Речь товарища Сталина на конференции аграрников-марксистов является мастерской защитой основных положений марксизма-ленинизма, гениальным развитием марксистско-ленинских идей о социалистическом преобразовании сельского хозяйства в период диктатуры пролетариата, развёрнутой программой борьбы партии за осуществление сплошной коллективизации, за укрепление колхозного строя, теоретическим обоснованием одного из важнейших поворотов политики партии в борьбе за построение социализма. Речь товарища Сталина «К вопросам аграрной политики в СССР» нанесла сокрушительное поражение антимарксистским, враждебным теориям и до конца разоблачила троцкистов и бухаринцев как врагов марксизма-ленинизма и колхозного строя.

Товарищ Сталин не только отстоял в борьбе с врагами ленинский кооперативный план, но развил его дальше, разработал и претворил в жизнь теорию коллективизации сельского хозяйства.

«Новое в этой области у Сталина состоит в том, что он:

1) всесторонне разработал вопрос о колхозной форме социалистического хозяйства в деревне;

2) показал, что основным и главным звеном колхозного строительства на современном этапе является сельскохозяйственная артель, как наиболее правильная и понятная крестьянам форма, дающая возможность сочетать личные интересы колхозников с их общественными интересами, приспособлять личные интересы колхозников к общественным интересам;

3) обосновал переход от политики ограничения и вытеснения кулачества к политике ликвидации кулачества, как класса, на основе сплошной коллективизации;

4) раскрыл значение МТС, как опорных пунктов в деле социалистического переустройства сельского хозяйства и оказания помощи сельскому хозяйству и крестьянству со стороны социалистического государства»⁹⁰.

Благодаря проведению ленинско-сталинской политики коллективизации сельского хозяйства, в результате настойчивой работы партии Ленина — Сталина по созданию всех необходимых условий для развития и укрепления колхозов основные массы крестьянства повернулись от старого, капиталистического пути к новому, социалистическому пути развития.

Во второй половине 1929 г. произошёл резкий перелом в развитии колхозного движения: крестьяне, бедняки и середняки стали вступать в

⁸⁹ Там же, стр. 154.

⁹⁰ «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография», стр. 133—134.

колхозы целыми сёлами, районами и округами. В целом ряде краёв и областей (на Северном Кавказе, на Средней и Нижней Волге и т. д.) появились районы, округа сплошной коллективизации. Особенно успешно развёртывалась сплошная коллективизация вокруг крепких колхозов, совхозов и МТС. «Достижение партии,— указывал И. В. Сталин,— состоит в том, что нам удалось организовать этот коренной перелом в недрах самого крестьянства и повести за собой широкие массы бедноты и середняков, несмотря на неимоверные трудности, несмотря на отчаянное противодействие всех и всяких тёмных сил, от кулаков и попов до филистеров и правых оппортунистов»⁹¹.

В результате успешного развития массового колхозного движения все антиколхозные «теории» врагов колхозного строя рухнули и рассеялись в прах, «как старый буржуазно-либеральный хлам»⁹².

Бурный темп коллективизации сопровождался невиданным ростом посевной площади и товарной продукции в колхозах.

«Наше молодое крупное социалистическое земледелие (колхозное и совхозное),— говорил И. В. Сталин,— имеет великую будущность... оно будет проявлять чудеса роста»⁹³.

Это гениальное предвидение товарища Сталина, великого преобразователя сельского хозяйства, творца колхозного строя, целиком оправдалось последующим развитием колхозного движения и невиданным ростом колхозного производства.

Руководителем революционного социалистического переворота в деревне была советская власть. Особенности этой революции состояли в том, «что она была произведена с в е р х у, по инициативе государственной власти, при прямой поддержке с н и з у со стороны миллионных масс крестьян, боровшихся против кулацкой кабалы, за свободную колхозную жизнь»⁹⁴.

В «Кратком курсе истории ВКП(б)» указывается, что это был глубочайший революционный переворот, скачок из старого качественного состояния общества в новое. Этот переворот по своим последствиям был равнозначен революционному перевороту в октябре 1917 года.

В результате огромной работы партии и советского правительства по укреплению колхозов и развитию массового колхозного движения с 1 июня по 1 октября 1929 г. в колхозы вступило 911,7 тыс. крестьянских хозяйств, то есть почти столько же, сколько их вступило за все предыдущие годы советской власти⁹⁵.

К 1 октября 1929 г. число колхозов увеличилось до 67 446. Они объединяли уже около двух миллионов крестьянских хозяйств, (1 919 тыс.), или 7,6% всех крестьянских хозяйств Советского Союза⁹⁶.

К маю 1930 года по Советскому Союзу было коллективизировано 23,6% всех крестьянских хозяйств, то есть процент коллективизации за 7 месяцев увеличился более чем в три раза⁹⁷. Невиданными темпами росла посевная площадь, валовая и товарная зерновая продукция колхозов.

«В стране,— указывал И. В. Сталин,— уже произошли такие экономические сдвиги, которые дают полное основание утверждать, что нам удалось повернуть деревню на новый путь, на путь коллективизации,

⁹¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 12, стр. 125.

⁹² Там же, стр. 130.

⁹³ Там же, стр. 126.

⁹⁴ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 291—292.

⁹⁵ См. статистические сведения по сельскому хозяйству за 1927—1930 гг. «Сдвиги в сельском хозяйстве между XV и XVI съездами партии», стр. 22—24. Соцэкгиз. 1931.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ См. там же, стр. 28.

обеспечив тем самым успешное строительство социализма не только в городе, но и в деревне»⁹⁸.

Указывая на провал всей контрреволюционной болтовни врагов о невозможности построить социализм вместе с крестьянством, под руководством рабочего класса и повернуть развитие крестьянского хозяйства на путь социализма, товарищ Сталин говорил: «Пусть болтают эсеро-меньшевистские и буржуазно-троцкистские кумушки, что крестьянство по природе контрреволюционно, что оно призвано восстановить в СССР капитализм, что оно не может быть союзником рабочего класса в деле построения социализма, что в СССР невозможно построить социализм. Факты говорят, что эти господа клеветают и на СССР и на советское крестьянство. Факты говорят, что наше советское крестьянство окончательно отчало от берегов капитализма и пошло вперёд в союзе с рабочим классом — к социализму»⁹⁹.

Колхозы стали господствующей силой сельского хозяйства. В 1933 г. они сдали государству более миллиарда пудов зерна, а единоличные крестьянские хозяйства сдали всего около 130 млн. пудов. «Надо признать,— говорил И. В. Сталин,— что трудовое крестьянство, наше советское крестьянство окончательно и бесповоротно стало под красное знамя социализма»¹⁰⁰.

Колхозный строй принёс советскому крестьянству такие материально-культурные завоевания, которые совершенно невозможны в условиях мелкого индивидуального крестьянского хозяйства, в условиях капитализма.

Советское государство по Сталинской Конституции закрепило за колхозами бесплатно и на вечное пользование огромные земельные богатства — 488 млн. га. В настоящее время на колхозный двор приходится земли в среднем в три раза больше, чем приходилось на каждое бедняцко-середняцкое хозяйство до революции. До революции бедняки и середняки производили 2,5 млрд. пудов хлеба в год; объединившись в колхозы, они уже в 1938 г. стали производить более 6 млрд. пудов хлеба в год, то есть на 3,5 млрд. пудов больше. Валовая продукция сельского хозяйства в 1940 г. почти в два раза превысила то, что давало сельское хозяйство в 1913 году¹⁰¹. Валовой сбор хлеба на один бедняцко-середняцкий двор составлял до революции 140 пудов, а в 1938 г. валовой сбор хлеба на один колхозный двор составлял уже 360 пудов¹⁰².

Благодаря преимуществам советского колхозного строя и повседневному вниманию и заботам партии Ленина — Сталина и советской власти наше сельское хозяйство неуклонно, гигантскими шагами идёт вперёд и из года в год увеличивает свою продукцию, товарность сельского хозяйства.

Несмотря на огромные разрушения в сельском хозяйстве СССР, произведённые фашистскими варварами, валовой урожай зерновых культур уже в 1949 г. превысил довоенный уровень¹⁰³.

За последние несколько лет валовой урожай зерна ежегодно составлял более 7 млрд. пудов. В текущем 1952 г. валовой урожай зерна составил 8 млрд. пудов¹⁰⁴. Партия в короткий срок окончательно разрешила

⁹⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 12, стр. 289.

⁹⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 13, стр. 324—325.

¹⁰⁰ Там же, стр. 324.

¹⁰¹ См. В. М. Молотов. Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1947 года, стр. 7. Огиз. Госполитиздат. 1947.

¹⁰² См. «Социалистическое сельское хозяйство СССР». Статистический сборник, стр. 93—94. Госпланиздат. 1939.

¹⁰³ См. Г. М. Маленков. 32-ая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1949 года, стр. 9. Госполитиздат. 1949.

¹⁰⁴ См. Г. М. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), стр. 48. Госполитиздат. 1952.

зерновую проблему. Значительно увеличилось поголовье скота, и повысились продуктивность животноводства, урожайность и товарность технических культур.

Неделимые фонды колхозов к 1952 г. увеличились более чем в два раза по сравнению с 1940 годом¹⁰⁵. Значительно возросли основные фонды, повысилась стоимость трудодня и денежные доходы колхозов и колхозников. Только в 1951 г. сельское хозяйство получило 137 тыс. тракторов (в переводе на 15-сильные), 53 тыс. зерноуборочных комбайнов (из них 29 тыс. самоходных), 59 тыс. грузовых автомобилей и 2 млн. других сельскохозяйственных машин и орудий¹⁰⁶. В настоящее время на 97 тыс. укрупнённых колхозов имеется 8 939 МТС¹⁰⁷. Проводятся большие работы по электрификации сельского хозяйства, механизации основных сельскохозяйственных работ. Всё это облегчает труд колхозников и повышает их производительность труда.

«Машинно-тракторные станции... выполняют свыше двух третей всех полевых работ в колхозах. В 1951 году в колхозах механизирована почти вся пахота, три четверти посева производится тракторными сеялками, свыше 60 процентов всей площади зерновых культур убрано комбайнами. Почти полностью механизированы все основные сельскохозяйственные работы в совхозах»¹⁰⁸.

Организационно-хозяйственное укрепление и укрупнение мелких колхозов создают ещё более благоприятные условия для дальнейшего всестороннего развития колхозного хозяйства.

За 25 лет, прошедших со дня открытия XV съезда нашей партии, принявшего историческое решение о всемерном развёртывании колхозного строительства в деревне, о переводе широких трудящихся масс крестьянства на путь социализма, произошли глубокие социально-экономические изменения в сельском хозяйстве нашей страны.

Неузнаваемо изменился облик советской деревни и трудящегося крестьянства, неизмеримо вырос материальный и культурный уровень колхозников-крестьян. Мелкокрестьянская единоличная, отсталая деревня превратилась в колхозную социалистическую деревню. За 25 лет наша деревня ушла далеко вперёд по пути прогресса и коммунизма.

«Никто не может отрицать,— указывает И. В. Сталин,— колоссального развития производительных сил нашего сельского хозяйства за последние 20—25 лет. Но это развитие не имело бы места, если бы мы не заменили в тридцатых годах старые производственные капиталистические отношения в деревне новыми, коллективистическими производственными отношениями. Без этого производственного переворота производительные силы нашего сельского хозяйства прозябали бы так же, как они прозябают теперь в капиталистических странах»¹⁰⁹.

Советское государство под руководством коммунистической партии во главе с великим вождём и учителем И. В. Сталиным в сравнительно короткий исторический срок осуществило гениальный план Ленина — Сталина о социалистическом преобразовании сельского хозяйства.

Революционный переворот в деревне одним ударом разрешил три коренных вопроса социалистического строительства: а) был ликвидирован самый многочисленный эксплуататорский класс в нашей стране, класс кулаков, оплот реставрации капитализма; б) был переведён с пути

¹⁰⁵ См. Речь тов. Бенедиктова на XIX съезде партии. «Правда» от 11 октября 1952 года.

¹⁰⁶ Сообщение Госплана СССР и ЦСУ СССР об итогах выполнения государственного плана за 1951 год. «Правда» от 29 января 1952 года.

¹⁰⁷ См. Г. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), стр. 48, 50.

¹⁰⁸ Л. Берия. 34-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 12. Госполитиздат. 1951.

¹⁰⁹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 62.

единоличного хозяйства, рождающего капитализм, на путь общественного, колхозного социалистического хозяйства самый многочисленный трудящийся класс в нашей стране, класс крестьян; в) была создана социалистическая база советской власти в самой обширной и жизненно необходимой, но и в самой отсталой области народного хозяйства — в сельском хозяйстве. И «вместе с тем были созданы новые, решающие условия, необходимые для построения социалистического народного хозяйства»¹¹⁰.

Эта победа завоевана рабочим классом и трудящимися массами крестьянства под руководством коммунистической партии во главе с товарищем Сталиным в ожесточённой борьбе с троцкистами, бухаринцами и прочими врагами рабочего класса и трудящегося крестьянства.

«В течение 8—10 лет мы осуществили в сельском хозяйстве нашей страны переход от буржуазного индивидуально-крестьянского строя к социалистическому, колхозному строю. Это была революция, ликвидировавшая старый буржуазный хозяйственный строй в деревне и создавшая новый, социалистический строй. Однако этот переворот совершился не путём взрыва, т. е. не путём свержения существующей власти и создания новой власти, а путём постепенного перехода от старого буржуазного строя в деревне к новому. А удалось это сделать потому, что это была революция сверху, что переворот был совершён по инициативе существующей власти при поддержке основных масс крестьянства»¹¹¹.

В этом проявились принципиально отличные, противоположные буржуазным государствам качества и прогрессивно-революционная роль Советского государства как государства нового типа. В этом проявилось коренное отличие закономерностей социалистического общества от всех предшествующих обществ, где экономические законы действуют стихийно, где неизбежны социальные конфликты и революционные взрывы.

Практика развития сельского хозяйства не только в СССР, но и в странах народной демократии наглядно разоблачает буржуазный вздор о «законе убывающего плодородия почвы», который теоретически давно был разоблачён марксистами. Ещё в 1908 г. В. И. Ленин писал: «Буржуазный апологет, естественно, стремится игнорировать общественные и исторические причины отсталости земледелия, сваливая вину на «консервативность сил природы» и на «закон убывающего плодородия». Ничего кроме апологетики и тупоумия не содержится в этом пресловутом законе»¹¹².

Разоблачая Туган-Барановского как последователя Мальтуса и защитника капитализма, В. И. Ленин в 1912 г. в статье «Кадетский профессор» писал:

«Известный закон падающей производительности» есть старый буржуазный хлам, служащий для оправдания капитализма в руках невежд и наемных ученых буржуазии»¹¹³.

Стремясь оправдать капиталистический строй, его политику хищнической эксплуатации трудящихся и богатств земли, замазать его внутренние антагонистические противоречия и свалить вину за социальные бедствия, порождаемые капитализмом, на «естественные законы природы», современные буржуазные экономисты — апологеты капитализма, духовно оплодотворили пресловутую «теорию» «закона убывающего плодородия почвы» изуверским, реакционным «учением» английского экономиста, мракобеса, попа Томаса Мальтуса о перенаселении земли этой, по выражению Ф. Энгельса, гнусной, низкой теорией, отвратительным издевательством над природой и человечеством¹¹⁴.

¹¹⁰ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 292.

¹¹¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29. Госполитиздат. 1952.

¹¹² В. И. Ленин. Соч. Т. 13, стр. 160.

¹¹³ В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 338.

¹¹⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. II, стр. 313.

Реакционную, гнусную, человеконенавистническую «теорию» — мальтузианство — сегодня подняли на щит американские и английские империалисты, мракобесы — фашисты типа В. Фогта, Т. Розбери, Г. Кука, Пенделла и т. п. Мальтузианские, человеконенавистнические бредни стали идеологией воинствующей империалистической буржуазии, её идейным оружием для усиления эксплуатации трудящихся масс и подготовки к новой мировой войне, закабаления и истребления свободолюбивых народов, «оправданием» её фашистских зверств.

Причиной уменьшения плодородия земли в капиталистических странах является не надуманный буржуазными учёными, защитниками капитализма «закон убывающего плодородия почвы», а хищническая эксплуатация земли капиталистами в погоне за максимальной прибылью, то есть капиталистическая система хозяйства. В капиталистическом мире всё подчинено одному закону — наживе, стяжательству отдельных монополистов, капиталистических акул, во вред $\frac{9}{10}$ всего населения, во вред общественному развитию, общественным интересам.

Чтобы оправдать свою преступную пропаганду уничтожения человечества, неомальтузианцы превозносят самые дикие, варварские обычаи прошлого, восхваляют голод, болезни, войну как наиболее радикальные средства приведения численности населения земного шара в «соответствие» с «ограниченными» мировыми ресурсами.

Излагаемая в неомальтузианских писаниях программа сокращения населения земного шара поддерживается правящими кругами США, Англии и Франции.

Все эти неомальтузианские измышления фашиствующих мракобесов наглядно опровергаются всемирно-историческим опытом Советского Союза и стран народной демократии, где освобождённые от капиталистического ига народы гигантски подняли производительные силы страны.

Советский строй, социалистическая система сельского хозяйства создали все условия для невиданного подъёма плодородия земли, повышения урожайности, роста производительности труда колхозного крестьянства. За 20—25 лет производство сельскохозяйственных продуктов в СССР возросло в несколько раз.

Буржуазное государство, заинтересованное в упрочении и сохранении капиталистических отношений и порядков, всячески тормозит прогрессивное развитие общества и ведёт ожесточённую борьбу против его революционного преобразования, бешено сопротивляется всем прогрессивным мероприятиям, которые могут ослабить господство буржуазии. Советское государство всячески содействует революционному, прогрессивному развитию общества.

Колхозный строй в СССР создал условия для вдохновенного, творческого труда. Обращаясь к товарищу Сталину, передовики сельского хозяйства Курской области писали: «Какая капиталистическая страна может похвалиться знатным крестьянином? Пусть назовут нам имя знатного крестьянина своей страны крикуны из буржуазных демократов Америки и Англии. Не назовут! В мире лжи и обмана знатен не трудовой человек, а тот, кто нажился на труде простых людей!»¹¹⁵.

В нашей стране известны имена тысяч людей — передовиков социалистического сельского хозяйства. «Мы имеем теперь, — говорил В. М. Молотов, — тысячи Героев Социалистического Труда в колхозах.. Десятки тысяч колхозников и колхозниц награждены орденами и медалями за большие достижения в сельскохозяйственном труде»¹¹⁶.

¹¹⁵ «Ленинизм — великое орудие за победу коммунизма». Передовая статья. «Большевик» № 1 за 1948 год.

¹¹⁶ В. М. Молотов. 31-ая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1948 года, стр. 12. Огиз. Госполитиздат. 1948. За выдающиеся успехи в области сельского хозяйства звание Героя Социалистического Труда присвоено 5 469 человекам. Награждено орде-

Советское колхозное крестьянство проникнуто безграничной любовью к творцу колхозного строя, великому вождю и учителю товарищу Сталину и глубоко преданно коммунистической партии, советской власти. Эта безграничная преданность особенно ярко проявилась в дни Великой Отечественной войны. Колхозники-крестьяне с беспримерным мужеством защищали советскую Родину, свой родной колхозный строй на фронте и самоотверженно трудились на колхозных полях в дни Великой Отечественной войны. В послевоенное время колхозники под руководством коммунистической партии неустанно трудятся по восстановлению народного хозяйства, по поднятию сельскохозяйственного производства.

«Руководящей и направляющей силой советского народа,— указывал И. В. Сталин,— как в годы мирного строительства, так и в дни войны явилась партия Ленина, партия большевиков. Ни одна партия не имела и не имеет такого авторитета среди народных масс, как наша большевистская партия. И это понятно. Под руководством партии большевиков рабочие, крестьяне и интеллигенция нашей страны завоевали себе свободу и построили социалистическое общество. В дни Отечественной войны партия предстала перед нами, как вдохновитель и организатор всенародной борьбы против фашистских захватчиков. Организаторская работа партии соединила воедино и направила к общей цели все усилия советских людей, подчинив все наши силы и средства делу разгрома врага. За время войны партия ещё более сроднилась с народом, ещё теснее связалась с широкими массами трудящихся.

В этом источник силы нашего государства»¹¹⁷.

Социалистическое преобразование сельского хозяйства стало возможным благодаря мудрому руководству нашего великого вождя и учителя И. В. Сталина, обогатившего ленинизм развитием его учения в новых исторических условиях, в условиях борьбы за победу колхозного строя, за победу социализма.

Великий сталинский план преобразования природы открывает перед колхозным крестьянством, как и перед всем советским народом, величественные перспективы коммунистического строительства.

В докладе на XIX съезде Коммунистической партии Советского Союза товарищ Маленков сказал, что все партийные, советские организации обязаны «осуществлять дальнейший подъём сельского хозяйства с тем, чтобы в короткие сроки создать в нашей стране обилие продовольствия для населения и сырья для лёгкой промышленности». Он призвал «повышать производительность труда колхозников, укреплять дальше общественное хозяйство колхозов, умножать их богатство и на этой основе обеспечивать дальнейший рост материального благосостояния колхозного крестьянства»¹¹⁸.

Опыт борьбы партии Ленина — Сталина за подготовку массового колхозного движения, за социалистическое преобразование сельского хозяйства имеет неоценимое международное значение. Он обогатил братские коммунистические и рабочие партии знанием конкретных форм и методов борьбы за социалистическое преобразование сельского хозяйства при диктатуре пролетариата.

Этот опыт успешно используется в странах народной демократии, которые, встав на путь социалистического преобразования сельского хозяйства, руководствуясь сталинской теорией коллективизации, используя конкретные формы и методы из опыта борьбы нашей партии за создание необходимых условий для развития кооперации и постепенного

нами и медалями за достижения в сельском хозяйстве 161 511 человек (А. Поскребышев, П. Поселов. Тринадцатый том Сочинений И. В. Сталина. «Большевик» № 9 за 1951 г., стр. 21).

¹¹⁷ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 119. Госполитиздат. 1950.

¹¹⁸ Г. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), стр. 78.

добровольного перехода трудящихся крестьян на путь коллективизации, добились значительных успехов в объединении мелких крестьянских хозяйств в производственные кооперативы различных видов и в создании материально-технической базы для социалистического преобразования сельского хозяйства.

Благодаря опыту СССР и бескорыстной, братской его помощи страны народной демократии, несмотря на бешеное сопротивление кулаков, борьбу правооппортунистических враждебных элементов против политики коммунистических и рабочих партий стран народной демократии, повернули развитие сельского хозяйства на социалистический путь.

Победа колхозного строя, победа социализма в СССР показала всему миру всепобеждающую силу идей марксизма-ленинизма, неиссякаемую творческую энергию пролетариата и трудящихся масс крестьянства, мудрое руководство коммунистической партии, гениальность нашего великого вождя и учителя И. В. Сталина. Эта победа опровергла клевету многочисленных врагов марксизма-ленинизма о невозможности победы социализма в стране, в которой преобладает мелкокрестьянское хозяйство, о враждебности крестьянства идеям социализма, о неподготовленности пролетариата вообще к социалистической революции, к захвату государственной власти и в особенности к организации народного хозяйства без капиталистов.

Исторический опыт СССР обогатил международное революционное движение и наглядно показал трудящимся всех стран не только возможность революционной победы пролетариата и трудящихся масс крестьянства над капиталистами, но и успешное осуществление ими под руководством коммунистической партии организации народного хозяйства без капиталистов — построение социализма. Этот опыт также показал, что действительно братское сотрудничество и равенство всех национальностей, ликвидация нищеты и угнетения, политическое и экономическое укрепление трудящихся возможны только после свержения капиталистов, только в результате завоевания власти пролетариатом.

В своём гениальном произведении «Экономические проблемы социализма в СССР» товарищ Сталин указывает, что с уничтожением капитализма и системы эксплуатации, с укреплением социалистического строя в нашей стране исчезла противоположность интересов между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством. «Конечно, рабочие и колхозное крестьянство составляют всё же два класса, отличающиеся друг от друга по своему положению. Но это различие ни в какой мере не ослабляет их дружбу. Наоборот, их интересы лежат на одной общей линии, на линии укрепления социалистического строя и победы коммунизма» ¹¹⁹.

Одним из решающих условий перехода советского социалистического общества к коммунизму, учит товарищ Сталин, является поднятие колхозной собственности путём постепенных переходов, осуществляемых с выгодой для колхозов, а следовательно, для всего общества, до уровня общенародной собственности, замена товарного производства, тоже путём постепенных переходов, системой продуктообмена ¹²⁰. Это даст возможность центральной власти или другому какому-либо общественно-экономическому центру охватить всю продукцию общественного производства в интересах всего общества ¹²¹. Это будет завершением одного из решающих условий исторического развития — перехода социалистической деревни и всего советского общества к коммунизму.

¹¹⁹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 26.

¹²⁰ См. там же, стр. 67.

¹²¹ См. там же.

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В РОССИИ

(К проблеме взаимодействия производительных сил и производственных отношений)

В. К. Яцунский

Открытый К. Марксом и развитый И. В. Сталиным закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, как указал в своём докладе на XIX съезде партии Г. М. Маленков, имеет огромное значение для познания истории человеческого общества.

Знание этого закона даёт в руки советских историков могучее теоретическое оружие, особенно ценное при анализе исторических явлений переходных эпох от одной общественно-экономической формации к другой, когда этот закон проявляется наиболее ярко.

Промышленный переворот в России принадлежит как раз к историческим явлениям переходной эпохи от феодально-крепостнического строя к капиталистическому.

Промышленный переворот принадлежит к тем историческим явлениям, в которых взаимодействие производительных сил и производственных отношений проявляется очень отчётливо. Поэтому то теоретическое оружие, которое дало в руки советских историков гениальное произведение И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», чрезвычайно ценно при исследовании этой важной и в то же время почти не разработанной в нашей исторической науке проблемы.

В данной статье я хочу сделать попытку, опираясь на труды классиков марксизма-ленинизма и особенно на гениальный труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», подвергнуть анализу как архивный, так и опубликованный фактический материал о промышленном развитии России в XIX в. с целью выяснения хронологических рамок и характерных особенностей промышленного переворота в России. Задачей последующего изложения является, во-первых, поставить проблему и дать очень краткую характеристику её узловых моментов; во-вторых, предложить лишь схему возможного решения вопроса. Недостаток места заставляет прибегнуть к очень краткой, почти тезисной форме изложения.

В дореволюционной буржуазной исторической и экономической литературе вопрос о промышленном перевороте по отношению к России совсем не ставился. Больше того, в работах по истории русской промышленности не проводилось чёткого различия между мануфактурой и фабрикой. Примером может служить наиболее крупное произведение этой литературы — «Русская фабрика» М. П. Туган-Барановского.

В. И. Ленин в своём труде «Развитие капитализма в России» установил, что русская промышленность, подобно западноевропейской, в своём капиталистическом развитии проходила три стадии. Этими стадиями были «мелкое товарное производство (мелкие, преимущественно крестьянские промыслы) — капиталистическая мануфактура — фабрика (крупная машинная индустрия)». В. И. Ленин указал, что эти три основные формы промышленности «отличаются прежде всего различным укладом техники»¹.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 3. стр. 475, 476.

Развивая указания Маркса, В. И. Ленин даёт характеристику социальных последствий, которые создаются этими различиями в технике. Он указывает, что капиталистические отношения образуются и в мелких промыслах, но они ещё «не фиксируются в резкие противоположности между группами участвующих в производстве лиц»², нет ещё ни крупных капиталов, ни широких слоёв пролетариата. В мануфактуре пропасть между капиталистом и рабочим достигает уже значительных размеров, но обилие мелких предприятий, связь рабочего с сельским хозяйством, господство старых традиций в производстве и во всём строе жизни — «все это создает массу посредствующих элементов между крайностями мануфактуры и задерживает развитие этих крайностей». В крупной машинной индустрии «крайности общественных противоположностей достигают высшего развития».

В. И. Ленин указывает далее, что развитие машинной индустрии не может идти иначе, как «периодическими сменами периодов процветания и кризисов». Опираясь на данные московской земской статистики, он показывает, что «полное отделение промышленности от земледелия производит только крупная машинная индустрия». Переход мануфактуры в фабрику В. И. Ленин считал важнейшим этапом в развитии капитализма в русской промышленности. Он подчёркивал, что этот переход «знаменует полный технический переворот, ниспровергающий веками нажитое ручное искусство мастера, а за этим техническим переворотом неизбежно идет самая крутая ломка общественных отношений производства»³.

Таким образом, хотя В. И. Ленин и не употребляет термина «промышленный переворот» по отношению к России, тем не менее совершенно ясно, что он считает это понятие вполне приложимым к ней. Он указывает на наличие в этом понятии двух взаимно связанных сторон — технической и социальной, — при ведущем значении первой из них. Он раскрыл содержание социальной стороны этого понятия.

Развитие капиталистической мануфактуры и крупной машинной индустрии в России В. И. Ленин изучал по отраслям производства. Такой способ исследования дал ему возможность учесть особенности отдельных отраслей и нарисовать конкретную картину развития капитализма в русской промышленности.

Этот исследовательский приём В. И. Ленина имеет руководящее методическое значение для советских историков промышленного переворота в России.

Соответственно основной задаче своего труда В. И. Ленин ограничил исследование изучением только развития пореформенного капитализма в России. Но было бы большой ошибкой делать отсюда вывод, что промышленный переворот, по мнению Ленина, начался в России только после реформы 1861 года. Он указывал, в частности, что «капиталистическая организация хлопчатобумажной промышленности сложилась до освобождения крестьян»⁴.

Указания В. И. Ленина по вопросу о промышленном перевороте в России были использованы двумя советскими исследователями — М. Ф. Злотниковым и С. Г. Струмилиным.

М. Ф. Злотников затронул вопрос о промышленном перевороте в России в своей статье «От мануфактуры к фабрике»⁵. Эта статья посвящена в основном критике дореформенной промышленной статистики. Лишь на

² Там же, стр. 477.

³ Там же, стр. 397.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 473.

⁵ М. Ф. Злотников написал эту статью летом 1941 года. Напечатана она была в № 11—12 журнала «Вопросы истории» за 1946 г., несколько лет спустя после смерти автора, погибшего во время блокады Ленинграда.

нескольких страницах затронут вопрос о промышленном перевороте в России. Естественно, автор не мог исследовать вопрос, а мог лишь затронуть его. М. Ф. Злотников датирует начало промышленного переворота в России тридцатыми годами XIX века. Его завершение он относит к пореформенному периоду, не указывая более точного хронологического рубежа. М. Ф. Злотников считал, что «промышленный переворот продолжался несколько десятилетий и шёл весьма медленно, особенно в дореформенный период».

М. Ф. Злотников сделал попытку проследить историю механизации русской промышленности в 30—50-х годах XIX века. Он проследил динамику импорта машин и механизмов в Россию за 1824—1860 гг. по данным таможенной статистики, привёл несколько примеров постройки машин на русских предприятиях, составил таблицу роста числа механических заводов, занятых на них рабочих и суммы производства за 1851—1865 годы. Наконец, М. Ф. Злотников сделал попытку подсчитать энерговооружённость промышленности Московской губернии в 1842 и 1857 годах.

С. Г. Струмилин опубликовал в 1944 г. небольшую (48 стр.) книжку «Промышленный переворот в России». Своё исследование он начинает с краткой характеристики промышленной революции в Англии. Далее автор изучает механизацию промышленности в дореформенной России. Он сопоставляет здесь данные о ввозе хлопка в Англию в 1750—1820 гг. и в Россию в 1819—1869 гг., рассматривает ручное и механическое ткачество бумажных материй в России в 1866 г. и сопоставляет динамику ввоза и внутреннего производства машин в России. На основании этих фактов С. Г. Струмилин приходит к выводу: «Как бы мы ни датировали начальный и конечный моменты промышленного переворота в Англии и в России, но решающие сдвиги в этой перестройке в Англии, повидимому, следует отнести примерно на 1770—1800 годы, а в России, говоря грубо, на 1830—1860 годы»⁶. Отставание по сравнению с Англией, по мнению С. Г. Струмилиа, «несомненно произошло благодаря господству крепостного строя в России, но по мере его разложения темп перестройки нарастал, и в общем она всё же прошла у нас, несмотря на крепостной строй. А некоторое запоздание во времени этой перестройки привело лишь к тому, что она прошла у нас даже в более широких масштабах, чем это было возможно в английских условиях XVIII века, и во всяком случае не в менее бурных темпах»⁷. Таким образом, в противоположность М. Ф. Злотникову, который подчёркивал медленный ход перестройки дореформенной мануфактуры в фабрику, С. Г. Струмилин считает, что эта перестройка развёртывалась очень быстро.

С. Г. Струмилин даёт также анализ хозяйственной обстановки, в которой развивалась дореформенная промышленность, а отчасти изучает некоторые стороны динамики этой промышленности. Он исследует кроме того разложение мануфактуры и динамику производительности труда в дореформенной России. Быстрый рост производительности труда в 1845—1863 гг. доказывает, по мнению С. Г. Струмилиа, что в эти годы в России происходил промышленный переворот.

С. Г. Струмилин указал в своей работе, что историю промышленного переворота надо изучать по отраслям. Но сам он ограничился лишь кратким рассмотрением вопроса в целом по промышленности и беглым экскурсом в историю бумагопрядения и бумаготкачества.

Подробный анализ работы С. Г. Струмилиа был мною сделан⁸, и нет надобности его сейчас повторять. Достаточно ограничиться двумя указаниями. С. Г. Струмилин на значительно более богатом материале,

⁶ С. Г. Струмилин. Промышленный переворот в России, стр. 21. М. 1944.

⁷ Там же.

⁸ «Вопросы истории» № 1 за 1945 год.

чем М. Ф. Злотников, несомненно, с вполне достаточной степенью убедительности показал, что промышленный переворот в России начался ещё при господстве в стране крепостного права. Но размеры тех организационных сдвигов, какие имели место в русской промышленности в 40—50-х годах, он переоценил.

С. Г. Струмилин, как он это сам указывает в предисловии⁹, не ставил себе цели исследовать, хотя бы в основных чертах, всю историю промышленного переворота в России. Он хотел лишь на конкретном материале поставить эту проблему перед исследователями. Этого он, безусловно, достиг. Его богатая фактами и мыслями работа обратила на себя внимание широких кругов советских историков и экономистов. Но хотя книжка С. Г. Струмилиной и привлекла к себе внимание, однако всё же после её выхода из печати опубликовано лишь несколько небольших статей по частным вопросам темы¹⁰.

Таким образом, вопрос о промышленном перевороте в России поставлен в нашей научной литературе, но для его разрешения сделано ещё очень мало. По существу, твёрдо установленным надо считать лишь, что промышленный переворот начался до реформы и закончился в пореформенную эпоху.

Необходимым предварительным условием изучения данной темы является определение самого понятия «промышленный переворот». Классики марксизма применяли его по преимуществу к Англии, но иногда и по отношению к Франции и Германии. Поэтому мне кажется правильным попытаться раскрыть содержание этого понятия на фактах преимущественно английской истории, но с привлечением также и данных по Франции и Германии, анализируя все эти материалы в свете высказываний классиков марксизма-ленинизма и прежде всего в свете закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Схематическая картина развития производительных сил от древних времён до наших дней, нарисованная И. В. Сталиным в «Кратком курсе истории ВКП(б)», ясно указывает, что промышленный переворот — это «переход от ремесленных орудий производства к машине и превращение ремесленно-мануфактурного производства в машинную промышленность»¹¹. Следовательно, промышленный переворот — это историческое явление, относящееся к истории развития производительных сил. Но производительные силы неразрывно связаны с производственными отношениями. С одной стороны, по закону обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил изменение последних влечёт за собою соответствующие изменения в состоянии первых. С другой стороны, производственные отношения играют не пассивную роль в развитии производительных сил: они влияют на производительные силы. И. В. Сталин говорит: «Развиваясь в зависимости от развития производительных сил, производственные отношения в свою очередь воздействуют на развитие производительных сил, ускоряя его или замедляя»¹².

Отсюда вытекает необходимость при анализе понятия «промышлен-

⁹ С. Г. Струмилин. Указ. соч., стр. 5.

¹⁰ См. в журнале «Вопросы истории» № 5 за 1952 г. статьи Л. А. Лоо не «Из истории промышленного переворота в Эстонии» и К. А. Пажитнова «К вопросу о промышленном перевороте в России». В последней статье исследуется техническая сторона промышленного переворота в шерстяной промышленности. Эта сторона проблемы применительно к сахарной промышленности подвергнута исследованию в статье автора этих строк — «Помещичьи сахарные заводы в России в первой половине XIX века» («Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». Сборник статей. М. 1952).

¹¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 118.

¹² Там же, стр. 117.

ный переворот» различать в этом понятии две взаимно тесно связанные стороны — техническую, относящуюся к области производительных сил, и социальную, относящуюся к области производственных отношений. Выше было уже указано, что эта необходимость вытекает и из высказываний В. И. Ленина о переходе мануфактуры в фабрику.

Технической стороной промышленного переворота является смена мануфактуры, основанной на разделении труда между рабочими, работающими вручную при помощи инструментов, фабрикою, где организовано разделение труда между машинами, которые приводятся в движение паром и обслуживаются рабочими. Давая такое определение, надо указать, что в некоторых отраслях промышленности на мануфактурах до промышленного переворота уже существовала механизация отдельных производственных операций при помощи простейших приспособлений, приводимых в движение водяными колёсами или силой животных. Ярким примером может служить металлургия, где при помощи водяных колёс приводились в движение мехи, которыми накачивали воздух в дому, и молоты, под которыми выковывали железо, выбивая шлак из крицы.

Водяное колесо мельничного типа, как указывал Маркс, является двигателем феодальной эпохи¹³. То же самое можно сказать и о силе лошадей или волов. Поэтому наличие такого рода двигателей в металлургии и в некоторых других отраслях ещё не означало промышленного переворота в данной отрасли.

Маркс указывает в «Капитале», что промышленная революция в XVIII в. началась с исполнительного механизма машины¹⁴. Для приведения этого механизма в движение на самом первоначальном этапе промышленного переворота иногда применялись водяные колёса или сила животных. Но в дальнейшем очень скоро их заменила сила пара. Таким образом, характерным признаком фабрики является разделение труда между машинами, которые приводятся в движение паром и обслуживаются рабочими.

Технический переворот в промышленности сопровождается также технической революцией на транспорте: появляются пароходы и железные дороги. В Англии механизация транспорта началась значительно позднее, чем механизация промышленности. На континенте Европы хронологический разрыв был значительно меньше.

Промышленный переворот влечёт за собой замену в технике дерева металлом и в огромных размерах увеличивает потребность народного хозяйства в металле. Металл необходим для производства промышленных машин, для балок и крыш фабричных зданий, для изготовления железнодорожных рельсов, паровозов и т. п. Особенно много металла требует строительство железных дорог.

Для паровых двигателей в промышленности и на транспорте нужно много топлива. Это влечёт за собой развитие добычи минерального топлива.

Вызванная промышленным переворотом потребность народного хозяйства в машинах для промышленности и транспорта ведёт к возникновению новой отрасли производства — машиностроения. Таким образом, промышленный переворот кладёт начало весьма существенному изменению отраслевой структуры промышленности: в мануфактурный период промышленность изготавливает почти исключительно предметы потребления; после промышленного переворота наряду с производством предметов потребления чем дальше, тем сильнее растёт производство средств производства. Окончательным завершением промышленного переворота, как указывает Маркс, является производство машин машинами.

¹³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIII, стр. 131.

¹⁴ См. К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 379. М. 1951.

Такова техническая сторона промышленного переворота. С нею неразрывно связана его социальная сторона. Социально-экономической предпосылкой промышленного переворота наряду с развитием мануфактуры, которая является не только социально-экономической, но и технической предпосылкой его, служит также первоначальное накопление. Надо иметь в виду при этом крупные различия в характере первоначального накопления в Англии и в странах континентальной Европы.

Промышленный переворот вызывает рост промышленной продукции. В связи с этим с невиданной ранее остротой встаёт перед промышленностью проблема рынка. Для английской промышленности исключительную роль стал играть внешний рынок. Для промышленности ведущих стран континентальной Западной Европы и после промышленного переворота основным рынком остался внутренний. Однако и для них роль внешнего рынка возросла. Кроме того машинное производство в капиталистическом хозяйстве является технической предпосылкой кризисов перепроизводства. При ручном труде резкое увеличение в короткий срок размеров промышленной продукции технически невозможно. Машина даёт эту возможность.

Как известно, в Англии промышленный переворот произошёл прежде всего в хлопчатобумажном производстве. И именно в этой отрасли раньше, чем в других, ещё в конце XVIII в. появились первые кризисы перепроизводства.

Промышленный переворот стягивает рабочих в крупные предприятия, сосредоточенные в больших промышленных центрах, что вызывает рост городов. Промышленный переворот резко усиливает географическое разделение труда в стране и экономическую специализацию её районов. А это резко усиливает экономические связи отдельных частей страны между собою.

Переход к машинной технике изменяет структуру и квалификацию рабочих кадров в промышленности. Творческая роль рабочего в производственном процессе, сниженная уже мануфактурным разделением труда, претерпевает дальнейшее снижение, при одновременном выделении небольшого слоя высококвалифицированных технических руководителей. Это кладёт начало формированию технической интеллигенции, в зачаточном виде имевшейся уже и на мануфактурной стадии развития промышленности.

Снижение квалификации большинства рабочих вовлекает в производство в усиленных размерах женский и детский труд. Заработная плата большинства рабочих падает в результате промышленного переворота. Фабрика окончательно ликвидирует остатки полупатриархальных отношений между хозяевами и рабочими, сохранявшиеся в какой-то степени на мануфактурной стадии промышленности. В то же время сосредоточение большого количества рабочих на крупных предприятиях способствует выработке у рабочих сознания общности своих классовых интересов, противоположных интересам хозяев. Формируется промышленный пролетариат, и начинается пролетарское движение.

В своей книге «Положение рабочего класса в Англии» Энгельс указывал, что промышленный переворот создал английский пролетариат и пролетарское движение. Формирование пролетариата является ведущим социальным явлением эпохи промышленного переворота.

В мануфактурный период господствующим классом в стране продолжает оставаться дворянство. А среди буржуазии на первом месте стоит торговая буржуазия. Промышленная буржуазия значительно уступает ей по богатству и удельному весу в составе класса буржуазии.

Промышленный переворот усиливает формирование промышленной буржуазии, способствует росту её накоплений, ставит её на первое место в составе буржуазии и, что особенно важно, вызывает резкое возрастание

социальной роли буржуазии в стране. Она начинает стремиться к активному участию в руководстве государством, вступает в борьбу за власть с классом феодалов. Политика правительства всё больше и больше приходит в противоречие с классовыми интересами буржуазии либо всё больше подчиняется этим интересам. В этом случае старый хозяин государства — феодальный класс — или отходит на задний план или вынужден делить власть с буржуазией.

Таким образом, промышленный переворот резко меняет общий характер экономики, социальную структуру и соотношение социальных сил в стране, в которой он происходит. Именно эту социальную сторону промышленного переворота в Англии подчёркивает Энгельс, когда пишет, что население Англии «состоит теперь из совершенно других классов, — мало того: является совершенно другой нацией, с другими нравами, другими потребностями»¹⁵.

Конечно, я не хочу этим сказать, что изменение в соотношении социальных сил в эпоху промышленного переворота было всюду непосредственным результатом промышленного переворота. Классовая борьба играла огромную роль и до и во время промышленного переворота, но она была порождением всей социальной обстановки, в том числе и промышленного переворота.

В различных государствах Западной Европы изменения в соотношении социальных сил после промышленного переворота были различны, например, социальный вес буржуазии в Англии и в Германии был неодинаков.

Итак, изучение промышленного переворота в России ставит перед историком задачу — найти на основании анализа источников ответы на поставленные выше две группы вопросов. При этом было бы неправильным, односторонне сосредоточив своё внимание лишь на первой группе вопросов, касающихся технической стороны промышленного переворота, пренебречь детальным анализом его социальных последствий.

Но надо также предостеречь и от ошибки противоположного характера: нельзя сводить проблему промышленного переворота преимущественно к его социальной стороне и пренебрегать подробным изучением во всех деталях его технической стороны. Опасность впасть в такого рода ошибку является довольно реальной. Мы, советские историки, при изложении проблемы истории производства, к сожалению, довольно часто лишь бегло останавливаемся на истории производительных сил и сосредоточиваем своё внимание на истории производственных отношений. Наши учебники истории для высшей школы могут служить тому примером¹⁶. По отношению к промышленному перевороту такого рода подход является особенно неправильным.

Изучение истории промышленного переворота в России должно показать как проявление в России общих закономерностей, свойственных промышленному перевороту вообще, — закономерностей, сжатую характеристику которых я только что старался дать, — так и технические и социальные особенности промышленного переворота в России. А особенности эти были очень значительны. В. И. Ленин и И. В. Сталин, изучая историю нашей Родины, всегда не только показывали проявление в ней общих законов развития общества, но и внимательно отмечали исторические особенности её развития.

Прежде чем перейти к конкретному рассмотрению истории промышленного переворота в России, надо сделать ещё два замечания методического характера. Техническая перестройка промышленности в эпоху промышленного переворота в любой стране происходила в разное время в

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. III, стр. 314.

¹⁶ Об этом см. мою статью «К вопросу о структуре учебников истории для высшей школы» («Вопросы истории» № 4 за 1951 год).

разных отраслях, и самый ход технической перестройки в разных отраслях был не одинаков. Поэтому промышленный переворот надо изучать сначала по отраслям промышленности, а потом уже переходить к анализу его влияния на развитие народного хозяйства в целом, к анализу тех социальных сдвигов, которые он произвёл в стране.

Промышленный переворот всюду потребовал для своего осуществления довольно длительного срока, порядка нескольких десятилетий, — так было в Англии, так было во Франции и Германии, так было и в России. Встаёт вопрос: что считать началом и что считать завершением промышленного переворота как для каждой отрасли промышленности в России, так и для страны в целом?

Изменения и развитие производства, учит И. В. Сталин, «начинаются всегда с изменений и развития производительных сил, прежде всего — с изменений и развития орудий производства»¹⁷.

Отсюда вытекает, что началом промышленного переворота в какой-либо отрасли русской промышленности надо считать начало распространения в ней машин. Но, мне кажется, будет неправильным, если мы будем считать началом промышленного переворота появление первой машины в России. Одна ласточка, как говорит русская пословица, ещё не делает весны. Поэтому, например, изобретение гениальным И. И. Ползуновым паровой машины, не получившей длительного применения на практике, нельзя считать началом промышленного переворота в России.

Началом его можно считать для каждой отрасли начало систематического применения в ней не на одном, а на ряде предприятий новой, капиталистической техники, завершением — момент, когда эта техника в данном производстве оттеснит старую технику на второстепенные позиции и повлечёт за собою соответствующие перемены социального порядка.

Наиболее наглядным и удобным показателем такого оттеснения является количественное превышение продукции, произведённой в крупной промышленности при помощи новой техники, над продукцией, произведённой при помощи старой техники. Под крупной промышленностью я в данном случае понимаю не только крупное производство в помещениях, принадлежащих капиталистам-предпринимателям, но и связанную с ним домашнюю систему крупной промышленности. Следовательно, мелкое крестьянское производство холста и домотканного сукна для собственного потребления, а отчасти и на продажу не приходится принимать в расчёт. В металлургии, в сахарной и писчебумажной промышленности мелкого производства в XIX в. не было¹⁸.

Промышленный переворот повышает производительность труда рабочего и вследствие этого понижающим образом действует на цены промышленных изделий. Следовательно, в качестве дополнительных показателей можно привлечь и эти данные, но сделать их основным мерилom нет возможности. Во-первых, отсутствуют достаточные материалы о производительности труда, а отчасти и о ценах; во-вторых, уровень цен зависит не только от техники обработки изделий, но и от других факторов: стоимости сырья, таможенной политики правительства и т. д. Названные качественные показатели к тому же находятся в тесной связи с предлагаемым мною в качестве мерила количественным показателем: прогресс техники на первых порах только обогащает передовых в техническом отношении предпринимателей, снижение цен он производит лишь тогда, когда новая техника получает преобладание. Надо, конечно, иметь в виду, что завершение промышленного переворота вовсе не означает остановку в развитии техники.

¹⁷ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 117.

¹⁸ Ничтожное по размерам получение железа в сыродутных горнах в некоторых местностях России не колеблет этого утверждения.

Под переменами социального порядка надо понимать начало появления в данной отрасли первых признаков кризисов перепроизводства и решающие сдвиги в отрыве рабочего от земли, в формировании пролетарских кадров. Вследствие сложности социальной обстановки в России в процессе формирования пролетарских кадров были значительные особенности по отраслям и районам.

Завершением промышленного переворота в стране надо считать момент, когда он произойдёт в ведущих отраслях производства, дающих в сумме большую часть продукции крупной промышленности страны. Целый ряд отраслей промышленности остаётся на мануфактурной стадии и долгое время после завершения переворота, до эпохи империализма включительно.

Перехожу теперь к конкретному рассмотрению истории промышленного переворота в России. Мне придётся для этого сделать попытку применительно к России разобрать намеченные выше признаки, характерные для технической и социальной сторон промышленного переворота. Я ограничусь лишь очень кратким анализом хода промышленного переворота в двух крупных отраслях промышленности, имевших большое народно-хозяйственное значение, — одной, передовой, каковой было хлопчатобумажное производство, и другой — отсталой, а именно чёрной металлургии. Этим путём я хочу дать хотя бы самое общее представление о предлагаемой методике исследования по отраслям. Кроме того я изложу схему возможного решения вопроса.

Систематическое, а не спорадическое только применение машин в русской промышленности началось ещё в дореформенную эпоху в разных отраслях промышленности в разное время. Применение машин было подготовлено развитием мануфактуры, довольно широко применявшей разделение труда.

Интересно отметить широкое распространение на мануфактурах перед реформой водяного колеса и конной тяги для приведения в движение механизмов в ряде отраслей обрабатывающей промышленности. Для металлургии, как чёрной, так и цветной, механизация некоторых производственных процессов при помощи водяного колеса была старым делом, получившим значительное применение задолго до XIX века. Но применение конного привода в шерстяной, полотняной, ситцевой, сахарной промышленности характерно именно для предреформенных десятилетий. Архивный материал позволяет нарисовать довольно яркую картину этих первых шагов промышленной революции.

В дореформенную же эпоху начинается внедрение паровой машины в качестве двигателя. Механизация легче внедрялась на предприятиях с вольнонаёмным, чем на предприятиях с принудительным трудом. В первом случае более передовые производственные отношения ускоряли развитие производительных сил, во втором — отсталые производственные отношения замедляли его. Отдельные исключения из этого правила были. Например, помещик Волков сумел на крепостном труде организовать образцовую в техническом отношении хлопчатобумажную фабрику в Горенках, Московского уезда, получившую широкую известность. Но таких случаев было немного.

В дореформенной промышленности России ведущую роль играло и было технически передовым хлопчатобумажное производство, работавшее почти полностью на вольнонаёмном труде. Несмотря на указанную роль этого производства, его история очень мало изучена историками нашего народного хозяйства. В этой отрасли промышленности раньше всего началась техническая перестройка. Но она началась в разных стадиях производственного процесса в разное время. Как известно, хлопчатобумажное производство состоит из трёх основных частей: прядения, ткачества и ситценабивного и отделочного производства.

Развитие хлопчатобумажной промышленности в России началось ещё в XVIII в. с набивки ситцев на импортном миткале. В XVIII в. возникает также хлопчатобумажное ткачество из импортной пряжи. Оба эти процесса — ткачество и набивка с отделкой — долгое время существуют в форме мелкого товарного производства и мануфактуры.

Последним возникает бумагопрядение. Оно появляется в России в виде механизированного фабричного производства¹⁹, не проходя предварительно стадии мелкого товарного производства и мануфактуры. Хорошо известно, что первой бумагопрядильной фабрикой в России была казённая Александровская мануфактура. Она сыграла крупную роль в истории русского бумагопрядения. Но эта роль до сих пор почти не изучена: её богатый архив не интересовал исследователей, за исключением одного лишь Е. А. Цейтлина, изучавшего, однако, не бумагопрядение, а прядение льна на этой мануфактуре.

Александровская мануфактура возникла в 1798 году. Она развернула свою работу во второй половине первого десятилетия XIX века. Эта мануфактура сначала применяла так называемую «дженни», которая приводилась в движение конной тягой и водяным колесом. Но очень скоро она перешла к более совершенным прядильным машинам, приводимым в движение паром.

На первых порах пряжа получалась плохого качества, и торговцы пряжей центрально-промышленного района не хотели её покупать. Но постепенно дело наладилось. В архиве сохранилась любопытная таблица, суммирующая динамику производительности труда в бумагопрядении на Александровской мануфактуре. По этим данным, если выработку на человеко-день в 1805 г. принять за единицу, то в 1810 г. она выражалась уже цифрой 2½, в 1820 г. — цифрой 7, в 1830 г. — 14 и в 1841 г. — 22. Параллельно рос выход пряжи из пуда хлопка²⁰.

Ещё до Отечественной войны 1812 г. возник ряд частных механических бумагопрядилен, главным образом в Москве²¹. Во время московского пожара 1812 г. московские бумагопрядильни погибли. После Отечественной войны 1812 г. в течение целого десятилетия в наших источниках нет данных о частных бумагопрядильных предприятиях.

В 20-х годах XIX в. вновь возникают частные бумагопрядильни. Сохранились данные о их продукции за 1828 год. Существовавшие в этом году девять бумагопрядилен, вместе взятые, произвели меньше пряжи, чем одна Александровская мануфактура. Она, безусловно, превосходила их и качеством изделий. Все эти предприятия тоже оказались недолговечными.

Таким образом, до 30-х годов бумагопрядение в России было представлено главным образом Александровской мануфактурой. В 30-х годах развёртывает работу возникшая в конце 1828 г. уже упоминавшаяся фабрика Волкова, но она, по существу, не изменила положения. Лишь во второй половине 30-х годов дело меняется: в Петербурге возникают три крупные частные бумагопрядильные фабрики. Самой большой из них была Российская бумагопрядильная мануфактура с капиталом 3½ млн. рублей ассигнациями. В Ленинградском областном архиве сохранился довольно богатый фонд этой фабрики. Это акционерное предприятие было основано управляющим Александровской мануфактурой и несколькими петербургскими купцами²². Среди акционеров были видные представители петербургской буржуазии и сановной бюрократии (например,

¹⁹ Ручное прядение хлопка в незначительных размерах имело место в Астрахани, то есть за пределами московско-ивановского промышленного района и Петербурга; в крупное производство оно не развилось.

²⁰ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 758, оп. 24, д. 87, л. 31.

²¹ Там же, ф. 758, д. 1795, лл. 8—9.

²² Ленинградский областной архив, ф. 1196, оп. 1, д. 5, лл. 4—5.

Нессельроде). Из двух других бумагопрядилен, уступавших названной фабрике по размерам, одна была основана бароном Штиглицем²³, известным банкиром и предпринимателем того времени, а другая — Мальцевым, тоже известным предпринимателем-помещиком, который вскоре продал её в купеческие руки²⁴.

Эти три фабрики дожили до Великой Октябрьской социалистической революции, когда они были национализированы.

В Московской губернии также возникли новые бумагопрядильни. Наиболее значительной из них была основанная в 1835 г. в Дмитровском уезде фабрика Лепёшкина, получившая название Вознесенской мануфактуры. Таким образом, во второй половине 30-х годов Александровская мануфактура отходит далеко на задний план.

В 40-х годах, особенно со второй их половины, наступает новый этап в истории русского бумагопрядения. Бумагопрядильные фабрики начинают строить владельцы ткацких и ситценабивных предприятий промышленного центра: Хлудовы, Морозовы, Малютин, Коншин в Московском районе, Гарелин в Иванове. Одновременно в Петербурге возникает ряд новых бумагопрядильных фабрик.

Начиная с 1846 г. импорт пряжи быстро падает. Импорт хлопка, превысивший впервые в 1845 г. импорт пряжи, стремительно растёт. Уже в 50-х годах бумаготкацкие предприятия России потребляли главным образом русскую пряжу.

Таким образом, зарождение механического бумагопрядения происходит в самом начале XIX в. в виде казённого предприятия. Крупное народнохозяйственное значение механическое бумагопрядение приобретает начиная со второй половины 30-х годов. Уже за десять лет до крестьянской реформы оно стало в основном обеспечивать потребность русской промышленности.

В ситценабивном деле, начавшем своё развитие в России в виде мануфактуры и мелкого товарного производства, механизация начинается на предприятиях петербургских капиталистов Вебера и Битепажа, где во второй половине 10-х годов XIX в. были установлены ситцепечатные машины. Эти предприятия считались технически наиболее совершенными ситценабивными предприятиями в России того времени. В конце 20-х годов ситцепечатные машины начинают распространяться на ситценабивных мануфактурах Московского района, изделия которых по качеству несколько уступали петербургским, но стояли выше ивановских. В Иванове первая ситцепечатная машина была установлена в 1828 г. на мануфактуре Спиридонова. В 30-х годах ситцепечатание распространяется относительно медленно. Эльзасец Штейнбах, один из основателей получившей впоследствии большую известность московской фирмы Циндель, так характеризовал в «Бюллетене промышленного общества Мюлуза» ситцевое производство в России в конце 30-х годов: «Набивка ручной формой и её гравировка достигли большого совершенства, но автор был поражён слабым распространением набивных машин»²⁵.

Ручная набойка стала сокращаться со второй половины 30-х годов, но она всё же сохранялась ещё в середине 50-х годов не только на ряде небольших, технически отсталых мануфактур, но и на некоторых крупных, технически хорошо оснащённых предприятиях, например, на акционерной царевской ситцевой мануфактуре, применявшей паровые машины и имевшей продукцию около полумиллиона рублей серебром. В 1856 г. здесь насчитывалось 170 набивных столов²⁶.

Но всё же накануне реформы ситцепечатание уже явно преобладало над ручной набойкой ситца. Ситцепечатные машины приводились в

²³ ЦГИАЛ, ф. 18, оп. 2, д. 2204, л. 1.

²⁴ Там же, оп. 7, д. 1846, лл. 1, 6, 16.

²⁵ «Bulletins de la société industrielle de Mulhouse» 1840, p. 468.

²⁶ ЦГИАЛ, ф. 18, оп. 2, д. 5855, лл. 84—85.

движение в дореформенное время главным образом при помощи конного привода. Паровые машины применялись лишь на крупных, технически лучше оборудованных предприятиях. Конный привод был вытеснен паровой машиной только после реформы.

Механический ткацкий станок появился в хлопчатобумажной промышленности задолго до реформы. Но распространение его шло медленно. До реформы преобладала раздаточная система в сочетании с ручным ткачеством на ткацких мануфактурах. По оценке специалиста того времени Шерера, в 1859 г. на долю механического ткачества приходилось лишь около одной пятой всей продукции. Значительно сократилась раздаточная система только в 70-х годах. В этом отношении показательны архивные данные по Иванову²⁷. В 60-х годах в ивановской промышленности на дому работало вдвое больше ткачей, чем в помещениях предпринимателей, в 70-х годах на дому работало уже втрое меньше, чем в помещениях предпринимателей, в 1880 г. в Иванове раздаточная система почти сошла на нет. В производстве некоторых ткацких изделий раздаточная система дожила до Великой Октябрьской социалистической революции, но удельный вес их в общей продукции ткацких предприятий был небольшим.

Вопрос о кризисах в дореформенной русской промышленности изучен слабо. Наличие капиталистических кризисов в России уже в то время является спорным. Но те признаки кризиса, которые можно обнаружить в конце 50-х годов и которые исследователи кризисов связывают с мировым кризисом 1857 г., относятся прежде всего к хлопчатобумажному производству.

В 1867 г. хлопчатобумажное производство было той отраслью промышленности, которая стала центром кризиса. В 1873 г. общая картина кризиса была более сложной, чем в 1867 году. Но и в этом случае хлопчатобумажная промышленность испытала сильное потрясение. Современник, известный ивановский фабрикант и одновременно историк города Иванова Я. П. Гарелин, отмечая затруднения в торговле хлопчатобумажными товарами в конце 1872 и в 1873 г., писал: «Такой ход торговли объясняется не конкуренцией с иностранными фабрикантами. Главная причина плохой торговли заключалась в том, что ситцев было наработано громадное количество и их нужно было сбыть во что бы то ни стало»²⁸. Конечно, производство ситцев в количестве, превышающем рыночный спрос, не было главной причиной кризиса, порождённого капиталистическим характером производства, а лишь одним из его проявлений.

Ещё до реформы 1861 г. в хлопчатобумажном производстве стали складываться кадры постоянных рабочих, работавших по вольному найму, для которых заработная плата являлась основным, а часто и единственным источником средств существования. Они рекрутировались преимущественно из крепостных крестьян; они были объектом двойной эксплуатации — капиталистической со стороны предпринимателя и феодалской со стороны помещика, которому они отдавали часть своей заработной платы в качестве оброка. В силу этого их приходится считать ещё предпролетариатом. Но после 1861 г. они стали пролетариями. Связь многих из них с сельским хозяйством ещё до реформы 1861 г. была очень слабой или вовсе отсутствовала. Наглядным примером может служить Иваново, имевшее накануне реформы 1861 г. 9 тыс. жителей, почти не связанных с земледелием и занятых исключительно в хлопчатобумажной промышленности.

Роль механизированного производства для отрыва рабочего от сель-

²⁷ Эти данные я заимствую из неопубликованной диссертации ивановского историка А. В. Шипулиной.

²⁸ Я. П. Гарелин. Город Иваново-Вознесенск. Ч. II, стр. 59—60. 1885.

ского хозяйства хорошо известна по данным первой половины 80-х годов, собранным земскими статистиками. В Московской губернии число рабочих из крестьян, уходивших на полевые работы, составляло:²⁹

прядаильные отделения бумагопрядаильных фабрик	3%
механические ткацкие фабрики	10%
ручные ткацкие фабрики	78%
ситцепечатные отделения хлопчатобумажных фабрик	4%

Значение механизации хлопчатобумажного производства для отрыва рабочего из крестьян от земледелия эти цифры показывают очень наглядно³⁰.

В других отраслях текстильной промышленности переход мануфактуры в фабрику начался позже, чем в хлопчатобумажном производстве. В шерстяной и льняной промышленности этот переход начался ещё до реформы, но в сравнительно ограниченных размерах, а завершился в пореформенное время — в основном примерно к началу 80-х годов. Ручное производство холстов, а отчасти и сукна крестьянством, главным образом для домашнего потребления, но частично и для продажи сохранилось до Великой Октябрьской социалистической революции.

Из других отраслей обрабатывающей промышленности остановлюсь на двух — сахарной и писчебумажной. В этих отраслях весьма значительная техническая перестройка имела место ещё до крестьянской реформы. Свеклосахарная промышленность возникла в России в самом начале XIX в. в Тульской губернии в форме мануфактуры. Сначала она развивалась очень медленно. Во второй половине 30-х годов, когда началось строительство свеклосахарных заводов на Украине, эта промышленность вступает в новую фазу развития. Её история за дореформенное время неплохо изучена в книге украинского академика К. Г. Воблого³¹. Воблый уделил значительное внимание вопросам технического развития сахарной промышленности, но его работа нуждается всё же в существенных дополнениях.

В 1848—1849 гг. паровые заводы (первый из них возник в 1840 г.) дали уже 44% всей продукции; в 1853—1854 гг. на их долю пришлось уже 56%, то есть больше половины³²; в 1860—1861 гг., накануне падения крепостного права, паровые заводы дали 85% общего производства сахарного песка³³.

История механизации писчебумажной промышленности представляет большой интерес. В писчебумажном производстве уже к 1861 г. механизированные предприятия давали более половины продукции.

Перечисленные мною отрасли были ведущими и охватывали накануне крестьянской реформы около трёх четвертей всех рабочих обрабатывающей промышленности, учтённых правительственной статистикой. Остальных отраслей обрабатывающей промышленности я не изучал подробно. Могу лишь сказать, что в техническом развитии большинство их отставало от перечисленных мною выше.

²⁹ Е. М. Деметьев. Фабрика, что она даёт населению и что у него берёт, стр. 54—55. М. 1897.

³⁰ Надо иметь в виду, что эти цифры показывают только степень личного участия рабочего в сельскохозяйственных работах. Многие рабочие, не уходившие на полевые работы, вели хозяйство силами семьи. Поэтому не следует эти цифры понимать как мерило связи рабочего с деревней. Даже гораздо позже, накануне Великой Октябрьской социалистической революции, более одной пятой рабочих имели землю и вели своё хозяйство при помощи членов семьи (по данным профессиональной переписи 1918 г., когда были собраны сведения также и за дореволюционные годы).

³¹ К. Г. Воблый. Опыт истории свеклосахарной промышленности в СССР. М. 1928.

³² ЦГИАЛ, ф. 571, оп. 9, д. 828, л. 15 об.

³³ «Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности в России». Т. 1. стр. 22. СПб. 1862. Когда я в 1945 г. полемизировал с С. Г. Струмилиным, я этими данными не располагал (см. «Вопросы истории», 1945, № 1). Я должен теперь в данном случае в свои возражения того времени внести небольшую поправку в пользу С. Г. Струмилины.

Перехожу к истории промышленного переворота в чёрной металлургии (на цветной металлургии я не буду останавливаться ввиду довольно значительного сходства её в технико-организационном отношении с чёрной металлургией).

Прежде всего надо условиться, что́ считать началом технического переворота в данной отрасли. Плавка на минеральном топливе не может быть выбрана в качестве критерия, так как в таком случае металлургию не только пореформенного Урала царской России, но и современной Швеции придётся считать в техническом отношении не прошедшей ещё стадии промышленного переворота. Я беру в качестве критериев замену кричного горна пудлинговой печью и другим, более совершенным оборудованием и замену водяного колеса паровой машиной и водяной турбиной.

Материал по истории металлургии накопился в наших архивах весьма значительный. Немало дают и опубликованные источники. Чёрная металлургия до реформы работала на принудительном труде. Крепостное право уже оказывало в это время на неё то задерживающее влияние, которое отмечал В. И. Ленин.

Пудлингование на Урале впервые утвердилось на казённом Камско-Воткинском заводе, где соответствующие опыты начались в 1837 году³⁴. В 40-х годах на 11 заводах Урала уже работали пудлинговые печи³⁵. В 50-х годах имел место дальнейший прогресс в этом отношении. Из замосковных заводов ведущие заводы Шепелевых и Мальцева уже в 40-х годах перешли на пудлингование. Накануне реформы в целом по России, по подсчётам С. Г. Струмилина, пудлинговые печи давали около половины металла. На юге России чёрная металлургия, если не считать незначительных предприятий Волынской губернии, которые не приходится принимать во внимание, возникла сразу же на основах новой, капиталистической техники.

В 1882 г. на долю кричных горнов приходилось всего лишь около $\frac{1}{9}$ всего металла³⁶.

Успехи в энергетике были гораздо меньше. Накануне реформы на водяные колёса в целом по России приходилось 88% общей мощности энергетических установок чёрной металлургии. Остальное распределялось между паровыми машинами и водяными турбинами. В 1882 г.³⁷ на долю водяных колёс падало только 37%. Но на Урале даже и в этом году мощность водяных колёс составляла несколько более половины общей мощности.

Постоянные кадры рабочих, работавших на заводах из поколения в поколение, сложились на металлургических заводах Урала и центра ещё в XVIII веке. Мастерские, выполнявшие основные заводские операции, были полностью заняты на производстве. Но они всё же имели небольшое, подсобного характера сельское хозяйство: покосы, дававшие им возможность держать корову, огороды, а иногда и небольшие клочки пашни.

На время сенокоса заводы останавливались. Рабочие имели усадьбы с избами и надворными постройками. Вольнонаёмный труд на заводах чёрной металлургии применялся мало. Очевидно, рабочих чёрной металлургии дореформенного времени можно назвать только предпролетариатом.

Реформа 1861 г. дала рабочим металлургических заводов личную свободу, и они стали работать по найму. Вследствие значительной численности уральских рабочих, превышавшей пореформенные потребности

³⁴ ЦГИАЛ, ф. 44, оп. 2, д. 567.

³⁵ Там же, ф. 46, оп. 1, д. 2, лл. 318—327.

³⁶ За 70-е годы этих данных нет.

³⁷ За 70-е годы этих данных нет.

заводов, притока новой рабочей силы на уральские заводы не было. Напротив, не хватало работы наличному составу. Аналогичное положение было и на металлургических заводах центра. Кадры рабочих-металлургов юга России сложились уже в 70—80-х годах на чисто капиталистических основаниях.

На основании всего сказанного можно сделать общий вывод о промышленности в целом. В целом в крупной промышленности России машинная техника оттеснила ручной труд на второстепенные позиции к началу 80-х годов XIX века. Но наряду с крупной промышленностью сохранялась занимавшая очень много рабочих рук мелкая. Сохранилась, особенно в глухих местах, домашняя промышленность, ещё не отделившаяся от земледелия.

Период технической перестройки крупной промышленности — это отрезок времени несколько менее пятидесяти лет, от середины 30-х до начала 80-х годов. Основной костяк железнодорожной сети создан в 60—70-х годах. Это хорошо известно. На этом можно не останавливаться. Представляет большой интерес история механизации водного транспорта. Она развернулась раньше создания железнодорожной сети. Это область, мало изученная историками и экономистами; транспортники дали тоже очень немного работ. Наибольший интерес из этих работ представляет книга И. А. Шубина³⁸, вышедшая четверть века тому назад. Первичный материал, архивный и опубликованный, весьма значителен и интересен.

Широкому развитию пароходства предшествовала примитивная механизация при помощи конной тяги. Я говорю в данном случае не о лошадиной тяге наподобие бурлацкой, а о так называемых коноводных машинах, появившихся во второй половине 10-х годов и получивших распространение в 40-х годах.

Пароходство появилось у нас рано, но распространение получило на Волге только со второй половины 40-х годов. Накануне реформы 1861 г. по Волге и её притокам плавало более 200 пароходов. В 50-х годах предпринимались важные работы по улучшению пути по Мариинской системе и отчасти по Волге. Это облегчило распространение пароходства.

После реформы 1861 г. речной транспорт продолжает развиваться. В 70-х годах на Волге появляются пароходы двухдечного типа.

Таким образом, период технической перестройки на транспорте хронологически несколько ближе у нас ко времени технической перестройки в промышленности, чем это было в Западной Европе.

В области снабжения механизмирующихся промышленности и транспорта металлом, топливом и машинами наш промышленный переворот имел ряд особенностей, порождённых главным образом социальными причинами, а отчасти и природными условиями, которых тоже не следует забывать.

Дореформенная Россия удовлетворяла свои весьма ограниченные потребности в металле внутренним производством. Но когда правительство стало строить железную дорогу Москва — Петербург, крепостнический Урал оказался не в силах снабдить её рельсами. Пришлось прибегнуть к импорту. Железнодорожное строительство 60—70-х годов развернулось в весьма значительной степени на импортном металле. Импортировался металл в 60—70-х годах и для машиностроения. Только в конце 80-х годов в снабжении металлом начинается перелом благодаря росту промышленности Юга.

Таким образом, в процессе механизации промышленности и транспорта импорт металла играл крупную роль. Причина заключается в пережитках крепостничества, задерживавших развитие пореформенного Урала, и в запоздалом разрешении проблемы южной металлургии.

³⁸ И. А. Шубин. Волга и волжское судоходство. М. 1927.

Особенности топливного баланса России в годы промышленного переворота состояли, с одной стороны, в сохранении очень большой роли дровяного топлива в центрально-промышленном районе; с другой стороны, в использовании импортного угля в промышленности Петербурга и других портов Балтийского моря. Это в значительной степени было результатом отдалённости Донецкого бассейна от основных районов обрабатывающей промышленности страны и неспособности капитализма преодолеть эту отдалённость. Но, конечно, наша угольная и нефтяная промышленность всецело была создана промышленным переворотом.

Машиностроение зародилось в России ещё до реформы 1861 года. Самостоятельные машиностроительные предприятия возникли не сразу. Их предшественниками были механические мастерские при металлургических заводах и при некоторых предприятиях лёгкой промышленности и литейные заводы. На заводах чёрной и цветной металлургии ещё в XVIII в. очень часто существовали специальные мастерские, которые изготовляли для этих заводов оборудование. Обычно эти мастерские посторонних заказов не принимали, а работали для нужд своего предприятия.

Именно в такого рода мастерских были построены ещё в XVIII в. наши первые паровые машины. Гениальный И. И. Ползунов построил свою паровую машину на Колывано-Воскресенских заводах на Алтае для нужд этих заводов. Несколько позже, в 1790 г., на Александровском заводе в Петрозаводске была построена паровая машина, предназначенная для отлива воды на Воицком золотом прииске и ряд лет на нём работавшая.

В первой половине XIX в. некоторые из таких мастерских принимали частные заказы и играли иногда весьма значительную роль в истории технического оснащения русской промышленности. На первом месте среди них надо поставить механическую мастерскую казённой Александровской мануфактуры.

Деятельность этой мануфактуры в поставке оборудования русским бумагопрядильным фабрикам на первых порах развития русского бумагопрядения, когда вывоз прядильных машин из Англии был запрещён, имела весьма серьёзное значение. В этом отношении надо особенно подчеркнуть крупную роль, какую сыграла Александровская мануфактура³⁹ в оснащении прядильным оборудованием тех трёх крупных частных бумагопрядилен, возникших в Петербурге во второй половине 30-х годов, основание которых явилось одним из важнейших этапов в развитии бумагопрядения в России.

Механические мастерские при сахарном заводе Яхненко и Симиренко и при заводе Бобринского производили в 40—50-х годах некоторые виды оборудования как для своих заводов, так и по заказам других сахарозаводчиков. Кроме того при некоторых сахарных заводах существовали механические мастерские для собственных нужд этих заводов. Роль этих мастерских в истории русской сахарной промышленности является значительно более скромной, чем роль Александровской мануфактуры в истории бумагопрядения.

Широко развернули работу в середине XIX в. механические мастерские казённого Камско-Воткинского завода в Вятской губернии, Сноведского завода Шепелевых⁴⁰ и Мальцевских заводов. Камско-Воткинский завод был в течение многих лет пионером новой техники в чёрной металлургии. В некоторой связи с этим стоит и деятельность его механических мастерских, производивших часть необходимого для освоения этой новой техники оборудования. Механические мастерские завода начали значи-

³⁹ О текстильном машиностроении на Александровской мануфактуре см. в моей статье «Роль отечественного машиностроения в снабжении прядильным оборудованием русских бумагопрядильных фабрик в первой половине XIX века» («Исторические записки», т. 42).

⁴⁰ Из группы **Выксунских** заводов Приокского горного округа.

тельно расширяться с 1837 г., когда на заводе начались опыты по введению пудлингования. Ещё более они расширились в 1847 г., когда Воткинский завод начал строить пароходы⁴¹. После реформы этот завод производил также паровозы. Заводы Шепелевых были передовыми в техническом отношении среди замосковных металлургических заводов.

Механическая мастерская Сноведского завода Шепелевых начала во второй половине 30-х годов производить паровые машины. В 50-х годах завод развернул строительство пароходов. В меньших размерах аналогичной работой занялись Мальцевские заводы, где механическое производство развернулось в 40-х годах.

Старейшими литейными заводами России, выросшими в крупные машиностроительные предприятия, были заводы Берда и казённый Александровский завод в Петербурге. Эти два завода положили начало развитию Петербурга как центра русского машиностроения.

Завод Берда возник ещё в 1792 г. как литейное предприятие. Первоначально завод производил кухонные и печные приборы, камбузы, топоры, молотки, различные инструменты и всякого рода литьё, по преимуществу для казны. В 1811 г. завод построил паровую машину и токарные станки для казённого Тульского оружейного завода.

В 1815 г. на этом заводе был построен первый в России пароход. В дальнейшем завод наряду с литейными работами, которые до 30-х годов составляли главное его занятие, развивал также и машиностроение. В 30-х годах машиностроение на заводе Берда усилилось, но и литейные работы продолжались. Завод работал на вольнонаёмном труде. Он по поручению правительства в начале века принимал в обучение рабочих казённых заводов. Завод воспитал первое поколение русских рабочих-машиностроителей.

Александровский завод был построен в 1825—1828 гг., после того как от наводнения 1824 г. очень сильно пострадал казённый же петербургский литейный завод, основанный ещё в 1801 году. Новый завод должен был заменить своего предшественника⁴². Подобно заводу Берда, Александровский завод сочетал литейное дело с постройкой паровых машин и пароходов. Когда началось строительство Московско-Петербургской железной дороги, Александровский завод, сданный в аренду Гаррисону и Уайненсу, был реорганизован. Он стал производить подвижной состав для этой дороги.

Сочетали литейное дело с машиностроением и другие, позднее возникшие литейные заводы. Из небольшого литейного предприятия, возникшего в 50-х годах, вырос известный Невский завод в Петербурге.

Ещё до реформы 1861 г. возникли в России и самостоятельные машиностроительные заводы. В 1839 г. была основана в Екатеринбурге казённая механическая фабрика. Предприятие было построено для нужд казённых уральских заводов, но потом стало принимать и частные заказы. Екатеринбургская механическая фабрика производила некоторые виды оборудования для уральских заводов, а также паровые машины и котлы для пароходов.

В 1849 г. под Нижним-Новгородом возник Сормовский завод для постройки пароходов. В начале 50-х годов был основан в Костроме машиностроительный завод Шипова. Завод начал свою деятельность с выделки медных валов для ситцепечатных фабрик, но в основном производил паровые машины и пароходы.

В Москве в 1847 г. при ссуде со стороны правительства возник машиностроительный завод Риглея, перешедший в 1853 г. в руки московского текстильного фабриканта Алексеева. Завод изготовлял оборудование для текстильных предприятий, строил паровые машины и занимался ремонтом

⁴¹ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 10, д. 26, 27, 28.

⁴² Старый петербургский завод всё же в небольших размерах продолжал работать. Впоследствии на его базе был создан известный Путиловский завод.

машин. Из мастерской для ремонта паровозов, основанной Макферсоном в 50-х годах в Петербурге, вырос впоследствии Балтийский завод.

В основном развитие русского машиностроения падает на пореформенные годы. Разные отрасли машиностроения получили в России неодинаковое развитие. Транспортное машиностроение развилось гораздо лучше, чем промышленное. Раньше всего прочно встало на ноги строительство речных паровозов. В этой области импорт играл существенную роль только в первоначальном периоде развития паровозостроения. Из паровозов, которые имелись на реках и озёрах России в 1878 г., около двух третей были построены внутри страны.

Несколько позже, чем строительство паровозов, развилось паровозо- и вагоностроение. Правда, первый паровоз в России был построен ещё в первой половине 30-х годов на Урале крепостными техниками Демидова — отцом и сыном Черепановыми, — а уже во второй половине 40-х годов Александровский завод стал производить паровозы и вагоны. Но, тем не менее, в снабжении русских железных дорог подвижным составом как до реформы 1861 г., так и в 60-х и первой половине 70-х годов ведущая роль принадлежала импорту. Во второй половине 70-х годов, когда железнодорожное строительство сократилось, а паровозостроение и вагоностроение усилились, отечественное машиностроение сделалось основным поставщиком подвижного состава для русских железных дорог.

Значительно меньшими были успехи в производстве машин для промышленности. Русская промышленность и в годы промышленного переворота и позже работала преимущественно на импортных машинах. Как известно, слабое развитие промышленного машиностроения осталось характерной чертой русской промышленности вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Таким образом, иностранная техника в период промышленного переворота широко использовалась в России, но всё же роль отечественной техники даже на ранней стадии была больше, чем это обычно принято думать. При оценке роли иностранной и отечественной техники в промышленном перевороте России надо иметь в виду несоответствие между успехами русской технической мысли, дававшей достижения мирового значения, и социальной обстановкой, тормозившей внедрение их в промышленную практику. Отсталые производственные отношения задерживали и в этом случае развитие производительных сил страны.

Процесс первоначального накопления в России весьма значительно отличался от его «классической» английской формы. Россия в этом отношении была ближе к странам континентальной Европы, но и по сравнению с ними этот процесс имел в России значительные особенности.

Сходство процесса первоначального накопления в России и в странах континентальной Западной Европы состояло в отсутствии и в России и в этих странах того массового обезземеления крестьянства, которое так характерно для Англии и которое привело в этой стране к исчезновению крестьянства. Характерной особенностью России по сравнению и с Англией и с другими ведущими странами капиталистической Западной Европы было то, что первоначальное накопление протекало в ней при господстве крепостного права.

Группы населения, лишённые средств производства и живущие на заработную плату, были в России ещё в XVII веке. В XVIII и в первой половине XIX в. их численность значительно выросла. Но в весьма значительной степени, в особенности в XVIII в., эти группы состояли из людей крепостного состояния. При этом из рабочих крупной промышленности ещё в начале XIX в. большинство не только было крепостными, но и работало на предприятиях своих владельцев в принудительном порядке, а не по вольному найму.

Рабочие горных заводов в XVIII в. формировались в значительной степени за счёт насильственного перевода части приписных крестьян в

мастеровые, а также при помощи покупки владельцами заводов крестьян в разных губерниях России и путём перевода крестьян на заводы из своих вотчин. Рост обрабатывающей промышленности на принудительном труде также в значительной мере влёл за собою полную или частичную ликвидацию занятыми на предприятиях крестьянами своего земледельческого хозяйства.

Пополнение рабочих кадров на казённых предприятиях происходило путём обращения рекрутов в рабочих. Этим способом крестьяне также отрывались от земледелия. В начале XIX в. на Урале приписные крестьяне были заменены так называемыми непрямыми работниками (из расчёта 58 не прямых работников на тысячу приписных душ). Непрямые работники тем самым отрывались от земледелия.

В первой половине XIX в. покупка дворянами, владельцами промышленных предприятий, крестьян для превращения их в рабочих или перевод вотчинных крестьян на свои предприятия тоже имели место, хотя, повидимому, в заметно меньших размерах, чем раньше. Таким образом, и в России характерное для первоначального накопления насильственное обезземеление коснулось некоторой части крестьянства ещё задолго до реформы 1861 года. Но это обезземеление делало в XVIII в. крепостного крестьянина не капиталистически занятым рабочим, работающим по вольному найму, а рабочим вотчинной или посессионной мануфактуры.

Реформа 1861 г., которую В. И. Ленин назвал помещичьей «чисткой земель» для капитализма⁴³, как известно, не только уменьшила наделы большинства крестьян, но и создала значительные кадры безземельных. Этим безземельным была уже предоставлена возможность искать себе работу на капиталистических основаниях.

Первоначальное накопление, как установил Маркс, было не только лишением мелкого производителя средств производства, но и накоплением средств для последующего вложения их в капиталистические предприятия. Источники этого накопления, свойственные Западной Европе мануфактурного периода, в большинстве своём имели место и в России в аналогичную эпоху её истории. Эксплуатация окраин колониальными методами начинается в царской России с XVII века. Роль драгоценных металлов колоний, обогащавших Западную Европу мануфактурного периода, в России XVII в. играла сибирская пушнина. Её значение сильно уменьшилось в последующем веке, но в той же Сибири началась разработка драгоценных металлов.

Поставки в казну, прежде всего для нужд армии и флота, стали значительным источником обогащения начиная с XVIII века. Тогда же выдвинулся такой крупный источник первоначального накопления в России, как винные откупа. На откупах наживались огромные состояния. Часть этих состояний направилась в промышленность ещё в XVIII в., направилась именно в той форме, какая была свойственна этому столетию в России, то есть была вложена в мануфактуры, работавшие на принудительном труде. В качестве примера можно назвать Савву Яковлева, нажившего большое состояние на откупах и сделавшегося уральским заводчиком и владельцем Большой Ярославской мануфактуры.

Таким образом, имея значительные особенности, первоначальное накопление в России, как и в других странах, хронологически совпадало с мануфактурным периодом и предшествовало промышленному перевороту. Накопление капиталов, отделение мелкого производителя от средств производства и рост числа рабочих, живущих на заработную плату, имели место в России, как и всюду, конечно, и в эпоху промышленного переворота и позже. Но эти процессы протекали тогда уже несколько иначе, были не проявлением «предистории капитала», а характерными признаками развития капитализма в стране.

⁴³ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 13, стр. 250.

Промышленный переворот вызвал в России, как и в других странах, рост промышленной продукции. Основным рынком для капиталистической промышленности России в эпоху промышленного переворота и после него был внутренний рынок. Вывоз железа и полотна в Западную Европу и Америку, имевший крупное значение в XVIII в., в годы промышленного переворота и после него сначала резко уменьшился, а потом совсем сошёл на нет. Вывоз тканей и некоторых других промышленных изделий в Азию приобрёл сравнительно ограниченное значение.

Но внутренний рынок России не вполне сопоставим по своему характеру с внутренним рынком ведущих капиталистических стран Западной Европы XIX века. В составе Российской империи были, как известно, территории колониального типа, как, например, Казахстан и Средняя Азия или Закавказье. Таких территорий в составе, например, Германского таможенного союза не было. Было бы, однако, серьёзной ошибкой считать колониями Российской империи все её части с нерусским населением. В составе Российской империи были территории, угнетённые в национальном отношении, но экономически развитые. В качестве примера можно назвать Латвию и Эстонию.

Со второй половины 40-х годов XIX в. растёт экспорт хлеба. Рост экспорта сельскохозяйственных товаров увеличивал покупательную способность экспортирующих районов и тем способствовал спросу на изделия русской промышленности, защищённой от иностранной конкуренции высокими пошлинами. Таким образом, рост сельскохозяйственного экспорта стимулировал увеличение промышленного производства.

Промышленный переворот в России создал технические предпосылки для появления капиталистических кризисов. Выше это было показано на примере хлопчатобумажного производства. Развитие железнодорожного строительства в конце 60-х — начале 70-х годов, совпавшее по времени с заключительной стадией технической перестройки промышленности, положило начало усилению роли тяжёлой промышленности в капиталистических циклах в России.

Промышленный переворот в России, как и в других странах, способствовал росту городов и других индустриальных центров и формированию промышленных районов. В тесной связи с промышленным переворотом находится формирование Петербурга как индустриального центра. Петербург был пионером новой техники в хлопчатобумажном производстве. В нём впервые в России развилось ситцепечатание. Петербург стал первым центром бумагопрядения в России, которое сначала укоренилось в нём, а потом стало распространяться в центральном промышленном районе.

Особенно крупное значение приобрёл Петербург как центр русского машиностроения. Машиностроение зародилось в нём в начале XIX в. на заводе Берда и на казённом Александровском заводе. Его развитие сильно продвинулось вперёд в 50-х годах и особенно широко развернулось после крестьянской реформы 1861 года. В Петербурге сформировался первый отряд русского пролетариата и раньше, чем в других центрах русской промышленности, развернулось стачечное движение.

С промышленным переворотом в России неразрывно связано формирование промышленных центров Латвии и Эстонии — Риги, Таллина, Нарвы, Лиепай. По характеру промышленности и по её роли в экономике России Рига, Таллин и Лиепая были похожи на Петербург, конечно, сильно уступая ему по размерам производства. Соединение Прибалтики железными дорогами с внутренними губерниями России облегчило промышленным центрам Латвии и Эстонии работу на русский рынок и тем способствовало их капиталистическому расцвету. Кренгольмская мануфактура в Нарве была основана в 1857 г. капиталистами центрального промышленного района (Кнопом, Солдатенковым, Хлудовыми) и стала впоследствии самой крупной хлопчатобумажной фабрикой не толь-

ко России, но и всей Европы. Рига в 1879 г. по числу рабочих крупной промышленности заняла третье место в Европейской России (без Польши), уступая в этом отношении только Петербургу и Москве.

Предприятия Прибалтики выросли, работая на рынок России. Когда впоследствии, много лет спустя после завершения промышленного переворота, Латвия и Эстония сделались буржуазными республиками и местная промышленность потеряла русский рынок, их промышленное производство вступило в полосу длительного и острого упадка.

Промышленный переворот в России вызвал к жизни промышленное развитие Донецкого бассейна и Баку.

Промышленная география центрально-промышленного района сложилась до промышленного переворота. Но и здесь концентрация промышленности в индустриальных центрах, расположенных в местностях, уже ранее развитых в промышленном отношении, вызвана промышленным переворотом. Рост Сормова, Орехово-Зуева и других аналогичных центров, не говоря уже о промышленных городах, обусловлен промышленным переворотом. Особенно выросла благодаря промышленному перевороту промышленность Москвы, и ранее развитой в промышленном отношении.

Но, несмотря на значительный рост крупной промышленности в связи с промышленным переворотом, удельный вес промышленности в народном хозяйстве страны далеко не достиг такой величины, как в ведущих странах Западной Европы. Причины надо искать прежде всего в тормозящем влиянии крепостного права и его пореформенных пережитков, которые задерживали рост производительных сил страны.

Технический переворот в промышленности начался ещё при крепостном праве. Он завершился после его ликвидации. Крестьянская реформа 1861 г. имела место в середине того отрезка времени, который охватывал переворот. До 1861 г. техническая перестройка промышленности укрепляла капиталистический уклад и была одним из слагаемых в составе тех сил, которые подтачивали крепостнический строй. Отмена крепостного права, в свою очередь, повлияла на ход промышленного переворота, способствуя его ускорению и завершению.

Кадры рабочих, живущих на заработную плату, стали в России складываться ещё в мануфактурном периоде. Но сначала это были главным образом рабочие мануфактур с принудительным трудом. В конце XVIII в. начинается рост численности рабочих капиталистических мануфактур. Эти рабочие состояли преимущественно из оброчных помещичьих крестьян. Они были уже продавцами своей рабочей силы и этим отличались от рабочих вотчинных и посессионных мануфактур. Но оброчные крестьяне не были лично свободными, и, следовательно, их нельзя ещё называть пролетариатом в собственном смысле слова. Однако в составе рабочих капиталистических мануфактур были и лично свободные люди. Ими были прежде всего городские мещане. К ним можно, по существу, отнести и работавших на капиталистических предприятиях государственных крестьян.

Переход мануфактуры в фабрику усиливал формирование кадров постоянных промышленных рабочих и увеличивал численность этих кадров, включая и ту их часть, которая комплектовалась из лиц свободного состояния. Таким образом, можно говорить о наличии в составе промышленных рабочих небольших пролетарских кадров ещё до 1861 года. Эти кадры становятся численно заметными примерно с 40-х годов.

После реформы 1861 г. и названные пролетарские кадры и рабочие из бывших оброчных крестьян, а отчасти и получившие свободу ранее принудительно занятые в промышленности рабочие⁴⁴ стали первыми значительными отрядами формировавшегося российского пролетариата.

⁴⁴ Та часть их, которая осталась работать на предприятиях.

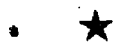
После 1861 г., когда развитие механизации промышленного производства усилилось, когда крестьянская реформа сразу выбросила на рынок труда значительные кадры безземельных и малоземельных, а разложение крестьянства стало выталкивать из земледелия рабочих с наделом, процесс формирования пролетариата пошёл быстро. Статистические обследования 80-х годов показали наличие в России вполне сформировавшихся кадров пролетариата; так, по данным 1881 г.⁴⁵, в Москве 42,8% всех рабочих-текстильщиков были уже потомственными рабочими. При этом среди прядильщиков таких рабочих было 82,1%, а среди чернорабочих — 21%. Не менее показательны данные Е. М. Дементьева по предприятиям Московской губернии, относящиеся к 1884—1885 годам. Из всех обследованных 55% были детьми фабричных рабочих. При этом из рабочих, занятых обработкой волокнистых веществ, у 70,4% отцами были рабочие⁴⁶.

Как и в других странах, промышленный переворот в России изменил структуру трудовых кадров и снизил заработную плату рабочих. Особенно характерны в этом отношении факты, приводимые Я. П. Гарелиным. Он пишет, что «пора больших заработков у ивановского рабочего кончилась с введением в дело машин»⁴⁷. Я. П. Гарелин приводит данные о движении заработной платы и цен на ржаную муку в Иванове за 1810—1880 годы⁴⁸. Из этих данных видно, что заработок ручного ткача за время с конца 50-х до начала 80-х годов упал в несколько раз, заработок ткача, работавшего на механическом станке, увеличился на 15%, а цена ржаной муки — на 102%, заработок набойщика с начала века, когда ручная набойка процветала, по середину столетия, когда уже стало господствовать ситцепечатание, уменьшился вдвое, а цена муки увеличилась более чем втрое.

Формирование пролетариата, естественно, повлекло за собой развитие пролетарского движения. «Уже в 70-х и особенно 80-х годах прошлого столетия рабочий класс в России начал пробуждаться и повел борьбу с капиталистами»⁴⁹.

Промышленный переворот в России резко усилил формирование промышленной буржуазии. Владельцы капиталистических мануфактур, часто вышедшие из хозяев мелких предприятий, делаясь владельцами фабрик, выдвигались в первые ряды буржуазии. Если ранее в составе буржуазии на первом месте были фигуры откупщиков и торговцев, то промышленный переворот выдвинул вперёд фабрикантов, заводчиков и железнодорожных дельцов.

Социальное значение буржуазии в России довольно значительно возросло. Но даже и гораздо позже, в период империализма, буржуазия не достигла в помещичьей России того положения, как в Англии и Франции.

В основе промышленного переворота в России лежали общие для всех стран законы развития капитализма, но в силу особенностей социального развития России в ней этот переворот имел очень значительные особенности социального и технического порядка по сравнению, например, с промышленным переворотом в Англии.

⁴⁵ П. А. Песков Санитарное обследование фабрик по обработке волокнистых веществ в г. Москве. «Труды Комиссии, учреждённой московским генерал-губернатором кн. В. А. Долгоруковым для осмотра фабрик и заводов в Москве». Вып. 1, стр. 133—141. 1882.

⁴⁶ Е. М. Дементьев. Указ. соч., стр. 47.

⁴⁷ Я. П. Гарелин. Город Иваново-Вознесенск. Ч. II, стр. 100—102. Шуя. 1885.

⁴⁸ Там же. См. также таблицу, доставленную им в «Выс. утвержденную комиссию для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России» (Доклад комиссии. Приложение 1, отд. II, стр. 226. СПб. 1873.)

⁴⁹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 8.

Указания И. В. Сталина на сопротивление, которое оказывают закону обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил отживающие классы общества, помогают объяснить эти особенности.

Основной особенностью социальной истории России по сравнению с Западной Европой, в особенности же с Англией и Францией, была продолжительность и сила феодальных отношений, а также их пережитков в сменившей феодализм капиталистической формации. Крепостники-помещики были и до 1861 г. и после него той отживающей силой общества, которая оказывала задерживающее влияние на изменение производственных отношений в соответствии с развитием производительных сил и тем самым и на темпы и на уровень развития самих производительных сил страны.

Крепостнические пережитки, задерживавшие развитие производительных сил России после реформы 1861 г., узость внутреннего рынка, реакционная роль пореформенной политической надстройки не дали возможности промышленности занять в народном хозяйстве России то место, которое получила в Англии её промышленность, работавшая на огромный мировой рынок. В социальных условиях пореформенной России буржуазия не могла занять того общественного положения, какое она приобрела в Англии в результате промышленного переворота.

В социальных условиях России надо искать объяснение тем особенностям в снабжении России машинами, в потреблении русской промышленностью и транспортом металла и топлива, которые отмечены выше. В особенностях топливного баланса сыграли некоторую роль и природные условия.

Различие в характере промышленного переворота в России и в ведущих странах континентальной Европы было меньше, чем различие в этом отношении между Россией и Англией. Но всё же и это различие было весьма значительным.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ИЮНЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1848 ГОДА В ПАРИЖЕ

А. И. Молок

Июньское восстание парижских рабочих — это крупнейшее событие революции 1848 г. во Франции и Европе, первая в мировой истории попытка пролетарской революции¹ — до сих пор ещё в полной мере не изучено исторической наукой.

Несмотря на то, что во Франции существует специальное «Общество истории революции 1848 г.», основанное ещё в 1904 г., французские буржуазные историки (как и буржуазные историки других стран) не дали, по сути дела, ни одного исследования по этому вопросу. Они сознательно игнорируют это восстание, умаляют его историческое значение, видят в нём лишь случайный и мелкий эпизод. Тощая брошюра Шарля Шмидта «Национальные мастерские на июньских баррикадах 1848 г.»² — вот и всё, чем откликнулись в 1948 г. французские буржуазные историки на столетие этого знаменательного события. Документы по истории июньского восстания до сих пор в значительной своей части ещё не извлечены из архивов, не изданы, не подвергнуты изучению. Интерес к этой теме проявляют во Франции только историки-марксисты. Один из них, Эмиль Терсан, опубликовал в 1948 г. статью³, в которой выступил против буржуазных фальсификаторов этого события и по-новому поставил ряд проблем, связанных с его историей⁴.

Советские историки, опираясь на гениальные труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И. В. Сталина и используя доступные исторические источники, стремятся воссоздать возможно более отчётливую картину великой революционной битвы французского пролетариата, разыгравшейся свыше ста лет тому назад на улицах Парижа.

Цель данной статьи — осветить на основе нового документального материала (большая часть его до сих пор не издана) некоторые важные проблемы истории и предистории июньского восстания, помочь читателям

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 23; В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 283.

² Ch. Schmidt. Les ateliers nationaux sur les barricades de juin de 1848. Paris. 1948.

³ E. Tersen. Juin 48. «La Pensée» № 19, 1948, p. 16—24.

⁴ В другой статье, опубликованной в 1949 г. («1848 et les révolutions du XIX-e siècle», Т. XXXIX, № 182, p. 42—43, mars 1949 г.), Э. Терсан разоблачает фальсификаторские утверждения фашиста Ж. Колло, который в брошюре о гибели архиепископа Аффра, изданной в 1948 г., возлагал ответственность за его смерть на июньских инсургентов, тогда как в действительности Аффра был убит в провокационных целях одним из солдат армии Кавеньяка. В этой же статье Терсан разоблачает другую клеветническую брошюру Колло — «Коммунистический заговор в июне 1848 года», вышедшую в 1941 г., в момент вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. Уже одно название этой брошюры свидетельствует о её фальсификаторском характере и реакционном духе. В своём предисловии к этой брошюре ярый монархист и клерикал герцог де ла Форс не только обвиняет революционных рабочих Парижа в гибели архиепископа Аффра, но и возлагает на них ответственность за нашествие германских войск на Францию в 1870, 1914 и 1940 годах. Вот до каких диких нелепостей и чудовищных извращений доходят реакционные борзописцы нашего времени, ослеплённые бешеной ненавистью к демократии и рабочему классу!

расширить и уточнить свои представления об этом крупном историческом событии. Общий очерк этого восстания дан в вышедшем недавно большом коллективном труде Института истории АН СССР «Революции 1848—1849»⁵. В предлагаемой статье более детально разбираются некоторые вопросы этой же темы.

Особенность приводимых здесь документов заключается в том, что подавляющая часть их исходит из лагеря, враждебного июньскому восстанию. Тем не менее документы и такого происхождения содержат иногда интересные фактические данные. Наряду с этим здесь приводятся и документы, исходящие из революционного лагеря (к сожалению, их сохранилось немного). Они представляют, разумеется, особую ценность.

Первый вопрос, который возникает перед исследователем июньского восстания,— это вопрос об экономическом состоянии Франции и о материальном положении её трудящихся масс накануне восстания 23—26 июня 1848 года. Исчерпывающий ответ на этот вопрос до сих пор не дан в исторической литературе, хотя в ней имеется немало сведений об экономическом кризисе 1847—1848 гг., о свёртывании промышленного производства, о разорении мелких предпринимателей, о безработице и нищете рабочего класса. Ни один историк ещё не дал себе труда изучить всю сумму данных, собранных по всей Франции при обследовании состояния промышленности и сельского хозяйства (обследование это было проведено на основе декрета Учредительного собрания от 25 мая 1848 г. и коснулось 2 600 кантонов из общего количества 2 847)⁶. Не учтены и многие другие важные источники, относящиеся к этой теме (даже по одному лишь Парижу).

В неизданных бумагах следственной комиссии Учредительного собрания по делу о выступлении 15 мая и об июньском восстании 1848 г., хранящихся в парижском Национальном архиве, имеется ряд данных, проливающих свет на вопрос о положении трудящихся летом 1848 года. Автор анонимного письма, адресованного члену следственной комиссии депутату де Бомону, утверждает, что «в Париже три четверти рабочих и мелких ремесленников, работающих на дому, испытывают нужду в трёх главных условиях здоровья и благополучия», что им недостаёт «воды, воздуха и света в подобающих количествах». «Обойдите бедные кварталы, и вы убедитесь, что их население не может не вырождаться»,— говорится в том же документе, рисуящем «отталкивающий вид» рабочих жилищ, их «сырые, тёмные, скользкие лестницы», их «грязные и вонючие комнаты»⁷.

Нет никаких оснований считать, что автор письма сгущает краски. Это — типичное описание условий жизни рабочих и мелких ремесленников Франции в 30-х и 40-х годах XIX в., в период продолжавшейся промышленной революции. Письмо датировано 30 июня — 13 июля 1848 г., то есть написано под свежим впечатлением июньского восстания. Автор этого письма — реакционно настроенный очевидец — не скрывает своего враждебного отношения к революционному движению, но вместе с тем вынужден признать, что тяжёлое материальное положение трудящихся масс толкает их на путь революционной борьбы.

А вот другой характерный документ, датированный 13 июня 1848 г.,— письмо директора национальных мастерских инженера Лаланна министру общественных работ Трела. Письмо это (некоторые выдержки из него уже приводились в нашей литературе) даёт яркое представление о бедственном положении парижских рабочих накануне июньского восстания и об острой тревоге, которую испытывали в этот момент представители власти,

⁵ «Революции 1848—1849». Т. I, стр. 521—550. М. 1952.

⁶ Ж. Ренар. Республика 1848 г., стр. 351. СПб. 1907. Перевод с французского.

⁷ Archives nationales. C 934. Dossier VIII. Commission d'enquête. 3395. Paris, 30 juin 1848. Monsieur de Beaumont (Somme).

опасавшихся, что безработица, голод и нищета могут привести к серьёзным социальным потрясениям.

«400 тыс. франков, которые вы предоставили в моё распоряжение на вчерашний и сегодняшний день, почти исчерпаны, — так начинает своё письмо Лаланн. — Мне необходим новый кредит на завтрашний день, и если он не будет сегодня же утверждён Собранием, что станет со 105 тыс. человек, которые требуют хлеба? Положение представляется мне ужасным... Один из помощников мэра 8-го округа сообщает мне, что более 5—6 тысяч рабочих этого округа уже давно сидят без работы, они более несчастны, чем большинство тех, кого зачислили в своё время. Они просят хлеба, так как у них его нет, и я вынужден отказывать им в зачислении на работу. Несколько тысяч других граждан, из 12-го округа, находятся совершенно в таком же положении. Я только что принял 60 из них... Эти 60 человек ещё ничего не ели сегодня и не знают, будет ли у них что поесть вечером, а ведь у многих из них имеются жёны и дети!.. Неужели нам суждено увидеть Францию погрязшей в нищете, подобной ирландской! Нищета усиливается с каждым днём и грозит всё затопить. Необходимо воздвигнуть какую-нибудь плотину и сделать это, не теряя ни минуты, если вы не хотите, чтобы всё общество погибло из-за этого...»⁸.

Последние слова этого письма, да и всё письмо, отражают сильнейший страх перед возможностью новых революционных волнений в Париже, опасения, что меры, направленные на свёртывание национальных мастерских, могут привести к взрыву рабочего восстания.

Тяжёлые лишения, которые испытывали в то время трудящиеся Парижа, в частности в Сент-Антуанском предместье, отмечал и мэр 8-го округа Ришар в своих показаниях перед следственной комиссией Учредительного собрания, данных 17 июля. Он вынужден был признать, что рабочие этого предместья умирают с голоду, что они сидят без работы, что особенно велика нужда среди мебельщиков, которых насчитывается в предместье 18 тысяч⁹.

Демократические газеты сообщали о случаях самоубийства среди рабочих на почве голода и безработицы¹⁰.

На основании этих и подобных показаний, в изобилии встречающихся в исторических документах (как печатных, так и неизданных), я пришёл в своё время (в 1928 г.) к заключению, что летом 1848 г. наблюдалась, пожалуй, наиболее острая фаза в развитии экономического кризиса, начавшегося осенью 1847 года. Теперь мне ясно, что я переоценил значение таких документов, как петиции торговых палат, которые, добиваясь повышения протекционистских пошлин и вывозных премий, а также отмены декрета о сокращении рабочего дня, намеренно преувеличивали затруднительное положение торговли и промышленности. Излишнее доверие оказал я и свидетельству некоторых монархических газет, сознательно сгущавших краски, чтобы представить республиканский режим ответственным за экономический кризис.

Более тщательное изучение документального материала (в частности, протоколов Комитета труда Учредительного собрания и протоколов заседаний самого этого Собрания) убедило меня в том, что летом 1848 г. (а может быть, и немного раньше) в развитии экономического кризиса наметился перелом в сторону некоторого его ослабления¹¹. Факты и до-

⁸ Archives nationales. C 933. Dossier II. Commission d'enquête, 2224. Paris, le 13 juin 1848. Ministère des travaux publics. Ateliers nationaux. L'ingenieur des ponts et chaussées. Directeur des ateliers nationaux L. Lalanne.

⁹ «Rapport de la Commission d'enquête sur l'insurrection qui a éclaté dans la journée du 23 juin et sur les événements du 15 mai». T. I, p. 342. Paris. 1848.

¹⁰ «La Réforme» от 6 июня 1848 г.; «La Révolution de 1848» от 7 июня 1848 года.

¹¹ Префект департамента Сены в неизданном письме к министру внутренних дел от 31 августа 1848 г., составленном на основе отчётов окружных мэров, отмечал, что экономический кризис в столице постепенно смягчается, что перелом к лучшему уже наступил (Archives nationales F¹² 2446).

кументы, имеющиеся в распоряжении историков, доказывают, что частные предприниматели, добиваясь роспуска национальных мастерских, стремились использовать улучшение экономической конъюнктуры для расширения своего производства и вместе с тем для снижения заработной платы (или хотя бы сохранения её на прежнем низком уровне). Но существование национальных мастерских несколько ограничивало возможность усиления эксплуатации рабочих, занятых в частных предприятиях¹³.

Такова была экономическая основа той кампании против национальных мастерских, которая велась в мае и июне 1848 г. и в Учредительном собрании, и в его Комитете труда, и в контрреволюционной печати. Не учитывая этого обстоятельства, нельзя до конца понять, чьи классовые интересы защищало правительство Второй французской республики, идя на такой провокационный шаг, как роспуск национальных мастерских. Характерно, что особенно настойчиво добивался немедленной ликвидации национальных мастерских Леон Фоше — буржуазный экономист, депутат Учредительного собрания. В качестве директора одной из железнодорожных компаний Фоше резко нападал на законопроект о выкупе государством железных дорог у частных компаний и одновременно полностью поддерживал Фаллу — главного вдохновителя похода против национальных мастерских.

Впрочем, только специальное детальное исследование, которое не входит в задачу данной статьи, позволит в точности установить, каково было состояние французской экономики (в частности, промышленности и торговли Парижа) в момент июньского восстания.

Чтобы понять исторические корни и предпосылки июньского восстания, недостаточно отметить бедственное материальное положение рабочих масс Парижа, тяжело страдавших от последствий острого экономического кризиса, поразившего Францию в 1847—1848 годах. Недостаточно констатировать и влияние кризиса и безработицы на усиление классовой борьбы пролетариата против буржуазии и против правительства буржуазной республики. Необходимо подчеркнуть и активное влияние революционных социалистических идей на передовые слои рабочего класса, их стремление добиться создания такой республики, которая не только дала бы народу политические свободы, но и избавила бы трудящихся от гнёта капитала.

Эта отличительная особенность революции 1848 г. во Франции ясно обнаружилась уже в самом начале её в таких лозунгах, как «Демократическая и социальная республика», «Уничтожение эксплуатации человека человеком». Особенно ярко социалистические стремления передовых слоёв рабочего класса выразил Бланки в составленном им воззвании «К демократическим клубам Парижа», опубликованном 25 марта. Отмечая вопиющие социальные контрасты и жестокую нужду трудящихся, Бланки разоблачал обман народа лозунгами свободы, равенства и братства. «Республика, — писал он, — будет ложью, если она станет только заменой одной формы правительства другою. Недостаточно изменить слова, необходимо изменить положение вещей! Республика — это освобождение рабочих, это конец царства эксплуатации, это наступление нового порядка, который освободит труд от тирании капитала»¹⁴.

¹³ Об этом, например, открыто говорил депутат Севестр на заседании Учредительного собрания 30 мая, жалуясь на то, что рабочие шляпного производства, занятые в национальных мастерских, отказываются вернуться на частные предприятия, несмотря на наличие достаточного количества заказов, и добиваются увеличения заработной платы, которую они получали до февральской революции («*Moniteur universel*» от 31 мая 1848 года).

¹⁴ «Революции 1848—1849». Т. I, стр. 215.

Руководители девяти революционно-пролетарских клубов подписали это воззвание, с помощью которого революционные коммунисты во главе с Бланки и Дезами пытались организовать собственный политический центр под названием «Центральный избирательный комитет» в противовес мелкобуржуазному «Клубу клубов».

Этот документ, формулирующий задачи пролетариата в революции 1848 г., сыграл немалую роль в идейной подготовке июньского восстания.

Важно отметить и то, что мысль о роспуске Учредительного собрания, выдвинутая июньскими повстанцами в качестве одного из основных пунктов их политической программы, зародилась среди революционных клубов рабочих кварталов Парижа ещё в марте 1848 г., то есть задолго до событий 15 мая, когда была предпринята первая попытка разогнать это Собрание. Ещё за три месяца до июньского восстания в ряде пролетарских клубов была высказана мысль, что если Учредительное собрание не оправдает доверия народа и выступит против требований трудящихся, оно должно быть распущено¹⁵. Остаётся добавить, что в середине мая среди некоторых клубов возник проект организации постоянного «Собрания делегатов от клубов» (иначе — «народного конвента»), на которое была бы возложена задача охранять республиканский строй, вырабатывать и осуществлять социальные реформы в интересах народных масс¹⁶.

Таковы были некоторые передовые общественные идеи, которые выдвигались революционным авангардом французского рабочего класса после февральской революции и которые способствовали подъёму классового самосознания парижского пролетариата, без чего июньское восстание было бы невозможно¹⁷.

Однако наряду с этими идеями, игравшими крупную прогрессивную роль, налицо были и другие идеи, оказывавшие крайне отрицательное влияние на политическое сознание трудящихся. Основная масса французских рабочих ещё верила в 1848 г. в возможность осуществить социальное переустройство мирным путём и старалась «отстаивать свои интересы бок о бок с буржуазными интересами»¹⁸. Мелкобуржуазные «социалисты» типа Луи Блана, как огня боявшиеся революционной борьбы трудящихся против эксплуататоров, всячески поддерживали в массах вредные иллюзии насчёт сотрудничества классов. Иллюзии эти коренились и в незрелости основной массы пролетариата и в особых условиях июльской монархии, когда у власти стояла одна лишь финансовая аристократия, а широкие слои буржуазии находились в оппозиции к правящим кругам, своекорыстная политика которых тормозила экономическое развитие страны.

Чтобы понять, как развивался процесс политической борьбы во Франции со времени февральской революции и как складывалась обстановка, приведшая к июньскому восстанию, необходимо охарактеризовать те изменения в расстановке классовых сил, которые произошли в течение этого периода.

В первые недели существования Второй республики Временное правительство под давлением масс делало некоторые, — впрочем, не очень существенные — уступки требованиям трудящихся. Новое соотношение классовых сил в стране, сложившееся к середине и особенно к концу апреля, позволило окрепшей контрреволюции развернуть открытое наступление против пролетариата и приступить к реализации своего стратегического плана, состоявшего в том, чтобы изолировать революционных рабочих, отнять всё, что они завоевали в февральские дни, разоружить их и обессилить, помешать дальнейшему углублению революции.

¹⁵ «La Voix des clubs» от 23 и 25 марта 1848 года.

¹⁶ «La Commune de Paris» от 13 мая 1848 года.

¹⁷ О том, как эти идеи отразились в программных документах и заявлениях июньских повстанцев, речь будет идти ниже.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VII, стр. 13.

Резкое обострение классовой борьбы ко времени выборов в Учредительное собрание вылилось в некоторых городах в вооружённые схватки между революционными рабочими и правительственными войсками. Руанская бойня, спровоцированная властями 27—28 апреля, явилась репетицией к бойне, подготовлявшейся против парижского пролетариата. Прав был Бланки, который в воззвании, опубликованном 2 мая от имени «Центрального Республиканского общества», предсказывал, что контрреволюция готовит «Варфоломеевскую ночь для рабочих Парижа»¹⁹.

Пять недель, отделяющих народное выступление 15 мая от июньского восстания парижских рабочих, были временем растущего наступления контрреволюции на жизненные права трудящихся и на демократические свободы, завоёванные ими в результате февральской революции. Арест Бланки, Распайля, Барбеса и некоторых других видных революционных деятелей, закрытие ряда передовых клубов, издание сурового закона об уличных сходках, поход против декрета 2 марта о сокращении рабочего дня, подготовка к роспуску национальных мастерских и высылке из Парижа занятых в них рабочих — таковы важнейшие моменты, характеризующие это наступление²⁰.

Два неизданных документа, относящихся к началу июня, дают яркое представление о том, как велик был страх правящих кругов перед трудящимися Парижа. Оба документа касаются одного и того же вопроса — о массовом «народном банкете», намечавшемся на 11 июня, а затем перенесённом на 14 июля.

Этот так и не состоявшийся банкет должен был, по мысли его инициаторов, явиться праздником братания трудящихся и одновременно смотром сил парижской демократии, попыткой объединить её для отпора наступлению контрреволюции. На собрании делегатов от клубов, рабочих корпораций, национальных мастерских, демократических газет и некоторых воинских частей, состоявшемся 10 июня, подчёркивалось, что банкет будет носить характер мирной демонстрации²¹. Мирный характер банкета подчёркивала и газета «Le Père Duchêne», горячо поддерживавшая этот проект²². Но контрреволюционная пресса распространяла провокационные слухи, что банкет задуман с целью революционного переворота²³. Автор неизданного анонимного письма, адресованного 7 июня членам Исполнительной комиссии, утверждал, что истинной целью устроителей банкета является «завладеть Венсенским замком, освободить заговорщиков-анархистов, которые там заключены, с триумфом доставить их в Париж, образовать из них постоянный Комитет общественного спасения в Ратуше, объявить жестокие меры, выдвинутые 15 мая, разогнать биржу, разграбить банк, опустошить государственное казначейство, общественные кассы, монетный двор, кабинет медалей, обчистить всех банкиров, захватить Национальное собрание, безжалостно истребить всех депутатов, занесённых в составленные для этого списки, поджечь это здание и беспощадно уничтожить всех национальных гвардейцев и военнослужащих, которые попадутся под руку»²⁴.

Испуганное воображение анонимного доносчика рисовало проекты, которые в действительности не существовали в революционных кругах. Однако интересно отметить, что в тот же день (7 июня) префект полиции

¹⁹ S. Wassermann. Les clubs de Barbès et de Blanqui en 1848, p. 149. Paris. 1913.

²⁰ Ясное представление об этом наступлении контрреволюции дают протоколы Исполнительной комиссии, текст которых был издан лишь в 1950-году («Procès-verbaux du Gouvernement provisoire et de la Commission du pouvoir exécutif (24 février — 22 juin 1848)». Paris. 1950. См. рецензию на это издание в журнале «Вопросы истории» № 3 за 1952 год).

²¹ «Le Père Duchêne, gazette de la révolution» от 13—15 июня 1848 года.

²² Там же, от 4—6 июня 1848 года.

²³ «Le Siècle» от 6 июня 1848 года.

²⁴ Archives nationales. BB³⁰ 314, liasse 2, pièce 703. Paris, le 7 juin 1848.

сообщал членам Исполнительной комиссии, что мэр Венсена просит принять меры, чтобы не допустить устройства банкета близ этого форта. Свою просьбу мэр мотивировал тем, что «зачинщики» банкета готовятся завладеть замком и освободить заключённых в нём революционеров; в этом случае, заявлял мэр, трудно будет избежать вооружённого столкновения, следствием которого могут быть волнения в Париже, когда туда будут доставлены трупы убитых демонстрантов²⁵.

Документ этот свидетельствует о том, что власти определённо опасались повторения февральских событий.

Действительно, политическая атмосфера в Париже с каждым днём накалялась всё сильнее. В полицейских донесениях с тревогой отмечалось, что толпы народа собираются каждый вечер в рабочих кварталах, а также в районе Бурбонского дворца, что они резко критикуют политику правительства, грозят расправиться с Учредительным собранием, выражают свои симпатии Распайлю, Бланки, Барбесу. Клеветнические нападки буржуазных газет и реакционных депутатов на рабочих, занятых в национальных мастерских, вызывали решительные протесты трудящихся. Революционные газеты и листовки предостерегали правящие круги, что терпение народа иссякает, требовали отмены закона против уличных сходок и вывода войск, которые усиленно стягивались в Париж, напоминали о том, что конституция 1793 г. освятила право на сопротивление угнетению. «Вы забываете, — писала одна газета, — что мы знаем дорогу, ведущую к баррикадам, и что мы можем восстановить их»²⁶. «Мы — защитники республики, — заявляла газета национальных мастерских, — и ружьё, которое послужило тому, чтобы завоевать её, всегда готово к тому, чтобы защищать её против её врагов, кто бы они ни были»²⁷.

Было бы, однако, ошибочным полагать, что вся масса парижских рабочих была настроена в этот момент так же решительно, как и её авангард, группировавшийся вокруг передовых революционных клубов, некоторых профессиональных союзов, окружных комитетов делегатов национальных мастерских. Среди многих рабочих и ремесленников Парижа ещё не были изжиты мелкобуржуазные иллюзии, ещё держалась наивная вера в добрые намерения правящих кругов, в реальную возможность мирным путём добиться разрешения социального вопроса. Иначе, впрочем, тогда и не могло быть. Незрелость основной массы рабочего класса Франции в условиях ещё незавершившейся промышленной революции, пестрота социального состава национальных мастерских, в которые экономический кризис загнал не только безработных рабочих и служащих, но и часть разорённых мелких предпринимателей, влияние идей мелкобуржуазного «социализма» — всё это в достаточной мере объясняет, почему некоторые группы трудящихся Парижа продолжали возлагать надежды на Учредительное собрание и Исполнительную комиссию.

Ярким свидетельством живучести таких настроений является неизданное письмо рабочего национальных мастерских Мартена, адресованное 30 мая членам Исполнительной комиссии. Автор письма с тревогой отмечает напряжённое положение, в котором находится страна, обострение политической обстановки, вызванное наступлением контрреволюции, нищете трудящихся масс и неразрешённость социального вопроса. «Таков лабиринт, из которого всё же надо выйти, — пишет он, — чтобы избежать гражданской войны, почти неминуемой». «Чтобы спасти Францию и свободу», доказывает Мартен, правительство должно опираться на «класс, который страдает», так как он «самый храбрый и самый многочисленный»; «класс, который не страдает, никогда (даже с помощью армии),

²⁵ Archives nationales. C 933. Dossier II. 2021. Cabinet du Préfet de police, Paris, le 7 juin 1848. Aux citoyens, membres de la Commission du pouvoir exécutif.

²⁶ «Le Travailleur par la Mère Duchêne» от 22—24 июня 1848 года.

²⁷ «Journal démocratique et officiel des ateliers nationaux» № 1 от 22—24 июня 1848 года.

не победит его». Дюпен, Леон Фоше и другие приверженцы бывшей монархии советуют правительству распустить национальные мастерские и насильственно удалить из столицы занятых в них рабочих. «Если реакция,— замечает по этому поводу Мартен,— бонется рабочих, то эти последние крайне недоверчиво относятся к реакционерам и считают, что высылка, которую готовят для рабочих, является для реакционеров лишь предлогом к тому, чтобы остаться хозяевами положения, осуществить торжество контрреволюции и, может быть, навязать Франции монархию».

Разоблачая тайные замыслы контрреволюционного лагеря, Мартен подчёркивает, что пролетарии измучены жестокой эксплуатацией и жаждут переустройства общества. Предчувствием надвигающейся кровавой схватки полны слова Мартена о том, что «отказаться от решения социального вопроса — значит превратить овец в волков», значит вывести из себя рабочих, которые, несмотря на нищету, держались так спокойно с 24 февраля, значит «вызвать борьбу между буржуазией и пролетариатом».

Конец письма свидетельствует о том, что, несмотря на данный им верный анализ сложившейся обстановки, Мартен остаётся в плену мелкобуржуазных иллюзий и наивно верит в «благородство» и «патриотизм» членов Исполнительной комиссии, в то, что они серьёзно хотят «осуществить святой девиз братства», хотят, «чтобы все граждане заняли равное место на празднике цивилизации». Предостерегая членов правительства против происков контрреволюции, добывающейся насильственными мер и провоцирующей кровопролитное столкновение, автор письма упускает из виду, что Исполнительная комиссия сама являлась оплотом контрреволюции, проводником антинародной политики. «Осуществить слияние партий, потушить гражданские раздоры, превратить всех французов в единый народ братьев, любящих друг друга и помогающих друг другу, одни своими капиталами, другие — своим трудом»²⁸ — вот к чему призывал рабочий Мартен правителей буржуазной республики. А они как раз в этот момент усиленно готовились к тому, чтобы спровоцировать рабочих Парижа на восстание, разоружить их и обескровить!

Предчувствие надвигающейся кровавой схватки и упование на «мудрость» правящих кругов владели в этот момент не одним только автором данного письма.

Документы, имеющиеся в распоряжении историка, доказывают, что если не считать некоторой части «делегатов» и «бригадиров» национальных мастерских, а также некоторых секций «Общества прав человека» и отдельных революционных клубов, ушедших в подполье и готовившихся к столкновению,— организованной подготовки к вооружённому восстанию среди парижских рабочих не велось. В этом убеждает и неизданный обзор деятельности клубов, представленный правительству префектом полиции (на основе донесений его агентов) 22 июня. Из этого документа видно, что на заседаниях «Клуба народа», «Клуба прав человека», «Клуба 2 марта» царило в эти дни сильное возбуждение, выражалось возмущение по поводу мер, принятых против национальных мастерских, по поводу речей некоторых депутатов, по поводу проекта конституции, говорилось о необходимости объединения всех клубов²⁹. Но никаких указаний на подготовку к вооружённому восстанию не содержалось и в этом документе.

Одной из особенностей социально-политической обстановки во Франции, в частности в Париже, накануне июньского восстания была изолированность рабочего класса. Буржуазные контрреволюционеры своей бе-

²⁸ Archives nationales. BB³⁰ 313, liasse 2, pièce 449. Paris, 30 mai 1848. Aux citoyens Représentants composant la Commission du pouvoir exécutif. Martin ouvrier des ateliers nationaux.

²⁹ Archives nationales. C 933. Dossier II. 2520. Cabinet du Préfet de police. Paris, le 22 juin 1848. Résumé des clubs.

шенной антикоммунистической пропагандой добились того, что восстановили против него мелкую буржуазию и крестьянство, озлобленных финансовой политикой Временного правительства, особенно добавочным налогом в 45 сантимов, который был введён в марте 1848 года. Это ясно обнаружилось во время выборов в Учредительное собрание, на которых Бланки, Дезами, Распайль потерпели поражение. Даже наиболее левые органы мелкобуржуазной печати выступали в это время против коммунистов. Характерно, что редакция газеты «Le Père Duchêne», поставившая Бланки во главе своего списка кандидатов на дополнительных выборах в Учредительное собрание (они состоялись 4 июня), вычеркнула его имя из окончательного списка, который был опубликован в газете перед самыми выборами³⁰.

Среди неизданных документов «коллекции Лиезвилля», хранящейся в Исторической библиотеке Парижа, имеется одно интересное письмо, которое показывает, как отнеслись к этому поступку редакции названной газеты трудящиеся Парижа. Автор этого неизданного письма, датированного 2 июня, некая Гетье, урождённая Виржини Кукà,— повидимому, женщина из народа. «Почему,— спрашивает она редактора «Le Père Duchêne»,— удалили вы (из списка кандидатов.— А. М.) имя Бланки, не потому ли, что на него злобно клеветают люди, которые называют себя республиканцами, но которые, без сомнения, заблуждаются, если только они не заинтересованы в том, чтобы оставаться заблуждающимися... В его жизни и в его поведении я не вижу ничего такого, что могло бы оправдать злобную клевету, которою грязнят его личность, и я не нахожу ничего такого, что могло бы оправдать столь легкомысленное поведение, как поведение «Пер-Дюшена» в отношении Огюста Бланки»³¹.

Клеветническая кампания против выдающегося революционера, о которой с негодованием пишет эта простая женщина, началась ещё 31 марта, когда в буржуазной печати появилась фальшивка (известная под названием «документ Ташеро»), обвинявшая Бланки в том, что он, будучи арестован в 1839 г. королевской полицией, выдал ей будто бы всю организацию тайного «Общества времён года». Эта подлая клевета была пущена в ход для того, чтобы опорочить Бланки, чтобы подорвать влияние этого революционного деятеля, которого более всего боялись контрреволюционеры, и внести раскол в демократический лагерь.

В бумагах той же коллекции имеется записка заведующего редакцией социалистической газеты «Le Tocsin des travailleurs» заведующему редакцией газеты «Le Père Duchêne», датированная 8 июня. Автор записки предлагает организовать «братский обмен» номерами этих газет. «Мы пользуемся случаем,— добавляет представитель «Le Tocsin des travailleurs»,— чтобы выразить вам чувство живейшей симпатии»³².

Значение этой коротенькой записки состоит в том, что она является одним из свидетельств попытки объединить силы рабочего класса и мелкой буржуазии для совместной борьбы с наступавшей контрреволюцией.

Весьма характерно в этом отношении неизданное письмо некоего Котара-младшего, шляпочника-вязальщика с улицы Планш-Мибрэ, адресованное 7 июня редактору всё той же газеты «Le Père Duchêne» (адвокату и публицисту Кольфаврю). Автор этого письма с тревогой отмечает наличие «внутренних раздоров... между двумя классами, которые всегда были жертвами и которые нуждаются в единении, чтобы защищать свои общие интересы,— между рабочим и лавочником». «Кто в 1848 году страдает больше всех? — спрашивает Котар и отвечает: — Рабочий, который нуждается во всём, лавочник, который ежедневно теряет всё, что имеет и чего

³⁰ «Le Père Duchêne» № 19 от 30 мая — 1 июня 1848 г.; № 20 от 1 — 4 июня 1848 года.

³¹ Bibliothèque historique de la ville de Paris. Collection Liéville. Révolution de 1848. Journaux. Le Père Duchêne.

³² Там же.

не имеет; рабочему не дают работы, с лавочника берут налог, которого он не может заработать; рабочий страдает от голода, лавочнику угрожает перспектива потерять свою репутацию, истинное достоинство честного человека». С горечью указывает Котар на то, что среди депутатов Учредительного собрания преобладают богатые собственники и крупные землевладельцы, которые ни в чём не нуждаются «и, полные эгоизма, ничего не делают в интересах масс». «Повторяю, пусть рабочий и лавочник, вместо того, чтобы разъединяться, защищают друг друга, пусть они откроют глаза и заключат союз между собою». Этим призывом к единству действий рабочего класса и мелкой буржуазии заканчивает своё письмо Котар. Такое единство, доказывает он, особенно необходимо потому, что враги республики добиваются того, чтобы она обернулась против народа (подобно тому, как это произошло с Первой республикой).

События сложились таким образом, что лишь весной 1849 г., почти через год после кровавого подавления июньского восстания парижских рабочих, возник (да и то лишь на время) тот блок между «рабочим и лавочником», о котором мечтал шляпный мастер Котар-младший.

Вина за то, что такой блок не сложился во Франции в июне 1848 г., лежала на мелкой буржуазии. Её колебания, её страх перед «красным призраком», которым её запугивали буржуазные контрреволюционеры, её стремление к «средней линии», то есть к невозможному, привели к тому, что она побоялась «довериться руководству революционного пролетариата, не понимая, что эта боязнь осуждает ее на доверие к буржуазии», делает её «политически бессильным хвостом буржуазии»³³.

Характерно, что незадолго до июньского восстания газета «La Réforme», являвшаяся в 1848 г. главным органом мелкобуржуазной демократии, поместила статью, в которой пыталась снять ответственность за создавшееся напряжённое политическое положение с правящих кругов и возложить её на рабочих, уговаривала их отказаться от революционных действий в защиту своих классовых интересов, уверяла, что демократическая избирательная система и мирная пропаганда являются наилучшим, и притом единственно допустимым, оружием в борьбе за общественный прогресс³⁴.

«В 1848 г. — указывал Ленин, — дело шло о свержении буржуазии пролетариатом. Последнему не удалось привлечь к себе мелкой буржуазии, и ее измена вызвала поражение революции... Нисходящая линия 1848 г. была формой революции, когда измена пролетариату со стороны массы мелкой буржуазии вызвала поражение революции»³⁵.

Не удалось пролетариату привлечь к себе и крестьянство. «Революция 1848 года во Франции, — подчёркивает И. В. Сталин, — потерпела поражение, между прочим, потому, что она не нашла сочувственного отклика во французском крестьянстве»³⁶.

Документы, как печатные, так и неизданные, содержат большой конкретный материал, свидетельствующий о том, что подавляющее большинство крестьянства отнеслось к июньскому восстанию отрицательно и что многие зажиточные жители деревень приняли участие в походе добровольческих отрядов провинциальной буржуазии, отправившихся в Париж на помощь правительству.

Типичным можно считать доклад главного прокурора судебного округа Риома, писавшего следственной комиссии: «Что касается земледельцев Оверни, недоступных политическим волнениям и углублённых в занятия, связанные с земельной собственностью и с материальными инте-

³³ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 76.

³⁴ «La Réforme» от 30 мая 1848 года. Газета «Le Siècle» — орган умеренного крыла буржуазных республиканцев — одобительно отнеслась к этой статье и привела выдержки из неё в своём номере от 31 мая 1848 года.

³⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 379.

³⁶ И. В. Сталин. Соч. Т. 5, стр. 343.

ресами, то у них нет иных страстей, кроме ненависти к косвенным налогам и к налогу в 45 сантимов... В этом отношении нет ничего общего между ними и городскими рабочими»³⁷.

Имеющиеся в распоряжении историка документы показывают, что летом 1848 г. недовольство крестьян налоговой политикой буржуазной республики значительно усилилось по сравнению с весной того же года и что это недовольство, не использованное революционными демократами и социалистами в интересах революции, использовали агенты бонапартистской контрреволюционной клики.

Энгельс в своих путевых заметках во время поездки из Парижа в Берн, относящихся к октябрю 1848 г., так характеризует причины враждебного отношения большинства крестьянства к революционным рабочим Парижа в дни июньского восстания: «Что знал упрямый, узколобый крестьянин о пролетариате и буржуазии, о демократически-социальной республике, об организации труда, о вещах, основные условия и причины которых никогда не могли проявиться в тесных пределах его деревни! А когда он в иных местах получил через нечистые каналы буржуазных газет смутное представление о том, вокруг чего шла борьба в Париже, когда буржуа бросили ему великий лозунг против парижских рабочих: *ce sont les partageurs*, это — люди, желающие поделить всякую собственность, всякую землю, какой кто-либо владеет,— тогда усилилось его негодование, и возмущение крестьянина не знало больше границ... «Пусть этот проклятый Париж завтра будет взорван!» — это было еще самое мягкое пожелание»³⁸.

Однако существуют документы, из которых видно, что в некоторых местах среди беднейших слоёв крестьянства наблюдались случаи проявления сочувствия июньским повстанцам. В департаменте Ло, как сообщает префект, мэр одной из коммун округа Кагор читал съехавшимся на ярмарку крестьянам выдержки из газеты «*La Réforme*», сопровождая чтение комментариями, и разъяснял, что «партия инсургентов была партией честных людей», что «истинные патриоты пали жертвами правительства», что «это правительство прекратило своё существование» и что было бы величайшей глупостью платить ему налоги. В том же департаменте, в городе Фижак, некий крестьянин заявил по адресу Кавеньяка: «Он расстреливал народ в Париже, и за это сам будет скоро расстрелян»³⁹. В департаменте Жер известия о парижских событиях вызвали в некоторых сельских коммунах разговоры о том, что «песенка богатых спета»⁴⁰.

Подобные факты, как бы единичны они ни были, говорят о том, что сельская беднота могла при известных условиях поддержать восставших рабочих Парижа. Главный прокурор судебного округа Мец в отчёте, относящемся, правда, к несколько более позднему времени (к маю 1850 г.), признал, что там, «где собственность сильно раздроблена, мелкие земледельцы обнаруживают явную тенденцию идти сообща с рабочей массой и отходить от людей, преданных делу порядка»⁴¹.

Но для того, чтобы пролетарская революция получила поддержку крестьянства, нужно было, чтобы французский крестьянин осознал противоположность своих интересов интересам буржуазии и признал в рабочем классе, призванном ниспровергнуть капиталистический строй, своего естественного союзника и вождя. В 1848 г. это оказалось невозможным: рабочий класс Франции, не имея собственной политической партии, не смог преодолеть влияния буржуазии и кулачества на крестьянскую массу, не

³⁷ «Rapport de la Commission d'enquête...». Т. III, p. 183.

³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 531—532.

³⁹ «Rapport de la Commission d'enquête...». Т. III, p. 66.

⁴⁰ Там же, стр. 124.

⁴¹ J. Tchernoff. Associations et sociétés secrètes sous la deuxième République, 1848—1851, d'après des documents inédits, p. 260. Paris. 1905.

смог привлечь её (эту массу) на свою сторону; в результате крестьянство оказалось резервом буржуазии, а не пролетариата.

То же произошло и в 1871 г. (во время Парижской Коммуны).

Две причины этого явления отмечает И. В. Сталин в статье «Перспективы»:

«1) Буржуазная революция на Западе прошла под руководством буржуазии (пролетариат представлял тогда лишь ломовую силу революции), крестьянство получило там землю и свободу от феодальной кабалы, так сказать, из рук буржуазии, ввиду чего влияние буржуазии на крестьянство считалось уже тогда обеспеченным.

2) От начала буржуазной революции на Западе до первых попыток пролетарской революции прошло более полстолетия, в продолжение которого крестьянство успело выделить мощную и влиятельную в деревне сельскую буржуазию, послужившую соединительным мостом между крестьянством и крупным капиталом города и закрепившую тем самым гегемонию буржуазии над крестьянством»⁴².

Буржуазная историография, стремясь опорочить июньское восстание, создала лживую легенду, будто одной из главных причин, вызвавших это восстание, являлась агитация в пользу Луи Бонапарта, избранного депутатом Учредительного собрания на дополнительных выборах 4 июня. Начало этой легенде положили представители французских правящих кругов ещё в 1848 году. Эту подлую клевету пытался «обосновать» ярый враг демократии и социализма, бывший член Временного правительства и Исполнительной комиссии Гарнье-Пажес в своей книге по истории революции 1848 г., изданной в 1872 году⁴³. Автор специального исследования о бонапартистской пропаганде в 1848 г. Робер Пиммента старался доказать, что бонапартисты сыграли большую роль как в подготовке июньского восстания, так и в руководстве им. Пиммента признаёт, что в докладе, опубликованном следственной комиссией, почти ничего не говорится о бонапартистах. Но это его не смущает. Удивляться этому, заявляет Пиммента, не приходится: ведь докладчик следственной комиссии Кантен-Бошар был бонапартистом; «он тщательно уничтожил все следы бонапартистского заговора». «Я убеждён,— пишет Робер Пиммента,— что разбор бумаг следственной комиссии, находящихся в архиве Палаты депутатов, дал бы кучу фактов, которые подтвердили бы и, без сомнения, расширили бы ответственность наполеонистов за это восстание»⁴⁴.

Факты полностью опровергают клеветнические домыслы Робера Пимменты. В своё время мне довелось изучить неизданные бумаги следственной комиссии (они хранятся теперь во французском Национальном архиве); в результате просмотра почти четырёх тысяч документов обнаружилось прямо противоположное тому, что утверждал этот буржуазный историк. Среди огромной массы показаний очевидцев, свидетельствующих о преданности парижских рабочих республиканскому строю, об их революционных настроениях, об их социалистических устремлениях, совершенно тонут единичные показания о сочувственных откликах, которые встречала иногда среди неустойчивых и отсталых слоёв трудового люда столицы бонапартистская агитация.

Разберём эти показания. Вот, например, большая докладная записка, представленная архитектором Тюмелу, рассказывающим о разговорах,

⁴² И. В. Сталин. Соч. Т. 5, стр. 121.

⁴³ Garnier-Pagès. Histoire de la Révolution de 1848. Т. XI, p. 448. Paris. 1872.

⁴⁴ Robert Pimienta. La propagande bonapartiste en 1848, p. 72. Paris. 1911.

которые велись среди участников уличной сходки в районе площади Бастилии недели за две до восстания. «Там говорилось,— пишет этот свидетель,— о нищете рабочих Сент-Антуанского предместья, о презрении к Исполнительной комиссии и немного о необходимости стать на сторону принца Наполеона-Луи». По словам Тюмелу, некоторые рабочие выражали надежду, что если Луи-Наполеон станет президентом республики, это приведёт к оживлению торговли и промышленности. «Он богат»,— добавляли они. Всё это типичные перепевы бонапартистской пропаганды, рассчитанной на обман и развращение трудящихся. Впрочем, Тюмелу подчёркивает, что «у принца было там весьма мало сторонников, преданных и красноречивых». Тот же очевидец рассказывает, что, ругая членов Исполнительной комиссии и Учредительного собрания, называя их аристократами, обвиняя их в том, что они ничего не делают для облегчения страданий народа, призывая к немедленному вооружённому восстанию, рабочие заявляли: «Надо прогнать их, найти и назначить рабочих, способных управлять нами»⁴⁵. В этих словах уже нет никакого следа бонапартистских настроений.

Не подлежит сомнению, что бонапартистские агенты (а отчасти и легитимистские), расточая демагогические посулы, прибегая к денежным подачкам, старались затесаться в ряды восставших рабочих, что кое-где им это удалось, что эти агенты монархической контрреволюции пытались использовать июньское восстание в собственных, антинародных целях. Но несомненно и то, что в подавляющем большинстве случаев бонапартистские провокаторы терпели полную неудачу в своих попытках заручиться поддержкой повстанцев.

Не только печатные, но и неизданные документы доказывают это с полной очевидностью. Типично донесение префекта полиции об уличных сходках, происходивших 20 июня. «Послышалось,— писал он,— несколько возгласов «Да здравствует Наполеон!», но они не встретили отклика»⁴⁶. Масса интересуется не столько Луи-Наполеоном, сколько совсем другими вещами, доносил 23 июня один агент полиции, побывавший во многих кварталах. «Каждый требует работы,— добавлял он,— и хочет демократической республики (хотя и не кричит об этом)»⁴⁷. Автор анонимного письма, направленного председателю Учредительного собрания, описывая попытку некоего бонапартистского агента подкупить защитников одной баррикады и расположить их в пользу «принца», отмечает, что многие из них решительно отказывались брать деньги и что лишь некоторые кричали: «Да здравствует Наполеон!»⁴⁸. Депутат Лакросс в записке, адресованной, повидимому, председателю Учредительного собрания, писал со слов депутата Амбера, вернувшегося из района Ратуши: «Наиболее общий лозунг (повстанцев.— А. М.) — это клич: «Да здравствует социалистическая республика!» Лишь несколько возгласов наполеонистского характера»⁴⁹. Шесть других депутатов, обошедших 25 июня 11-й и 12-й округа Парижа (места недавних боёв), сообщали в своей докладной записке, что они были повсюду встречены единодушными возгласами: «Да здравствует республика! Демократическая республика!»; иной раз, хотя редко, добавлялось и «социалистическая», но всегда и всюду: «Долой претендентов! Претендентов всех мастей!» «Эти возгласы,— подчёркивали депутаты,— были не менее единодушными и в предместье Сен-Марсо, где

⁴⁵ Archives nationales. C 934. Dossier VIII. 3276. De l'insurrection et de ses remèdes. Thumeloup, architecte, professeur à l'Ecole centrale, 6 juillet 1848.

⁴⁶ Там же. C 933. Dossier II. 2401. Cabinet du Préfet de police. Paris, le 21 juin 1848. Onze heures.

⁴⁷ Там же. 2607. Ville de Paris, 23 juin 1848.

⁴⁸ Там же. C 934. Dossier VIII. 3410. Paris, le 5 août 1848. Un combattant de juin 1848 et 1834 en avril.

⁴⁹ Там же. Liasse: Assemblée nationale. 2848. Lacrosse (в записке число не указано, указан только час — 6 ч. 20 м., видимо, она относится к 23 июня).

мы нашли многочисленные толпы рабочих так же, как и во всех других пунктах, в которых мы побывали»⁵⁰.

Так, под натиском неопровержимых фактов и достоверных документов, рушится подлая, клеветническая выдумка буржуазных фальсификаторов истории, пытавшихся очернить «июньскую революцию» парижского пролетариата, представить это героическое рабочее восстание в той или иной мере делом рук наёмников бонапартистской контрреволюционной клики.

Июньское восстание вспыхнуло стихийно, в ответ на провокационные действия правительства⁵¹, приступившего к роспуску национальных мастерских и высылке в провинцию занятых в них рабочих. Из этого, однако, отнюдь не следует, что восстание не имело никакой политической программы и никакого политического руководства, что это был лишь «голодный бунт», как утверждают буржуазные историки, искажая это событие и принижая его значение.

В дополнение к тем документам, которые уже были в своё время опубликованы в нашей литературе, приведём ещё несколько неизданных документов, также доказывающих наличие у восставших парижских рабочих некоторой программы и известной организованности.

Вот, например, текст одного анонимного воззвания, рукопись которого была найдена у типографа Гиллуа в Сент-Антуанском предместье (в доме № 123) бывшим стряпчим Жанделем, проникшим в это помещение в составе роты национальных гвардейцев. Хотя воззвание это не было напечатано и не было вывешено, оно всё же сохраняет своё значение одного из немногих дошедших до нас документов июньского восстания⁵². Приводим полностью этот неизданный исторический документ⁵³:

«Народ!

Как, пушки грохочут, свобода умирает, и враги, рассчитывая на победу, которая им не достанется, осмеливаются называть грабителями... грабителями... людей, которые терпеливо переносили лишения голода, тогда как сытые издевались над их нищетой. Мы должны суметь победить, мы не должны затронуть собственность наших братьев, которых обманывают относительно нас и которые клеветают на нас.

К оружию, граждане, ...к оружию, да здравствует демократическая республика, поднимемся все против тиранов, которые приказывают убивать нас ради своего честолюбия.

Сплотимся, мы победим их».

В этом обращении бросается в глаза призыв не покушаться на частную собственность мелкой буржуазии, вызванный, видимо, стремлением удержать её от участия в борьбе против восстания⁵⁴.

Интересные данные по вопросу о политической и социально-экономической программе июньского восстания содержат два неизданных документа, исходящих из лагеря, враждебного восстанию. Один из этих документов — донесение командира 5-го батальона 4-го легиона национальной гвардии пригородов, нексего Рондо, адресованное Кавеньяку 25 июня в 2½ часа дня⁵⁵. Этот офицер армии «порядка» сообщает о разговоре,

⁵⁰ Там же. С 934. Liasse: Assemblée nationale. 2882, 25 juin 1848. Walferdin, Léon Gérard, David d'Angers, Labrousse, J. de Luppé, Bourbousson.

⁵¹ См. И. В. Сталин. Соч. Т. 3, стр. 241.

⁵² В той же типографии, по словам Жанделя, была напечатана (в отсутствие её хозяина) другая революционная прокламация («Rapport de la Commission d'enquête...». Т. I, р. 296—297). По другим сведениям, эта прокламация (её автором был Милон) была расклеена в рукописном виде.

⁵³ Archives nationales. С 934. Dossier VIII. 3166.

⁵⁴ Ср. воззвание, опубликованное в «Rapport de la Commission d'enquête...». Т. II, р. 290.

⁵⁵ Archives nationales. С 934. Liasse: Ministère de la Guerre, 3039. Copie d'une lettre du citoyen Rondot, chef en 1-er du 5-e bat-on, 4-e légion banlieu. Communication avec les insurgés.

который он имел у заставы Шарантон с «начальником инсургентов» 8-го округа, «весьма интеллигентным человеком» (фамилии его офицер не называет). «Он сказал мне о мотивах своего возмущения, — рассказывает Рондо, — что они хотят демократической и социальной республики. Я потребовал объяснения слова социальная; он отвечал мне, что подразумевает под этим выражением предоставление рабочим права объединяться между собою, по своим способностям, чтобы участвовать в выполнении общественных и частных работ». В этих словах ясно выражена мысль о производственных рабочих ассоциациях, столь популярная тогда среди трудящихся Франции. Добавим, что подобное же требование было выдвинуто в известной прокламации инсургентов 8-го округа, подписанной Ж.-Ж. Гилле⁵⁶.

Другой неизданный документ, позволяющий судить о программе июньского восстания, — это сообщение капитана-следователя Галлуа от 2 июля 1848 г. из г. Ланьи (в департаменте Сены-и-Марны), адресованное председателю следственной комиссии Учредительного собрания. Хвастаясь тем, что он организовал отправку батальонов национальной гвардии из Ланьи в Париж для борьбы с восставшими рабочими, Галлуа рассказывает о том, какие разговоры велись у Тронной заставы, где собирались отряды инсургентов, состоявшие из одетых в блузы людей: «Я прохаживался между группами и слышал, что говорили эти люди, в которых я предполагал наших врагов; (они говорили), что надо драться, чтобы добиться того, что было обещано в клубах, а именно — демократической и социальной республики, которая, в их представлении, означала обобществление всех предприятий, бесплатное образование, непродолжительный труд и хорошую оплату. Очевидно, по крайней мере, на основании этих речей, — добавляет Галлуа, — что восстание вышло из клубов, где этих рабочих уверили в том, что они властители...»⁵⁷.

Рассказ Галлуа о программных требованиях июньских повстанцев заслуживает внимания. В революционно-пролетарских клубах 1848 г. действительно выдвигались требования глубоких политических и социальных преобразований в интересах трудящихся масс. Но социалистическая формулировка «обобществление всех предприятий» встречается, насколько нам известно, только в этом документе. В другом документе, исходящем от очевидца, говорится, что на пропусках, выдававшихся штабом восстания в Сент-Антуанском предместье, стояли слова: «Собственность — это кража, всё должно быть возвращено народу»⁵⁸.

О том, как сильны ещё были тогда среди рабочей массы уравнилельные тенденции, свидетельствуют слова литейщика Додемана, участвовавшего в июньском восстании и арестованного затем в Амьене. В неизданном докладе амьенского прокурора следственной комиссии приводится такое заявление Додемана: «Мы сражались за наше дело, за социалистическую республику, цель которой — снизить состояния и поставить всех в равные условия»⁵⁹.

Документы, которыми располагает историк, доказывают, что июньские повстанцы не имели единой программы социальных и политических требований. Но один лозунг объединял их всех — лозунг «демократической и социальной республики».

Очевидцы событий рассказывают, что на вопрос, как понимают они

⁵⁶ «Rapport de la Commission d'enquête...». Т. II, p. 290.

⁵⁷ Archives nationales. C 934. Dossier VIII. 3178. Gallois, capitaine rapporteur. Lagny, 2 juillet 1848. Monsieur le président de la Commission d'enquête sur l'insurrection.

⁵⁸ Там же. Dossier VIII. 3347. Nogent le Rotrou, 1-er juillet 1848.

⁵⁹ Там же. BB¹⁸ 1465b. Rapport du procureur général à la Commission d'enquête. Amiens, le 25 juillet 1848.

слова «демократическая и социальная республика», многие пленные инсургенты отвечали: «Это — правительство рабочих»⁶⁰.

Большой интерес представляет неизданное рукописное воззвание, датированное 22 июня и вывешенное в Ботаническом саду. В этом документе, сохранившемся в бумагах следственной комиссии, «члены комитета делегатов национальных мастерских 12-го округа» призывали «своих товарищей рабочих, прежде чем оставить Париж, потребовать от правительства, чтобы их положение было урегулировано, их существование обеспечено». «Нам нужны не обещания, а действия», — добавлял комитет, разоблачая стремления правящих кругов разъединить трудящихся, удалить их из Парижа и отнять у них права, «завоёванные столь дорогой ценой». «Ради чего мы так терпеливо страдали до сих пор, вы это знаете все, — писали члены комитета, — ради укрепления демократической республики. Мужайтесь же ещё несколько дней, но не будем разлучаться, наши самые дорогие интересы были бы подорваны. Терпение и единство».

Так заканчивалось это воззвание, под которым стояли подписи восьми членов комитета делегатов национальных мастерских 12-го округа⁶¹.

Документ этот, исходивший от низовой рабочей организации, служит ярким свидетельством боевого духа революционных рабочих Парижа, их твёрдой решимости дать отпор провокационным планам буржуазной контрреволюции.

Значение этого документа особенно велико потому, что он исходил от рабочих 12-го округа (Пантеона), который в июньские дни являлся одним из главных участков вооружённой борьбы. Префект полиции Труве-Шовель в своём донесении председателю Учредительного собрания, датированном 24 июня, 6½ часов утра, отмечал, ссылаясь на результаты допроса пленных инсургентов и на другие источники, что главными руководителями восстания (или, как он выражался, «заговора») являются делегаты национальных мастерских. «Обычным местом собраний этих делегатов, — подчёркивал префект, — был кабачок «Старого дуба» на улице Муффтар»⁶².

Упомянутая в этом донесении улица Муффтар расположена недалеко от Ботанического сада, в котором за два дня до того было вывешено приведённое нами обращение комитета делегатов национальных мастерских 12-го округа. Что среди делегатов национальных мастерских, собиравшихся, как указывал префект, в кабачке «Старого дуба» на улице Муффтар (в доме № 69), преобладали делегаты 12-го округа, — это не подлежит сомнению. Остаётся добавить, что этот же самый кабачок служил местом постоянных заседаний одной из секций «Общества прав человека»⁶³. Значение этого факта станет ясным, если учесть, что, как подчёркивал в том же донесении префект, среди пленных инсургентов имелось «большое количество членов Общества прав человека» и что тот же кабачок на улице Муффтар упомянут в одном полицейском донесении как место, где руководство «Общества прав человека» на своём заседании 23 июня постановило организовать один из трёх «штабов движения»⁶⁴.

⁶⁰ Цитирую по анонимной брошюре, хранящейся в Исторической библиотеке г. Парижа: «Détails circonstanciés du dévouement admirable d'une noble et courageuse soeur de Charité du 12-e arrondissement qui a sauvé la vie à un capitaine de la garde mobile, fait prisonnier par les insurgés dans les déplorables journées de juin. Nouveaux détails sur les événements de Paris — Chiffre exact des blessés reçus dans les hopitaux de la capitale. — Le nombre des insurgés arrêtés à la suite des affaires de 23, 24, 25 et 26 juin; leur interrogatoire. Leur signe de ralliement; leur plan d'opération, p. 4. Paris. 1848.

⁶¹ Archives nationales. C 933. Dossier II. 2453.

⁶² Там же. 2488. Paris, le 24 juin. 1848, 6 heures et demi. Cabinet du Préfet de police. Au citoyen Président de l'Assemblée nationale.

⁶³ «Rapport de la Commission d'enquête...». Т. II, p. 209.

⁶⁴ Archives nationales. C 933. Dossier II. 2506.

Сопоставляя все эти данные, можно сделать несомненный вывод, что, во-первых, между делегатами национальных мастерских и секциями «Общества прав человека» существовала тесная связь и, во-вторых, что комитет делегатов национальных мастерских 12-го округа сыграл крупную роль в организации и руководстве восстанием в этом районе.

Документы следственной комиссии и отчёты о судебных процессах доказывают, что между революционными штабами, организованными в различных округах Парижа, поддерживалась в дни восстания некоторая связь. Так, например, шляпный мастер Ибрюи, командовавший баррикадами 9-го округа и исполнявший в нём обязанности мэра повстанцев, обратился к руководителям восстания в Сент-Антуанском предместье с письмом следующего содержания:

«Командующий баррикадами на улицах Нонэндьер, Жуи, Шарлемань и Фигье извещает своих товарищей из славного предместья Сент-Антуан, что их дело — это и его дело, дело всех братьев, которые поручили ему представлять их, что он примет их пароль и будет действовать всецело заодно с ними.

Победить или умереть!

Французская республика, демократическая и социальная.

Командующий названными баррикадами Ибрюи»⁶⁵.

Ряд документов свидетельствует о том, что руководители восстания в Сент-Антуанском предместье поддерживали связи и с другими районами города. Об этом определённо говорит в неизданном письме на имя одного из депутатов Учредительного собрания очевидец, исполнявший обязанности «связиста» при штабе восставших в этом округе. Этот очевидец рассказывает, что некоторые депеши, написанные на тонкой бумаге, пересылались через женщину, которая, чтобы не быть задержанной, делала огромный крюк; таким же способом доставляла она и ответные депеши⁶⁶.

Документы следственной комиссии рассказывают, что в ночь на 24 июня в район Пантеона, — к посту инсургентов, расположенному в доме № 19 по улице Амандье — Сен-Жак, — явился член бюро «Клуба революции» и заместитель председателя «Клуба народа» Дефлотт в сопровождении своего политического единомышленника инженера Трампилье. Явились ли они по собственному почину или (что более вероятно) по поручению руководителей восстания в Сент-Антуанском предместье, в точности сказать нельзя. По словам лейтенанта национальной гвардии 12-го округа Берло, Трампилье заявил, что, «если квартал Пантеона сможет сопротивляться до трёх часов утра, Сент-Антуанское предместье, по всей видимости, успеет завладеть ратушей, к чему оно стремится, и придёт на помощь Пантеону с 30 тысячами человек и 8 пушками, которые оно имеет в своём распоряжении». Берло добавлял, что «Дефлотт одобрял или подтверждал то, что говорил Трампилье»⁶⁷.

Приведённые факты свидетельствуют о наличии в июньском восстании известной организованности⁶⁸. Однако то обстоятельство, что у фран-

⁶⁵ «Procès des insurgés des 23, 24, 25 et 26 juin 1848», p. 108. Paris. 1849.

⁶⁶ Archives nationales. C 934. Dossier VIII. 3347. Nogent le Rotrou, 1-er juillet 1848.

⁶⁷ «Rapport de la Commission d'enquête...». Т. I, p. 158. Ср. неизданную заметку о Дефлотте, приложенную к письму главного прокурора парижской судебной палаты министру юстиции от 13 октября 1848 г. (BB¹⁸ 1474B plaquette 3, pièce 7 — Note sur Deflotte, lieutenant de vaisseau). Сам Дефлотт в своих показаниях перед следственной комиссией утверждал, что явился в предместье Сен-Марсо без всяких поручений, только для того, чтобы «удостовериться в положении вещей и в настроениях инсургентов» («Rapport de la Commission d'enquête...». Т. I, p. 159).

⁶⁸ Анализ проблемы руководства июньским восстанием — в её целом — не входит в задачу данной статьи. Окончательно эта проблема сможет быть разрешена лишь тогда, когда историки обратятся к изучению хранящихся в Париже, в Историческом архиве военного министерства, неизданных документов военных судов, которые судили июньских повстанцев. Хотя эти документы стали доступны для изучения ещё в 1933 г. (см. заметку в журнале «Revue d'histoire moderne», août-octobre. 1933, p. 395), они до сих пор остаются неиспользованными в исторической литературе.

цузских рабочих не существовало тогда собственной политической партии и что наиболее выдающиеся руководители рабочих и демократов Парижа находились в тюрьме, сделало невозможным создание единого, централизованного руководства восстанием.

Одной из самых видных и самых привлекательных фигур среди руководителей июньского восстания был Луи-Огюст Ракари — рабочий-механик, активный участник революционного движения 30-х и 40-х годов, бывший член тайного коммунистического «Общества работников-эгалитариев».

После февральской революции Ракари стал служащим в национальных мастерских и одновременно лейтенантом 2-й роты 2-го батальона 8-го легиона; после событий 15 мая капитан той же роты Берг, владелец мебельной мастерской, заставил его выйти в отставку⁶⁹. В дни восстания Ракари, по свидетельству одного очевидца, с ружьём наперевес, в кепи лейтенанта «командовал колонной инсургентов, которая ставила своей целью захват ратуши»⁷⁰. В доме № 205 по улице Сент-Антуан, где он тогда проживал, Ракари организовал революционный штаб, на двери которого стояла надпись: «Р е с п у б л и к а н с к и й, д е м о к р а т и ч е с к и й и с о ц и а л ь н ы й п о с т». Руководя постройкой баррикад и вооружённой борьбой на площади Вогезов, Ракари проявил большую энергию. «Нечего спать,— говорил он, подбодряя окружающих,— спят только мёртвые». Он был ранен в бою и вынужден был временно отказаться от командования и лечь в госпиталь⁷¹.

После подавления восстания Ракари был арестован и предан суду, который приговорил его к пожизненным каторжным работам. Суровый приговор не сломил боевого духа этого стойкого революционера. «Будущее принадлежит мне,— заявил он на суде.— Да здравствует демократическая и социальная республика!»⁷².

Заклѳённый в тюрьму Сен-Мишель, Ракари погиб в декабре 1853 г. при попытке к бегству.

Даже заклятые враги июньских повстанцев признают, что они сражались с большим мужеством, проявили огромную стойкость в бою и обнаружили замечательное искусство при сооружении баррикад. Неизданные документы следственной комиссии содержат много интересных показаний очевидцев, свидетельствующих о том, как храбро сражались восставшие парижские рабочие.

Приведѳм несколько характерных примеров.

Вот записка трѳх депутатов Учредительного собрания — Террье, Лосседа и Жире,— написанная на улице предместья Пуассоньер в 9 часов утра; даты на ней нет, но, повидимому, она относится к 23 июня. Адресована эта записка была, как можно судить по некоторым признакам, председателю Учредительного собрания (такие записки поступали и от других депутатов, разосланных в разные пункты города). Названные депутаты с тревогой сообщали: «Предместью Пуассоньер угрожает опасность, если только сейчас же не будут присланы подкрепления, — только а р т и л л е р и я может выбить инсургентов из занятых ими позиций. Кровь льѳтся безрезультатно. Дело срочное, срочное!»⁷³.

⁶⁹ «Rapport de la Commission d'enquѳte...». T. I, p. 157 (Dѳposition de M. Charles Frѳdѳric Berg, 50 ans, ѳbѳniste, demeurant ѳ Paris, rue Saint-Antoine, 195. Du 25 juillet).

⁷⁰ Archives nationales. C 934. Dossier VIII. 3413. Ce 2 juillet 48. A la Commission d'enquѳte sur l'insurrection des 23, 24, 25, 26 juin.

⁷¹ «Procѳs des insurgѳs des 23, 24, 25 et 26 juin 1848 devant les conseils de guerre de la premiѳre division militaire». Seconde section, contenant les causes soumises au 2-e conseil de guerre, p. 56. Paris. 1848.

⁷² Там же, стр. 67.

⁷³ Archives nationales. C 934. Liasse: Assemblѳe nationale. 2872.

Требование прислать пушки повторяется и в других документах этих дней. И это не случайно: стойкость защитников баррикад была так велика, что подавляющее большинство баррикад было взято войсками лишь после сильного артиллерийского обстрела. «Баррикада в нижней части улицы Сен-Жак... — доносил 23 июня в 8 часов вечера полицейский комиссар Бурбонского дворца, — была разрушена восемью пушечными выстрелами»⁷⁴.

Сохранился документ, из которого явствует, что некоторые защитники «порядка», охваченные паникой ввиду огромного размаха восстания, требовали применения зажигательных ядер. «Это средство, — писали они, — каким бы отталкивающим оно ни было, возможно, окажется необходимым, чтобы нанести решительный удар, прежде чем инсургенты остальной части города поднимут голову, чему национальная гвардия не помешает из-за своей слабости и дурного состава»⁷⁵.

Характерны неизданные тревожные записки, которые мэр Парижа Арман Марраст и префект полиции Труве-Шовель посылали 23 и 24 июня членам Исполнительной комиссии и Кавеньяку с сообщением об успехах инсургентов и с требованием присылки подкреплений.

Особенно характерна записка, написанная Маррастом утром 24 июня, в тот момент, когда, как указывал Энгельс в своём обзоре военных действий на улицах Парижа⁷⁶, инсургенты успешно продвигались вперёд, стремясь прорваться к ратуше и другим правительственным зданиям в центре города. Вот текст этой записки:

«Мэрия Парижа. Ратуша (9 часов утра).

Восьмая и девятая мэрии находятся в руках инсургентов. Стрельба всё более приближается к Ратуше. Инсургенты движутся на нас со стороны Сент-Антуанского предместья; на площади Вогезов они применили поджог.

Я тщетно прошу новых подкреплений. 13 батальонов, которыми располагал генерал Дювивье, вынуждены разделиться, чтобы отразить натиск с различных сторон. Если нам не будет оказана быстрая помощь, инсургенты подвергнут нас блокаде и оставшиеся у нас войска будут парализованы»⁷⁷.

О том, какой страх внушало командованию правительственных войск знаменитое Сент-Антуанское предместье, превращённое инсургентами в сильную крепость, свидетельствует неизданная записка генерала Перро, адресованная Кавеньяку 26 июня, в 5 часов утра, то есть за несколько часов до начала атаки предместья. Приводим полный текст этого интересного документа⁷⁸.

«Площадь Бастилии 26 июня (5 часов утра).

Мой генерал.

Я возобновил сегодня утром приказ не начинать военных действий до получения вашего приказа.

У меня в настоящий момент семь пушек и одна гаубица. Необходимо, чтобы мне прислали капитана командовать батареей.

Нам может понадобиться много боеприпасов, так как преграды, которые нам предстоит преодолеть, велики. Баррикады предместья целиком состоят из булыжника, они имеют большую толщину и обнесены рвом.

Если бы мы могли получить маленькие мортиры, мы бы добились успехов с большей лёгкостью.

⁷⁴ Там же. С 933. Dossier II. 2521. Service spécial du Palais de l'Assemblée nationale. 23 juin, 8 heures. Rapport.

⁷⁵ Там же. С 934. Dossier VIII. 2987. Ministère de la Guerre. Déclaration du citoyen Bodin de Mélinville, 46, rue St. Merry, extraite d'une déclaration signée par le citoyen représentant Sibour (sans date).

⁷⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 204—205.

⁷⁷ Archives nationales. С 933. Dossier II. 2558. Mairie de Paris. Hôtel de ville (9 h. du matin). Armand Marrast.

⁷⁸ Там же. С 934. Dossier VIII. 2979. Au C-en Cavaignac à l'Assemblée n-ale.

Поскольку атаковать я буду лишь при поддержке артиллерии, я нуждаюсь в большом количестве снарядов, а мои пушки обеспечены только на 56 выстрелов. У меня орудия калибром в 8 см (два), это — слабовато.

Привет и уважение.

Бригадный генерал Перро»⁷⁹.

Примерно в это же время (в 4½ часа утра) префект полиции Труве-Шовель сообщал Кавеньяку: «Заставы Сен-Дени, Пуассоньер и Рошешуар укреплены и почти неприступны с фронта. Между заставами Сен-Дени и Пуассоньер инсургенты со вчерашнего вечера проделали в окружной стене бойницы, через которые они ведут очень сильный огонь»⁸⁰. Префект добавлял, что «на баррикаде у заставы Пуассоньер имеется небольшая пушка, взятая в Шато-Руже»⁸¹. В другом сообщении префекта, помеченном 7½ ч. утра, читаем: «Огонь ведётся при входе в предместье Тампль; инсургенты, засевшие в домах или забравшиеся на крыши, энергично защищают свои баррикады...»⁸².

Как видно из сообщения префекта полиции Кавеньяку, датированного 26 июня, 4 ч. 55 м. вечера, в предместьях Тампль и Сен-Мартен вооружённая борьба продолжалась много часов спустя после занятия Сент-Антуанского предместья войсками правительства⁸³. Последние позиции восставших парижских рабочих были заняты только вечером 26 июня.

Июньское восстание не получило почти никакой активной поддержки извне. Всё же в некоторых промышленных городах имели место сочувственные отклики со стороны рабочих и бедноты на восстание парижских рабочих, происходили антиправительственные демонстрации и стачки. Кое-где делались попытки организовать отряды добровольцев на помощь июньским инсургентам и помешать прибытию в Париж воинских частей, вызванных правительством.

Генеральный прокурор бордоского судебного округа Тролон в докладе членам следственной комиссии от 18 июля и в докладе министру юстиции от 22 июля 1848 г. (первый из этих докладов был опубликован, второй остался неизданным) вынужден был признать, что июньское восстание парижских рабочих вызвало сочувственные отклики среди революционно настроенных рабочих Бордо. «Вечером 24 июня,— рассказывает прокурор в письме к министру,— среди многочисленного, но безобидного собрания, ожидавшего перед зданием префектуры известий из Парижа, раздалось несколько мятежных возгласов и речей. Некий Дюбоск, рабочий, крикнул: «Вперёд, рабочие, взломаем ворота!» Другой рабочий высказывался с большой резкостью против богачей, заявляя, что всё, что они имеют сверх насущно необходимого, есть кража. Его зовут Сэнже. Третий, по имени Буде, с красным колпаком на голове, кричал: «Да здравствует Красная Республика!»⁸⁴. Все трое рабочих были арестованы.

⁷⁹ Просьба генерала Перро была удовлетворена. По сообщению парижского корреспондента «Новой Рейнской газеты», из крепостей Арраса и Ла-Фер в Париж были срочно доставлены осадные орудия, мортиры, гаубицы, а также зажигательные ядра и бомбы. Всё было приготовлено для разрушительной бомбардировки Сент-Антуанского предместья, которое к этому времени было оцеплено войсками («Neue Rheinische Zeitung» от 30 июня 1848 г.).

⁸⁰ Archives nationales. C 934. Dossier VIII. 2966. Paris, 25 juin 1848. Au citoyen M-re de la Guerre.

⁸¹ По другим данным, единственная пушка, пущенная в ход июньскими инсургентами, была изготовлена ими самими (из чугуна, который они нашли в одной мастерской); из того же источника следует, что они отлили ещё две пушки, но не успели использовать их («Le Courrier français» от 3 июля 1848 г.).

⁸² Archives nationales. C 934. Dossier VIII. 2972. Au citoyen M-re de la Guerre.

⁸³ Там же. 2984. Paris, 26 juin 1848. Le Préfet de police au Chef du pouvoir exécutif.

⁸⁴ Archives nationales. BB¹⁸ 1465A, plaquette 2. Parquet de la Cour d'appel de Bordeaux, le 22 juillet 1848. В докладе, представленном следственной комиссии, этот рабочий назван не Буде, а Броне.

К этим фактам, изложенным в докладе прокурора министру, следует добавить факты, о которых прокурор дополнительно сообщил следственной комиссии. В докладе, представленном этой комиссии, прокурор отмечал, что в дни июньского восстания революционные клубы Бордо объявили свои заседания непрерывными и установили связь с рабочими корпорациями, что только меры предосторожности, принятые военными и гражданскими властями, помешали столкновениям в городе. Прокурор добавлял, что 26 июня председатель объединённых клубов Бордо, Дакоста, обратился к их членам с воззванием, которое было проникнуто сочувствием к парижским инсургентам⁸⁵.

К сожалению, этот документ, приложенный к докладу прокурора, не сохранился. Зато сохранился другой документ, о котором прокурор упоминает в обоих докладах и текст которого он прилагает к ним. Этот документ, представляющий собой проект или копию обращения «К инсургентам Парижа», был обнаружен в портфеле, который был найден в начале июля на одной из улиц Бордо и доставлен в мэрию. «Было установлено,— добавляет прокурор в докладе министру,— что портфель принадлежит Тома Ламберу, рабочему, человеку резкому, решительному коммунисту, входящему в состав одного из самых крайних клубов Бордо». В докладе следственной комиссии тот же Ламбер назван Пьером-Шарлем (а не Тома) и охарактеризован следующим образом: «Ламбер входит в состав одного из клубов, которые мы отметили; это — человек крайне резкий, отличающийся коммунистическими и анархическими взглядами. За ним внимательно следят, и в подходящий момент у него в доме будет произведён обыск»⁸⁶.

Вот текст этого найденного в портфеле обращения, оставшийся неизданным во Франции и впервые публикуемый нами на русском языке⁸⁷:

«Братья!

С чувством восхищения и одновременно скорби следили мы за борьбой, в которую вы вступили. Наше сочувствие, как вы легко догадаетесь, было целиком на вашей стороне; мы всеми силами желали торжества нашего общего дела — социальной демократии, и велика была наша скорбь, когда мы узнали, что успех не увенчал ваших усилий.

Да, вы доблестно поддержали честь единственной партии в Европе, умеющей сражаться и умирать за свои убеждения; вы ещё увеличили эту честь гигантской битвой, которая не имеет себе равной в истории; вы явили удивлённому миру зрелище граждан, которые почти без оружия в течение пяти дней сдерживали натиск хорошо вооружённой буржуазной гвардии и более чем ста тысяч человек регулярных войск, располагавших грозной артиллерией и всеми разрушительными средствами. Перед лицом таких фактов история вынесет, разумеется, следующий приговор: позор победителям, вечная слава побеждённым.

Но наряду с энтузиазмом, которым воспламеняет нас ваше поведение, мы не можем не выразить здесь того чувства скорби, которое вызывает в нас зрелище погребального кортежа жертв реакции. Будьте уверены, братья, что все мы носим траур по ним в нашем сердце и что наш долг заключается в том, чтобы отомстить за них.

Пусть же вся кровь, пролитая за дело отечества, падёт на эту гнусную шайку предателей и роялистов, имя которой — Национальное собрание; пусть же оно будет навеки предано проклятию; пусть же имена его членов будут выставлены у позорного столба; и пусть знают патриоты,

⁸⁵ См. «Rapport de la Commission d'enquête...». Т. II, p. 150.

⁸⁶ Там же, стр. 151.

⁸⁷ На немецком языке он был опубликован в № 72 «Новой Рейнской газеты» от 11 августа 1848 года. Каким образом он стал тогда известен редакции этой знаменитой газеты, которую редактировал Маркс, нам, к сожалению, установить не удалось.

что против этих негодяев-депутатов не существует иного средства, кроме их уничтожения»⁸⁸.

Другого такого сильного и яркого, насыщенного такой революционной страстью документа, как это обращение передовых рабочих Бордо к революционным пролетариям Парижа, не существует во всей документации, которой мы располагаем не только в отношении Бордо, но и в отношении других провинциальных городов.

В свете приведённых здесь фактов ясно видно, как грубо фальсифицирует Альбер Шарль историю Бордо в 1848 г., утверждая (в своей книге на эту тему, вышедшей в 1945 г.), что июньское восстание не вызвало ни малейшего сочувствия в этом городе⁸⁹. Чтобы обосновать свой насквозь ложный вывод, этот буржуазный историк прибегает к такому приёму фальсификации, как замалчивание фактов и документов, решительно противоречащих его утверждениям.

Кровавое подавление июньского восстания, сопровождавшееся жестокой расправой с побеждёнными инсургентами, привело к резкому обострению классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией, к расколу «французской нации на две нации — нацию собственников и нацию рабочих»⁹⁰.

Этот раскол ясно чувствуется в документах того времени, особенно в неизданных письмах, поступавших в Учредительное собрание или в его следственную комиссию. С одной стороны, это письма представителей имущих классов, смертельно напуганных революционной активностью пролетариата, трясущихся от страха перед перспективой нового рабочего восстания, настойчиво требующих от правительства ещё большего усиления репрессий. С другой стороны, мы находим тут письма, в которых рабочие и демократы Парижа клеймят Кавеньяка и других палачей июньского восстания, протестуют против гнусной клеветы буржуазной контрреволюции, заявляют о своей решимости продолжать борьбу, грозят мстостью победителям.

Характерно письмо (без подписи и без даты), адресованное «гражданину Сенару, председателю палаты представителей народа, который владеет собственностью»⁹¹. «Война, которая составит эпоху в нашей истории, битва тех, кто имеет собственность, против рабочих без хлеба и работы» — вот чем было, по мнению автора этого письма, июньское восстание. Он решительно протестует против эпитета «разбойники», которым буржуазные контрреволюционеры наделяли восставших рабочих. «Клянусь богом, — заявляет он, — что люди, которых вы обзывали сволочью, стоят большего, чем вы». «Я рассматриваю, — продолжает он, — эту бойню как некую Варфоломеевскую ночь и, должен признать, ещё гораздо худшую, ибо тогда имелась слепая вера, был фанатизм, но вы, господа, вся палата, знаете, что те, кого вы заставляете убивать, это — бедняки, которые четыре месяца в страшной нищете ждали, что вы обеспечите им средства существования, ибо в действительности Франция — большой стол, за которым должно найтись место для каждого трудолюбивого и честного француза...» Грозя победителям мстостью побеждённых, которая наступит, когда последние возьмут верх, автор письма заявляет: «Я имею право... сказать вам, что, убивая рабочих, вы делаетесь палачами».

Содержание и тон этого письма, несомненно, исходившего от человека из народа, показывают, как тяжело переживали простые люди

⁸⁸ Приложение к докладу генерального прокурора бордоского судебного округа Тролона от 22 июля 1848 г. (Archives nationales, BB¹⁸ 1465 A, plaq. 2).

⁸⁹ A. Charles. La Révolution de 1848 et la Seconde république à Bordeaux et dans le département de la Gironde, Bordeaux. (1945), p. 154.

⁹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 198.

⁹¹ Archives nationales. C 934. Dossier VIII. 3322. Cillyen Senard. Président de la Chambre des Représentants du Peuple qui pocède (орфография подлинника. — А. М.).

Франции зверскую расправу, учинённую над восставшими парижскими рабочими, какую ненависть возбуждали в сердцах трудящихся кавеньяковские палачи.

Ещё более ярко чувство гнева и жажда мести, владевшие в это время революционными рабочими Парижа, выражены в неизданном письме, адресованном 27 июня членам Учредительного собрания. Этот документ, напоминающий приведённое нами выше воззвание бордских революционеров, заслуживает того, чтобы привести его хотя бы в выдержках.

«Вероломные уполномоченные народа,— так начинается этот волнующий документ,— вам недостаточно было того, что в течение четырёх месяцев вы пренебрегали страданиями народа, который сделал вас тем, чем вы являетесь; вам недостаточно было того, что вы добавляли оскорбления к тем грошам, которые вы пренебрежительно бросали в лицо нищете; вам оставалось ещё одно — выкупаться в море крови и подписать своими окровавленными руками декреты о расправе... Вы — подлецы, и мы предаём вас проклятию грядущих веков». Автор письма выражал глубокую уверенность в том, что придёт день, когда «разрушители храма свободы» будут лишены власти, когда они падут под ударами восставшего народа. Письмо заканчивалось грозным предупреждением: «Вы хвастаетесь тем, что уничтожили народ! Чтобы вывести вас из этого заблуждения, он будет ежедневно присылать вам протокол заседаний своего совета. Завтра, 28-го, он соберётся в 9 часов утра, чтобы решить, что поставить на место дворца, в котором вы вырабатываете ваши враждебные свободе проекты, неверные представители!» Подпись под письмом гласила: «Париж, на совете народа 27 июня 1848 г. Ж. П. С.»⁹².

Характерно и письмо за подписью Анри, датированное 5 июля и адресованное «Законодателям Национального собрания, именуемым представителями народа». Это опубликованное следственной комиссией письмо осталось неиспользованным в исторической литературе. Между тем оно хорошо характеризует чувства гнева и негодования, которые Учредительное собрание своими антинародными действиями возбуждало в сердцах всех честных демократов. Автор клеймит жестокое поведение правящих кругов: «Не умея разрешить рабочий вопрос, вы убиваете рабочего, которого сами же довели до отчаяния, вы уничтожаете его на улице посредством той силы, которую он предоставил вам, чтобы защищать его». Письмо заканчивалось предсказанием, что «революции будут происходить до тех пор, пока богатство будет уделом лишь немногих лиц». «Невежественные, надменные и бессердечные, вы хорошо послужили отечеству, вы обессмертили себя»⁹³, — иронически заключал автор письма.

Читая подобные документы, ещё раз убеждаешься в глубокой правоте Маркса, писавшего 29 июня 1848 г. в «Новой Рейнской газете»: «Парижские рабочие подавлены превосходными силами врагов своих, но не поддались им»⁹⁴.

Это сознавали и многие представители имущих классов. Именно поэтому ликование по поводу разгрома восстания сочеталось у них со страхом перед возможностью повторения июньских событий. Десятками насчитываются неизданные документы, в которых ясно чувствуется страх буржуазии перед побеждёнными, но всё ещё грозными блузниками.

Особенно характерны следующие выдержки из письма, адресованного в следственную комиссию.

«Восстание подавлено, но оно ещё полностью не обезоружено, а главное — не обескуражено,— с тревогой заявлял помощник мэра 6-го округа

⁹² Archives nationales. C 934. Dossier VIII. 3297. Aux membres de l'Assemblée nationale à l'ex-Palais Bourbon. Paris, au conseil du peuple le 27 juin 1848. J. P. S.

⁹³ «Rapport de la Commission d'enquête...». Т. II, p. 167—168.

⁹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 198.

Парижа в письме от 7 июля.— Каждую минуту до нас доходят тревожные слухи... Побеждённые снова начинают подсчитывать свои силы, встречаться, изготовлять разрушительные средства... У них ещё имеется спрятанное оружие, порох и снаряды. Многие из их подпольных фабрик оружия обнаружены, но не все, и они сумеют создать новые... Адское общество прав человека и клуб клубов ещё держатся... Бельвилль, Менильмонтан, наши кварталы, расположенные по ту сторону канала, предместье Сент-Антуан, предместье Сен-Марсо ещё не обысканы и не очищены до основания... А главное, смотрите, не отменяйте слишком рано осадного положения... Промышленность, торговля, капитал свободно дышат под его покровительством. Пусть же оно продолжается до тех пор, пока все виновники беспорядков и мятежей не будут обречены на бессилие, пока красная республика, превратившаяся ныне в социальную республику, не будет вытеснена с её последних укрепленных позиций»⁹⁵.

Известно, с какой стойкостью держались на суде участники июньского восстания 1848 года. Не раз приводились в исторической литературе демократического направления замечательные слова одного из руководителей восстания, рабочего Эмманюеля Бартелеми, смело заявившего судьям: «Я — солдат демократической и социальной республики. Делайте со мной, что хотите... Даже если бы мне грозило быть истолчённым в ступке, я и тогда бы не отказался от ответственности за свои поступки... Я так же мало дрожу здесь, как и на баррикадах»⁹⁶.

Отчёты о судебных процессах июньских инсургентов — при всей краткости и сухости большей части этих документов — содержат немало образцов подобного революционного мужества и высокой классовой сознательности. Ярким примером её может служить речь инженера Эдуарда Перрея 4 декабря 1849 г., опубликованная на следующий день в «Gazette des tribunaux»⁹⁷. Перрея судили за то, что он командовал одной из баррикад в Париже в июньские дни 1848 г., а затем принимал активное участие в демонстрации 13 июня 1849 года. Характерные черты этого документа, проникнутого неподдельной революционной страстью: презрение и ненависть к социальному строю, основанному на жестоком угнетении трудящихся, попирающему все принципы морали, справедливости, человечности, твёрдое убеждение в правоте дела июньских повстанцев, глубокая вера в конечное торжество революции и демократии.

Перрей начал свою речь с заявления, что он не собирается защищаться, что он не нуждается в защите. «Я не из таких людей, убеждения которых рушатся вследствие поражения,— сказал он.— Я и сегодня верю в то, во что верил вчера. Я уверен, что моё дело свято; я могу погибнуть в борьбе, но я никогда не буду трусом. Я признаю все пункты обвинения; я горжусь им; я считаю, что оно делает мне честь; я хочу сделать из него пьедестал, на который я взойду, чтобы высоко поднять перед лицом всей страны священное знамя революции, под которым я сражался». Резко критикуя капиталистический строй, Перрей доказывал, что в нём царят анархия и хаос, всяческие злоупотребления, безграничное угнетение трудящихся ради обогащения бездельников, преследование самых честных и самых преданных демократов. «Наша эпоха,— заявлял обвиняемый,— есть переходная эпоха», «старое общественное здание, сотрясаемое бурей, дрожит и трещит по всем швам... Я знаю,— говорил Перрей,— что существуют люди, которые... рассчитывают обуздать революции и положить

⁹⁵ Archives nationales. C 934. Mairies. 2893. Maire du Sixième arrondissement. Paris, 7 juillet 1848.

⁹⁶ V. Marouck. Juin 1848, p. 147. Paris. 1880.

⁹⁷ «Gazette des tribunaux» от 5 декабря 1849 г., стр. 113—114.

им конец... Эти люди — безумцы. История полна примеров кровавых катастроф, которые поглотили им подобных вместе с теми, кто пытался их поддержать». В виде примера Перрей упомянул о преследованиях христиан в Римской империи.

Прерванный председателем суда обвиняемый заявил, что он следует примеру Галилея, которого судьи не смогли заставить отречься от своего убеждения, что земля вертится. Перрей не отрицал своего участия в демонстрации 13 июня 1849 г., но утверждал, что выступал не в защиту конституции, которая освящает несправедливый общественный и политический строй, а за нечто совсем иное. «Что до меня,— заявил в заключение обвиняемый,— то я сражался в июне 1848 г. против изменников демократии. Я принял участие в борьбе, так как был глубоко убеждён,— и никто здесь не может помешать мне выразить это убеждение,— что республика находилась в опасности. Я вступил в борьбу, когда увидел, что революция пошла по ложному пути и грозила разбиться о те же препятствия, из-за которых погибла революция 1830 года. Я сражался, чтобы помешать подлецам и интриганам, которые довели монархию до позорного падения в грязь, захватить власть с целью ещё раз поработить этот народ, столь великий, столь благородный, столь великодушный в своей победе, народ, который терпел три месяца нищеты ради республики, который не требовал иной награды, кроме права жить работая. Я сражался, и я горжусь этим». Последние слова Перрея (после оглашения обвинительного приговора) были: «История оправдает меня».

Кошмарными были условия, в которых содержались сосланные на каторгу участники июньского восстания. Но ни кандалы, ни изнурительный труд, ни голодный паёк, ни рваная одежда, ни грязные и холодные бараки, ни издевательства, ни побои не могли сломить стойкость рабочих и демократов Парижа, мужественно переносивших все ужасы каторжной тюрьмы. Неизданная переписка судебных и жандармских властей показывает, что ссыльные инсургенты оставались и в ссылке верны своим политическим идеалам, своим революционным убеждениям.

Вот как описывал поведение инсургентов, заключённых в казематы тюрьмы Белль-Иль, прокурор республики в Лориане в докладе от 27 апреля 1849 г. генеральному прокурору: «Одна из форм времяпрепровождения заключённых состоит в пении гимнов. В обычных беседах между собой они выражают свою ненависть к обществу, свою жажду мести тем, кто отправил их в ссылку... Они устроили нечто вроде форума. Ораторы сменяют друг друга на этой трибуне... Одна навязчивая идея владеет ими. Они мечтают только об одном — о торжестве своих идей... Они основали социалистическую газету с девизом: свобода, равенство, братство, солидарность. Экземпляры этой газеты они бросали через стены, чтобы караульные солдаты подбирали их и читали. Были приняты меры, чтобы помешать изданию этой газеты, но нельзя с уверенностью сказать, что она не распространяется больше внутри тюрьмы». 24 февраля, рассказывает далее прокурор, ссыльные устроили банкет в честь годовщины революции; над трибуной, с которой выступило 20 ораторов, развевалось красное знамя. Когда заключённые узнали о казни инсургентов, осуждённых по делу о расстреле генерала Бреа, во дворе тюрьмы был сооружён катафалк, покрытый саваном и освещённый факелами; триста человек, окружавших катафалк, поклялись отомстить за своих товарищей⁹⁸.

В докладе министру юстиции, составленном 28 апреля, прокурор добавлял, что во главе заключённых, организовавших эту своеобразную гражданскую панихиду, находился видный революционер Дефлотт. В том же докладе сообщалось, что заключённые пытались заступиться за одного из руководителей июньского восстания, Пюжоля, приговорённого к нака-

⁹⁸ Archives nationales. BB¹⁸ 1465A, plaquefle 7. Parquet du procureur de la République de Lorient (Morbihan). Lorient, le 27 avril 1849.

занию за какой-то проступок. Чтобы предотвратить возмущение, власти вызвали батальон пехоты и зарядили пушки⁹⁹.

11—12 декабря 1849 г. в той же тюрьме группа заключённых, выведенных из себя жестокостью администрации, восстала против своих мучителей; в кровопролитной схватке один заключённый был убит, несколько других было ранено. Десять заключённых были отправлены в Лориан, где их заточили в арестный дом.

Стойко вели себя июньские бойцы и в Алжире, куда они были переведены из Белль-Иля в марте 1850 г. для отбытия 10-летней ссылки, на которую они были осуждены по закону, принятому Законодательным собранием в январе того же года. Партия в 450 человек, доставленная в город Бон, была заключена в казарму-тюрьму, где с ними обращались очень жестоко, плохо кормили и принуждали к непосильному труду.

Никакие преследования не могли сломить боевой дух участников великого пролетарского восстания, лишить их воли к жизни и борьбе, отнять у них веру в будущее. Ссылные, имевшие некоторое образование, организовали школу, где обучили грамоте 150 своих товарищей.

Интересно отметить, что в некоторых местах заключения ссылные инсургенты организовали товарищеские суды, в которых разбиралось поведение недостойных людей, занимавшихся доносами на своих товарищей и старавшихся выслужиться перед администрацией; таких заключённых товарищеские суды объявляли «антидемократами» и «антисоциалистами», «врагами народного дела»¹⁰⁰.

«Я считаю своим долгом информировать вас,— писал председатель судебной палаты округа Ренн 1 января 1849 г. министру юстиции,— что инсургенты, освобождённые в Лориане и в Бресте и проезжающие за последние три дня через Ренн, чтобы отсюда отправиться в Париж, в большинстве своём ведут себя так и держат такие речи, что в этом мало утешительного для будущего. Они открыто говорят, что они не обязаны никакой благодарностью правительству Республики и что они надеются вскоре возобновить борьбу»¹⁰¹. Автор письма добавлял, что «политические единомышленники» ссылных оказывают им всяческую материальную помощь.

Сочувственно относились к ссылным инсургентам трудящиеся слои населения не только в Ренне, но и в других городах. В Нанте 16 октября 1850 г. «несколько сот социалистов», как сообщал председатель судебной палаты, устроили торжественную встречу группе участников июньского восстания, направлявшейся в тюрьму Белль-Иль. Присутствие войск не помешало этой демонстрации, участники которой пели «Марсельезу» и кричали: «Да здравствует Республика! Да здравствует демократическая и социальная Республика!» «В то же время женщины и рабочие в блузах, приготовив венки, бросали их с набережной в воду в момент прохождения судна»¹⁰².

Все эти факты, запечатлённые в пожелтевших от времени неизданных архивных документах, ясно свидетельствуют о том, что революционные пролетарии Франции видели в июньских повстанцах 1848 г. защитников правого дела, передовых борцов за освобождение трудящихся.

Свою солидарность с участниками июньского восстания выражали и революционные пролетарии других стран. Маркс, разоблачая кровавую расправу французской контрреволюции с июньскими инсургентами, писал:

⁹⁹ Там же. A Monsieur le Ministre de la Justice. Président du Conseil des ministres Paris. Lorient, le 28 avril 1849.

¹⁰⁰ «Cazette des tribunaux» от 12 марта 1849 г., стр. 477.

¹⁰¹ Archives nationales. BB¹⁸ 1465A, plaquette 1. Cour d'appel de Rennes, le 1 janvier 1849.

¹⁰² Там же, plaquette 7. Cour d'appel de Rennes, le 17 octobre 1850.

«Вокруг их грозно-мрачного чела обвить лавровый венок есть privilege, есть право демократической печати»¹⁰³.

«Новая Рейнская газета» до конца использовала это право.

Долг историков-марксистов — вести неустанную борьбу против попыток реакционной историографии замолчать или извратить героическую борьбу защитников парижских июньских баррикад 1848 года.

Факты и документы, приведённые в данной статье, позволяют глубже понять и несколько по-новому осветить некоторые вопросы истории июньского восстания. Новые материалы, использованные в этой работе, позволяют сделать вывод, что июньское восстание парижских рабочих подготовлялось экономическим кризисом, ходом классовой борьбы, влиянием революционных социалистических идей (особенно идеи «социальной республики»). Документы, впервые пущенные в научный оборот в этой статье, подтверждают уже установившийся в советской исторической литературе вывод, что, вопреки фальсификаторским утверждениям буржуазных историков, июньское восстание имело довольно определённую социально-политическую программу и не лишено было известной организованности. Документальным материалом полностью опровергаются клеветнические вымыслы буржуазных фальсификаторов истории, пытавшихся изобразить это великое пролетарское восстание как дело рук наёмников бонапартистской клики. Конкретный материал этого исследования проливает новый свет на вопрос об изолированности рабочего класса в дни восстания, об отсутствии союза между парижским пролетариатом и «средними слоями» города и деревни. Но одновременно материал, приведённый в статье, доказывает, что, вопреки утверждениям буржуазных историков, восстание парижских рабочих вызвало сочувственные отклики со стороны революционных рабочих ряда других городов Франции. Документы, использованные в этой работе, позволяют по-новому осветить вопрос о резком обострении классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией в результате кровавого подавления июньского восстания. В значительной степени новым является материал, свидетельствующий о стойком поведении участников восстания как на суде, так и в ссылке. Что касается затронутого в статье вопроса о состоянии парижской промышленности к моменту восстания, то по этому вопросу статья не даёт окончательного решения: оно станет возможным лишь после всестороннего изучения документов об экономическом кризисе 1847—1848 гг., хранящихся во французских архивах.

Уроки событий 1848 года, подвергнутые глубокому анализу в гениальных трудах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, весьма поучительны и для современной Франции, трудящиеся массы которой во главе со своим боевым авангардом — коммунистической партией — ведут самоотверженную борьбу против американо-английских империалистов и их французских сообщников, за мир, за национальную независимость, за демократию и социализм. Вдохновляемый всемирно-историческими достижениями Советского Союза и выдающимися успехами стран народной демократии, французский народ всё решительнее выступает против реакционной и агрессивной политики правящих кругов, против американских оккупантов и поджигателей новой мировой войны. Он полон решимости отстоять свободу, безопасность и независимость своей родины, внести новый вклад в дело борьбы за мир во всём мире, за светлое будущее всех народов.

¹⁰³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 201.

ОТГОЛОСКИ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ ВО ФРАНЦИИ

П. Ангран (Париж) *

Читая обильную литературу о периоде реставрации во Франции, можно легко допустить, что движение декабристов не оказало никакого воздействия на политическую жизнь Франции. Однако современники были на этот счёт другого мнения. Стендаль, например, с большим удовлетворением отмечал в «New Monthly Magazine» (апрель 1826 г.): «Поразительное открытие, что свободолюбивые убеждения гнездятся даже в русской армии, вызвало оглушительный контрудар со стороны Сен-Жерменского предместья».

В энергичных выражениях, которыми пользуется Стендаль, нет никакого преувеличения. Декабристы, которые «разбудили» русскую политическую мысль, возвестили зарю освобождения русского народа, помогли и французскому национальному либеральному движению развернуть контрнаступление против правительства эмигрантов и ультрароялистов; они посеяли беспокойство в аристократическом предместье Сен-Жермен, в салонах которого была сосредоточена правящая клика, уменьшили возможность для министерства Виллеля маневрировать перед лицом буржуазной оппозиции и в то же время нанесли неожиданный, пожалуй, решительный удар всему зданию Священного союза.

Несомненно, что декабрьские события 1825 г. разразились в момент, когда политическое положение правительства Виллеля пошатнулось. Ещё в начале года Каннинг признал южноамериканские республики, а французское правительство должно было предоставить Сан-Доминго так называемую полную и абсолютную независимость (апрель 1825 г.). Британское правительство начало действия в Лиссабоне с целью воспрепятствовать оккупации Испании войсками Карла X, предпринятой от имени Священного союза.

Располагая устойчивым и послушным большинством в палате, правительство Виллеля должно было всё же считаться с пэрами и держателями крупных рент и отражать удары тройной оппозиции: ультрамонтанов, которые со времени коронации Карла X в мае 1825 г. считали, что пришёл их час (эта крайняя группа ультрароялистов имела своим органом «Quotidienne»); Шатобриана и его группы, которая повела за собой колкий «Journal des Débats»; наконец, либералов, взгляды которых — более или менее направленные на борьбу с правительством — выражали «Courrier» и «Constitutionnel».

Во Франции 1826 г., управлявшейся ультрароялистами, пусть даже находившейся под влиянием печати буржуазной оппозиции, трудно было сформироваться идеям, подобным тем, которые лежали в основе движения декабристов.

* П. Ангран (Paul Angrand) — прогрессивный французский историк, изучающий историю СССР. В публикуемой работе автор сообщает не известные до сих пор данные об отношении французских реакционеров и либералов к восстанию 14 декабря 1825 года. К сожалению, автор не останавливается на социально-экономической основе движения дворянских революционеров, а также не приводит данных, как восприняли французские республиканцы весть о восстании декабристов. Нужно пожелать, чтобы в дальнейших изысканиях Поль Ангран восполнил этот пробел. (Ред.)

Оппозиция, информированная о событиях в России через германские «Augsburger Zeitung» и «Frankfurter Zeitung» и английские «Times» и «Courier», в которых публиковались немногочисленные отклики, а также через издававшуюся на французском языке «Санкт-Петербургскую газету» («Journal de S.-Petersbourg»), печатавшую официальные версии, использовала все эти сообщения в собственных целях.

Симпатии, которые вначале газета «Journal des Débats» выражала декабристам, исчезли, как только стало ясно, что дело русских дворян потеряно. Что касается газеты «Constitutionnel», то она мало занималась раскрытием смысла восстания, и то с единственной целью доставить затруднения министерству Виллеля. В поразивших газету событиях она усмотрела конец Священного союза, поворотный пункт европейской политики и перспективу ближайшего освобождения греков. Политического смысла движения декабристов и его социального значения она не уловила.

Что касается французского правительства, то оно воздерживалось предавать гласности все тревожные донесения своего посла в Петербурге, графа Ляфферона; Виллель и его министр иностранных дел барон Дама силились скрыть либо фальсифицировать сообщения о восстании 14 декабря. Император Николай I не проявлял такой осторожности: своими манифестами и официальным сообщением следственной комиссии он только мешал действиям ультрароялистов. Последние долгое время надеялись, что среди всех тревог им удастся сохранить робкое «благоразумное» молчание. Они пытались фильтровать известия из России и в своих газетах «Drapeau Blanc» и «L'Etoile» сообщали о событиях в самом враждебном по отношению к «революционным зачинщикам» духе.

Впрочем, барон Дама хорошо знал русских дворян, вместе с которыми он служил Александру. Этот министр иностранных дел получил воспитание в Петербурге; сражался «против неприятеля» в Теплице, Денневице и Лейпциге; генерал-майором он принял участие в сражении на Ротере 1814 г.; царский посол Иоццо ди Борго был его «старым товарищем». Французский эмигрант в России, Дама впоследствии в качестве министра иностранных дел был похож на эмигранта царского самодержавия во Франции.

Известие о восстании декабристов, достигшее Парижа 10 января 1826 г., произвело большое впечатление. «Constitutionnel» в номере от 11 января изображал это событие следующим образом: «В Петербурге имели место мятежные действия; восшествие императора Николая на престол отмечено резнёй, и он должен был пробиваться к трону через кровь собственных гвардейцев».

А вот что писала газета «Journal des Débats»: «В Петербурге происходят бои. Императорская гвардия стреляла в императорскую гвардию; одни выступают за Николая и систему Александра, а другие — за Константина и московскую партию, которая требует войны за Грецию». Далее следовали комментарии: «Здесь военное восстание в пользу Константина, в городе и среди войск, где не предполагали наличия его сторонников... Возможно, это — движение, которое может перекинуться на всю армию и во все уголки империи, в частности в Москву, Польшу, Бессарабию». Газета трактовала события как простой результат соперничества двух братьев, ссоры двух партий. Повод к возмущению подменял действительность, которая вскоре сделается ясной, но о которой пока никто не подозревал.

В самом событии аристократы и крупные рантье, группировавшиеся вокруг «Journal des Débats», видели лишь повод доставить затруднения правительству. «Франция, — писала газета, — часть армии которой находится в Испании, Франция при состоянии её военных ресурсов и разрушении её пограничных укреплений, с её пошатнувшимся кредитом и жал-

кими финансовыми операциями, при всеобщем недовольстве общественного мнения, непопулярности и неспособности её министров, — в состоянии ли она выждать великие события, которые можно предвидеть?» Но наши министры, добавлял этот орган, «бравировуют перед событиями; им нет нужды нагибаться, чтобы избегать их; они столь малы, что могут пройти под событиями». Статья запальчиво заканчивалась неожиданным панегириком по адресу Хартии и учреждений, «столь же полезных для трона, как и для нации, против которых неразумные люди устраивают заговоры: абсолютизм представляется им шедевром человеческого ума, а цензура — тихой пристанью. Но они ведут легитимную монархию к гибели».

Почти в тех же выражениях высказывался 12 января орган средней буржуазии, «*Constitutionnel*». Сперва он констатировал «глубокую сенсацию», вызванную событием, «сенсацию столь чувствительную, что правительственные газеты пытаются представить нам политическое положение в России в самых успокоительных тонах». Но, как и «*Journal des Débats*», «*Constitutionnel*» видел в выступлении декабристов лишь «военный мятеж», произведённый сторонниками Константина, «кровавую вспышку» между русскими, которые остались верны Священному союзу и враждебны «святому делу греков», и русскими, которые стояли за «христианскую войну».

«*Constitutionnel*», который странным образом не замечал освободительного и революционного характера событий, предлагал, однако, извлечь из них большие уроки: «Кровавые столкновения в России должны вразумить королей, что национальные учреждения и установление общественных свобод являются столь же благодетельными для них, как и для самих народов». Что касается правительства, которое было осведомлено о событиях, то оно «оставило биржу в потёмках». «Если г. Виллель и его друзья не воспользовались этой осведомлённостью, чтобы получить большие незаконные барыши, то по крайней мере они могли это сделать, и этого достаточно для их осуждения».

Это обвинение оказало влияние на колебание курсов. Начало января было отмечено снижением трёхпроцентной ренты, которая упала с 67,30 фр. 2 января до 65,75 фр. 6 января. Поднявшись потом до 68,75 фр., она под влиянием новости о восстании в Петербурге, а также происшедших в Лондоне крахов и несомненной игры на понижение снизилась до 68,60 фр. 10 января и до 66,75 фр. 12 января; пятипроцентная рента соответственно упала с 98,75 фр. до 97,50 франка. Кризис, который должен был смести Виллеля, становился всеобщим.

В этот момент правительство пыталось отвести от себя упреки в непредусмотрительности и абсолютизме. Оно приняло две меры. Первая заключалась в наборе в армию 60 тыс. человек призыва 1825 г.; официальное объявление об этом, опубликованное в правительственной газете «*Moniteur*» 13 января, было датировано 2 января. «*Drapeau Blanc*» в номере от 14 января разъясняло, что если контингент армии был увеличен на 20 тыс. человек, то в этой мере предосторожности следует усматривать не «дурное предзнаменование», а «признак безопасности». «Этот набор, — уверяла газета, — был объявлен и предусмотрен ещё в прошлом году». Надо было уверить читателей, что последние события в России не имели отношения к принятому решению.

Вторая мера была ответом на похвалы по адресу Хартии и национальных учреждений, которые расточала вся оппозиция. Виллель решил положить конец каникулам законодательных палат и назначил их сессию на конец января. Формально это не было уступкой оппозиции, поскольку «вновь обрётённая палата» была послушна Виллелю, но в то же время эта мера должна была привести оппозицию к отказу от обвинения Виллеля в абсолютизме и послужить политическим манёвром, так как парламентские дебаты привлекли бы к себе внимание и отвлекли беспокойные массы и неудовлетворённых либералов от революционной «заразы».

В то время как оппозиционная пресса продолжала болтать о 14 декабря, больше всего высказываясь о событии в общих чертах и не пытаясь вникнуть в глубокие причины, которые его вызвали, правительство, лучше осведомлённое о подробностях, пропускало в печать только официальные сообщения (манифест Николая с приложениями, относившимися к отречению Константина), замалчивая все остальные известия. Но оно было далеко от того, чтобы недооценивать события.

Ляфферонэ 26 декабря вечером, а затем 27-го доносил о событиях, очевидцем которых он был. Дама получил также очень обстоятельный отчёт о 14 декабря, переведённый с немецкого. Все эти свидетельства могли только возбудить беспокойство министров.

В анонимном рассказе о беспорядках, написанном по-немецки и представленном Дама, сообщалось, что «император стоял в гуще... черни, которая, казалось, только ждала случая предаться всяким видам неистовства», что к груди великого князя Михаила был приставлен пистолет, что войска были мало надёжны: «Семёновский полк объявил, что он не пойдёт против восставших товарищей и не направит на них огня». Описание сражения отличалось большой точностью. «Пехота, настроение которой было весьма сомнительно,— говорилось в сообщении,— должна была быть расположена в резерве колонной вдоль бульваров, в то время как восставшие заняли Сенатскую площадь. Когда вызвали артиллерию и приказали ей навести орудия, артиллеристы заявили, что у них не хватает зарядов». Адъютанты должны были вернуться в арсенал. «В 3 часа пополудни, после того как орудия были наконец заряжены, император приказал кавалерии вывести их и открыть огонь. Но артиллеристы проявили нерешительность. Три или четыре раза они подносили фитиль, прежде чем открыли огонь из первого орудия, которое, как только сейчас заметили, было направлено на крышу здания сената, а не против восставших... Офицеры из свиты императора ринулись к орудиям, переменяли их прицел, и тогда начался губительный огонь с дистанции в 80 шагов».

Донесение Ляфферонэ (оно было послано 27 декабря и получено в Париже 11 января), подчёркивавшее участие в восстании петербургского народа, усилило беспокойство министров. Отчёт Ляфферонэ, написанный очень живо, стоит того, чтобы на нём остановиться подробнее.

Ляфферонэ видел императора, вышедшего из своего дворца: «Его встретили криками «ура!». Но меня уверяли, что слышались и угрозы». Преображенский полк, будучи выстроен перед Николаем, не выказал «ни малейшего энтузиазма». На площади Московский полк был выстроен в каре. «Время от времени солдаты кричали: «Константина!», в остальном они проявляли мало возбуждения». Солдаты были вооружены и в парадной форме; французский посол «не мог согласовать их спокойный вид с отчаянным решением, которое они приняли». Ляфферонэ заметил Милорадовича, который призывал солдат к покорности; на Милорадовича напало подразделение в 25 человек, расположенное со стороны Адмиралтейства, во главе с офицером. Петербургский военный губернатор, пронзённый пулей, упал с лошади. Сразу после этого офицер «прошёл мимо меня, и ни в его фигуре, ни в поведении я не мог заметить ни малейшего волнения». Солдаты, оставаясь неподвижными, ограничивались криками: «Да здравствует Константин!» Эти крики неизменно повторялись огромной толпой народа, которая окружала солдат.

«Несомненно, — продолжал Ляфферонэ, — если бы в этот час (в 1 ч. 30 мин. дня. — П. А.) восставшие возымели несчастную мысль двинуться к дворцу, ничто не могло бы помешать им достигнуть его; можно было даже бояться, что Преображенский полк, настроение которого было неопределённым, присоединится к восставшим, и тогда можно было опасаться самых ужасных последствий». Ляфферонэ не мог понять, каким

образом восставшие могли ждать более четырёх часов в бездействии. Он определял силы восставших в 1 500 — 1 800 человек.

Вот император на коне, и штабные офицеры разосланы к восставшим. «Многих из них народ встретил камнями, поленьями и щебнем». Солдаты непрерывно повторяли, что они не будут «каждый день принимать новую присягу; что их заставили клясться в верности Константину и что, не объяснив им, что произошло, через восемь дней хотят заставить принести новую присягу Николаю; что только сам Константин может их освободить от данных ему обязательств, но они знают, что он находится в тюрьме».

Ляфферронэ не упоминает о солидарности артиллеристов, которая наблюдалась до залпов, рассеявших повстанцев. Зато он ясно констатирует воодушевление народа: «То, что наиболее поразило меня при наблюдении событий этого дня, это участие в них народа, а также доносившиеся до меня разговоры, которые доказывают, что происходит усиленная обработка умов в самом либеральном духе. Получается впечатление, что их убедили, будто в намерения великого князя Константина входило освобождение крестьян. Ещё одна вещь больше всего поразила меня, а именно — презрение, которое выказал этот... народ к священникам. Последние, одетые в свои длиннополые одежды, явились в надежде успокоить мятежников; их чуть не подвергли оскорблениям, и они вынуждены были, во избежание худшего, немедленно удалиться».

Ляфферронэ предсказывал самодержавию мрачное будущее: заговорщики, «чьё вчерашнее возмущение было лишь частным эпизодом, являются ещё новичками, но они могут сделать быстрые успехи. Их главари преследовали совершенно другие цели, чем спор о выборе императора; среди них были найдены воззвания, которые заставляют содрогаться благонамеренных людей». Впрочем, «пока неизвестно, имел ли заговор разветвления в стране, и здесь с беспокойством ожидают известий из Москвы». «Не следует скрывать, господин барон, — говорилось в конце донесения, — что положение нового императора очень трудное и критическое. Подавление этого первого возмущения ещё не устраняет того настроения, которое царит среди молодых офицеров, а настроение это мятежное. Одно восстание военных поселений может повергнуть империю в величайшую опасность... Ненависть и омерзение, которые испытывают все поселенцы и военные к генералу Аракчееву, делают вполне законными опасения, внушаемые соседством 100 тысяч вооружённых недовольных людей... Вот подлинные и важные причины, внушающие тревогу в отношении России и, может быть, Европы, причины, достаточно веские, чтобы вызывать волнения и действия».

Таким образом, 11 января Дама и другие ультрароялистские министры были предупреждены, что петербургское восстание не простая ссора двух князей, а революционный взрыв и что ещё неизвестно, закончилась ли уже революция или она только началась. Французское правительство попрежнему отдавало приказ о молчании, и это было плохо принято русским царём.

В Петербурге 1 января Николай в присутствии всех послов иностранных держав довольно неуклюже объявил, что «ничего не будет скрыто; причины, следствия и авторы этого заговора станут известны всему свету». Эта мнимая искренность не исключала самодовольства: Николай объявлял об огромной услуге, оказанной им Европе, и доказывал, что «дерзости революционеров можно противопоставить веру и твёрдость». Он открыто назвал «революционный дух» двигателем революции. «Это вовсе не военный мятеж, — заявил Николай, — я больше, чем когда-либо, уверен в своей армии». И он восхвалял верность солдат присяге, которую злоупотребили вожаки восстания и ввели солдат в заблуждение. В тот же день Николай принял отдельно Ляфферронэ и заявил ему: «Я буду беспощаден; это должно послужить примером и для России и для Европы».

В течение всего января Ляферронэ продолжал присылать Дама тревожные депешы: очевидно, он оказался под влиянием сочувствовавших реформам кругов Петербурга. Бахвальство царя казалось ему заблуждением. «Я должен заверить вас, господин барон,— писал он 5 января,— что я далеко не разделяю чувства беспечности, которую проявляет император в отношении только что развернувшегося заговора. Всё, что я узнаю от людей благоразумных и хорошо осведомлённых о настроении умов, внушает мне ещё более беспокойства относительно последствий этого крупного события». Если даже граф Воронцов не смог противостоять обольщению конституционных идей, то можно себе представить, что должно делаться с молодыми офицерами, «которые путём опасного чтения выработали в себе крайние стремления к полной свободе... ничто не может дать представления о смелости разговоров и крайности мнений, которые я постоянно слышу среди офицеров гвардии, являющихся в то же время почитателями самых пылких наших республиканцев и самых горячих бонапартистов».

Ляферронэ считал, что нельзя было раскрыть все разветвления обширного заговора, подготовлявшегося в течение десятилетия: «В области заговоров русские более ловки, чем мы. Дерзость сочетается у них с благоразумием, и кажущееся легкомыслие не ведёт их к откровенности» (не совсем правильное утверждение, если принять во внимание поведение большинства декабристов). Ляферронэ не верил даже, что удастся обнаружить вожakov восстания, которые раскроют свои проекты: «События, свидетелями которых мы были, предвещают ещё более грозные последствия... Минна взорвалась слишком рано из-за нетерпения и горячности нескольких молодых людей; и даже при этих обстоятельствах им был бы обеспечен успех, если бы во главе их стоял хоть один человек, у которого было бы столько же присутствия духа, сколько у них решимости».

Сен-При, французский посол в Берлине, которого правительство направило в Петербург поздравить царя с восшествием на престол, высказывал ту же тревогу. «Можно сказать с уверенностью,— писал он,— что если бы в день 26 декабря восставшие выказали больше энергии, они разделались бы с империей и с императором». Всё внушает опасения за будущее «в этой стране с её большими злоупотреблениями, которые все живо ощущают... Нельзя скрывать, что среди высших классов и даже среди благоразумных людей, наибольших приверженцев порядка, господствует всеобщая жажда обновления; это чувство питается ошибками продажной администрации, которыми пренебрегал покойный император и против которых необходимо немедленно найти средство. Это чувство не проникло ещё в низшие классы общества, но,— полагал Сен-При, исходя из своей аристократической точки зрения,— не эти классы делают революцию, они являются только её орудием». Надо надеяться, что проекты мятежников будут разрушены: «Надо этого желать, потому что здешняя революция была бы страшной; речь шла бы не о том, чтобы низложить одного императора и заменить его другим: весь общественный порядок был бы потрясён до основания, и Европа покрылась бы его обломками» (депеша от 20 января).

Единственная успокоительная мысль, которая даёт основание рассчитывать на выигрыш времени, вторил ему Ляферронэ в своей депеше от 21 января, — это та, что «революционный дух, которым захвачены высшие классы общества, породив чудовищные и нелепые проекты, ещё не распространился среди народа и солдат», но посол допускал, что «в один прекрасный день они примут участие в выступлении». Сам того не замечая, Ляферронэ довольно точно указал на историческую роль декабристов: они подали «дурной пример», то есть пробудили среди ещё дремлющих масс русского народа идею свободы и политической самостоятельности.

Страх породил в ультрароялистах немного благоразумия, и Ляферонэ понимал, что следовало бы создать в России видимость некоторого либерализма.

В то время как в течение января и февраля 1826 г. поток подробной информации притекал из Петербурга в Париж, на стол совета министров, и здесь испарялся, как в песчаной пустыне, парижской прессе приходилось только комментировать официальные сообщения, которые печатались в «*Journal de S.-Petersbourg*» и которые «*Moniteur*» не мог скрывать, либо обращаться к крайне редким свидетельствам частных писем, с трудом доставлявшихся из России. Прессе было трудно дать французской публике серьёзную информацию. Но этого недостаточно, чтобы объяснить слабость и скудость последней. Даже когда пресса не подчинялась приказам правительства, она нисколько не стремилась углубиться в проблемы, выдвинутые теми, кто носил благородное имя декабристов. Она оставалась то болтливой, то сдержанной, то лживой, то трусливой.

«*Constitutionnel*», повторив 12 января, что происшедшие в России события имели «огромную важность», и высказав пожелание, чтобы события «пошли на пользу правосудию, человечеству и цивилизации», ограничился подведением «внешнеполитических итогов восстания». Газета подчёркивала, что «система, которая управляла Европой в течение одиннадцати лет, трещит по всем швам, что она устарела и износилась так, как будто господствовала целое столетие. Нет больше Священного союза!» Но «*Constitutionnel*» приписывал восстание воинственным планам офицеров, недовольство которых проистекало якобы оттого, что по внушению Меттерниха Александр бросил греков на произвол судьбы.

Выразив надежду, что «конституционные принципы кое-что выиграют» в результате событий 14 декабря, газета спешила (в номере от 16 января) отмежеваться от дела декабристов: «Мы далеки от мысли оправдать кровавые сцены, которые потрясли берега Балтики!»

И действительно, «*Constitutionnel*» проявлял такую же узость и ограниченность взглядов, как узки и мелочны были лавочки улицы Вивьен и Пале-Рояля, где находились его подписчики. Газета мало интересовалась далёкой северной империей, не знала её географии¹ и общественного строя. Она была внимательнее к изменениям биржевого курса, которые как будто определялись мрачными событиями в России. Она ополчалась против правительства, которое, «считаясь только с требованиями биржи, не даёт проникнуть ни одному лучу правды; оно объявило союз конгрегации и казначейства; никогда ещё не обманывали с более набожным видом; никогда ещё не спекулировали с таким святым рвением». Но эти словесные обвинения были так же зыбки, как сама рента.

По существу, академически настроенная группа буржуазии, сосредоточенная вокруг «*Constitutionnel*», не признавала русских декабристов ни своими братьями по оружию, ни союзниками. Ведь декабристы были дворяне, а не плебеи, как хвастливо называли себя эти герои бульваров, они смешивали их с вернувшимися французскими эмигрантами и ультрароялистами, не отдавая себе отчёта в коренном различии между этими течениями в России и во Франции. Ведь это были офицеры армии Александра, победоносной коалиции 1814 года. Журналисты признавали новизну факта: «Как! Революционное слово «конституция» произнесено на берегах Невы! Крики о свободе вырвались из груди этого миллиона вооружённых людей, этого огромного резерва Священного союза, который он всегда мог бросить против народов! Мятежные генералы, революционные князья, карбонарии среди царской гвардии! Нужно удостове-

¹ Так, например, Волабель, историограф типа «конституционалистов», в своей «*Histoire de deux Restaurations*» заставил Александра скончаться «в безмолвной пустыне, среди обширных и грустных лесов, которые тянутся от Азовского моря до Финского залива», — романтические бредни, искажающие облик русской равнины!

ние даже в том, что Николай провозглашён императором, чтобы Франция это поверила» (22—23 января). Но «*Constitutionnel*» отставал в объяснении этого «нового факта».

Русские дворяне — люди просвещённые: «Они видели в Париже дворянство, облечённое всеми почестями и высшими должностями... А у себя в стране они — ничто. Они находятся там в положении третьего сословия перед революцией. Обладая богатствами и знаниями (характерный для либеральной группы порядок слов! — П. А.), они ничего не значат в империи, где хотели бы кем-то стать. При самодержцке аристократия неизбежно становится в оппозицию к власти; она требует прав, и знатные люди Севера, говорящие об общественных учреждениях, становятся такими же революционерами, как плебеи Юга, требующие у аристократов раздела власти».

Такова была концепция оппозиции, а вывод представлял собой простой компромисс. «Либералы» целиком отвергали прогрессивную силу восстания. Всё же они были достаточно искушены в тактике, чтобы показать разницу между французскими дворянами, между «нашей аристократией, которая имеет свою трибуну и свои журналы, но рассуждает о мятежниках и революционерах, и русскими дворянами, которые, не считая себя ниже ни по заслугам, ни по состоянию, ни по праву, требуют немного свободы».

В полемике против ультрароялистов «*Constitutionnel*» всё же заметил, что в движении декабристов «заложена идея справедливости и социального права. Русские из высшего сословия... напоминают тех почтенных представителей дворянства, которые в 1789 г. требовали не генеральных штатов 1614 г., а такого Собрания, которое соответствовало бы новым успехам просвещения и новым нуждам Франции... Почему русский должен лишить себя тех благ, которыми ему подобные пользуются в других странах?.. Чем вызвано петербургское движение? Это — то же, что происходит во Франции, Англии, Америке, Риме и Париже, в Мадриде и Мексике, то есть всеобщее мировое движение, которое захватило и Россию... Пришла наконец очередь России полететь на крыльях той самой цивилизации, которая сделала её столь великой».

В пылу полемики либералы натолкнулись на мысль, что распространение просвещения зовёт к свободе и что одинаковая борьба происходит в разных концах земли, будучи возглавляема в Америке Марино и Боливаром, в России Бестужевым и Пестелем.

Группа газеты «*Journal des Débats*» занимала несколько иную позицию. Она сделалась пропагандистом монархии, ограниченной Хартией, она ратовала за режим британского типа, который объединил бы благородных пэров с обладателями больших капиталов; она стремилась добиться такой правительственной комбинации из высшей знати и крупных буржуа, аристократов и хозяев, при которой на долю массы честных людей выпало бы только работать, давать себя убивать, повиноваться и восхищаться. Эта группа, относясь враждебно ко всяким беспорядкам и возмущениям — а именно так она квалифицировала дело декабристов, — всё-таки дружелюбно отнеслась к дворянам, которые, подобно ей, хотели монархии, обставленной конституционными учреждениями, и, подобно ей, отвергали абсолютизм феодального типа.

«*Journal des Débats*» констатировал, что общественное внимание направлено на Север, что восстание в Петербурге — «важное событие, способное потрясти Европу». После того как Россия, «где общество в высшей степени аристократично, где господствуют религиозные настроения, а строй является деспотическим, не может больше служить защитой против сил разрушения, то для чего дальше поддерживать рабство, сословия, невежество и автократию?» После того как «огромное дерево карбонаризма пустило свои корни вплоть до берегов Невы», почему не извлечь

урока из этого факта? Заметьте: только Англия и Нидерланды не жалуются на «этот бич». Напротив, восстания и перевороты являются «фатальными затруднениями для каждой абсолютной монархии». Следовательно лекарством от всего этого является умеренная монархия. Кроме того можно ли говорить о революционном акте, если «политически организованная нация и помещная собственность требуют гарантий, основных законов?» — спрашивал 27 и 28 января «Journal des Débats».

Газета аристократов и рантье испытывала настоящие симпатии к русским офицерам, ко всем этим князьям, графам, почтенным людям, которые по вине деспотизма были вынуждены прибегнуть к перевороту. Газета извиняла их и хотела оказать им покровительство; она проповедовала милосердие и «снисхождение к тем, кто остался верен однодневному царствованию». В связи с этим «Австрийский обозреватель» Меттерниха в номере от 29 января даже обвинял «Journal des Débats» в том, что последний поддерживал революционеров, выискивал всякие причины, чтобы оправдать их происки, — в том, наконец, что он возглавлял «революционный союз французских газет».

По словам «Journal des Débats», эти несправедливые обвинения заслуживали только «снисходительной улыбки». «Мы предпочли, — писала газета, — извлечь из этих событий то, что могло относиться к ошибкам великодушия, к ложно понятому чувству легитимизма и святости присяги. Но «Австрийский обозреватель» видит тут только «революционные фантазмагии, которые с пагубным успехом овладели людьми со слабым умом и экзальтированным воображением. Эта теория «всесвропейской полиции» не для нас».

Полемика вокруг декабристов довела Шатобриана, министра времён Веронского конгресса и недавнего вдохновителя абсолютистской интервенции против Испании времени Риго, до перемены его прежних взглядов; привела к тому, что он стал превозносить благодеяния «конституционного королевства и легальной свободы».

В то же время газета «Quotidienne» двигалась в обратном направлении. Раньше ей доставляло удовольствие не следовать за кабинетом, теперь же она приблизилась к нему и вела атаку против всех либералов и всех «отщепенцев». И, замечательная вещь, именно эта газета крайней фракции ультрароялистов не обманывала себя насчёт цели, которую преследовали декабристы. «Восставшие, — писала она в номере от 22—23 января, — хотели больше революции, чем Константина. Выкрики в пользу Константина были только предлогом. И революционный дух, который с каждым днём делает всё большие успехи, может разбить троны... Всё обнажилось в монархии». «Вот почему следует бороться против карбонаризма, укреплять священные и непоколебимые корни легитимизма» (25 января), уничтожить «все газеты, которые используют это военное движение, чтобы набросить тень на все монархии Европы, не принявшие системы представительного строя» (15 января).

Вечерняя клерикальная газета «L'Etoile»² преуменьшала значение петербургских событий и уверенно повторяла: «Россия перенесла временное испытание, которое ещё больше оттенит характер русского народа, глубокую верность армии и их общую привязанность к «августейшей особе

² Именно в газете «L'Etoile» от 24 января можно встретить в первый и единственный раз очень часто повторявшийся лживый анекдот царистского происхождения, будто «восставшие солдаты приняли слово «конституция» за имя жены Константина». «L'Etoile» при этом добавляла, что она извлекла эту подробность из «немецких газет». Последние, как и орган иезуитов «L'Etoile», были заинтересованы в том, чтобы представить солдат пассивным орудием, а русский народ — не имеющим понятия о значении термина «конституция». О таком факте очевидцы событий 14(26) декабря ничего не знали, зато эта уловка весьма пришлась по вкусу иерархии принцев и дворянчиков в эполетах. Французские школьные учебники, если они вовсе не замалчивают движения декабристов, обычно также снисходительно повторяют это утверждение немецких газет.

их законного монарха» (*L'Etoile* от 19 января). Днём раньше эта газета дошла до требования «запрещений» в отношении печати.

Трудная миссия поддержать легитимные троны, пошатнувшиеся от выступления декабристов, выпала на долю газеты «*Drapeau Blanc*». Тактика этой газеты прежде всего состояла в том, чтобы насколько возможно преуменьшить значение происшедших в России событий. Политическая стратегия газеты обнаружилась позднее: она проповедовала объединение и союз всех роялистов для спасения легитимизма; она рисовала либералам ужасную картину того гибельного пути, на который они вступили, поддерживая революционное дело и восхваляя пример Петербурга. Целью было отделить либералов от республиканских демократов и повести первых в бой за внутренний порядок. Наконец, «*Drapeau Blanc*» в туманных статьях пространно развивала планы совместных действий для восстановления монархического *status quo* и поддержания европейской системы Священного союза. В отношении Николая газета призывала «восхищаться его твёрдостью и мягкостью», заявляя, что «сейчас всё исполнено радости и спокойствия». Отсюда вывод, что всё прекрасно в царской империи.

Этот оптимизм не соответствовал увещаниям о необходимости объединения и призывам к защите трона, которые можно было читать в ту же пору в газете. 14 января статья «Политика Европы при современном положении» заканчивалась следующими словами: «Каково бы ни было будущее, подготовляемое божественной мудростью, для нас, людей религиозных и монархически настроенных, важно прежде всего сомкнуть свои ряды и противопоставить событиям непреступный фронт. Мы верим в *status quo*, потому что, кроме России, Европа в нём нуждается». Отныне следует «действовать объединёнными силами, чтобы морально господствовать внутри страны». Несчастье заключается в том, что силы порядка ещё рассеяны: «Пусть монархическая власть, обуреваемая грозой, избежит этих подводных камней!»³.

«Белое знамя» («*Drapeau Blanc*») должно было крепко держаться за своё древко: оно трепетало на революционном ветре, и так как газета боялась распространения волнений, то она пустилась в объяснение опасности положения своим противникам. «*Drapeau Blanc*», видимо, стремилась расколоть оппозицию и, чтобы отделить либералов от демократов, выдвинула пугало аграрного закона и якобинского террора. Этот столь выгодный для роялистов расчёт нашёл в стране один отклик.

На частичных выборах в маленьком городке Лизьё, состоявшихся 30 января 1826 г., были вызваны далёкие тени декабристов, представленных как подстрекатели революции. Г-н Канлё, президент местного коллежа, с целью привлечь буржуазных избирателей к правительственному кандидату⁴ обратился к ним с такой речью: «Позвольте мне предложить вашему серьёзному вниманию мои наблюдения... Одно важное, огромное событие только что произошло в Европе, и уже мрачные тучи нависли над Севером. Кто сможет нам ответить, не покроют ли они весь горизонт? Кто знает, не возмутит ли продолжительная и ужасная гроза то счастливое спокойствие, которым сейчас мы наслаждаемся?» Собственники, выслушав это тревожное предупреждение, отдали свои голоса Невиллю, и депутатское место перешло от либеральной левой к правительственной правой.

Пугать буржуа народными волнениями, чтобы отстоять реакционные позиции, — дело довольно обычное во внутренней политике и сравнительно лёгкое. Но если обратиться к внешнеполитическим проблемам, к

³ «*Drapeau Blanc*» от 26 января.

⁴ Речь шла о замещении либерального оратора генерала Фуа, умершего в ноябре 1825 года. Кандидатами выступили маркиз Невилль, отец зятя Виллеля, и знаменитый адвокат Дюпэн. Последний получил только 186 голосов, в то время как в голосовании приняло участие 500 избирателей.

отношениям между государствами и народами, между Европой и всем миром, то такой манёвр ничего не стоит. Реакционерам нужно было выработать подходящие планы, чтобы удержать существующее положение, планы, способные заглушить революционные взрывы, раздававшиеся в южноамериканских республиках и особенно в России. Надо было удержаться на перихонских стенах легитимизма.

С этой целью «Drapeau Blanc» опубликовала серию статей под общим названием «Политическое состояние обоих полушарий и, в частности, Европы» (15, 19, 26 января). Они заключали в себе одновременно и проект нового европейского Священного союза.

В Европе существовали «две движущие силы» — Англия и Россия. Как «поддержать и уравновесить толчки этих двух рычагов политического мира — России и Англии?.. Все другие владения, не исключая даже Америки, являются только притоками этих двух мощных мировых потоков». Что же предпринять для того, чтобы не подчиниться этим потокам и поддержать порядок Священного союза? Вот необходимый план, инспирированный правительством: «Три промежуточных государства, Франция, Австрия и Пруссия, соединённых сил которых достаточно, чтобы сдержать и уравновесить беспокойные толчки», должны объединиться и образовать Новый союз»⁵.

«Закончим искренним признанием, — писала в заключение «Drapeau Blanc», — что мы находимся в тяжёлых обстоятельствах... Европа может погибнуть... благодаря уже весьма чувствительным успехам разрушительных принципов и плодам этой революции, которой позволили обойти весь мир!»

Эти горькие размышления были написаны в неделю, которая последовала за получением в Париже известия о восстании декабристов. Они свидетельствовали о боязни, которую вызвало среди французской реакции восстание против царского самодержавия.

Информация, поступившая в Париж в последующие месяцы, принимая даже во внимание известие о восстании Черниговского полка, полученное в Париже 4 февраля, одновременно с сообщением о его подавлении, оказалась более успокоительной для приверженцев правительства и читателей «Drapeau Blanc».

Газеты ультрароялистов полностью воспроизводили русские официальные сообщения и манифесты царя. Они печатали в извлечениях огромный отчёт следственной комиссии, что было совершенно необычно для газет. Этот отчёт занимал от десяти до двенадцати страниц и печатался в виде приложения в нескольких номерах «Quotidienne», «Drapeau Blanc» и «Journal des Débats» (19—23 июля 1826 г.).

«Quotidienne» не скрывала своего удовлетворения. «Все сердца, — писала она, — открываются для надежды». Газета бесстыдно фальсифицировала допросы арестованных декабристов.

«Drapeau Blanc» писала теперь о преходящем характере и искусственности пережитого события. Единственный вывод можно сделать из этих волнений — следить отныне за армией: «То, что только что произошло в недрах русской армии, заслуживает полного нашего внимания». Достаточно ли крепка в монархиях связь с армией, то есть преданность армии государю, «чтобы держать вооруженную демократию в подчинении монарху? Вот вопрос нашего будущего», — писала «Drapeau Blanc» (статья «О народе и об армии», 8 и 11 февраля).

«Journal des Débats» продолжал свою двойственную политику: он одобрял царские преследования, но в то же время был готов найти «смягчающие обстоятельства» для заговорщиков; эти «экзальтированные люди» достойны своей участи, но их дело не лишено большого исторического

⁵ Мне кажется, что «История дипломатии» под редакцией В. Потёмкина (см. т. I) слишком мало учитывает влияние восстания декабристов на развитие внешней политики Николая I.

значения. Следствие Николая, «законное и спокойное», есть «прогресс цивилизации», — писала газета.

Разобрав все «смягчающие обстоятельства», «Journal des Débats» осудил декабристов, «которые не смогли сговориться с московской и петербургской буржуазией, очень богатой, очень могущественной и образованной, но чуждой политическому движению». «Не нам брать под защиту заговор, происшедший в царской империи, — писала газета 22 августа. — Вынести приговор коронованным особам и мечтать о республике между Сибирью и Крымом — такова была цель, которая оправдывала средства, и это обязывало идти путём преступлений и безумств. Всё же большое событие, что такие идеи могли возникнуть на берегах Невы».

«Constitutionnel», для которого стала ясна неудача декабристов, был более сдержан и предпочитал писать о таком «важном событии», как Хартия, недавно дарованная португальцам («Constitutionnel» от 26 июля). Но он живо порицал процесс декабристов и их осуждение. Газета задавала вопрос, почему «Moniteur» печатает в извлечениях на огромном листе в 12 колонок рапорт Следственной комиссии Николаю и другие официальные материалы царского самодержавия. «Не являются ли эти публикации, — писала газета 15 августа, — следствием тайного предписания Священного союза?» Не делается ли это, чтобы «больше привязать нас к формам французского судопроизводства путём сравнения их с теми, которые применялись в петербургском процессе?» «Constitutionnel» констатировал, что правила, предписанные Николаем, носили «печать тирании и беззакония». Газета осуждала также «безжалостные рекомендации Сената». Наконец, она отметила, что обвиняемые были осуждены «без всякой защиты и что всё происходило при закрытых дверях». Не боятся ли, внушала газета, новых волнений? (15 августа). В номере от 10 августа «Constitutionnel» подчёркивал жестокость казни пяти декабристов.

«Quotidienne» более кратко передавала отчёт о дне 13 (25 июля). Газета расточала дифирамбы по адресу царя, его юстиции, «которая обеспечивает обвиняемым гарантию правосудия», спокойного и неторопливого следствия, милосердия и великодушия монарха, его «великодушного поведения и этой политики сердца». Ещё со времени белого террора «Quotidienne» испытывала особое пристрастие к решёткам, палачам и казням.

В то время как пять казнённых своими мученичеством и делами остались в памяти народной, в то время как остальные в кандалах отправились в изгнание, где большая часть погибла, верная своему идеалу, парижские газеты не смогли понять ни смысла, ни значения выступления декабристов. Печать ультрароялистов подслащивала и искажала все факты, свидетельствовавшие о классовой ненависти и о потребности в идеологической самозащите. Для либеральных газет характерны другие недостатки: узость взглядов, непонимание основ явлений, связанные с постоянной классовой ненавистью к любому революционному движению. Они никогда не рассматривали ту реальную общественную обстановку, в которой выработалась декабристская «правда». Они не пытались даже понять условия, в которых развивался декабризм, загнивание самодержавной власти и разложение крепостничества. Даже когда они выступали против обскурантизма и абсолютизма, они не поступались своими классовыми интересами и не выражали тени сочувствия делу освобождения масс⁶.

⁶ Все историки реставрации, от Неттмана до Шарлети, следуют за разглагольствованиями прессы или, подобно Виллелю, хранят молчание, не обращаясь к донесениям Ляферрона. В результате декабристы «выпали» из программ и учебников для средней школы. Грекофильство этого периода, или, выражаясь языком дипломатов, «восточный вопрос», очевидно, более в ходу, поскольку эти темы относятся к так называемой либеральной политике и к большой дипломатии буржуазных государств. Впрочем, и тут пренебрегают настоящей проблемой: условиями общественной жизни греческого и других балканских народов.

Заявления парижских газет всё же производили известное впечатление на деспотов. Мы видели уже, как газета Меттерниха выступала против «Journal des Débats»; известно также, что русская императорская фамилия не могла без ужаса читать французские газеты.

Рюминьи, посол в Дрездене, заставил высказаться генерала Минквича (Minckwicz) после его возвращения из России. Генерал отметил, что «император, императрица и великий князь Константин, которого он видел проездом в Варшаве, были очень заинтересованы тем, как воспринимались в Европе статьи английских и французских газет, которые, казалось, сильно их задевали, потому что каждый в отдельности говорил о них генералу с одинаковым чувством горечи» (донесение Рюминьи Дама от 16 марта). Ляферронэ, недовольный «своеволием» парижских газет, радовался по поводу «предусмотрительной цензуры» Николая (депеша от 11 февраля).

Но посол был менее, чем «Quotidienne», удовлетворён процессом. Его депеши, свидетельствовавшие о крайнем ожесточении Николая против декабристов, сообщали об ошибках Следственной комиссии и о возраставшей враждебности петербургского общества. «Комиссия, — писал он, — составлена из офицеров, из которых ни один не обладает талантом и навыками, необходимыми для раскрытия истины, для разбора улики и определения виновности каждого из многочисленных обвиняемых... И чем дальше комиссия подвигается вперёд, тем больше она встречает затруднений... это тяжёлое и несчастное дело вызывает недоумение в общественном мнении и бросает траурную тень на всё общество».

После казни осуждённых 26 июля Ляферронэ снова констатировал «грусть, нависшую над обществом». И к чему служат все эти аресты, казни, террор? Ляферронэ вынужден был признать, что «отказ крестьян платить оброк принял другой характер, став всеобщим». Сопротивление распространилось и на государственных крестьян, менее «затронутых», чем крестьяне частновладельческие. «Им якобы известно о приписке к завещанию императора Александра, который обещал освободить крестьян и определил, что 18 мая будет об этом объявлено». Поднялось много деревень. А правительство ограничилось опубликованием указа, в котором опровергалась вся шумиха, поднятая по поводу освобождения крестьян. «Крестьянам разъясняется вся опасность, могущая произойти от того, что они верят таким внушениям» (депеша от 31 мая). Эта вера и эти внушения — такова проблема, которую декабристы, казнённые или изгнанные, поставили перед русским народом, таков крик новой России. И вот почему, как доносил также Рюминьи, в России «наблюдались тягостное чувство, беспокойство и недоверие, которые, будучи единодушно разделяемы, становились заразительными» (депеша от 7 апреля — «О состоянии России»).

Положение оставалось тяжёлым, и будущее было полно угроз для поборников «порядка». Опасность казалась всеобщей и скрытой; она могла принять другие формы и использовать другие средства, чем заговор. Единственным средством для её устранения была репрессия, комбинированная и всеобщая. В этом отношении ультрароялисты Франции и русский царь действовали согласованно. В ход были пущены принципы Священного союза, снова обретшего своё подлинное лицо: давление полицейских сил, доносы, надзор, произвол, аресты и приговоры. Николай и Каломард, Меттерних и Корбьер, их сыщики и судьи, столь различные сами по себе и по своим действиям, нашли в этих делах своё родство, свой смысл существования и свой конец.

Ляферронэ и Сен-При в бытность последнего в Петербурге поспешили предложить царю свои добрые услуги. Речь шла о том, чтобы взять под наблюдение декабристских заговорщиков во всех странах Священного союза. Уже 15 января Ляферронэ спросил у царя, не замешаны ли ино-

странцы в заговоре. И царь ответил: «Если французы приняли в нём участие, я вам дам об этом знать, а со своей стороны я надеюсь, что если французская полиция обнаружит среди находящихся у вас русских лиц, прикосновенных к заговору, то правительство Франции осведомит нас о них, потому что это так же важно для спокойствия Европы, как и для спокойствия России».

29 января Сен-При спросил у Николая, не считает ли он, что «авторы заговора» были связаны «с нашими либералами». И Николай ответил: «Я не имею положительных данных на этот счёт. Считают, что Бенжамену Констану было поручено составить конституцию для России, но больше мне ничего об этом неизвестно. Впрочем, вы нас знаете, и вам известно, что мы слишком горды, чтобы желать вмешательства иностранцев в наши дела»⁷.

Царь, однако, желал, чтобы русские, находящиеся во Франции, были задержаны и доставлены к нему. Сен-При на эту просьбу ответил, что «русские немедленно получают приказ покинуть пределы Франции». Что касается французов, то эта мера неосуществима, но, прибавил он, «эти господа будут взяты под наблюдение». Так относились королевские послы к праву убежища, и такова была вообще их классовая солидарность. Царь и ультрароялисты без всяких затруднений сошлись на этом поприще политической слежки, и дипломаты предложили себя в качестве ищеек.

В Париже правительство взялось за удовлетворение требований царя. Был установлен следующий порядок: Нессельроде сообщал имена подозреваемых в принадлежности к декабристам русскому послу Поццо ди Борго, которого не надо было упрашивать заниматься подобного рода розысками⁸. Дама получал указания от Поццо и передавал их Корбьеру, а последний — своим полицейским, директору Франше-Деспере, префекту Делаво и другим доносчикам и префектам департаментов. Каждый старался на службе царя, и усердие их не останавливалось перед гнусными поступками.

Декабристы в Париже? Николай знал, что там их нет. Единственным, кого ему не хватало, был Николай Тургенев. Царь рассматривал его «как наиболее виновного и наиболее опасного... но он от нас ускользнул; он в Англии, и, — добавлял с сожалением Николай, — его мне никогда не выдадут, а он ещё собирается уехать в Америку» (разговор с Ляфеттоном 7 марта). Всё же Нессельроде указал Поццо ди Борго на полковника Ставенкевича, «который мог быть связующим звеном с революционерами других стран... Его связи с наиболее подозрительными либералами Парижа только подтверждают это предположение». Поццо был приглашён для разговора с министром его христианнейшего величества, «чтобы

⁷ Известно о пребывании во Франции в 1814—1816 гг. Фонвизина, Трубецкого и Лунина. Последний встретил в салоне мадам Оже Сен-Симона, указавшего Лунину «ту почву, которая могла бы предложить Россия для возрождения мира» (воспоминания Ипполита Оже). Другие русские бывали у Вуайе Аржансона на улице Роше и в этом очаге прогрессивных идей с коммунистической направленностью встречались с Буонаротти. Надо добавить, что Кюхельбекер, в то время секретарь гофмейстера Навышкина, «составил на французском языке курс русской литературы для лицей Атеней в Париже». В статье Ch. De job. De l'établissement connu sous le nom de Lycée et d'Athénée («Revue Internationale de l'enseignement», 1889). Кюхельбекер не упоминается среди преподавателей, но автор отмечает (стр. 33), что лицей распространял знание иностранной литературы, привлекая для этой цели лекторов-иностранцев.

⁸ В Архиве, в связке F⁷ — 6758, говорится о наблюдении за поляками, жившими во Франции. В ноте от 17 апреля 1822 г., переданной послом Поццо ди Борго министру иностранных дел, приводится список 14 поляков, которые посещали генерала Орнано, бывшего мужа мадам Валевской, «за поведением которых было бы важно вести наблюдение». Этот пример не единичный. В 1821—1822 гг. предметами «забот» Поццо ди Борго были также Голуховский, профессор Варшавского университета, офицер Германовский, карбонарий Радовский, Брыкживский, бывший редактор «Польской Минервы», и др. О Поццо ди Борго в 1935 г. вышла книга P. Ordioni «Pozzo di Borgo», не заслуживающая, однако, никакого доверия: автор не указывает ни одного своего источника.

поручить ему установить самое тщательное наблюдение за поступками Ставенкевича». В самом деле, указывал Нессельроде, «правительство его христианнейшего величества само заинтересовано в уничтожении последних элементов заговора, разветвления которого могли распространиться на его собственной территории» (28 декабря 1825 г.).

Правительство выбивалось из сил. Весь государственный аппарат поставили на ноги, чтобы обнаружить Ставенкевича. Дама указал министру внутренних дел, а последний префекту полиции, что Ставенкевич «по крайности своих революционных убеждений и по своей активности — очень опасный тип»⁹ (30 января). Министр внутренних дел сообщил Дама, что «среди иностранцев не удалось найти человека под этим именем, но что розыски продолжаются». 22 февраля директор полиции Франше-Деспере сообщил Дама, что, как полагают, Ставенкевич совершил путешествие по Франции три или четыре года тому назад. 28 февраля префект полиции Делава доносил, что пока всё безрезультатно. Префект департамента Нижнего Рейна сообщал министру внутренних дел, что баденская полиция запрашивает его, не выезжал ли названный Старецкевич (так!) в Страсбург. Все власти нападали на след страшного декабриста с одинаковым успехом. Министр внутренних дел дал указание не пренебрегать ничем, чтобы схватить Старецкевича. Дело Ставенкевича имело довольно смешной конец: оказывается, он находился в Висбадене... Призрак, желая, очевидно, отдохнуть от трудов, которые он доставил полиции континента, прищипал курс лечения.

Ещё один «опасный» случай. Некий Иван Экель¹⁰, уроженец Тулы, 19 лет от роду, прибыл в конце января 1826 г. во Францию из Кракова через Страсбург. Он обосновался в Меце, где префект департамента Мозеля держал его под наблюдением. В Париже префект полиции доносил о нём, что он проводит ночи в игорных домах, а днём спит. Ничего не значит: юноша появился в слишком критический для тронов момент. Управление полиции отдало приказ произвести у него обыск, но среди его бумаг не оказалось ничего важного. Однако Франше решил его выслать (12 апреля). Но ловкий Экель исчез из отеля «в зелёных очках», как добавляет полицейское донесение (14 июня), очевидно, чтобы его не узнали.

Поскольку все русские стали предметом наблюдения во Франции, не избежал этого и Иван Стурдза, статский советник Российской империи¹¹. За ним установили наблюдение со времени его прибытия в Мец (июнь 1826 г.). Молдавский князь поселился в Париже, на улице Мира, и посещал Каподистрию. «Что они замышляют?» — запрашивал министр внутренних дел у префекта полиции Делава. Этот Иван Стурдза, отвечал Делава, обедает у Поццо ди Борго, и кроме того вы его спутали с его кузеном с улицы Вожирар. В июле Иван Стурдза отправился в Бессарабию, и в пути наблюдение за ним осуществлял префект департамента Мозеля. Из Меца он отправился во Франкфурт, и путешествие его по Франции было закончено.

Другое «тёмное» дело: в июне 1826 г. в Париже появился какой-то граф Толстой. Похоже было на то, что он являлся автором весьма либеральной статьи, помещённой в «Христианской Франции» (*France chrétienne*). «Он должен был быть замешан в революционных интригах, которые в таком (ужасном)¹² виде разразились» при восшествии на пре-

⁹ Национальный архив, д. F7—6689.

¹⁰ См. там же, д. F7—6687 (17).

¹¹ См. там же, д. F7—6689 (7).

¹² См. там же, д. F7—6689 (27). Слово «ужасном» («épouvantable»), характеризовавшее беспокойство правящих кругов ультрароялистов, зачёркнуто рукой самого министра. А. Толстой, сын обер-гофмаршала двора, был учеником петербургских иезуитов (см. Rouët de Journel. *Un Collège de Jésuites à St.-Petersbourg*. 1922. p. 111). В таком случае он был однокашником министра Дама, который установил за ним наблюдение.

стол Николая, «но он своевременно удалился, чтобы не подвергнуться преследованиям». В этих выражениях было составлено отношение самого Корбьера. Свою информацию он, несомненно, получал от Дама и от Поццо ди Борго.

Но в ноябре 1826 г. Делава не был больше расположен заниматься полицейскими причудами Поццо ди Борго. Полковник Александр Толстой, сообщил он министру внутренних дел, — больной человек, и врач его не покидает; впрочем, вы его спутали с капитаном гвардии его императорского величества Николаем Толстым, который прибыл из Неаполя. Они находятся вместе, это правда, и какие опасные персоны! Они любят море у Гавра, посещают Руан, где префект Нижней Сены получил приказ следить за ними (март 1827 г.). Они совершают прогулку в Фонтенебло, и — последний штрих! — капитан, наиболее здоровый из них, часто навещается (в апреле 1827 г.) в русское посольство, где ведёт беседы с Поццо ди Борго. Французское начальство решительно ошиблось адресом.

Усердие Поццо ди Борго, Дама и Корбьера явно оказалось безрезультатным: в Париже не было ни одного декабриста. С тем большим удивлением наталкиваешься на отношение в тайную полицию от 9 октября 1826 г., где упоминаются два известных имени — Булгакова и Сперанского¹³. «Полагают, — говорилось в отношении, — что оба они причастны к заговору; только второстепенные члены последнего арестованы и осуждены, самый же заговор продолжает существовать». Очевидно, что вдохновителем этого отношения был Поццо ди Борго, хотя он хорошо знал, что эти высокопоставленные чиновники не находятся в Париже. Чего же ему нужно было? Можно предположить, что Поццо получил приказ произвести о них расследование от самого Николая или от Нессельроде, либо он переусердствовал, или ввиду пошатнувшегося положения¹⁴ хотел мстить этим лицам; или же, наконец, хотел удовлетворить злобу Нессельроде и Николая.

Сперанский отчасти вернул себе былую милость, но царь назначил его членом Следственной комиссии по делу декабристов, чтобы скомпрометировать его в глазах либералов; Сперанский заседал в ней, казалось, против воли. Булгаков был секретарём посольства в Неаполе при Татищеве, одном из соперников Нессельроде. Он был лицом опасным, потому что его положение московского почтдиректора позволяло ему вскрывать частные письма. В будущем он сделался официальным шпионом, следившим за Пушкиным. Было бы замечательно, по мысли группы Нессельроде — Поццо, раскрыть их причастность к декабристам или, по крайней мере, доказать, что они «франкмасоны» и записаны в парижской ложе. Очевидно, именно в этом направлении производила розыски полиция ультрароялистов, дело которой содержит лишённую интереса бумажку ложи Великого Востока и ответ директора полиции, что «не найдено никаких данных о гг. Булгакове и Сперанском» (октябрь 1826 г.).

Короче говоря, итоги полицейских розысков в Париже были равны нулю. Из этого не следует, что декабризм не давал о себе знать в столице Франции. Если верить Гид де Невиллю — единственному мемуаристу, который об этом вспоминает, — «в это время в Париже распространялось любопытное письмо с изложением хода заговора». Повидимому, это пись-

¹³ См. Национальный архив, д. F7—6685 (18). Первый был тайным советником, главным почтдиректором Российской империи, второй числился в документе «главноуправляющим собственной его императорского величества канцелярии».

¹⁴ Поццо потерял своего покровителя Александра, и кроме того он был иностранцем, который занимал важный пост в русской дипломатии. До Ляфферонэ донеслись слухи о том, что «русские», исключая Нессельроде, враждебно относились к Поццо ди Борго и что Меттерних тоже хотел бы его отставки (письмо Ляфферонэ Дама от 21 января 1826 г.).

мо обращалось тайно, но нет никаких оснований подвергнуть сомнению это место из воспоминаний Гид де Невилля¹⁵. Создаётся даже впечатление, что последний имел копию этого письма. Письмо даёт исторический обзор декабристского движения и действительно излагает ход событий. Оно как будто пользуется выражениями Следственной комиссии 1826 г., но временами автор говорит от собственного имени, в первом лице. Вот пункты, которые письмо рассматривает в хронологическом порядке: 1) образование тайного общества в конце 1815 — начале 1816 года; общество должно было состоять из отделений и преследовало двойную цель: благоденствие народа как «легальная цель», «но настоящей его целью было политическое преобразование империи»; 2) совещание посвящённых в Москве в 1817 г. о средствах покушения на императора Александра, когда он приедет в столицу; при этом один из заговорщиков предложил пожертвовать собой в качестве исполнителя; 3) новое собрание в Москве и создание организации «Союза благоденствия» или «Зелёной книги»; 4) ещё одно совещание в Москве в 1821 г., на котором, однако, выявились разногласия среди участников, и организация была распущена; 5) возрождение осколков общества в виде более тайных ячеек, «куда приём должен был производиться с крайней осторожностью»; 6) образование в это время двух тайных обществ — Северного и Южного, руководящие центры которых находились в Петербурге и Тульчине; после этого было создано третье общество под названием «Объединённые славяне», с которым два члена Южного общества находились в тесном общении.

Непредвиденная смерть Александра «заставила опрометчиво предпринять то, что должно было случиться несколько месяцев спустя». «Генерал-лейтенант Михаил Орлов, который поведал мне (автору письма. — П. А.) все свои тайны... осмелился заявить императору в его кабинете, что ему, Орлову, было поручено пронзить его кинжалом. Он проклинал генерала, который за жалкий титул графа предал дело родины»¹⁶. «Когда в 1816 и 1818 гг. я разделял их намерения и боролся за них, речь не шла ещё ни о каком убийстве. Тогда хотели просто заставить Александра сделать конституционные уступки».

Письмо, стало быть, не совсем «декабристское»; оно о многом умалчивает, и автор как бы раскисается. Если оно не было получено из России, что весьма вероятно, поскольку корреспонденция проходила цензуру и задерживалась на границах, оно могло исходить от Николая Тургенева, который в это время так рьяно доказывал свою невинность.

Николай Тургенев¹⁷, которого царь считал столь опасным, находился в январе 1826 г. в Париже. Он хорошо знал, какие цели преследовало «это политическое и отнюдь не династическое покушение». «Проявляя живой интерес к тем, кто оказался замешанным в этом деле, я не испытываю и не испытывал в отношении себя лично никакого опасения». Действительно, Тургенев так «мало» опасался, что пустился в открытое море и укрылся от полиции Поццо ди Борго и Корбьера за Ламанш.

«В январе 1826 г. я пересек Ламанш, и ничто не нарушало моего спокойствия». Тургенев отправился даже в Шотландию, хотя летний сезон ещё не наступил. Там он «узнал», что он причастен к заговору. Тотчас же он «поспешил написать объяснительную записку о своём отношении к тайным обществам» и по почте отправил её в Петербург. В «простых и свободных выражениях» в письме сообщалось, что он, Николай Тургенев, был когда-то членом одного общества, которое затем распалось, и что с

¹⁵ Hyde de Neuville. Mémoires. T. II. p. 306—309.

¹⁶ Речь, очевидно, идёт об Алексее Орлове, который действительно предал декабристов и своих близких. Титул графа он получил в начале января 1826 года.

¹⁷ Nicolas Turguenev. La Russie et les russes. T. I, p. 186—189. 1840.

тех пор он никакого отношения к тайным обществам не имел. Тургенев представлял себя чистым, как снег, отводил от себя всякую вину и в известной степени предавал своих старых друзей. Николай, однако, смогрел на него иначе. Секретарь русского посольства в Лондоне объявил Тургеневу, что он должен предстать перед Герховным трибуналом. Но, обосновавшись в Англии, Тургенев не подчинился приказу: он знал, что Каннинг не был, подобно Дама и Корбьеру, добровольным агентом Священного союза. И действительно, требование о выдаче Тургенева, с которым Нессельроде обратился в английское министерство, осталось без всякого ответа¹⁸.

Можно допустить, что, находясь в состоянии растерянности, Тургенев вспомнил о своих парижских друзьях и решил оправдаться перед ними. Преследуемый декабрист осуждал декабризм, поскольку его самого осуждали как декабриста. Это как бы объясняет содержание цитируемого Гиде Невиллем письма, которое переносит центр тяжести на предшествующие события 1815—1821 гг., замалчивая и затушёвываая факты, связанные с декабрьским выступлением.

Тургенев оказался не на высоте своей благородной задачи: он мог бы разъяснить общественному мнению западных стран значение декабристского движения. В Англии и во Франции радикальное, республиканское и даже либеральное течения получили бы возможность узнать о проблемах, связанных с раскрепощением масс. Совсем иначе в этом отношении сложилось бы дело, если бы Кюхельбекеру удалось избежать полиции Константина и обосноваться на Западе.

Так или иначе, но французское передовое общественное мнение не смогло рассеять туман, которым были покрыты декабрьские события. Правительство и пресса замалчивали, сглаживали и искажали факты и замыслы декабристов. И всё же эти события нашли своё отражение в беспокойстве ультрароялистов, в удивлении конституционалистов, в участии, которое определённые лица проявляли к восставшему революционному дворянству. В результате во Франции появился новый интерес к русским делам: в газетах и журналах были опубликованы статьи, посвящённые народонаселению, экономике и литературе России.

Политические интересы прессы были вскоре отвлечены текущими событиями. Декабристы были забыты. Однако их появление на сцене «вызвало в 1826 г., — по словам Стендаля, — разочарование среди ультрароялистов. Рассказы нескольких французов, которые вернулись из Москвы¹⁹, дают основание опасаться, что в России яд либерализма не привился» («New Monthly Magazine», октябрь 1826 г.). Не надо себя обманывать: Стендалю это опасение доставило радость, так как к нему самому либерализм тоже «не привился».

Наконец, журнал «Le Mercure du XIX-e siècle», правильно оценивая посредственное произведение Альфонса Рабб «Итоги русской истории», напечатанное в начале 1826 г., писал: «Мы с удивлением увидели сидящей на вулкане эту Россию, про которую думали, что она терпеливо несёт ярмо самодержавной власти. Можно было видеть, как гордые страсти аристократии сомкнулись с народным недовольством, чтобы, может быть,

¹⁸ См. И. Звавич. Восстание 14 декабря и английское общественное мнение. «Литература и революция» № 8 за 1925 год. Николай Тургенев (указ. соч., т. I, стр. 190) сообщает, что по приказанию царя его тогда разыскивали также в Неаполе и что существовал проект схватить его с помощью тайных агентов в Англии.

¹⁹ Речь, очевидно, идёт о лицах из свиты маршала герцога Рагузского, командированного в июле 1826 г. Карлом X на коронационные торжества в Москву. Среди этих лиц был Франсуа Ансело, автор трагедий, член Общества изящных искусств, кандидат в академики. Письма, которые он публиковал в 1827 г. под заголовком «Шесть месяцев в России», отличаются приторностью и придворной лестию, а об актуальных вопросах русской жизни хранят «приличное» молчание.

опрокинуть империю Петра Великого и установить на её обломках совершенно новый порядок.

Это факт: какой-то непобедимый Кадм посеял семена дракона на почве этой обширной империи. Со своими благожелательными и мирными намерениями Александр, быть может, завещал своим преемникам только будущее, чреватое бурями».

Россия, продолжал «Le Mercure», вступила на путь, «который должен привести к освобождению русского народа, поднять его к лучам свободы; это путь, который ведёт к подлинному могуществу»²⁰.

Об этом же говорил и русский поэт, обращаясь к декабристам:

Но вы погибли не напрасно:
Всё, что посеяли, взойдёт;
Чего желали вы так страстно,
Всё, всё исполнится, придёт!
Иной восстанет грозный мститель,
Иной восстанет мощный род:
Страны своей освободитель,
Проснётся дремлющий народ.
В победный день, в день славной тризны
Свершится роковая месть,—
И снова пред лицом отчизны
Заблещет ярко ваша честь.

²⁰ «Le Mercure du XIX-e siècle». Т. 13, 1826, р. 435.

С О О Б Щ Е Н И Я

Первые попытки США захватить острова Рюкю, Бонин и Тайвань (1853—1857)

Б. П. Полевой

Американские империалисты продолжают лицемерно уверять, что, отторгнув от Китая остров Тайвань, а от Японии острова Рюкю и Бонин, США будто бы «не преследовали захватнических целей». В действительности США издавна не только готовились, но и предпринимали попытки к захвату этих островов. Задача настоящей статьи — показать, когда, при каких обстоятельствах и ради какой цели американские захватчики совершили свою первую агрессию против островов Рюкю, Бонин и Тайвань.

Воспользовавшись поражением феодального Китая в первой «опиумной» войне, США в 1844 г. навязали маньчжурскому (цинскому) правительству первый неравноправный договор. Вслед за этим ряд американских коммерсантов и конгрессменов потребовал, чтобы правительство США для дальнейшего обогащения американской буржуазии продиктовало аналогичные договоры также Японии, Корее, Сиаму и другим странам Дальнего Востока. Для осуществления своих планов закабаления дальневосточных стран американские агрессоры с середины 40-х годов XIX в. стали энергично укреплять свои позиции на Тихом океане.

Прежде всего они стремились установить господство США над тихоокеанским побережьем Северной Америки. В 1844 г. американские экспансионисты начали военную кампанию за вытеснение англичан из Орегона, находившегося тогда в совместном владении Англии и США. В 1846 г. Англия вынуждена была согласиться на раздел Орегона по 49-й параллели. С тех пор США установили безраздельное господство над южной частью Орегона (ныне штаты Вашингтон и Орегон).

В том же году, развязав захватническую войну против Мексики, США завладели Верхней Калифорнией. Как отмечал Энгельс, захват Калифорнии, значительно усиливший позиции США на Тихом океане, был особенно выгоден для американской буржуазии, стремившейся к дальнейшему расширению тихоокеанской торговли¹. Быв-

ший губернатор Нью-Йорка Вильям Сьюард, впоследствии сенатор (1849—1861) и государственный секретарь (1861—1869), откровенно заявлял, что США, отторгнув от Мексики Калифорнию, обрели «ключ», с помощью которого американская буржуазия «сможет раскрыть сокрытые богатства восточного мира». Калифорния, утверждал Сьюард, «приглашает» США распространить своё влияние «за моря»².

Значение Калифорнии как плацдарма в борьбе США за закабаление народов Дальнего Востока ещё более возросло после того, как на её территории были обнаружены в 1848 г. богатейшие золотые россыпи. Быстро заселявшаяся Калифорния стала одним из важнейших тихоокеанских рынков. Это обстоятельство, как неоднократно отмечали Маркс и Энгельс³, ещё более способствовало повышению активности американских торговцев в самых различных частях Тихого океана.

В конце 40-х — начале 50-х годов XIX в. особый интерес американская буржуазия стала проявлять к Японии. Американские коммерсанты считали, что открытие торговли с Японией, которая длительное время почти полностью была отрезана от внешнего мира, принесёт им особенно высокие барыши. Приняв решение силой заставить Японию заключить с США торговый договор, американское правительство в 1852 г. направило в японские воды крупную военноморскую экспедицию во главе с одним из наиболее воинственных американских экспансионистов тех лет — коммодором Перри. Тогда же правительство США решило отправить на Дальний Восток вторую «научную» экспедицию — коммодора Рингольда. В этой «научной» экспедиции также участвовали военные корабли.

Впервые в истории США столь значительная часть американского военноморского флота сосредоточивалась в дальневосточных водах. Наиболее рьяные американские экспансионисты решили, что наступил момент, когда США для дальнейшего усиления своих позиций на Тихом океане смо-

² Цит. по «The Pacific Historical Review» March 1932, p. 9.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 209, 233—234.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 217.

гут начать территориальные захваты и на Дальнем Востоке. Сенатор Сьюард публично заявил в 1852 г., что американская торговля со странами Дальнего Востока уже «приблизилась» к США «древние континенты и создала необходимость в приобретении новых позиций». Под «новыми позициями», как открыто заявлял сам Сьюард, он понимал американские колонии на Дальнем Востоке⁴.

За территориальные захваты на Дальнем Востоке выступили также политические деятели калифорнийской буржуазии. Особенную активность проявил сенатор Вильям Гвин. Как отмечает современный американский буржуазный историк Мак Ферсон, Гвин в 50-х годах XIX в. выступал с планами американской «экспансии во всех направлениях», ибо уже тогда им «владела идея создания мировой державы, центром которой были бы Соединенные Штаты»⁵. Тогда же обнаглевшие американские экспансионисты начали впервые заявлять, будто «американизация Азии» — её «очевидная судьба»⁶.

В конце 1852 — начале 1853 г. рьяным сторонником дальнейшей активизации дальневосточной политики и поборником осуществления самых обширных захватнических планов выступил государственный секретарь США Эдуард Эверетт. Он и был автором первой инструкции американского правительства (от 15 февраля 1853 г.), «разрешавшей» Перри захват островов Рюкю или какого-либо другого пункта, находящегося на подступах к Японии⁷. Перри был чрезвычайно доволен этой правительственной инструкцией, ибо не кто иной, как он сам, неоднократно рекомендовал правительству США территориальные захваты на Дальнем Востоке. Ещё в своём рапорте с острова Мадейра от 14 декабря 1852 г. Перри, говоря о политике США на Дальнем Востоке, писал: «Совершенно очевидно, что ход грядущих событий вынудит Соединенные Штаты распространить свою власть за пределы западного континента, и я с полной откровенностью настаиваю на при-

обретении нами опорных пунктов в этом секторе земного шара»⁸.

В начале марта 1853 г., когда корабли экспедиции Перри ещё находились на пути к японским берегам, к власти в США на смену партии вигов пришла так называемая демократическая партия. Сколько-нибудь существенных различий во взглядах членов этих двух партий в вопросах дальневосточной политики не было. Лидеры «демократической» партии подобно лидерам вигов весьма горячо одобряли планы дальнейшей активизации американской политики на Дальнем Востоке.

«Демократы» были сторонниками самых широких территориальных захватов: 4 марта 1853 г., въезжая в Белый дом, новый президент США, Пирс, откровенно заявил, что не имеет «боязливых предубеждений против... экспансии» и что, по его мнению, интересы США якобы требуют «приобретения известных владений вне американской юрисдикции»⁹.

Это заявление президента рьяно восхвалялось американскими экспансионистами. Во многих американских газетах стали ещё чаще раздаваться голоса в пользу дальнейшего максимального расширения американских границ.

Вдохновителем американской экспансии на Дальнем Востоке в правительстве Пирса был представитель массачусетской торговой буржуазии, министр юстиции Калесб Кушинг, тот самый Кушинг, который в 1844 г. в качестве специального уполномоченного Соединённых Штатов с помощью угроз¹⁰ навязал Китаю первый неравноправный договор.

Правительство Пирса — Кушинга не только подтвердило все ранее данные инструкции коммодору Перри, но и потребовало от него ещё более решительных действий в японских водах.

Немалое влияние на резко повысившуюся в 50-х годах активность американцев на Дальнем Востоке оказали особенности эко-

⁴ См. F. Dulles. *America in the Pacific*, p. 62. Boston. 1932.

⁵ См. «The Pacific Historical Review». March 1934, p. 31.

⁶ Так, в наиболее известном журнале южных штатов, в новоорлеанском «De Bow's Commercial Review», была напечатана статья под характерным названием: «Китай и Индия — наша «очевидная судьба» на Востоке» («China and the Indies — Our «Manifest destiny» in the East»). «De Bow's Commercial Review». Vol. 15. 1853, p. 541—571).

⁷ Narrative of the Expedition of an American Squadron to the China Seas and Japan, performed in the years 1852, 1853 and 1854 under the command of M. C. Perry, US Navy order of the Government of the United States». Vol. I, p. 87. Washington. 1856 (в дальнейшем «Narrative...»); см. также Digest of International Law. Vol. V, p. 738. Washington. 1906.

⁸ Цит. по F. Dulles. Указ. соч., стр. 73; см. также Дж. Марион. Базы и империя, стр. 74. М. 1948.

⁹ «A compilation of the messages and papers of the presidents». Vol. V, p. 198—199. Ed. Richardson. Washington. 1898.

¹⁰ Обращаясь в 1844 г. к китайским властям, Кушинг заявил: «Если договор можно подписать только после войны, то мое государство перед этим не остановится. У него имеется вполне достаточное число вооруженных кораблей в водах восточного океана и десантные войска, которые явятся сюда в недалеком будущем» («Вестник Географического общества» № 11 за 1858 г., стр. 26. Текст перевода исправлен по подлиннику). В другом документе Кушинг ещё более угрожал китайцам: «Нужно, чтобы американское правительство прежде всего познакомило народы Китая со всеми ужасами войны и в частности отняло (у них) какой-нибудь остров у китайского побережья для резиденции своего посланника» (H. Morse. The International relations of the Chinese Empire. Vol. I, p. 324. London. 1910).

номического развития США. 50-е годы прошлого столетия были периодом, когда промышленная буржуазия США сильно страдала на внутреннем рынке от английской конкуренции. Ещё до 1848 г. английская буржуазия вывозила в Соединённые Штаты в большом количестве промышленную продукцию. Но особенно резко английский экспорт возрос после того, как в США — вслед за открытием калифорнийского золота — стали повышаться цены на самые различные товары, усилилась спекуляция и грюндерский ажиотаж. «Приблизительно из ста миллионов фунтов стерлингов, которые Великобритания вывезла в 1853 г. в товарах, — писал Маркс, — 25 миллионов падают на Соединённые Штаты»¹¹.

Столь широкий ввоз английских товаров в США оказался возможным прежде всего потому, что господствовавшая в те годы рабовладельческая олигархия в расчёте на выгодное для неё понижение цен на промышленные товары сознательно выступала против повышения ввозных пошлин на товары. Английская конкуренция тормозила развитие многих отраслей американской промышленности, особенно железодельной и хлопчатобумажной. Сильно страдая от английской конкуренции, американская промышленная буржуазия, так же как и торговая, была заинтересована в дальнейшей активизации борьбы США за ёмкие рынки Дальнего Востока. Свои потери на внутреннем рынке она стремилась компенсировать за счёт эксплуатации народов других стран.

Но если в 50-х годах тормозилось развитие отраслей американской промышленности, страдавших от конкуренции английских товаров, то развитие отраслей американского хозяйства, не испытывавших английской конкуренции, например, судостроения и китобойного промысла, наоборот, резко ускорилося. В эти-то отрасли американского хозяйства и устремились как свободные американские капиталы, так и капиталы, ввозившиеся из Европы, главным образом из Англии.

Известно, что десятилетие, предшествовавшее кризису 1857 г., вошло в историю американского торгового флота как время наиболее быстрого в период монополистического капитализма развития американского судостроения. Американские судостроители не только смогли выдержать конкуренцию англичан, но, более того, временно (до начала широкого строительства металлических кораблей) оказались способными нанести английским судостроителям чувствительный удар, начав строить быстроходные клиперы, использование которых оказалось для американцев особенно прибыльным именно в тихоокеанской торговле. Успешно конкурировать с англичанами американским судостроителям позволял избыток в США дешёвого строевого леса, в то время как в Англии лес уже был истреблён и английские судостроители вынуждены были ввозить его из-за границы.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. X, стр. 237.

Наличие крупного торгового флота, общий тоннаж которого в 1853—1856 гг. почти был равен тоннажу английского флота, давало американцам возможность проявлять активность одновременно в различных частях Дальнего Востока. И это позволило Перри утверждать в своих депешах, что он стремится захватить ряд островов Дальнего Востока прежде всего в интересах американских судовладельцев и моряков. «Каждый день наблюдений, — писал Перри, уже находясь у берегов Японии, — укрепляет меня во мнении, столь часто высказываемом в моих депешах в департамент, что широкая и растущая торговля США с этой частью мира делает не только желательным, но и необходимым приобретение там портов»¹². Особенно важным Перри считал создание на этих островах американских угольных баз для впервые появившихся тогда в водах Дальнего Востока пароходов, имевших ещё малый тоннаж и нуждавшихся в пути в частом снабжении углем.

Быстрый рост американского судостроения в середине XIX в. способствовал развитию американского китобойного промысла. Никогда, вплоть до наших дней, американцы не располагали столь большим числом китобойных кораблей, как в то время; число их, по данным официальной американской статистики, достигало тысячи ста сокола.

Истребив значительную часть китов у берегов Америки, американские промышленники начали хищнический промысел китов в морях Дальнего Востока: зимой — у берегов Индонезии, летом — у берегов русского Дальнего Востока — в Охотском, Беринговом и Чукотском морях.

Незаконное массовое истребление китов в одних лишь территориальных водах Охотского моря, начиная с 1847 г., приносило американским хищникам за какие-нибудь три — четыре месяца летней навигации около 10 млн. долларов дохода. Поскольку весной каждого года немалая часть американских китобойных кораблей шла к берегам русского Дальнего Востока — или от берегов Индонезии или от Гавайских островов, — Перри считал «необходимым» обрести на островах Дальнего Востока «порты-убежища» и для американских китобоев, которым он был обязан, согласно правительственными инструкциями, оказывать свою помощь.

Следя за возрастающим интересом крупных держав мира к Тихому океану и считая, что со временем борьба держав за раздел тихоокеанских островов резко обострится, американская буржуазия высказывалась за немедленный захват всех интересовавших её островов Дальнего Востока, пока эти острова ещё оставались не поделёнными между европейскими державами и пока борьба за них ещё не приняла острый характер. «Взирая на владения на Востоке нашего крупного морского соперника — Англии, на постоянный и быстрый рост её укрепленных портов, мы обязаны предприн-

¹² Цит. по F. D u l l e s. Указ. соч., стр. 71.

нутыся сознанием необходимости быстрого принятия соответствующих мер с нашей стороны, — писал Перри. — Англия уже завладела всеми наиболее важными пунктами в Восточном, Индийском и Китайском морях... Нам нельзя терять время. К счастью, японские и многие другие острова Тихого океана все еще остаются не тронутыми этим бессовестным правительством»¹³.

Несмотря на то, что правительство США старалось хранить в тайне свои экспансионистские планы, в Европе и в Азии догадывались о намерении американцев захватить ряд островов Дальнего Востока. Россия даже опасалась покушения Америки на искони русский остров Сахалин. Сильно встревожила экспедиция Перри и англичан. Английский посланник в США Джон Крамптон в «частном письме» от 7 февраля 1853 г. к министру иностранных дел Великобритании лорду Кларендону писал: «Я убежден, что результатом японской экспедиции будет приобретение там американцами нескольких постоянных поселений»¹⁴.

Конечно, американские захватчики понимали, что соотношение сил на Тихом океане неблагоприятно для США. Тем не менее они были убеждены, что ни одна держава мира не решится воспрепятствовать американским территориальным захватам на Дальнем Востоке. Англия — главный и наиболее опасный соперник Соединённых Штатов, — несмотря на превосходство своего военно-морского флота, не решилась бы, по их мнению, оказать им серьёзное противодействие, поскольку английское правительство боялось обострить свои и так весьма враждебные отношения с США. Английское правительство не хотело связывать себе руки серьёзным конфликтом с США в то время, как в Европе и на Ближнем Востоке решались вопросы более существенные с точки зрения английской буржуазии. Кроме того оно боялось оставить хлопчатобумажную, ведущую в те годы в Англии, отрасль промышленности без американского хлопка, а также утратить, хотя бы временно, крайне важный для английской буржуазии рынок в Америке.

У английского правительства были ещё и особые причины, побуждавшие его не обострять отношений с США на Дальнем Востоке: английские насильники были убеждены, что, выступая совместно с колонизаторами других стран, например, с американскими, они скорее сумеют навязать свою волю странам Дальнего Востока, к полному закабалению которых они стремились. Когда же в Китае вспыхнула великая крестьянская война — тайпинское восстание, — заинтересованность англичан в ведении совместных с американцами действий против китайского народа ещё более усилилась. Английские захватчики считали нужным объединиться с колонизаторами других

стран для подавления тайпинского восстания, которое приняло характер национально-освободительного движения. С другой стороны, Англия хотела воспользоваться тем, что гражданская война в Китае заметно ослабила позиции маньчжурского правительства, чтобы вместе с колонизаторами других стран заставить феодалов Китая пойти на новые уступки.

В этой обстановке США, уверенные в том, что Англия не решится силой оружия противодействовать им, и начали территориальные захваты на Дальнем Востоке.

Не случайно США хотели прежде всего завладеть островами Рюкю. Правительство США надеялось, что Перри скорее удастся навязать Японии торговый договор, если он предварительно займёт эти острова. Перри отправился к берегам Рюкю с намерением произвести «оккупацию главных портов островов с целью создания в них баз американских военных судов и надежных убежищ для торговых кораблей»¹⁵. Апологет американского империализма историк Келлехен откровенно заявлял, что Перри стремился, «оккупировав острова Рюкю, превратить их в крепость, из которой можно было бы терроризировать Японию»¹⁶.

Больше всего привлекал Перри остров Окинава и особенно гавань Нава, которая посещалась также русскими кораблями, плававшими между европейскими портами России и портами русских тихоокеанских владений.

По прибытии на Окинаву экспедиция Перри произвела топографическую съёмку острова и гавани Нава. Одновременно различные специалисты, сопровождавшие экспедицию, приступили к сбору сведений о естественных богатствах острова.

Появление иностранной экспедиции на острове вызвало протест его населения. После того как американцы самовольно высадились в гавани Нава, местные купцы демонстративно закрыли свои лавки, а часть населения ушла из города. Видя, как жители острова реагировали на высадку американцев, правитель острова, Сенди, отказался принять американцев у себя во дворце. Тогда Перри, не считаясь с местными обычаями, без приглашения явился во дворец в сопровождении отряда вооружённых моряков и под угрозой оружия заставил регента открыть переговоры. Он принудил Сенди разрешить американцам возводить постройки в Нава, а ещё через некоторое время потребовал передачи гавани в распоряжение американцев. Напуганный угрозами американцев, Сенди вынужден был разрешить им в мае 1853 г. пользоваться гаванью Нава по их усмотрению.

Так был сделан первый шаг к захвату островов Рюкю. Вторым объектом захватнических устремлений США явились острова Бонин.

¹³ Цит. по Ch. and. M. Beard. The Rise of American civilization. Vol. I, p. 723. New York. 1933.

¹⁴ Цит. по публикации в «The American Historical Review». April 1937, p. 494.

¹⁵ «Narrative...». Vol. I, p. 85.

¹⁶ J. Callahan. American relations in the Pacific and the Far East, 1784—1900. Johns Hopkins University, Studies, Ser. XIX, № 1—3, p. 78. Baltimore. 1901.

В американских правительственных сферах высказывалось мнение, что для того, чтобы сломить сопротивление Японии, ещё недостаточно занять острова Рюкю. Для этого нужно окружить Японию «стратегическими базами», в частности, кроме Рюкю, занять острова Бонин и русский Сахалин. В соответствии с этими пожеланиями правительство США поручило Перри «ознакомиться» с островами Бонин, а коммодору Рингольду — с Сахалином.

Прибыв на острова Бонин, Перри самовольно поднял американский флаг в порту Ллойд на острове Пил. По его приказу часть экспедиции отправилась на остров Бейли, где на одном из платанов американцами была укреплен медная пластинка, объявлявшая о переходе острова во владение США. Тогда же было выбрано место для постоянной американской угольной базы. Американцам Тэйлору, Фасу и Эбботу Перри приказал произвести детальное обследование островов и представить подробные отчёты об их ресурсах¹⁷. «Губернатором островов Бонин» был назначен американский моряк Натаниэль Севри, прибывший сюда ещё в начале 30-х годов. Чтобы создать видимость существования на островах гражданского управления, Перри срочно составил статут управления островами, так называемые «Статьи соглашения».

О захвате островов Бонин Перри сообщил в морское министерство США. Впоследствии он получил официальное уведомление, что отчёт его «получен и прочитан с интересом»¹⁸. Некоторые данные о действиях Перри на Бонинах были сообщены американским газетам¹⁹.

Попытка США захватить острова Бонин вызвала недовольство англичан. Губернатор Гонконга Джордж Бонхэм выразил протест американцам. Объявив, что якобы открывателем островов был английский капитан Бичи, Бонхэм предупредил Перри, что англичане считают острова своей собственностью. Он также напомнил, что порт Ллойд был основан англичанами. В ответ на протест Бонхэма Перри заявил, что не признаёт прав Англии на острова²⁰. Между захватчиками началась грызня. Уведомляя морское министерство США о протесте Бонхэма, Перри писал, что никоим образом не позволит нарушить американские «национальные права». «Я полагаю,— писал Перри,— что настал момент занять на Востоке твердую позицию, которая сделает власть и влияние США весьма ощутительными»²¹.

¹⁷ Отчёты см. «Narrative...». Vol. II, p. 67—129.

¹⁸ Цит. по F. Dull es. Указ. соч., стр. 71—72.

¹⁹ См., например, «New York Daily Tribune» от 21 декабря 1853 года.

²⁰ Переписка между Бонхэмом и Перри по поводу захвата американцами островов Бонин приведена в книге R. T o m e s. Japan and the Japanese, a Narrative of the US Government Expedition to Japan under commodore Perry, p. 399—406. London. 1859.

²¹ Цит. по F. Dull es. Указ. соч., стр. 72.

Чтобы «обосновать» так называемые национальные права США на острова Бонин, Перри стал подбирать различные исторические «данные», манипулируя которыми он мог бы вопреки истине утверждать, что американцы были открывателями островов. Бесцеремонно подтасовывая факты, Перри спешно объявил открывателем островов Бонин американца Коффина. Он счёл даже нужным демонстративно переименовать остров Бейли в остров Коффина. При этом американский коммодор предпочёл умолчать о том, что Коффин появился на Бонинах на судне под английским флагом.

Полагая, что краткого пребывания американских кораблей вполне достаточно для того, чтобы правительство США могло провозгласить острова Бонин американскими владениями, Перри отплыл назад на Рюкю. По дороге его заинтересовали острова Бородино. Уже самое название этих островов говорит о том, что их открыли русские. Действительно, честь их открытия в 1820 г. принадлежала командиру русского корабля «Бородино» лейтенанту Понафидину. Перри намеревался впоследствии исследовать эти удобно расположенные на пути между Бонинами и Рюкю острова. Он надеялся, что американцам со временем удастся занять и эти стратегически важные пункты.

По возвращении в гавань Нава Перри убедился, что за время его отсутствия на острове Окинава произошли значительные перемены: регент Сенди был свергнут за уступки американцам, а местное население стало относиться к захватчикам ещё более враждебно. Тогда в гавани Нава был высажен вооружённый отряд американских моряков. Американские источники умалчивают о том, как действовала первая американская карательная экспедиция на острове Окинава. Однако известно, что вскоре после высадки американских карателей Перри объявил об установлении американского протектората уже над всем архипелагом Рюкю. Об этом через своих офицеров он оповещал капитанов иностранных кораблей, изредка приплывавших к Рюкю.

Почти одновременно с прибытием экспедиции Перри в дальневосточных водах появились корабли экспедиции адмирала Путятина, посланной русским правительством в расчёте пробудить Японию заключить с Россией первый торговый договор. В 1853—1854 гг. корабли русской экспедиции несколько раз посещали гавань Нава. В начале февраля 1854 г. при одном из посещений Путятинным Нава к нему явился американский офицер, возглавлявший группу матросов, высаженных Перри на острове Окинава. «Офицер,— писал Путятин,— представил мне бумагу, в которой сказано было, что Ликейские острова поступают в ведение Соединенных Штатов»²². Естественно, русский адмирал отказался признать законными американские притязания на острова Рюкю.

О попытке Перри захватить острова Рюкю упоминает в книге «Фрегат «Паллада»

²² «Морской сборник», август 1856 года. Официальные статьи и известия, стр. 40.

участник экспедиции Путятина писатель И. А. Гончаров. Рассказывая о прибытии экспедиции Путятина на остров Окинава, Гончаров писал: «Американцы, или люди Соединенных Штатов, как их называют японцы, за два дня до нас ушли отсюда, оставив здесь больных матросов да двух офицеров, а с ними бумагу, в которой уведомляют суда других наций, что они взяли эти острова под свое покровительство против ига японцев, на которых имеют какую-то претензию, и потому просят других не распоряжаться. Они выстроили и сарай для склада каменного угля, и после этого человек Соединенных Штатов, коммодор Перри, отплыл в Японию»²³.

Особый аппетит у американских захватчиков, указывал Гончаров, возбудили богатства Рюкю. Перечислив, какие ценности имелись на островах, Гончаров пронизировал: действительно, как не взять под покровительство это! Потому-то на Рюкю и явились, писал он, «люди Соединенных Штатов», с бумажными и шерстяными тканями, ружьями, пушками и прочими орудиями новейшей цивилизации»²⁴.

Гончаров был прав. Перри воспылал ещё большим желанием захватить Рюкю, когда сопровождавшие его экспедицию специалисты представили подробные отчёты об исключительных естественных богатствах островов²⁵.

Американским агрессорам не удалось в 1853 г. сломить сопротивление местного населения, и Перри направил на остров Окинава новую карательную экспедицию. Это грязное дело было поручено американской «научной» экспедиции коммодора Роджерса, того самого Роджерса, который впоследствии, в начале 70-х годов, руководил вооружёнными разбойничьими операциями против Кореи.

Роджерс лично возглавил экспедицию. В гавани Нава была высажена сотня американских моряков, имевших винтовки, карабины и даже орудия. Из Навы экспедиция отправилась в Шури, к резиденции нового регента. 17 декабря 1854 г. Роджерс направил морскому министру США Доббину рапорт, в котором во всех подробностях хвастливо повествовал о своей «победе» над регентом Окинавы. «Я,— писал Роджерс,— с видом разгневанного человека грозил ему пальцем... Затем я на его глазах вытаскил и положил перед собой свой небольшой револьвер так, чтобы регент мог его видеть... Регента бросило в дрожь. И это явилось поворотным пунктом в наших переговорах... Таким образом мы добились того, чего желали»²⁶. Отрывок из столь откровенной

«победной реляции» Роджерса не нуждается в комментариях. Но главной своей цели Роджерс, тем не менее, не достиг: насилия американцев не могли сломить сопротивления жителей Окинавы, требовавших, чтобы «люди Соединенных Штатов» покинули острова Рюкю.

Тем временем Перри сосредоточил своё внимание на третьем объекте захватнических устремлений США — исконно китайском острове Тайвань.

Уже в 1853 г. американское правительство считало, что обстановка, создавшаяся в Китае, благоприятствовала захвату этого острова Соединёнными Штатами. Положение маньчжурского правительства по мере того, как тайпины одерживали новые победы, становилось всё более шатким. Перри даже верил в возможность вырвать у продажного маньчжурского правительства согласие на официальную уступку Тайваня США. Опасения Перри относительно того, что Тайвань мог быть захвачен какой-либо из европейских держав, рассеивались по мере того, как осложнялась обстановка в Европе. В период, когда назревала Крымская война и особенно когда она разразилась, европейские державы, естественно, вынуждены были умерить свою активность на Дальнем Востоке. Не случайно 28 марта 1854 г., ещё не зная, что Англия объявила войну России, но твёрдо веря в то, что новая европейская война неизбежна, член палаты представителей от штата Виргинии, Бокк, с нескрываемой радостью заявил в конгрессе: «Англия настолько будет поглощена борьбой против ее сильного врага, что не будет располагать каким-либо свободным временем для охраны своей восточной торговли, и этот изобильный поток почти безраздельно вольется в подол Америки. Китай, Япония и весь блестящий Восток будут грузить наши суда и обогащать наших торговцев!»²⁷.

Воспользовавшись началом Крымской войны, Перри стал готовиться к захвату острова Тайвань. На этот раз, помня о событиях на Рюкю, он не проявил поспешности. Он понимал, что на Тайване американцы могут натолкнуться на ещё более решительное сопротивление местного населения. Ему хорошо было известно, как сурово расправлялись жители Тайваня с теми американскими торговцами, которые незаконно высаживались на острове и вели себя с обычной для них наглостью, совершая даже грабежи и убийства.

Летом 1854 г. к северному побережью Тайваня прибыл корабль «Македония» для обследования района порта Цзилун, вблизи которого находились богатейшие залежи каменного угля. На Тайвань была высажена группа американских исследователей: горный инженер Джонс занялся изучением угольных богатств острова, Морроу и другие специалисты знакомились с богатствами тайваньских лесов и полей. Тогда же обследование западного побережья Тайваня производили участники экспедиции коммо-

²³ И. Гончаров. Фрегат «Паллада», стр. 473. М. 1949.

²⁴ Там же, стр. 476.

²⁵ Отчёты Морроу, Грина, Джонса и других специалистов, участвовавших в экспедиции Перри, о произведённых ими исследованиях на Рюкю см. «Narrative...», Vol. II, p. 15—63.

²⁶ «Yankee Surveyors in the Shogun's Seas», ed. A. Cole, p. 44. Princeton. 1947.

²⁷ «Appendix to Congressional Globe», 33 congr., 1 sess., p. 424.

дора Рингольда (сменённого вскоре по требованию Перри упомянутым Роджерсом).

Исследованиями было установлено, что Тайвань обладает неисчислимыми естественными богатствами. Это усилило желание американских колонизаторов завладеть островом.

В 1855 г. Перри на запрос госдепартамента представил американскому правительству записку, в которой выдвинул новую, более обширную программу американской экспансии в бассейне Тихого океана. США, по велению «очевидной судьбы», писал Перри, надлежит насаждать колонии «по всему Тихому океану», непрерывно расширять сферу своих действий на Дальнем Востоке, в частности начать наступление на «Сиам, Камбоджу, Кохинхину, на отдельные части Борнео и Суматры, многие острова восточного архипелага и особенно на остров Формозу»²⁸. В своей записке Перри открыто провозглашал захват искони китайского острова Тайвань главной, ближайшей задачей американской политики на Дальнем Востоке. Именно с этого острова, по его мнению, США должны были развернуть широкое наступление на основные страны Дальнего Востока. «Географическое положение Формозы, — писал он, — делает ее замечательно удобно расположенным перевалочным пунктом, из которого американская торговля может быть установлена с Китаем, Японией, Рюкю, Кохинхиной, Камбоджей, Сиамом, Филиппинскими и другими островами, находящимися в соседних морях. Особенно ценно то, что Формоза способна обильно снабжать углем, ибо в настоящее время, когда расширяется использование пароходов для коммерческих целей, уголь необходим для развития восточной торговли». Указывая, что для континентального Китая остров Тайвань имел в стратегическом отношении столь же большое значение, как остров Куба для южного побережья США, Перри нагло заявлял, что после захвата этого острова Соединённые Штаты «с достаточным количеством военных кораблей не только смогли бы командовать портами Китая, но и установить свое господство над северо-восточным входом в китайские моря». Одновременно США смогли бы, утверждал он, подорвать значение таких форпостов Англии на Дальнем Востоке, как Гонконг и Сингапур²⁹.

Перри представил конкретный план захвата Тайваня. Для начала он предлагал создать на острове американское поселение. «Американская колония, однажды твердо созданная на Формозе, — писал Перри, — будет постепенно увеличивать свое социальное и политическое значение, пространство своих земель, а следовательно, и свои богатства»³⁰. Со временем осевшие на Тайване американские колонисты должны были завладеть всем островом.

Американские колонизаторы начали действовать по этому плану. В 1855 г. на юго-западном побережье Тайваня, в местечке

Такао (Гаосюн), обосновались первые американские дельцы: Гидеон Най-младший, Вильям Робинз, Чарльз Вильямс и др. Они занялись перекупкой у местного населения камфары и сахара и непрерывно расширяли свои коммерческие операции. Уже в 1856 г. 78 американских кораблей и баркасов объезжали населённые пункты юго-западного побережья Тайваня³¹. Американским резидентам на Тайване постоянно доставлялось оружие из Соединённых Штатов.

В 1856 г. американский «комиссионер» (посланник) в Китае П. Паркер, руководивший после Перри подготовкой к захвату Тайваня, считал, что американские резиденты в Такао уже обладают достаточными силами для того, чтобы завладеть островом. Поэтому, как только Англия и Франция начали вторую «опиумную» войну против Китая, Паркер счёл, что наступил «наконец» подходящий момент для отторжения Тайваня от Китая. «Я надеюсь, — писал Паркер в государственный департамент, — что английские власти, занятые в настоящее время в Китае, не сочтут удобным предпринять какие-либо шаги в отношении Формозы»³².

Американский дипломат полагал, что в создавшейся на Дальнем Востоке обстановке Англия не только не станет открыто противодействовать попытке американцев захватить Тайвань, но и, возможно, Соединённым Штатам удастся вырвать у английского правительства формальное согласие на занятие американцами острова. Во время второй «опиумной» войны Англия стремилась найти общий язык со своими американскими коллегами по грабежу Китая. Английские дипломаты явно заискивали перед американцами, втайне надеясь побудить США объявить войну Китаю. Английские колонизаторы полагали, что США легко смогут отказаться от своего формального нейтралитета, поскольку американцы давно уже занимали резко враждебную в отношении Китая позицию и даже принимали непосредственное участие в военных операциях против китайцев. Так, в 1856 г. эскадра американского коммодора Армстронга артиллерийским огнём разрушила китайские форты, защищавшие подступы к Кантону. Видя готовность Англии пойти на сговор с США, Паркер высказал предположение, что американское правительство сможет договориться с английским, а заодно и с французским правительствами о начале раздела Китая. Он даже предложил план первоначального раздела китайских территорий. Англии он готов был предоставить острова Чжоушань, обладание которыми позволило бы англичанам контролировать торговлю Ханьчжоу и отчасти Шанхая. Франции он щедро отдавал всю Корею (Паркер тогда ещё не знал, что вскоре, в середине 60-х годов, американские хищники сами захотят овладеть Кореей). За Соединёнными Штатами Паркер стремился закрепить ост-

²⁸ «Narrative...», Vol. II, p. 173.

²⁹ Там же, стр. 180.

³⁰ См. там же, стр. 179.

³¹ См. 35 congr., 2 sess. The Senate. Vol. 9, doc. 22, pt. II, p. 1214.

³² Там же, стр. 1209.

ров Тайвань³³. Но он понимал, что договориться с Англией о подобном разделе Китая легче всего будет в том случае, если США поставят Англию перед свершившимся фактом захвата американцами острова Тайвань. Тогда Англия, скорее всего без особых возражений, вынуждена будет принять «план» Паркера. Поэтому Паркер решил более не медлить. Он завязал переписку с осевшими на юго-западном побережье Тайваня американскими резидентами — Гидеоном Наем-младшим и Вильямом Робинэ.

Ещё в 1853 г. проживавший тогда в Китае Гидеон Най в записке Перри советовал спешно занять остров Тайвань, воспользовавшись тем, что крупные успехи тайпинов в тот период резко пошатнули положение маньчжурского правительства Китая. Паркер не сомневался в том, что и в 1856 г. столь воинственно настроенный коммерсант Най попрежнему будет отстаивать превращение китайского острова Тайвань в американскую колонию. И он не ошибся: узнав, что американский дипломатический представитель в Китае Паркер благосклонно относится к планам немедленного захвата Тайваня, американские резиденты в Такао самовольно водрузили американский флаг над своей факторией. Тайваньские власти протестовали против этих «флибустьерских действий». Но американские хищники не имели обыкновения считаться с чужими правами. Паркер, верный обычаям американских колонизаторов, даже не ответил на протесты китайцев. Однако Паркер побоялся, что американских резидентов в Такао обвинят в самовольном поступке. Поэтому он, как представитель правительства США, поспешил санкционировать эти незаконные действия. В ноябре 1856 г. на борту американского военного корабля «Сан-Хасинто» состоялась встреча Паркера с командующим морскими силами Соединённых Штатов в морях Китая и Восточной Индии — Армстронгом. После короткого совещания задним числом было сфабриковано решение о «необходимости» поднять «флаг Соединённых Штатов на острове Формоза»...³⁴.

Между тем положение на Тайване осложнилось. Возмущённое наглым поведением «иностранных дьяволов — янки», население Тайваня отказалось продавать американцам камфару, сахар и другие товары. Тогда американские дельцы отправили вдоль тайваньского побережья корабли, вооружённые пушками. С помощью «сальютов» они заставили жителей побережья возобновить торговлю с США³⁵.

Но эта «победа» не могла успокоить американских резидентов. Было ясно, что жители Тайваня могли в любой момент поднять восстание против «ненавистных янки». Най, понимая шаткость положения амери-

канцев на Тайване, через Паркера обратился за поддержкой к американскому правительству. В письме к Паркеру от 10 февраля 1857 г. Най писал: «Я охотно окажу помощь в организации колонизации острова, если получу заверения со стороны правительства США, что оно... возьмёт меня под свою защиту»³⁶. Он подчёркивал: «Для меня ясно, что в настоящее время может быть положено этому начало без возражений со стороны какой-либо державы»³⁷. В письме давалась оценка богатств и стратегического положения Тайваня. Указывая, что остров находится на пути из Шанхая в Кантон, Най намекал на то, что, владея Тайванем, американцы смогут контролировать даже внутреннюю морскую торговлю Китая. В ответном письме Наю Паркер выразил удовлетворение по поводу действий американских резидентов в Такао. Он ещё раз просил Наю снабдить его подробной информацией «относительно Формозы и прилегающих к ней островов, их жителей, мануфактур, горной и сельскохозяйственной продукции»³⁸. О содержании своей переписки с Наем Паркер немедленно уведомил государственный департамент, а также лично президента США Джеймса Бьюкенена.

24 февраля 1857 г. Паркер обратился с письмом к коммодору Армстронгу, прося его срочно прибыть в Макао, чтобы вновь обсудить «предмет большой деликатности» — вопрос о будущем «очень ценного острова, обладающего горными и сельскохозяйственными богатствами»³⁹. Армстронг не заставил себя ждать. Встреча состоялась 27 февраля. Как указывалось в направленном в государственный департамент кратком отчёте об этом совещании, Паркер и Армстронг ещё раз пришли к выводу, «что Формоза является наиболее желательным и ценным островом для Соединённых Штатов»⁴⁰. Армстронг обещал Паркеру находиться со своей эскадрой вблизи берегов Тайваня.

Известие о действиях американских резидентов в Такао вызвало недовольство английских колонизаторов: англичане втайне сами были не прочь наложить руку на Тайвань. Английский губернатор Гонконга, Боуринг, заявил Паркеру протест, а через некоторое время в Такао прибыли английские военные корабли. К Вильяму Робинэ явился английский контр-адмирал Майкл Сеймур в сопровождении нескольких старших офицеров английского флота и потребовал объяснений по поводу действий американцев⁴¹. Робинэ уклонился от ответа; он посоветовал англичанам обратиться за разъяснениями к Паркеру.

В ответ на протест Боуринга Паркер поспешил обвинить англичан в агрессивных действиях против Тайваня. Он объявил высадку английских офицеров в Такао вмешательством во внутренние дела Тайваня.

³⁶ 35 congr. 2 sess. The Senate. Vol. 9, doc. 22, pt. II, p. 1204.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, стр. 1210.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, стр. 1211.

⁴¹ Там же, стр. 1245.

³³ См. там же, стр. 1083; см. также J. Foster. American diplomacy in the Orient, p. 229. Boston. 1904.

³⁴ 35 congr. 2 sess. The Senate. Vol. 9, doc. 22, pt. II, p. 1211.

³⁵ J. Davidson. The Island of Formosa, past and present history, people, resources and commercial prospects, p. 401. New York — London. 1903.

Вместе с тем он заявил: «В случае, если остров Формоза окажется политически отделённым от китайской империи, я полагаю, что смогу доказать правовой приоритет на этот остров со стороны Соединённых Штатов». Паркер «доказывал», будто США имели право владеть островом на том основании, что «на нём с согласия китайцев» было создано «поселение, над которым более чем год развевается флаг Соединённых Штатов»⁴².

Утверждение, что китайское правительство дало согласие на создание американского поселения на Тайване, было ложью. В 1856 г. и позднее маньчжурское правительство стремилось воспрепятствовать захвату богатств Тайваня американскими дельцами, но оно было бессильно заставить американцев покинуть остров. Это-то бессилие маньчжурского правительства Паркер и выдал за «согласие Китая» на создание на Тайване американской фактории.

Давая столь наглый ответ англичанам, Паркер был убеждён, что они не станут из-за Тайваня обострять отношений с США. И действительно, английские власти, заинтересованные в привлечении американцев к участию в новом нападении на Кантон, не стали настаивать на спешном урегулировании «вопроса о Формозе».

Правительство США было явно довольно поведением Паркера. Впоследствии ему даже была официально объявлена благодарность. В опубликованном по этому поводу документе говорилось, что Паркер «исполнял свои обязанности с ревностью и верностью и тем заслужил благодарность правительства»⁴³.

Тем не менее попытки американских экспансионистов в 50-х годах XIX в. овладеть рядом островов Дальнего Востока потерпели крах: американские захватчики были вынуждены убраться с Рюкю, Бонин и Тайваня.

Каковы же были основные причины провала первых американских попыток овладеть этими островами?

Американские экспансионисты, пытаясь захватить отдельные острова Дальнего Востока, игнорировали то, что в 50-х годах XIX в. соотношение сил на Тихом океане, а тем более в столь отдалённой от США его дальневосточной части, было неблагоприятным для осуществления их разбойничьих планов. Они надеялись превратить эти острова в американские колонии, спекулируя на создавшейся в те годы международной обстановке, при которой европейские державы временно не могли оказать им серьёзного противодействия. Но, указывал Ленин, «при капитализме немыслимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет силы участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д.»⁴⁴. Как известно, в 50-х годах XIX в. США были ещё сравнительно слабым капиталистическим государством, и ни одна европейская

держава не признала «права» американцев на острова Рюкю, Бонин и Тайвань.

Другим важнейшим обстоятельством, препятствовавшим США укрепиться на островах, была непрекращавшаяся борьба местного населения против американских колонизаторов.

Наконец, третьей причиной явилась резко усилившаяся с конца 1854 г. борьба американского народа против авантюристической внешней политики реакционного правительства, президентов Пирса (1853—1857) и Бьюкенена (1857—1861).

К сожалению, интереснейшая история борьбы представителей демократических слоёв американского народа против авантюристической политики американского правительства в 1854—1861 гг. не освещена в исторической литературе. Не имея возможности в настоящем сообщении подробно остановиться на истории этой борьбы, отметим лишь, что заметное усиление её с 1854 г. было связано с общим обострением классовой борьбы в США после принятия конгрессом под давлением рабовладельцев-плантаторов билля Канзас — Небраска. Проведение этого закона привело к кровавым столкновениям между фермерами Канзаса и бандами, подосланными из рабовладельческих штатов. Напуганное растущим недовольством в стране, правительство Пирса резко активизировало свою внешнюю политику, надеясь таким способом отвлечь внимание американского народа от волновавших его проблем внутренней политики⁴⁵.

Агрессивный курс правительства натолкнулся на волну протеста со стороны лучших людей Америки.

Во время президентских выборов 1856 и 1860 гг. сторонники Авраама Линкольна, борца против рабовладельческой олигархии, требовали, чтобы была «прекращена пиратская политика в отношении заграницы»⁴⁶. В напряжённой обстановке обострившейся с 1854 г. политической борьбы в США ни один член американского конгресса и американского кабинета, несмотря на то, что среди тех и других было немало сторонников территориальных захватов на Дальнем Востоке, не посмел открыто возбудить вопрос об официальном провозглашении американским правительством островов Рюкю, Бонин и Тайвань колониальными владениями Соединённых Штатов.

Понимая, что внутривластная обстановка не позволяла правительству США

⁴⁵ Сенатор от штата Тенесси Белл в своих выступлениях в конгрессе указывал, что правительство США пускалось во внешнеполитические авантюры в надежде таким способом «излечиться от домашних зол». Английский политический деятель Гренвиль в «частном письме» к министру иностранных дел Англии лорду Кларендону от 18 октября 1854 г. писал, что главная цель американских правителей тех лет состояла в том, чтобы «усилить себя дома, показывая свои зубы за границей» (цит. по публикации в «The American Historical Review», April, 1937, p. 497).

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XII, ч. II, стр. 240.

⁴² Там же, стр. 1248.

⁴³ Цит. по J. Foster. Указ. соч., стр. 230.

⁴⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 281.

провозгласить Тайвань американским владением, американский делец В. Робинэ в письме к Паркеру предложил прибегнуть к следующей уловке: американские резиденты в Такао образуют формально «самостоятельное государство», но правительство США должно «гарантировать защиту американцев, которые создали бы здесь независимое правительство»⁴⁷.

Воистину Робинэ мог потребовать от своего правительства патент на изобретение столь широко применяемого в наши дни «стандартизованного» метода маскировки захватнических действий США! Но в те годы американское правительство не нашло нужным прибегнуть к предложенной Робинэ уловке, понимая, что европейские дипломаты не примут на веру легенду о создании «независимого государства Формоза».

Между тем отношение населения Тайваня к американским захватчикам становилось всё более враждебным. Не получая помощи со стороны американского правительства, резиденты в Такао спустили висевший над факторией американский флаг. В 1861 г., когда в США началась гражданская война, американские дельцы временно покинули Тайвань.

Таков финал первой американской попытки отторгнуть остров Тайвань от Китая.

Ещё раньше американские захватчики вынуждены были покинуть острова Рюкю. Нельзя не отметить, что известную роль в этом сыграл и отказ русского адмирала Путятина признать за Америкой «особые права» на Рюкю. Экспансионисты США были раздражены таким отношением русского адмирала. Осенью 1853 г. в американских газетах появились утверждения, что экспедиция Путятина послана к берегам Японии, островам Рюкю и Боинг «скорее наблюдать за американцами, чем заниматься какими-либо серьёзными научными изысканиями»⁴⁸. Официальный историк экспедиции Перри Френсис Хоукс, отражая взгляды своего начальника, с явным раздражением отмечал, что Россия «первая явилась наблюдать за всеми нашими действиями»⁴⁹.

Как ни сильно было раздражение американских экспансионистов против русского правительства, США не могли игнорировать ясно выраженное недовольство русских действиями американских захватчиков на Рюкю: в те годы американское правительство было заинтересовано в поддержке дружественных отношений с Россией — потенциальным союзником США в борьбе против Англии. Американцы вынуждены были молчаливо отказаться и от своих притязаний на острова Боинг.

Американские фальсификаторы истории разглазывают об «особом характере» политики США на Дальнем Востоке. Аме-

рика, уверяют они, была будто бы «неизменным другом народов Азии», она-де «всегда» уважала их права, «никогда» не прибегала к насилию и «бескорыстно» стремилась познакомить их с благами новейшей цивилизации.

Фактический материал настоящей статьи служит наглядным опровержением этих лживых измышлений американских лицемеров. Самое покушение США на Рюкю, Боинг и Тайвань, бесчинства американских карателей, пытавшихся подавить сопротивление местного населения, разграбление естественных богатств островов, открыто проводившаяся американскими колонизаторами подготовка к вторжению с этих островов в близлежащие дальневосточные страны — всё это свидетельствует о том, что политика США на Дальнем Востоке издавна была политикой агрессии, насилия и грабежа. Политика порабощения других народов, проводившаяся США ради дальнейшего обогащения американской буржуазии, свидетельствует о том, что уже в 50-х годах прошлого века Соединённые Штаты были заклятыми врагами народов Азии. Уже тогда американские буржуазные экспансионисты — в первую очередь Сьюард, Перри и другие, — усиленно восхваляемые теперь в США, мечтали, подобно современным американским империалистам, о включении Восточной Азии в состав пресловутой «американской империи». Уже тогда американские колонизаторы с наглым цинизмом провозглашали, что народам Дальнего Востока будто бы уготована «очевидная судьба» стать рабами американской буржуазии.

Председатель Национального комитета Коммунистической партии Соединённых Штатов Вильям Фостер, упоминая об американских экспансионистах, выдвигавших уже в 50-х годах XIX в. «нанэкстравагантнейшие планы завоеваний»⁵⁰, справедливо пишет: «Эти воинствующие адвокаты доктрины «очевидной судьбы» являются прямыми предшественниками современных американских империалистов, пренебрегающих шовинистических иллюзий относительно англо-саксонского превосходства, воображающих, что США призваны не только контролировать жизнь западного полушария, но также и господствовать над всем миром»⁵¹.

Американские империалисты превзошли в захватнических действиях своих предшественников. Разбой commodора Перри и других американских колонизаторов 50-х годов XIX в. бледнеет перед дикими зверствами современных палачей корейского народа. Сфера разбойнических действий американских агрессоров на Дальнем Востоке резко расширилась.

Оккупированные американцами острова Японии послужили главными базами, откуда американские империалисты совершили в 1950 г. вероломное нападение на Корейскую Народно-Демократическую Республику и китайский остров Тайвань. Тогдашнее совершение агрессии в Корее американские

⁴⁷ 35 congr., 2 sess. The Senate. Vol. 9, doc. 22, pt. II, p. 1215.

⁴⁸ «New York Weekly Tribune» от 3 сентября 1853 г.; см. также P. Eckel. The Crimean war and Japan. «The Far Eastern Quarterly», February 1944, p. 111.

⁴⁹ «Narrative...». Vol. I, p. 62.

⁵⁰ W. Foster. Outline Political History of the Americas, p. 210. New York. 1951.

⁵¹ Там же, стр. 205.

военные самолёты начали постоянные бомбардировки пограничных районов континентального Китая. Тогда же военные корабли 7-го морского флота США, базирующиеся в портах захваченного американцами Тайваня, пытались блокировать берега Китая. Готовясь совершить новые акты агрессии против китайского народа, американские поджигатели войны с помощью своих сателлитов протащили через Организацию Объединённых Наций решение об объявлении Китайской Народной Республики агрессором. Называя это решение ООН позорным, И. В. Сталин в беседе с корреспондентом «Правды» говорил:

«Действительно, нужно потерять последние остатки совести, чтобы утверждать, что Соединённые Штаты Америки, захватившие китайскую территорию, остров Тайвань, и вторгшиеся в Корею к границам Китая,—

являются обороняющейся стороной, а Китайская Народная Республика, защищая свои границы и старающаяся вернуть себе захваченный американцами остров Тайвань,—является агрессором»⁵².

Совершенно очевидно, что оккупированные американскими империалистами Рюкю, Бонин, Тайвань и другие острова на Дальнем Востоке служат им не «линией обороны», а плацдармом для нападения на страны Восточной Азии. Захватывая эти острова, США помышляли не о мире, а о дальнейшем развязывании войны на Дальнем Востоке.

⁵² И. В. Сталин. Беседа с корреспондентом «Правды», стр. 10. Госполитиздат. 1951.

Неизвестные заметки декабриста И. И. Горбачевского

Л. Н. Пушкарёв

Сохранилось сравнительно мало источников, на основании которых можно было бы достаточно полно и достоверно установить, как изменилась идеология позднего декабризма по сравнению с его начальным этапом, в какую сторону шла эволюция взглядов декабристов за время их ссылки и поселения в Сибири. Известные нам источники, помимо следственных дел, представляют собою главным образом мемуары, дневники и воспоминания декабристов, которые либо были подготовлены к печати самими авторами и вышли в свет при их жизни либо готовились ими с расчётом во что бы то ни стало, несмотря на цензуру, когда-нибудь их опубликовать. Это заставляло авторов подобного рода документов очень строго относиться к отбору тех или иных фактов, прежде чем включить их в своё повествование. Не случайно основную тему подобных мемуаров составляло описание бытовых подробностей жизни их авторов с весьма незначительными штрихами характеристики их общественно-политических взглядов. Не избежало этой участи и эпистолярное наследие декабристов, так как их письма подвергались ещё более строгой цензуре, чем воспоминания. Источники, не прошедшие такой тщательной редакторской, рассчитанной на цензуру переработки, нечисляются единицами.

Тем больший интерес представляют даже случайно дошедшие до нас и порою разрозненные замечания, на основании которых можно если не восстановить полностью всю систему общественно-политических взглядов того или иного декабриста, то хотя бы пролить на неё свет.

Одним из таких источников являются дошедшие до нас книги из казематской библиотеки, которая была создана декабристами во время их пребывания на Петровском заводе. Известно, что эта библиотека состояла из нескольких десятков тысяч томов и содержала не только богатые собрания сочинений русских и иностранных классиков, но и все основные русские, французские, немецкие и английские газеты и журналы, массу специальной литературы по всем отраслям науки, техники и сельского хозяйства. В своих воспоминаниях декабристы пишут, что они «погрузились в волны умственного океана», получая и с жадностью прочитывая всё, что издавалось в России и за границей. Из воспоминаний Басаргина можно установить, что больше всего внимание декабристов привлекали революция 1830 г. в Европе, польское восстание 1831 года.

На своих книгах декабристы при чтении делали пометки, анализ которых помог бы нам раскрыть их отношение к книге, а тем самым и отношение к проблемам, волновавшим в то время общество. Однако громадная библиотека декабристов исчезла почти бесследно, а вместе с ней погибли и драгоценные пометки читателей этих книг.

Остатки богатой когда-то библиотеки декабристов застал сосланный в 1872 г. на каторгу на Петровский железодобывательный завод известный публицист, историк народного быта и участник нечаевского кружка И. Г. Прыжов. Находясь на каторге, а затем на поселении в Петровском заводе, он тщательно собрал и исследовал все устные рассказы о декабристах, сделал

массу собственных наблюдений, систематизировал известный ему печатный материал 70-х — начала 80-х годов и изложил всё это в рукописи объёмом около 10 п. л. «Декабристы в Сибири на Петровском заводе»¹.

Относительно эпиграфического наследства декабристов он пишет следующее: «Все дела о декабристах, находившиеся при штабе коменданта, отправлены в Петербург. В домах декабристов — ни малейшего следа об их существовании, все истреблено, и не столько временем, сколько невежеством. Остатки расхищенной библиотеки декабристов хранились до последнего времени у наследников попа Поликарпа Сизых и в 1881 г. принесены в дар читинскому архиерею».

Другая часть книг декабристов, оставшаяся от публичной библиотеки, хранилась в конторе завода и была осмотрена И. Г. Прыжовым в 1873 г., причём им «наскоро было сделано несколько выписок с переплётов. Книги все иностранные, большею частью французские, XVIII века. Всего было книг до трёхсот. Многие книги с надписями декабристов, которым они принадлежали, с их заметками на полях страниц карандашом и пером и непременно с дозволенной надписью Лепарского: «Видал. Лепарский»².

И. Г. Прыжову удалось ознакомиться с одной чрезвычайно интересной книгой, также бывшей в руках у декабристов и сохранившейся, в частности, замечания и пометки декабриста И. И. Горбачевского. Это книга А. И. Герцена «14 декабря 1825 г. и император Николай», изданная на русском языке в Лондоне в 1858 году. Прыжов пишет, что Горбачевский «сделал на полях этой книги множество отметок карандашом. Все эти отметки мы разобрали с должным вниманием и переписываем их здесь, не пропуская ни одной ноты. Нельзя не заметить, что слова Горбачевского совершенно совпадают с разбором Донесения следственной комиссии, который сделан Герценом»³. В примечании И. Г. Прыжов добавляет: «Эти «замечания» составляют единственный экземпляр (unicum), ибо книга, на полях которой они сделаны, пропала, зачитанная одним попом, да и самые замечания, сделанные карандашом, вероятно, уже стерлись от времени»⁴.

Дошедшие до нас в копии И. Г. Прыжова замечания Горбачевского на Донесение следственной комиссии интересны во многих отношениях. Во-первых, эти замечания дают возможность несколько пополнить и расширить характеристику взглядов самого Горбачевского, узнать его оценку собы-

тий 14 декабря. Во-вторых, — и это уже подмечено Прыжовым — мы можем сопоставить оценку Горбачевского с оценкой А. И. Герцена. Наконец, в-третьих, мы можем увидеть из этих заметок и отношение самого Прыжова и к декабристам, и к их восстанию, и к Герцену.

В основном замечания И. И. Горбачевского относятся к характеристике донесений отдельных декабристов и «Общества соединённых славян». Довольно подробно прокомментировал Горбачевский и описание событий самого дня восстания, а также последовавших за ним арестов. Горбачевский, судя по его замечаниям в копии Прыжова, почти совсем не прокомментировал разбор книги Корфа, сделанный Герценом; он остановился лишь на характеристике Следственной комиссии и Верховного уголовного суда.

Замечания Горбачевского сделаны на полях. Они очень кратки, но тем не менее весьма выразительны. Чаще всего они состоят из одного или нескольких вопросительных и восклицательных знаков в тех местах Донесения, которые, по мысли Горбачевского, видимо, не стоило и опровергать. Нередко против отдельных клеветнических утверждений Горбачевский ставит всего лишь одно слово: «Ложь». Изредка замечание состоит из нескольких слов или целой фразы. Так, на стр. 33, по поводу клеветы на Пестеля, утверждения, что в нём проявлялись хитрость и властолюбие, Горбачевский лаконично замечает: «Пестель был ученик графа Палена, ни более, ни менее. Он был отличный заговорщик»⁵. Читая в Донесении следственной комиссии характеристику Катехизиса Славянина, насыщенного якобы ученическими изречениями о природе, просвещении, предрассудках, о простоте выражения великодушия и надутым слогом рабства, Горбачевский в качестве примера такого изречения на полях приписывает: «например (подчёркнуто), освобождение всех славян»⁶.

По поводу замечания, приписываемого Донесением Борису, что будто основателем славянского общества был молдавский князь, Горбачевский пишет сбоку: «никогда не слыхал»⁷. Решительно опровергает Горбачевский и то место Донесения, где говорится о намерении Общества истребить всю династию, а самый прах развеять по земле. Горбачевский замечает на это: «Это показали, защищаясь, Горбачевский и Борисов, это совершенно противно тому, что было на этом совещании»⁸.

Из поместок Горбачевского к той части Донесения, которая описывает события, непосредственно предшествовавшие восстанию, а также само восстание, можно сделать весьма определённый вывод о боевом духе старого декабриста. Спустя более чем тридцать лет после восстания Горбачевский живо воспринимает его описание, страстно откликается на те тактические ошибки, ко-

¹ См. Л. Н. Пушкарёв. Рукописный фонд И. Г. Прыжова, считавшийся утерянным, «Советская этнография» № 1 за 1950 г., стр. 183—187.

² Центральный Государственный литературный архив (в дальнейшем — ЦГЛА), ф. 1227, д. 6, л. 156 об.

³ Там же, л. 159.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 160.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

торые совершили восставшие, утверждает или отвергает те или иные поступки общества и отдельных его членов. Читая в Донесении о собрании 13 декабря вечером слова А. Бестужева: «По крайней мере, об нас будет страничка в истории» — и ответ Пушина: «Но эта страничка замазает ее», — Горбачевский замечает: «Совершенно противное было сказано»⁹.

Горбачевский осуждает выжидательную политику декабристов; против слов Батенкова: «Надо бы... все войска, которые пристанут, собрать пред Сенатом и ж д а т ь» — Горбачевский, подчеркнув последнее слово, приписывает: «и это все погубило»¹⁰. Так же строго он оценивает и ошибку Панова, который, вступив со своими лейб-гренадерами на двор Зимнего дворца и увидав, что там са п ё р ы, пошёл дальше. Горбачевский замечает: «Тут-то и ошибка Панова, которую он никогда не прощал»¹¹. Читая в Донесении о событиях, имевших место после восстания, и о намерении Муравьёва идти на Киев, Горбачевский замечает: «Сделал ошибку, что не пошел»¹².

До конца своих дней Горбачевский оставался противником монархии. Читая строки Донесения о солдатах, будто бы толковавших о преданности престолу, Горбачевский замечает: «Ни от кого никто этого не слыхал»¹³. Против слов Рылеева «Южные отвергают монархию» Горбачевский пишет: «Справедливо»¹⁴.

И. Г. Прыжову не случайно бросилась в глаза близость замечаний Горбачевского к разбору книги Корфа Герценом. Герцен высоко оценивал как восстание в целом, так и отдельных декабристов; недаром портреты казнённых декабристов были помещены на обложке «Полярной звезды». Горбачевский против строк Донесения, где говорилось о происхождении восстания 14 декабря и оно приписывалось молодым людям, возвратившимся из-за границы в 1813—1815 гг. и вздумавшим завести в России политические общества, сбоку приписывает: «Ложь»¹⁵. А. И. Герцен в своём разборе книги Корфа пишет по этому поводу: «Пора бы изменить эту пошлую точку зрения на исторические происшествия... Тайное общество составилось не из одного подражания западным тайным обществам, а потому что русский ум искал выхода из невыносимого общественного положения»¹⁶.

Донесение пыталось оклеветать кн. Трубецкого, издержавшего якобы 5 000 р. общественных денег не на дела общества. Горбачевский против этого места ставит два вопросительных знака. Герцен по этому поводу говорит: «Обвинение в растрате пяти тысяч рублей — низкая ложь; я ссылаюсь на всех сверстников и друзей Трубецкого, оставшихся в живых». Очень сходны замечания Горбачевского по поводу Майборода, Шервуда и Ростовцева с той оценкой, которую даёт Герцен этим доносчикам и шпионам.

Нет нужды более подробно останавливаться на этой близости; она бросается в глаза при первом же чтении. Герцен живо и горячо откликнулся своей книгой на судьбу декабристов, многое верно определил, многое предугадал в оценке как всего декабризма в целом, так и отдельных его деятелей в частности.

Сам Прыжов посвятил характеристике Горбачевского в своей работе отдельный очерк, в котором подробно и с большим сочувствием описал жизнь Горбачевского в Петровском, его взгляды, взаимоотношения с населением и т. д. Замечания Горбачевского на дело 14 декабря были правильно оценены Прыжовым как документ большой исторической важности¹⁷.

Замечания И. И. Горбачевского на книгу А. И. Герцена в копии И. Г. Прыжова привлекают внимание ещё с одной стороны. Совершенно не случайно соединение этих имён, связанных с изучаемым памятником. Невольно вспоминается ленинская оценка трёх поколений, трёх классов, действовавших в русской революции. «Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли»¹⁸. Замечания Горбачевского на дело 14 декабря представляют собой документ, с которым оказались связаны два поколения, действовавшие в русской революции: декабрист И. И. Горбачевский и А. И. Герцен и разночинец И. Г. Прыжов. Книга Герцена «14 декабря 1825 г. и император Николай» — прекрасный образец революционной агитации. По условиям своей жизни Прыжов не мог расширить эту агитацию, но он правильно оценил значение этой книги и замечаний на неё, сделанных дрожащей рукой старика-декабриста, и сохранил эти замечания для потомков.

¹⁷ См. ЦГЛА, д. 6, л. 159 об., 160 об. и др.

¹⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 14—15.

⁹ Там же, л. 161.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, л. 161 об.

¹² Там же, л. 162.

¹³ Там же, л. 160.

¹⁴ Там же, л. 160 об.

¹⁵ Там же, л. 159.

¹⁶ А. Герцен. 14 декабря 1825 г. и император Николай, стр. 223—224. Лондон. 1858.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

КНИГА О БОРЬБЕ ПОЛЬСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ ЗА НАЦИОНАЛЬНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ПОЛЬСКОГО НАРОДА *

В январе 1952 г. исполнилось десять лет со времени организации Польской рабочей партии. Историческому значению революционной деятельности ППР и её роли в освободительной борьбе польского рабочего класса и всего польского народа посвящена книга Францишка Юзвьяка (Витольда) «Польская рабочая партия в борьбе за национальное и социальное освобождение».

Автор в хронологической последовательности освещает деятельность Польской рабочей партии как руководящей силы польского рабочего класса и широких народных масс в их борьбе за освобождение от фашистского ига и построение нового общественного и государственного строя в Польше — строя народной демократии.

Касаясь причин сентябрьской катастрофы 1939 г., Францишек Юзвьяк указывает, что эту катастрофу предопределила вся внутренняя и внешняя политика «санационных» правительств Польши. Проводя в угоду англо-французским и американским империалистам антисоветскую политику, «санационная» клика изолировала Польшу от СССР и этим поставила страну под удар гитлеровской Германии. «Старые правители Польши, — говорит И. В. Сталин, — не хотели иметь союзных отношений с Советским Союзом. Они предпочитали вести политику игры между Германией и Советским Союзом» ¹.

В военном отношении Польша не была подготовлена к отпору гитлеровской армии. «Танки и самолёты мы видели только на военных парадах, — пишет Ф. Юзвьяк. — Военное руководство фактически не имело никакого плана обороны страны против гитлеровцев, а то, что предпринималось в этой области, хорошо было известно штабу гитлеровской армии» (стр. 31).

Автор подчёркивает, что ответственность за сентябрьскую катастрофу несут также правые руководители Польской социалистической партии. Сотрудничая с «санационной» кликой, вожаки ППС — арцишевские, пужаки, зарембы и др. — проводили предательскую по отношению к рабочему классу политику. Они систематически срывали революционные выступления трудящихся масс, саботировали стачки, раскалывали единство рабочего класса, облегчая тем самым положение фашистского режима.

В момент вторжения гитлеровской армии в Польшу польское правительство позорно бежало из страны, оставив народ на произвол судьбы. Гитлеровские захватчики, пишет Юзвьяк, преследовали цели порабощения и физического уничтожения польского народа. Положение польских трудящихся в городе и деревне было трагичным. Часть населения была угнана на рабский труд в Германию. Для массового уничтожения польского народа были построены лагеря в Освенциме, Майданеке, Тремблинке.

Фашистские оккупанты задавили население налогами, уничтожали национальную культуру. «Огромные налоги, накладываемые на деревню, тяжесть которых прежде

* FRANCISZEK JÖZWIAK (WITOLD). *Polska partia robotnicza w walce o wyzwolenie narodowe i społeczne*. Warszawa. 1952. 285 str.

¹ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 183. Госполитиздат. 1950.

всего ложилась на бедное и среднее крестьянство, ввергали в катастрофу сельское хозяйство, обуславливали нужду и голод деревни. Закрывали школы, культурных учреждений, библиотек лишило молодёжь даже того минимума просвещения, какой она имела перед войной» (стр. 37).

Но гитлеровским оккупантам не удалось сломить свободолюбивый дух польского народа, захватчики встретили упорное сопротивление народных масс.

Переломным моментом в национально-освободительной борьбе польского народа явилось начало Великой Отечественной войны Советского Союза против немецко-фашистских захватчиков. На весь мир прозвучали слова И. В. Сталина о великой освободительной миссии советского народа: «Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма»².

Героическая борьба советского народа вызвала подъём освободительного движения во всех странах Европы, оккупированных гитлеровцами.

Для организации борьбы против оккупантов нужна была революционная партия, способная сплотить вокруг себя революционные силы народа. «Насущные потребности трудящихся масс Польши, всего польского народа привели к созданию революционной боевой партии польского рабочего класса, опирающейся в своей деятельности на принципы марксизма-ленинизма,— Польской рабочей партии» (стр. 50).

В январе 1942 г. Польская рабочая партия была создана. Основное ядро партии составили закалённые в огне революционных боёв коммунисты, которые в глубоком подполье боролись против гитлеровских захватчиков. Польская рабочая партия наследовала лучшие боевые традиции Польской коммунистической партии. Создателем и руководителем её является виднейший деятель польского революционного движения Болеслав Берут.

В воззвании 15 января 1942 г. «К рабочим, крестьянам и интеллигенции» Польская рабочая партия призвала рабочий класс и весь польский народ к беспощадной вооружённой борьбе против оккупантов, за свободу и независимость родины, подчеркнув при этом, что только действенная борьба и решительные вооружённые выступления могут спасти польский народ от полного уничтожения.

Намечая основные задачи освободительной борьбы польских народных масс против гитлеровских захватчиков, ППР указывала: «Конечной целью этой борьбы должно быть освобождение рабочего класса и всего польского народа из-под ярма капитализма» (стр. 59).

Существо выдвинутых ППР положений сводилось к следующему: под руководством рабочего класса развернуть всенародную войну против оккупантов; вести борьбу за национальное освобождение в неразрывной связи с борьбой за социальное освобождение, опираясь при этом на прочный и нерушимый союз с СССР (стр. 60).

Выполняя эти задачи, ППР создала свою вооружённую силу — Гвардию людову (Народную гвардию). Ф. Юзвяк в своей книге приводит яркие примеры боевых действий Гвардии людовой, показывает самоотверженную борьбу польских партизан, наносивших чувствительные удары фашистским оккупантам.

Новой вехой в развитии борьбы польского народа против гитлеровских захватчиков явилась историческая победа Советской Армии под Сталинградом. Польский народ с огромным воодушевлением воспринял весть о великом переломе в Отечественной войне Советского Союза.

Разгром фашистских полчищ под Сталинградом укрепил веру польского народа в неизбежность окончательного поражения гитлеровской Германии. Для народных масс Польши стало ясно, что освобождение польского народа тесно связано с победоносной борьбой Советской Армии. В результате поднялась политическая активность польских трудящихся масс, увеличилось число партизанских отрядов, активизировались выступления против оккупантов.

С момента своего возникновения Польская рабочая партия осуществляла выдвинутый ею лозунг укрепления общенационального антигитлеровского фронта. Основным содержанием этого лозунга была борьба за укрепление союза рабочего класса

² Там же, стр. 16.

и крестьянства. «Наша партия,— пишет автор,— уже в 1942 г., проводя в жизнь задачи национального антигитлеровского фронта, провозгласила лозунг создания национальных комитетов борьбы, в которых на платформе вооружённой борьбы с оккупантами могли сотрудничать существующие в стране демократические партии. Идея национального фронта борьбы ни в коем случае не означала отказ от гегемонии рабочего класса в этом широком национальном фронте» (стр. 94).

Во второй половине 1943 г. Центральный Комитет Польской рабочей партии опубликовал декларацию под названием «За что мы боремся». В ней был дан критический анализ антинародной политики «санационных» правительств довоенной Польши и вместе с тем разоблачена предательская роль лондонского эмигрантского «правительства». Опираясь на идеологические принципы марксизма-ленинизма, ЦК ППР наметил основные программные положения партии, сформулировал важнейшие задачи, стоявшие перед польским народом, рабочим классом и его авангардом — Польской рабочей партией.

Во вступительной части декларации говорилось: «Польская рабочая партия, являясь представительницей интересов и стремлений рабочих, крестьян и прогрессивной интеллигенции, являясь партией, первой поднявшей знамя организованной вооружённой борьбы за свободную и независимую Польшу, все свои усилия военной, организационной и пропагандистской деятельности вплоть до момента изгнания оккупантов с родной земли будет посвящать делу этой борьбы и поднимать её на всё более высокий уровень»³.

В декларации подчёркивалось, что «освобождённая из-под гитлеровского ярма будущая Польша не будет и не может быть предвоенной Польшей, в которой трудящиеся массы города и деревни не имели доступа к власти... Будущая Польша должна стать в ряды борющихся за мир, должна жить в согласии и дружбе с соседними народами. Такую Польшу можно создать только усилиями широких народных масс» (стр. 121).

По вопросу об общественном устройстве будущей Польши в декларации ППР было намечено проведение аграрной реформы, раздел помещичьих земель между крестьянами, национализация крупной промышленности, транспорта, банков, обеспечение каждому трудящемуся права на труд, на отдых, введение бесплатного обучения, оказание бесплатной медицинской помощи.

В декларации особо подчёркивалось, что исторической целью борьбы пролетариата является борьба за социализм: «В условиях демократического государства рабочий класс и трудящиеся массы будут стремиться осуществить переход к социалистическому строю, чтобы раз и навсегда положить конец эксплуатации человека человеком» (стр. 125).

Разоблачая интриги польской реакции, действовавшей по указке лондонского «правительства», Польская рабочая партия заявляла: тот, кто провозглашает лозунг о создании новой Польши и одновременно поддерживает реакционное эмигрантское лондонское «правительство», кто провозглашает лозунг «стоять с винтовкой у ноги» и одновременно призывает бороться с коммунизмом, организует в стране братоубийственную гражданскую войну, кто молчит или отделяется общими разговорами о проведении аграрной реформы и национализации крупной промышленности, кто призывает к войне против Советского Союза, тот является злейшим врагом независимости Польши, врагом трудящихся масс, тот борется за реставрацию помещичье-капиталистической Польши.

В конце 1943 г. Центральный Комитет ППР выступил с предложением создать общегосударственный политический орган, который, опираясь на исторические победы Советской Армии и борющегося бок о бок с ней Войска польского, осуществлял бы руководство освободительной борьбой польского народа, а после изгнания из страны гитлеровских захватчиков взял бы власть в свои руки.

В декабре 1943 г. был опубликован выработанный под руководством Центрального Комитета Польской рабочей партии манифест польских демократических организаций. В этом манифесте указывалось, что приближающийся день окончательной

³ «W dziesiątą rocznicę powstania Polskiej partii Robotniczej», str. 188—189. Warszawa. 1952.

победы Советской Армии над гитлеровским фашизмом обязывает польский народ наметить путь, по которому пойдёт Польша в будущем. Представители демократических организаций Польши, заявлялось в манифесте, сознавая важность момента и свою ответственность за судьбы польского народа и государства, берут на себя инициативу создания Крайовой рады народной — органа, который должен быть политическим представителем польского народа.

В ночь на 1 января 1944 г. в Варшаве состоялось историческое заседание представителей демократических организаций, на котором была образована Крайова рада народа во главе с Болеславом Берутом. Создание КРН открывало новый этап в освободительной борьбе польского народа. «Начался новый этап в истории борьбы ППР и польского народа,— пишет Ф. Юзвяк.— Образование КРН явилось новой победой нашей партии, свидетельствующей о том, что наша партия сумела объединить вокруг своей единственно правильной политической программы самые здоровые элементы польского общества, что влияние партии и её авторитет, завоёванный бескомпромиссной борьбой и правильной, последовательной политикой, опирающейся на принципы марксизма-ленинизма, а также преданностью партии делу трудящихся масс, делу независимости Польши, росли с каждым днём. Создание КРН открыло новую страницу в истории борьбы польского рабочего класса за власть» (стр. 146).

Благодаря деятельности Крайовой рады народной самоотверженная борьба польского народа против оккупантов поднялась на более высокую ступень, приняла более мощный размах.

После создания Крайовой рады народной в порядок дня стала задача объединения всех прогрессивных сил народа вокруг революционной партии рабочего класса в боевом общенациональном фронте борьбы за независимость и политической изоляции буржуазии и помещиков.

В этот ответственный для судеб польского народа момент группа Гомулки предложила вступить в переговоры через Центральный комитет людовой с Радой едности народной, выражавшей интересы крупной буржуазии и помещиков. Разоблачая антинародную позицию группы Гомулки, Ф. Юзвяк пишет: «На этом историческом повороте, которым для нашей партии несомненно был период 1943—1944 гг., когда перед ППР встала задача подготовки трудящихся масс к непосредственной борьбе за власть,— на этом историческом повороте обнаружились оппортунистически-националистические тенденции группы Гомулки» (стр. 154).

Группа Гомулки, считая, что в общенациональный фронт борьбы должна быть включена польская буржуазия и помещики, предлагала отказаться от лозунга гегемонии рабочего класса в общенациональном фронте борьбы. Стремясь осуществить свои предательские цели, группа Гомулки предлагала ликвидировать деятельность Крайовой рады народной и отказаться от борьбы за власть. Францишек Юзвяк в своей книге разоблачает подрывную деятельность группы Гомулки.

Особо подчёркивая историческую роль Советской Армии в освобождении польского народа из-под гитлеровского ярма, Ф. Юзвяк указывает: «Без победы Советской Армии, без разгрома ею гитлеризма не было бы независимой Польши и власти народа в ней» (стр. 164).

На освобождённой Советской Армией территории Польши были созданы условия, при которых трудящиеся массы под руководством рабочего класса и его авангарда — Польской рабочей партии — могли взять власть в свои руки и, опираясь на помощь и поддержку Советского Союза, приступить к восстановлению народного хозяйства, к строительству народно-демократической Польши.

21 июля 1944 г. Крайова рада народа приняла декрет о создании на освобождённой Советской Армией части страны Польского комитета национального освобождения как центрального органа народной власти, власти рабочих и крестьян. 22 июля Польский комитет национального освобождения выпустил обращённый к польскому народу манифест, в котором были сформулированы основные задачи народно-демократической власти — программа строительства новой, демократической Польши. Манифест Польского комитета национального освобождения является документом огромного исторического значения, свидетельством переломного этапа в жизни польского народа. Характеризуя значение манифеста, Болеслав Берут указывает: «Этот важнейший исторический документ открывает новую эпоху в истории нашего народа и госу-

дарства — эпоху могучего подъема Польши, великого возрождения народа и величайших социальных преобразований за всю тысячелетнюю историю нашего народа и государства»⁴. В манифесте указывалось, что Крайова рада народов является временным парламентом страны; Польскому комитету национального освобождения, выполнявшему функции правительства, поручалось руководство освободительной борьбой народных масс и восстановлением экономической жизни страны после освобождения Польши от гитлеровских захватчиков.

Сложные и ответственные задачи встали перед Польской рабочей партией после освобождения Польши от гитлеровских захватчиков. Страна была разорена, свыше 20 тыс. промышленных предприятий были уничтожены либо повреждены, большой ущерб был нанесён сельскому хозяйству. Потребовалась большая организаторская и политико-воспитательная работа партии для мобилизации трудовых усилий народных масс на восстановление народного хозяйства перенесшей огромные страдания страны. В результате самоотверженного труда народных масс и в первую очередь польского рабочего класса Польская рабочая партия за сравнительно короткий срок добилась больших успехов в области экономического восстановления Польши. Францишек Юзвяк, подчёркивая роль народной власти в ликвидации хозяйственной разрухи, пишет: «Только народная власть, власть рабочего класса, стоящего во главе трудящихся масс, которая ликвидировала помещичье землевладение и крупный капитал, которая уничтожила старый строй и в острой борьбе с классовым врагом создала новый общественный строй, могла двинуть и победоносно довести до конца важное дело быстрого восстановления страны» (стр. 205).

Автор подчёркивает огромное значение бескорыстной помощи Советского Союза в восстановлении народного хозяйства Польши: «Дипломатическая, экономическая и военная помощь Советского Союза дала возможность добиться независимости, избежать политического и экономического подчинения империалистическим западным государствам» (стр. 171).

21 апреля 1945 г. был подписан Советско-Польский договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. Этим договором был сделан огромный вклад в дело укрепления мира во всём мире. «...Договор является,— указывает И. В. Сталин,— залогом независимости новой демократической Польши, залогом её могущества, её процветания»⁵.

«Договор 21 апреля 1945 г. о дружбе, взаимопомощи и сотрудничестве между Польшей и СССР,— подчёркивает Болеслав Берут,— это великий исторический документ совершенно необычного значения для обоих государств, которые этот договор подписали. Но для нас — для Польши, этот договор имеет особенное значение. Он является порукой нашей государственной самостоятельности, нашего прочного мирного развития, он является гарантией нашей независимости»⁶.

Деятельность Польской рабочей партии и молодой народной власти демократической Польши развивалась в послевоенный период в условиях острой классовой борьбы с внутренней реакцией, опиравшейся на поддержку американско-английских империалистов. Францишек Юзвяк показывает преступную роль американско-английского империализма — вдохновителя и опоры внутренней реакции. Американско-английские империалисты стремились восстановить в Польше власть капиталистов и помещиков и использовать Польшу как базу для реализации своих антисоветских планов.

Путём саботажа и диверсий, бандитских налётов и вредительства польская реакция пыталась сорвать успехи народной власти, достигнутые в результате произведённых в стране социально-экономических преобразований.

В первые годы после войны Польская рабочая партия сконцентрировала своё внимание на задачах политического укрепления народной власти, экономического восстановления народного хозяйства, осуществления глубоких социально-экономических преобразований. Проведение народной властью земельной реформы и та роль, какую при этом играл рабочий класс во главе с Польской рабочей партией, убеждали широкие массы трудового крестьянства в том, что рабочий класс является действительным

⁴ «Пять лет народной Польши», стр. 7. Москва. 1951.

⁵ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 183.

⁶ «Clos ludu» № 109 от 21 апреля 1948 года.

другом трудового крестьянства. Это способствовало укреплению союза рабочих и крестьян при руководящей роли в этом союзе рабочего класса.

В декабре 1945 г. состоялся Первый съезд Польской рабочей партии. Съезд отметил первые успехи победившего в стране народно-демократического строя и наметил новые задачи по строительству народно-демократической Польши. Характеризуя значение решений Первого съезда Польской рабочей партии, Францишек Юзвьяк пишет: «Съезд подтвердил правильность отвечающей интересам рабочего класса и всего польского народа политической линии партии в период оккупации, линии, направленной на развертывание вооруженной борьбы против гитлеровских захватчиков, линии решительного отпора лондонской эмигрантской клике, линии неуклонной защиты союза и дружбы с СССР. Съезд подтвердил правильность политической линии партии, проводившейся в период после освобождения страны, линии, направленной на укрепление единого фронта польского рабочего класса путем сотрудничества с обновленной ППС, линии, направленной на укрепление рабоче-крестьянского союза, единства демократического блока с участием ППС, Стронництво людове, Стронництво демократичне, линии, направленной на формирование демократического национального фронта против польской и иностранной реакции» (стр. 216).

Съезд признал необходимым осуществить национализацию крупной и средней промышленности, транспорта и банков и подчеркнул значение дальнейшего укрепления рабоче-крестьянского союза. Съезд наметил мероприятия по оказанию государственной помощи бедному и среднему крестьянству. Решения съезда призывали массы к усилению борьбы против помещичье-капиталистической реакции и её антинародной, антинациональной политики.

В связи с подготовкой к выборам в сейм реакция активизировала свою подрывную деятельность. Главным стремлением реакции было разбить избирательный блок демократических партий. Польская рабочая партия разгадала план объединившейся вокруг Миколайчика реакции, а также враждебные действия поддерживавших Миколайчика правых элементов ППС.

Разоблачая вражеские планы Миколайчика, Францишек Юзвьяк пишет: «От американского госдепартамента и английского министерства иностранных дел Миколайчик получил задание мобилизовать в Польше все реакционные силы для борьбы за свержение народной власти» (стр. 222). Уже первые дни пребывания Миколайчика в Польше ясно показали, что вокруг него начали концентрироваться все реакционные силы, враждебно настроенные по отношению к народной власти в Польше.

Польская рабочая партия мобилизовала трудящиеся массы на борьбу за полный разгром реакции, за укрепление народной власти, за движение вперед, к социализму. Польская рабочая партия парализовала все попытки клики Миколайчика, пытавшейся ослабить позиции демократического лагеря и проложить путь для восстановления капитализма в Польше. Разгром реакционного подполья нарушил все планы клики Миколайчика, пытавшейся терроризировать польскую деревню.

Показателем успехов Польской рабочей партии и роста её авторитета в народных массах явился всенародный референдум 1946 г., проведенный блоком демократических партий во главе с ППР. Референдум явился важным этапом в подготовке окончательного разгрома клики Миколайчика в период выборов в сейм в январе 1947 года. Результаты референдума показали, что Польская рабочая партия пользуется огромной поддержкой народных масс. Победа блока демократических партий на выборах в сейм была победой польского рабочего класса, а также победой трудящихся крестьян и трудовой интеллигенции. Эта победа народа открыла новый этап в развитии народно-демократической Польши. Новое правительство Польской республики, избранное сеймом, было властью народа во главе с рабочим классом. Борьба рабочего класса и широких народных масс Польши за дальнейшее упрочение и развитие народной власти вступала в новый исторический этап.

Определяя политическую линию развития народного хозяйства Польши по пути к социализму, Польская рабочая партия поставила задачу индустриализации страны и на её основе перестройки сельского хозяйства путём производственного кооперирования деревни, ограничения и вытеснения капиталистических элементов из всех областей экономики. Это не могло не вызвать обострения классовой борьбы и активизации капиталистических элементов в стране. Подняли голову правые элементы ППС. Они

пытались помешать идейному сближению и сотрудничеству левых элементов ППС с Польской рабочей партией, пытались углубить раскол единого фронта польского рабочего класса и тем облегчить реакции борьбу за реставрацию капитализма в Польше. Характеризуя позицию Польской рабочей партии в этом вопросе, Ф. Юзвьяк пишет: «ППР повела решительную борьбу с явными и скрытыми врагами единства польского рабочего класса, разоблачая их враждебную деятельность по отношению к лагерю демократии, изолируя их от рабочих масс. ППР сотрудничала с левыми элементами ППС, которые последовательно поддерживали линию, направленную на единство рядов рабочего класса. Борясь с проявлениями враждебной идеологии, ППР усиливала свою солидарность и сотрудничество с левым крылом руководства обновленной ППС. Этим самым ППР подготавливала условия для объединения с ППС, чтобы создать объединенную рабочую партию польского пролетариата на основе принципов марксизма-ленинизма» (стр. 250).

Благодаря решительной борьбе Польской рабочей партии против правонационалистических элементов ППС как врагов единства польского рабочего класса активизировалось левое крыло ППС; оно усилило борьбу за очищение рядов партии от враждебных элементов. Пленум Главного совета ППС, состоявшийся в июне 1947 г., принял решение о тесном сотрудничестве с Польской рабочей партией. Это решение было результатом возросшего стремления рабочих масс к объединению рабочих партий, результатом борьбы Польской рабочей партии с враждебной идеологией, представителями которой выступали правонационалистические элементы ППС.

В обстановке обострения классовой борьбы, под напором мелкобуржуазной стихии, активизации капиталистических элементов в стране проявился рецидив правого и националистического уклона в Польской рабочей партии. Правонационалистическая группа в ППР, возглавляемая Гомулкой, выступила с оппортунистической, предательской концепцией. Группа Гомулки отрицала обострение классовой борьбы в стране. Гомулковцы выступали за усиление развития кулацких хозяйств в деревне, за сохранение капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Руководимое Гомулкой министерство Западных земель стало пристанищем для всякого рода агентов иностранных разведок. Орудовавший в рядах Войска польского гомулковец Спыхальский насаждал в армии шпионов, сторонников «санационного» режима. Саботируя решения Информбюро коммунистических и рабочих партий, Гомулка занял буржуазно-националистическую позицию, направленную против международной солидарности пролетариата. «Особенно вредную деятельность,— пишет Ф. Юзвьяк,— Гомулка и его сторонники проводили на идеологическом фронте. Принося роль марксизма-ленинизма как единственно научного мировоззрения, указывающего путь борьбы всем революционным рабочим партиям, игнорируя огромный опыт ВКП(б), как образец для всех коммунистических партий, Гомулка и гомулковцы пытались заменить марксизм-ленинизм какой-то смесью «теориек», которые были не чем иным, как разновидностью буржуазно-националистических концепций правого крыла ППС» (стр. 260).

Решающее значение в разоблачении правого и националистического уклона в Польской рабочей партии сыграла историческая резолюция Информбюро «О положении в компартии Югославии». Используя опыт Коммунистической партии Советского Союза, вооружённая исторической резолюцией Информбюро, Польская рабочая партия начала решительную борьбу против гомулковщины.

Июльский и августовский пленумы ЦК Польской рабочей партии (1948 г.) разоблачили правонационалистический уклон и его носителей. Характеризуя значение этих пленумов для партии, Францишек Юзвьяк пишет: «С июльского и августовского пленумов ППР вышла обогащенной, еще более сильной, с ясной ленинской перспективой о путях развития Польши, в том числе и о путях развития сельского хозяйства, с ясной, опирающейся на марксизм-ленинизм основой платформы, касающейся объединения с ППС; Польская рабочая партия вышла с июльского и августовского пленумов еще более крепкой и идейно вооруженной, чем когда-либо, подготовленной для выполнения тех ответственных задач, которые стояли перед ней на новом этапе строительства основ социализма в Польше» (стр. 266). Августовский пленум Центрального Комитета Польской рабочей партии, опираясь на принципы марксизма-ленинизма, наметил идеологические основы будущей Польской объединённой рабочей партии, наметил перспективу движения народной Польши вперёд, по пути к социализму.

15 декабря 1948 г. на Объединительном съезде ППР и ППС состоялось историческое объединение польских рабочих партий, положившее навсегда конец расколу в польском рабочем движении.

В решениях Объединительного съезда рабочих партий были намечены основные задачи народной власти на ближайший период: индустриализация страны, упрочение рабоче-крестьянского союза, социалистическое переустройство сельского хозяйства путём развития производственной кооперации, улучшение благосостояния рабочего класса и всего польского народа, подъём национальной культуры, воспитание и подготовка кадров, усиление экономической мощи и обороноспособности страны путём победоносного выполнения шестилетнего плана — плана строительства основ социализма в Польше.

Прошло 10 лет со времени возникновения Польской рабочей партии. Это были годы самоотверженной борьбы и побед польского рабочего класса, возглавляемого ППР и ПОРП.

«Наша борьба продолжается с неослабной силой,— пишет, заканчивая свою книгу, Францишек Юзьвяк.— Мы строим новое здание нашего будущего, здание социализма в условиях острой классовой борьбы, в борьбе с остатками капиталистических элементов, в борьбе со шпионами и диверсантами, засылаемыми в нашу страну англо-американскими империалистами, в борьбе с большими пережитками буржуазной идеологии в сознании людей. В этой борьбе наша партия, преодолевая трудности, имеет большие достижения... Реализация великого дела дальнейшей большевизации партии требует от нас еще больших усилий, которых мы не будем жалеть, беря за образец партию Ленина — Сталина» (стр. 285).

Советский читатель найдёт в книге Францишка Юзьвяка богатый материал о важнейших событиях борьбы польского народа против фашистских захватчиков и польской реакции, о том, как польский народ, создав народно-демократическое государство и опираясь на всестороннюю бескорыстную помощь и поддержку Советского Союза, под руководством Польской объединённой рабочей партии строит фундамент социализма в своей стране.

И. А. Хренов

РЕЦЕНЗИИ

История СССР

«Труды» Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б), т. XVII.
Баку. 1952. 172 стр.

Азербайджанский филиал ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) XVII том своих «Трудов» посвятил 50-летию выхода в свет первого номера сталинской газеты «Брдзола».

Газета «Брдзола», лучшая после ленинской «Искры» марксистская газета в России, блестяще отстаивавшая теоретические основы революционного марксизма и задачи революционной борьбы пролетариата, сыграла выдающуюся роль в истории нашей партии.

Рассматриваемый том «Трудов» открывается выдержкой из статьи товарища Сталина «От редакции», опубликованной в № 1 газеты «Брдзола». Затем приведены выдержки из книг Л. П. Берия «К вопросу

об истории большевистских организаций в Закавказье» и М. Д. Багирова «Из истории большевистских организаций Баку и Азербайджана», характеризующие газету «Брдзола».

Статья Г. Мамедова «И. В. Сталин — основоположник большевистских организаций Закавказья» посвящена краткой характеристике экономической и социально-политической жизни Закавказья в 90-х годах XIX века. Автор показывает, как под влиянием революционного движения русского пролетариата рабочие Закавказья вступают на путь революционной борьбы.

Характеризуя деятельность первой социал-демократической организации «Меса-

ме-даси», Г. Мамедов показывает, что только со вступлением в неё в 1898 г. товарища Сталина и при участии его соратников Ладю Кецховели и Александра Цулукидзе создаётся революционное меньшинство «Месаме-даси», которое повело ожесточённую борьбу с оппортунистическим большинством против всяких извращений революционного марксизма; это революционное меньшинство «Месаме-даси» явилось ядром РСДРП ленинско-искровского направления в Закавказье.

Автор статьи рассказывает о кипучей революционной деятельности революционного меньшинства «Месаме-даси» во главе с И. В. Сталиным. Под её руководством проходили забастовка тифлисских железнодорожных мастерских в 1898 г., первомайская демонстрация в Тифлисе 1900 г., грандиозная забастовка в августе 1900 г. рабочих тифлисских железнодорожных мастерских и депо, первая в Закавказье политическая первомайская демонстрация тифлисского пролетариата 22 апреля 1901 г. и другие выступления рабочих.

В статье показано, как центральная социал-демократическая группа тифлисских организаций, возглавляемая товарищем Сталиным, осуществляла, подобно руководимому Лениным петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса», соединение социализма с рабочим движением.

На первой конференции тифлисских социал-демократических организаций, созванной под руководством товарища Сталина 11 ноября 1901 г., был избран первый тифлисский комитет РСДРП ленинско-искровского направления, который возглавил товарищ Сталин.

Особенно подробно останавливается автор статьи на деятельности революционной социал-демократической организации крупного промышленного центра России — Баку, созданной и руководимой товарищем Сталиным.

Придавая особенно большое значение революционной борьбе бакинских рабочих, товарищ Сталин направлял в Баку для революционной работы наиболее опытных своих соратников и учеников. В 1901 г. по прямому указанию товарища Сталина Ладю Кецховели создал первый Бакинский комитет РСДРП ленинско-искровского направления, организовал нелегальную типографию «Няна», имевшую крупнейшее значение не только для кавказской социал-демократии, но и для всей российской революционной

социал-демократии в целом. В этой типографии перепечатывались номера ленинской «Искры», печаталась сталинская газета «Брдзола».

В статье показано огромное теоретическое и историческое значение руководящих статей товарища Сталина, опубликованных в газете «Брдзола».

На заре XX в. под руководством товарища Сталина и его верного соратника Ладю Кецховели бакинские искровцы превратили Баку в один из опорных пунктов ленинской «Искры», в крепость революционной социал-демократии Закавказья.

По решению Тифлисского комитета РСДРП осенью 1901 г. товарищ Сталин выехал в Батуми и за короткое время создал Батумский комитет РСДРП, развернул революционную борьбу батумского пролетариата, высоко оценённую ленинской «Искрой».

На основе большого фактического материала автор статьи рассказывает о возникновении в начале XX в. под руководством Тифлисского и Бакинского комитетов, а позднее Кавказского союзного комитета, возглавляемых товарищем Сталиным, социал-демократических групп и организаций в Армении (Эривани, Александрополь, Карсе и др.).

В марте 1903 г. на Первом съезде кавказских социал-демократических организаций был создан Кавказский союз РСДРП, объединивший все социал-демократические организации Закавказья. Товарищ Сталин, находившийся в это время в тюрьме, был заочно избран членом Кавказского союзного комитета РСДРП.

Большевистские организации Закавказья, созданные и руководимые великим Сталиным, воспитали и сплотили под знаменем большевизма рабочих и крестьян Закавказья, подготовив их к грядущим революционным боям.

В статье А. З. Дадашлы «Брдзола» — лучшая после ленинской «Искры» марксистская газета в России» раскрывается идейное богатство сталинской газеты и неразрывная связь её с идеями ленинской «Искры».

В своих программных статьях, опубликованных в газете «Брдзола», товарищ Сталин, гениально предвидя надвигающуюся первую русскую буржуазно-демократическую революцию, отстаивал самостоятельность рабочего движения, поднимал пролетариат на сознательную политическую борьбу, обосновывал и пропагандировал ленинскую

идею гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, обосновывал идею диктатуры пролетариата. Разъясняя рабочим стоявшие перед ними задачи, «Брдзола» указывала способы борьбы пролетариата против царизма и капитализма, подчёркивала необходимость единства борющихся рабочих, раскрывала роль политических и экономических стачек, уличных демонстраций, с помощью которых социал-демократы готовили массы к революции.

Вслед за ленинской «Искрой» сталинская «Брдзола» боролась за создание единой, сплочённой, боевой партии рабочего класса, ставя перед ней задачу свержения самодержавия, уничтожения гнёта и несправедливости, осуществления диктатуры пролетариата и построения социализма.

Борясь вместе с ленинской «Искрой» за создание партии нового типа, сталинская «Брдзола» неустанно громила и разоблачала «экономистов», «легальных марксистов», буржуазных националистов, разоблачала порочность и вредность эсеровской программы и тактики, разъясняла вред, приносимый рабочему движению террором.

В статье подчёркиваются особые заслуги газеты «Брдзола» в интернациональном воспитании трудящихся, укреплении дружбы народов Закавказья, их единении с великим русским народом. «Брдзола» широко освещала революционные выступления крестьян Грузии, призывала их протянуть братскую руку пролетариату, пробуждала в крестьянстве сознание своей роли в приближающейся революции, звала его на самоотверженную борьбу под руководством пролетариата против царизма, помещиков и капиталистов.

На основе фактического материала показана огромная роль газеты «Брдзола» не только для грузинского рабочего класса, но и для рабочих всех национальностей Закавказья, в частности для пролетариата Баку.

Однако не все важнейшие вопросы истории и теории партии, поставленные и решённые газетой «Брдзола», раскрыты в этой статье.

Не показано, что вслед за «Искрой» «Брдзола» ставила своей задачей систематическое обличение царского самодержавия, что она считала необходимым откликаться на каждое общественное явление, поднимать на политические выступления все слои населения, так или иначе угнетавшиеся самодержавием. Не говорится ничего и о

том, что «Брдзола» уделяла внимание и студенческому движению, посвятив этому вопросу специальную статью (№ 2—3).

Автор статьи ничего не сказал об опубликованной в газете «Брдзола» (№ 2—3) большой статье «Рабочее движение на Кавказе в 1899—1901 гг.», посвящённой развитию рабочего движения на Кавказе, вопросу перехода к широкой политической агитации в массах и насыщенной богатым фактическим материалом.

Не вскрыто в нужной мере содержание приложения к газете «Брдзола» — «Листка «Брдзолы».

Всё это серьёзные недостатки статьи.

В статье «Издание и распространение «Брдзолы» М. С. Искендеров собрал весьма интересные неизвестные архивные и литературные материалы.

Он рассказывает об исключительно последовательной и настойчивой работе, которую, начиная с 1898 г., проводил товарищ Сталин по подготовке к изданию нелегальной газеты. М. С. Искендеров показывает, с каким мастерством выполнял сложные и трудные задачи, связанные с организацией подпольной типографии, верный друг и соратник товарища Сталина, выдающийся организатор революционного подполья Ладос Кецохели. Оборудование помещения бакинской подпольной типографии «Нина», приобретение печатной машины, изготовление и доставка шрифтов, бумаги, распространение отпечатанной нелегальной литературы — каждая из этих операций была героическим подвигом закавказских революционных социал-демократов, блестяще осуществлявшимся под руководством товарища Сталина.

В статье показана многосторонняя работа закавказских искровцев по распространению среди рабочих и крестьян края революционной литературы — ленинской «Искры», сталинской «Брдзолы», листовок, прокламаций, брошюр.

К сожалению, автор не использовал полностью архивные, литературные и мемуарные источники для более широкого показав распространения газеты «Брдзола» и искровской литературы, для показа тех многообразных способов, которыми распространялась нелегальная литература.

О жизни и деятельности пламенного пролетарского революционера Ладос Кецохели рассказывает статья Алиовсат Гулиева.

Автор статьи подробно передаёт биографические данные Ладос Кецохели, рассказывает о его детских и юношеских годах, об

учёбе в Горийской, а затем в Тбилисской и Киевской духовных семинариях, проследивает, как с раннего детства зрело в нём революционное мужество, пламенная любовь к трудящимся и непоколебимая решимость целиком отдаться борьбе за победу рабочего класса.

В статье показано, как под непосредственным руководством товарища Сталина Ладо Кецохели проходит суровую школу революционного подполья, закаляется в борьбе, приобретает навыки умелого конспиратора, становится подлинным революционером-профессионалом.

Неутомимая работа пламенного революционера в Баку по воспитанию и сплочению бакинских революционных социал-демократов, по созданию подпольной типографии и организации транспортировки искровской литературы нашли в статье особенно подробное и глубокое освещение. Привлекая архивные, мемуарные источники, донесения жандармского управления, собрав ценнейший фактический материал, автор воссоздал яркий образ мужественного, благородного рыцаря революции — Ладо Кецохели, революционера ленинско-сталинской школы, вся жизнь которого была эпопеей героической борьбы в условиях большевистского подполья.

В статье «Бакинская подпольная типография «Нина» И. Я. Макеев проследивает деятельность типографии со дня её основания (1901 г.) до января 1906 г., когда по решению ЦК партии типография «Нина» была ликвидирована, а её оборудование перевезено в Петербург. В Петербурге же в партийной легальной типографии продолжали свою деятельность почти все работники «Нины».

Автор подробно рассказывает о создании и постепенном совершенствовании подпольной типографии «Нина», указывает все пункты в Баку, где она функционировала (типография трижды меняла своё местонахождение), рассказывает о режиме и организации труда в типографии, об исключительной конспирации её работников.

В статье даётся перечень тиражей печатавшейся в типографии нелегальной литературы.

Привлекая переписку редакции «Искры» с кавказскими искровцами, документы III съезда партии, мемуарную литературу, автор в своей статье показал, что типография «Нина» вскоре превратилась в центральную партийную типографию, обслуживавшую ленинскую «Искру» и снабжав-

шую своими изданиями Москву, Петербург, Астрахань, Самару, Казань, Минск, Кострому, Борисоглебск, Тверь, Воронеж и другие города России.

В статье показано, как под непосредственным руководством Ленина и Сталина в типографии «Нина» была организована перепечатка с матриц номеров «Искры», высылавшихся Лениным из-за границы в Баку.

Большое внимание в статье уделяется вопросу организации транспортировки «Искры» и искровской литературы из-за границы в Баку и далее в Россию по маршрутам Вена — Тавриз — Баку и Марсель — Батуми — Баку.

В статье А. Г. Саркисовой «Музей «Подпольная типография «Нина»» описываются экспозиции Музея, находящегося в Баку на бывшей 1-й Параллельной (ныне Искровской) улице, в доме № 102, где в 1903—1905 гг. помещалась центральная партийная типография «Нина».

Статьи, опубликованные в «Трудах», освещают важнейшие вопросы, связанные с историческим значением газеты «Брдзола» в создании партии нового типа, показывают роль товарища Сталина — создателя, организатора и вдохновителя газеты «Брдзола». Впервые использованы весьма интересные и важные архивные источники.

Однако следует отметить, что отдельные статьи недостаточно согласуются между собой. Редакция при тщательной работе могла бы избежать повторений, особенно во вводных частях статей.

В XVII томе «Трудов», кроме статей, посвящённых газете «Брдзола», публикуются и документы, раскрывающие значение газеты (стр. 124—172).

Здесь помещены статьи и заметки, опубликованные в газете «Брдзола» и переведённые на азербайджанский язык (стр. 125—134).

Впервые публикуются на русском языке извлечённые из архивов Грузинского и Азербайджанского филиалов ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) некоторые прокламации Тифлисского и Бакинского комитетов РСДРП ленинско-искровского направления, изданные в 1901—1902 годах.

В «Трудах» опубликованы отрывки из воспоминаний С. Аллилуева, Вано Кецохели, Г. Нинуа, Г. Лелашвили, характеризующие работу типографии «Нина» и рассказывающие о распространении газеты «Брдзола» (стр. 151—157).

Большая часть помещённых в «Трудах»

документов публикуется впервые. Эти документы показывают неутомимую борьбу руководимых товарищем Сталиным революционных социал-демократов Закавказья за создание нелегальной марксистской печати в Закавказье.

За публикацией документов, связанных с газетой «Брдзола», следует публикация документов полиции и жандармов, извлечённых из разных архивов СССР. Эти документы показывают степень распространения «Брдзолы» и искровской литературы в Закавказье. дают возможность определить, в какие населённые пункты и в какие слои населения попадала искровская литература. Кроме того они дают возможность изучить некоторые вопросы техники подпольной типографии «Нина».

Эти документы не лишены интереса в качестве дополнительного материала для изучения распространения «Брдзолы» и искровской литературы, подпольной печатной техники. Но редакция «Трудов» допустила ошибку, опубликовав их как раздел «Трудов», а не в виде приложения.

★

Азербайджанский филиал ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) выпуском «Трудов», посвящённых 50-летию сталинской газеты «Брдзола», внёс посильную лепту в дело изучения одного из важнейших вопросов истории нашей героической партии: роли и значения ленинско-сталинской нелегальной печати, роли газеты «Брдзола» в создании партии нового типа, в создании и укреплении ленинско-сталинской партии.

В «Трудах» раскрыто идейное богатство газеты «Брдзола», теснейшая идейная и организационная связь ленинской «Искры» и сталинской «Брдзолы», показана огромная идейная и организационная работа, проведённая под руководством товарища Сталина по пропаганде, защите и развитию идей Ленина, по защите ленинско-искровской линии в строительстве партии нового типа для руководства надвигающейся русской революцией.

XVII том «Трудов» Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) — весьма полезное и нужное пособие для каждого, кто изучает историю нашей партии, историю нашего народа.

Ш. И. Чивадзе

А. Г. МАНЬКОВ. *Цены и их движение в Русском государстве XVI века.* Академия наук СССР. Институт истории — Ленинградское отделение. Издательство Академии наук СССР. М.-Л. 1951. 273 стр.

История цен в России является весьма важным разделом нашей экономической истории. Без изучения истории цен невозможно исследование развития товарного производства в феодальной России, которое, как указывает И. В. Сталин, хотя и не привело к капитализму, всё же «подготовило некоторые условия для капиталистического производства»¹. Без изучения истории цен немислимо исследование процесса зарождения и формирования всероссийского рынка, складывание которого В. И. Ленин относит примерно к XVII веку. Между тем история цен является у нас забытым участком исторической науки. Поэтому следует признать научно актуальной избранную А. Г. Маньковым тему исследования.

Книга А. Г. Манькова состоит из двух неравных частей, меньшая из них представляет собой очерк «Цены на продукты сельского хозяйства, промыслов и изделия ремесла в Русском государстве XVI в.», большая — содержит разнообразный табличный материал. В последнем следует особо выделить два вида таблиц: таблицы товарных цен, материалы для которых автор извлёк из многочисленных источников, и индексные таблицы, построенные автором путём статистической обработки абсолютных данных.

Кроме того книга снабжена приложениями, состоящими из небольшого этюда «Цены на бумагу», описаний приходных и расходных книг монастырей XVI в. и указателей к этим описаниям (указатель монастырей и хронологический).

Книга обладает целым рядом несомнен-

¹ И. Сталин Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 15. Госполитиздат. 1952.

ных достоинств. Прежде всего следует указать на то, что с её выходом в научный оборот вводится громадное количество нового фактического материала. Мы имеем в виду таблицы цен (в абсолютных выражениях) на различные продукты сельскохозяйственного, промыслового и ремесленного производства. Обращает на себя внимание стремление автора дать сведения о ценах по возможно большему ассортименту продуктов, в той или иной степени подвергшихся процессу товаризации. Так, А. Г. Маньков включает в таблицы цены на основные виды зерновых хлебов, на лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, мясные и молочные продукты, животное масло, сено, лён, коноплю, рыбу и рыбопродукты, продукты бортничества и смолокурения, различные виды скорняжных изделий, соль, различные металлы и изделия из металла (топоры, гвозди, котлы, колокола и др.), сельскохозяйственный инвентарь, различные сорта пряжи и ткани, всевозможные виды одежды, различные кожи, изделия сапожного ремесла и на многое другое.

Всеяческого одобрения заслуживает то, что основное внимание в системе таблиц А. Г. Манькова уделено ценам на хлеб.

Для составления указанных таблиц необходимо было исследовать огромное количество разнообразнейших изданных, а в большинстве случаев неизданных источников. Автор использовал данные 243 приходных и расходных книг монастырей, летописи, писцовые книги, актовые материалы и грамоты, свидетельства иностранцев о России, Торговую книгу, вкладные и кормовые книги монастырей. При этом показания источников обработаны автором в соответствии с задачами, поставленными им при составлении таблиц. Следует указать, что все этапы работы по составлению таблиц цен в абсолютных выражениях проделаны А. Г. Маньковым с большой тщательностью и мастерством. Специалисты по экономической истории будут обращаться к собранному А. Г. Маньковым материалу как к богатому источнику. В этом, по нашему убеждению, заключается основное достоинство рецензируемой книги.

В заслугу А. Г. Манькову следует поставить и то, что он впервые в советской исторической литературе по феодальному периоду истории России сделал принципиально важную попытку статистической обработки цифрового материала, ибо, как он справедливо отмечает, «научное разрешение вопроса истории цен возможно только при условии

максимального приближения к индексному методу современной статистики»² (стр. 8). Следует, однако, оговорить, что на этом пути автор терпит ряд неудач в вычислении групповых индексов, о чём речь пойдёт ниже. Однако широко применяемое в книге построение индивидуальных индексов цен не только оправдано, но и составляет одно из её достоинств. Именно благодаря этому А. Г. Манькову удалось исчерпывающе обосновать главный вывод книги — о непрерывном повышении товарных цен в Русском государстве в течение XVI века.

Разрешение этого вопроса, весьма важного для дальнейшего изучения истории и экономики России XVI в., приобретает ещё большее значение, если учесть, что до выхода в свет книги А. Г. Манькова в науке не высказывалось сколько-нибудь удовлетворительно аргументированных мнений на данную тему. Предположения В. О. Ключевского³ и Н. А. Рожкова⁴ не могут идти в счёт как по причине применённой ими неверной методики исследования истории цен, так и потому, что оба они опирались на ограниченный, несистематизированный и в большой степени случайный материал.

Выяснив тенденцию движения товарных цен в изучаемый период, А. Г. Маньков предпринял попытку рассчитать величину установленного им подъёма цен вначале для каждого товара в отдельности, а затем в общем на продукты сельского хозяйства и промыслов и на изделия ремесла. Несмотря на приблизительность полученных данных, этот расчёт также следует признать в основном удачным.

В книге имеется и целый ряд частных исследовательских удач, к числу которых относится, например, выяснение роли сезонных колебаний цен на хлеб и системы таможенных платежей в процессе ценообразования (стр. 37—39) или установление одной и той же причины (хозяйственный кризис 80-х годов и преодоление его в 90-е годы) для различных, даже противоположных тенденций в движении цен на хлеб и рабочий скот в последние десятилетия XVI века (стр. 45).

² Индексами цен называются в статистике числа-показатели, служащие для измерения динамики уровня цен.

³ В. Ключевский. Русский рубль XVI—XVIII вв. в его отношении к нынешнему. «Опыты и исследования». Первый сборник статей, стр. 107—183. П. 1918.

⁴ Н. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М. 1899.

Отмечая положительные стороны книги А. Г. Манькова, следует указать, однако, и на наличие в ней ряда недостатков. Это прежде всего — применение ошибочных приёмов при статистической обработке материала, а также недочёты исторического и источниковедческого характера.

Ошибочность применённого А. Г. Маньковым приёма построения групповых индексов для всего Русского государства выражается прежде всего в том, что их выведение является результатом операций с разным количеством индивидуальных индексов. В таблице на стр. 114—115 показаны индексы цен по отдельным районам за 59 лет. Число относительных величин на каждый из пяти пунктов распределяется следующим образом: по Холмогорам — 39, по Волоколамску — 33, по Вологде — 17, по Москве — 10, по Новгороду и Пскову — 9. Таким образом, решающую роль для расчёта группового индекса играют индивидуальные показатели цен холмогорского и волоколамского рынков. Уже одно это свидетельствует о том, что такой групповой индекс не будет отражать явлений, свойственных экономике страны в целом. Однако в некоторых случаях, особенно относящихся к концу века, общий индекс выводится по трём, четырём и даже пяти пунктам. Такое отсутствие количественного единообразия составных частей общего индекса для каждого года неизбежно должно привести к серьёзным неточностям, безусловно искажающим представление о характере движения цен.

Совершенно недопустимым представляется нам приём, часто применяемый автором для установления групповых индексов цен. Так, половина групповых индексов цен (в таблице индексов на рожь 28 из 59) найдена автором следующим образом: «Если за какой-нибудь год сведения о ценах имеются только по одному из числа включённых в таблицу географических пунктов, а по другим отсутствуют, за общий групповой показатель цены условно берётся имеющийся индивидуальный индекс» (стр. 13—14). При этом в 9 из 28 указанных случаев за общий индекс принимается индивидуальный индекс холмогорского рынка, где цены были особенно высоки. Указанные способы установления групповых индексов цен, безусловно, сильно искажают картину движения цен в Русском государстве XVI века. Поиски лучших приёмов для выведения искомым автором общих показателей наталкиваются на отсутствие необходимых данных. Поэтому от групповых индексов, характеризующих дви-

жение цен в целом по Русскому государству, надлежит, по нашему мнению, отказаться.

К этому выводу, вытекающему из учёта особенностей используемого материала, необходимо прибавить и решающее соображение исторического характера. Как известно, в XVI в., особенно в его первой половине, ещё не было единого всероссийского рынка, не было, следовательно, и регулярных массовых интенсивных торговых связей между всеми или большинством пунктов государства. Для XVI в. можно говорить лишь о его более или менее развитых предпосылках, выражающихся, как нам представляется, кроме всего прочего, в наличии местных рынков и в установлении торговых связей между отдельными районами. Поэтому конструирование А. Г. Маньковым общерусских индексов цен на хлеб является приёмом формальным, лишённым реального исторического содержания, опережающим историческую действительность, а потому могущим лишь исказить представление о действительных процессах в экономике России XVI века.

Нам представляется, что для XVI в. рациональнее было бы применить иные статистические группировки. Укажу на некоторые из них.

Прежде всего необходимо было бы построить таблицы индексов цен, например, на хлеб, отдельно для каждого географического пункта. Тогда с количеством географических пунктов совпадёт число таблиц, в которых три горизонтальных ряда показателей будут соответствовать трём видам зерновых культур (рожь, овёс, ячмень).

Следующий этап — нахождение групповых индексов общей цены на хлеб по каждому пункту путём вычисления простой средней арифметической индивидуальных индексов. Применение такого рода приёма в данном случае вполне оправдано. Утверждение А. Г. Манькова, что соотношение между потреблением различных видов зерновых хлебов из года в год было одинаковым, представляются нам вполне аргументированным (стр. 13).

Исходя из этих группировок, можно построить производную сравнительную таблицу, в которой каждый горизонтальный ряд должен соответствовать групповому индексу цен на хлеб определённого местного рынка. Эта группировка строится путём сведения в одну таблицу итоговых строчек всех предыдущих таблиц.

И, наконец, последний этап — нахождение

средних индексов цен на хлеб или его отдельные виды по районам, между которыми совершается регулярный товарообмен, и для таких хронологических отрезков, в течение которых можно с уверенностью установить равное соотношение в потреблении хлеба между избранными для группировки географическими пунктами. Следует отметить, что этому этапу обязательно должна предшествовать тщательная работа по хозяйственно-географическому районированию.

Предложенные выше группировки отражают хозяйственное положение Русского государства XVI в., когда существовали местные рынки и между отдельными из них устанавливались уже более или менее регулярные торговые связи. Сравнительная характеристика этих местных рынков, исследование существовавших между ними связей — дело исторического анализа, неотъемлемого от всего предмета изучения.

Недоумение вызывает то обстоятельство, что А. Г. Маньков не анализирует источники с точки зрения выяснения вопроса о том, в какой мере обозначенные в них цены соответствовали действительным рыночным ценам в рассматриваемое время и в рассматриваемой местности. Как известно, К. В. Базилевич показал, что обозначенные в таможенных книгах XVII в. цены на продукты сельского хозяйства и ремесла не всегда соответствовали действительным рыночным ценам⁵. Цены, указанные в некоторых источниках XVI в. (писцовые книги, духовные грамоты, летопись), также не всегда соответствовали рыночным. Правда, основной источник, используемый А. Г. Маньковым, — приходо-расходные книги монастырей — даёт, несомненно, вполне надёжный материал о ценах.

Сплошная проверка правильности вычислений индексов на рожь и выборочная проверка других таблиц позволили вскрыть довольно значительное количество искажений в таблицах индексов, часть из которых надо отнести за счёт неоговорённых опечаток, часть — за счёт ошибок, допущенных автором. Так, в таблице индексов цен на рожь (таблица 2, стр. 114—115) из 167 индивидуальных и групповых индексов 30 оказались неверными, что составляет около 18% ошибочных показателей от всего количества имеющихся в таблице индексов. Укажем наиболее существенные из них. Судя по

таблице, индексы цен на рожь по Новгороду вычислялись из расчёта, что за 100 принимались цены 1593 г. (56 московских денег за четверть). Однако таким путём был найден лишь индекс за 1571 г. (112). При вычислении индексов за все другие годы (1500, 1504, 1524, 1543, 1544) в качестве базисного принимался не 1593, а 1589 (80 московских денег за четверть), хотя в таблице в соответствующей графе находим неизвестно откуда взявшийся индекс 157 (правильно 143, из расчёта 1593 г. = 100). В результате в таблице вместо правильного ряда относительных величин по Новгороду

1500 г.	1504 г.	1524 г.	1543 г.	1544 г.	1571 г.	1589 г.	1593 г.	1600 г.
21	16	21	59	82	112	143	100	100

имеется следующий искажённый ряд (см. табл. 2, стр. 114—115):

1500 г.	1504 г.	1524 г.	1543 г.	1544 г.	1571 г.	1589 г.	1593 г.	1600 г.
15	11	15	41	62	112	157	100	100

Все эти неверные данные были автором затем перенесены в производные таблицы и вошли составной частью в общие индексы цен в целом по Русскому государству.

В той же таблице неверные индексы цен на рожь находим также по Холмогорам — за 1557, 1576, 1577, 1578 гг.; по Вологде — за 1585, 1597 гг., по Москве — за 1589 г., по Волоколамску — за 1550, 1557, 1560, 1561 гг., в графе «Общий индекс» — за 1584 год.

Выборочная проверка других таблиц показывает, что в них также имеются ошибки. В «Сводной таблице индексов цен на основные виды зерновых хлебов» (таблица 5), в графе «Овёс», под 1532 г. стоит показатель 23, который относится к 1536 году. В таблице «Индекс цен на лошадей» (таблица 10), в графе «Общий индекс по лошадям», под 1571 г. следует читать 40, а не 50. В таблице индексов цен на крупный и мелкий рогатый скот (таблица 11), в графе «Индекс по мелкому рогатому скоту», под 1597 г. ошибочно стоит 138, в то время как должно быть 133. В следующей таблице, «Сводная таблица индексов цен на скот» (таблица 12), этот же индекс равен 139, хотя здесь опять следует читать 133. В той же таблице, в графе «Мелкий рогатый скот»,

⁵ К. Базилевич. К вопросу об изучении таможенных книг XVII в. «Проблемы источниковедения». Сборник второй. М.-Л. 1936.

под 1566 г. находим лишний индекс 65. В таблице «Индексы цен на мясо» (таблица 14), в графе «Общий индекс», под 1574 г. значится 95, тогда как правильный индекс равен 90.

Эти ошибки и опечатки подрывают уверенность в правильности вычислений А. Г. Манькова. Но эти погрешности в отдельных вычислениях всё же невелики и не колеблют основных положений и выводов автора.

Много места в рецензируемом исследовании уделено выяснению причин, вызывавших периоды подъёма и падения цен. Однако автор иногда либо ограничивается замечаниями общего характера либо прибегает к недостаточно аргументированным предположениям. В этом отношении весьма показательно объяснение того, что обусловило понижение цен на хлеб в 60—70-х годах и их рекордно низкий уровень в середине 70-х годов: «60-е и 70-е годы XVI в. в истории Русского государства характеризуются хозяйственным ростом и внешнеполитическими успехами (начальный период Ливонской войны, Земский Собор 1566 г. и его отказ от мира с Польшей и т. д.). Естественно, что эти явления отразились на всех сторонах жизни русского общества в том числе и на рынке» (стр. 32). Оставляя в стороне вопрос о правильности такой оценки указанного периода, отметим лишь, что выводы автора, казалось бы, должны были относиться не только к хлебному, но и к другим рынкам. Однако данные о ценах на лошадей (стр. 134—135), крупный рогатый скот (стр. 136—137) сами по себе не подтверждают общих выводов автора. Таблица индексов цен на мясо (стр. 146) показывает непрерывный рост цен в течение всего XVI в., и никакого падения их в 60—70-е годы не наблюдается. Все таблицы, характеризующие цены на изделия ремесла, также не показывают какого-либо падения цен в 60—70-е годы. Сопоставление приведённых данных с выводом автора свидетельствует о том, что выяснение причин движения цен нельзя ограничивать несколькими замечаниями общего характера.

В некоторых случаях объяснения автора противоречат приводимому им же фактическому материалу. На стр. 32 читаем: «С начала 60-х годов цены на хлеб по Холмограм, Волоколамску и другим местам неуклонно снижаются». Между тем это утверждение может относиться только к Волоколамску. Холмогорский же рынок в период с 1560 по 1569 г. характеризуется

двумя довольно низкими индексами, относящимися к 1562 и 1564 гг., но не подтверждающими общий вывод автора о неуклонном падении цен в указанный период. По другим пунктам (Москва, Вологда) данных за это десятилетие совсем нет.

Рассматривая изменение общего индекса цен хлебного рынка, автор отмечает: «Чуткий барометр экономической жизни общества — цены — уже с конца 70-х годов показывают признаки хозяйственного кризиса» (стр. 40). Это указание на время начала экономических потрясений совпадает с установленными в литературе фактами, характеризующими историю Русского государства последних десятилетий XVI в., однако полностью противоречит показаниям таблиц. В действительности, судя по этим таблицам, цены стали расти несколько позже, лишь в начале 80-х годов, что требует специального объяснения.

Заканчивая своё исследование, автор пишет: «На данном этапе причины установленного нами движения цен могут быть сформулированы лишь предположительно и в самом общем виде: повышение товарности сельского хозяйства и ремесла и связанный с этим рост внутреннего рынка, влияние кризиса 70—80-х годов — все это вместе с падением стоимости монетного металла в связи с дешевизной рабского труда на вновь открытых россыпях в Америке сказались на резком повышении товарных цен в Русском государстве XVI в.» (стр. 101—102).

Нам представляется, что две первые причины роста цен, выдвинутые автором, не являются убедительными. Повышение товарности продуктов и рост внутреннего рынка сами по себе не могут вызвать увеличения цен, если они не сопровождаются ещё более интенсивным ростом платёжеспособного спроса, однако это последнее обстоятельство автор упускает из виду. Указание на хозяйственные потрясения 70—80-х годов также мало что объясняет, так как данный фактор не является постоянно действующим, в то время как процесс подъёма цен начинается задолго до указанного кризиса.

Остаётся одна возможная причина — падение стоимости монетного металла в связи с притоком в Европу дешёвого золота и серебра из Америки. Однако сопоставление истории цен в России и в Западной Европе — это очень интересная, но в то же время и достаточно сложная задача для специалиста по истории СССР. Эта работа требует

привлечения более широкого круга литературы и источников, чем то имел возможность сделать автор. Он опирается главным образом на устаревший труд д'Авенеля⁶, дающий во многом неправильную картину динамики цен в Западной Европе, а из новых работ привлекает только книгу Гамильтона⁷, оставляя в стороне другие новые работы⁸. Ставить это в вину автору было

⁶ d'Avenel. Histoire économique de la propriété, des salaires, etc. Tt. I—IV. 1894—1913.

⁷ E. Hamilton. American treasure and the Price revolution in Spain, 1501—1650. Washington. 1934.

⁸ Можно указать для примера работы: Paul Raveau. L'agriculture et les classes paysannes. La transformation de la propriété dans le Haut Poitou au XVI-e siècle. Paris. 1926; H. Hauser. Recherches et documents

бы неоправданно. Достаточно того, что он подробно осветил развитие революции цен в России в XVI веке. Положительные стороны его кропотливого исследования, безусловно, значительно перевешивают отмеченные выше недостатки.

Будем надеяться, что почин А. Г. Манькова будет подхвачен другими исследователями и внимательному изучению будут подвергнуты как влияние революции цен на социально-экономические процессы в России XVI в., что является чрезвычайно интересной самостоятельной темой, так и история цен последующих веков.

В. М. Панеях

sur l'histoire des prix en France de 1500 à 1800. Paris. 1936. J. Pelc. Ceny w Gdańsku w XVI i XVII w. Lwów. 1937.

—•—

М. В. ФЕХНЕР. *Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке*. Редактор М. Н. Тихомиров. «Труды» Государственного Исторического музея. Выпуск XXI. Издание Государственного Исторического музея. М. 1952. 138 стр.

XVI век характеризуется серьезным культурно-хозяйственным ростом Русского государства. Это время «появления современной мировой торговли и мирового рынка»¹, когда Русское государство сразу же оказывается втянутым в широкую мировую торговлю.

Правители стран Запада и Востока были заинтересованы в установлении и развитии политических и торговых отношений со славившимися «своим богатством москвитями»². О широте торговых связей русских купцов и о планах Ивана Грозного в области внешней торговли можно судить по переговорам Руси со Швецией в 1557 г.: шведы брали обязательство пропускать русских купцов в Любек, Антверпен, Англию, Францию, Испанию, а шведским «гостям» предоставлялось право «торговать вольно» в Москве, Новгороде, Казани и Астрахани и «через отчину великого государя ходити» в

Шемаху, Тавриз, Бухару, Китай, Индию, «в Литовскую землю и ко Царюграду и в иные государства»³.

«В общих работах по русской торговле внешние экономические связи Русского государства XVI в., — как правильно замечает автор, — рассматриваются преимущественно как торговля с западными странами, в частности с Англией, о взаимоотношениях же со странами Востока говорится лишь вскользь. При этом Россия XVI в. обрисована как страна, экспортирующая главным образом сырьё, материалы и импортирующая преимущественно продукты обрабатывающей промышленности» (стр. 5). Таким образом, торговля Русского государства со странами Востока — одна из важных проблем социально-экономической истории XVI в. — оставалась почти не изученной.

Рецензируемая работа является первым в исторической литературе специальным исследованием по истории торговли Русского государства со странами Ближнего и Среднего Востока в XVI веке. Поэтому появле-

¹ Ф. Энгельс. Конспект первого тома «Капитала» Маркса, стр. 17. Партиздат. 1932. См. также К. Маркс. «Капитал». Т. I, стр. 153. Госполитиздат. 1949.

² В. Семёнов. Библиотека иностранных писателей о России. Т. I, стр. 43. СПб. 1836 (слова А. Кампензе).

³ Сборник РИО. Т. 129, стр. 52.

ние монографии на такую тему следует приветствовать.

Одной из причин отсутствия специальных исследований, посвящённых истории торговли Русского государства с Востоком, является скудость источников и трудность их изучения. Единого архивного фонда не сохранилось, и данные о торговле с Востоком разпылены среди различных групп опубликованных и неопубликованных документов. М. В. Фехнер буквально по крупицам пришлось собирать материал для своей работы в многочисленных и разнохарактерных источниках. В монографии использованы документы Посольского приказа, летописи, приходо-расходные книги монастырей, торговые книги, описи имуществ, описания путешествий и другие письменные источники. Автор почти полностью исчерпал все источники по своей теме. Можно было только, пожалуй, полнее использовать содержание Ногайских и Крымских посольских дел, хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА), а также памятники дипломатических сношений Русского государства со странами Западной Европы, содержащие данные и о внешней торговле Русского государства с Востоком.

Особенно ценно то, что автор, следуя лучшим традициям советской исторической науки, наряду с письменными источниками изучил и вещественные источники — памятники материальной культуры, хранящиеся в музейных собраниях Москвы и Ленинграда. Это позволило существенно дополнить и уточнить данные письменных источников. Некоторые памятники материальной культуры (посуда, ткани) воспроизведены в книге в удачно подобранных иллюстрациях.

Книга состоит из введения, четырёх глав и заключения.

В главах «Торговые пути Русского государства в страны Востока» и «Основные русские центры торговли с Востоком» устанавливаются маршруты посольств и торговых караванов, длительность прохождения пути между отдельными городами Русского государства и стран Востока, основные центры русско-восточной торговли в России и в странах Востока, характерная локализация внешнеторговых операций русских городов, в значительной степени обусловленная их удобным географическим положением по отношению к отдельным контрагентам Русского государства.

К тексту приложена составленная М. В. Фехнер карта, имеющая большое значение

для исторической географии. Очень ценно также установление факта создания русско-го торгового флота на северном побережье Каспийского моря, что является показателем регулярных связей Русского государства с прикаспийскими странами (стр. 27—28).

Торговые связи Русского государства с Востоком, завязавшиеся ещё значительно раньше, к XVI в., приобрели постоянный характер и отличались интенсивностью товарообмена. В XVI в. Русское государство вело регулярную торговлю с узбекскими ханствами Средней Азии, Ираном, Турцией, Закавказьем, Ногайской ордой, Крымским ханством и (до присоединения Поволжья) с Казанским и Астраханским ханствами.

Развитие русско-восточных экономических связей привело к созданию разветвлённой сети торговых путей из Русского государства в страны Востока. Основными торговыми путями к восточным рынкам являлись тогда речные пути, как более дешёвые и безопасные сравнительно со степными дорогами — «путем коньми и полем». «На поле всегда лихих людей много разных государств. И тех людей кому мочно знати? Кто ни ограбит, тот имени своего не скажет»⁴, — читаем в Ногайских делах.

Наблюдения М. В. Фехнер дают основание сделать вывод, что в век, когда, по словам Энгельса, «все старые торговые пути и торговые центры вытеснялись новыми»⁵, русские люди в поисках новых торговых путей не отставали от людей Западной Европы. Прославленный наш соотечественник Афанасий Никитин, за 30 лет до Васко да Гама побывавший в Индии, не был одинок в поисках новых торговых путей в странах, расположенных далеко от Руси. Русские купцы доходили и до знаменитого рынка мировой торговли, центра мировой добычи жемчуга, острова Ормуза (сказочный Гурмыз русских источников), где «торгуют купцы всякого народу» (стр. 34).

Наибольшую ценность представляет самая большая глава книги — «Русский ввоз и вывоз», — в которой определяется круг товаров русско-восточной торговли и их удельный вес в русском экспорте и импорте.

Автор при этом рассматривает экспорт и импорт по степени важности вывозившихся и ввозившихся товаров, а не по странам — экспортёрам и импортёрам. В конце главы все данные сведены в специальный список

⁴ ЦГАДА. Дела Ногайские, кн. 3, л. 118.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. II, стр. 297.

важнейших предметов русского вывоза и ввоза по странам (торговля со среднеазиатскими ханствами, Ираном, Турцией, Ногайской ордой, Крымом — стр. 117—118). Такой принцип рассмотрения даёт возможность читателю получить представление обо всей восточной торговле в целом, а автору — избежать ненужных повторений.

М. В. Фехнер не только установила, какие товары вывозились и ввозились, но и постаралась определить цены на некоторые русские и восточные товары на русском рынке конца XVI века (стр. 74, 79, 93—94, 100—101, 103, 110—111).

Тщательное исследование позволило автору придти к следующим убедительным заключениям: во внешнеторговых связях Русского государства со странами Востока вывоз имел гораздо большее значение, чем ввоз (стр. 64). Основное место в вывозе занимали товары отечественного происхождения, а не реэкспортные товары (то есть изделия западноевропейских стран). Среди вывозимых товаров преобладали изделия ремесленного производства (особенно кожевенного, металлообрабатывающего, деревообделочного, текстильного) и промыслов (пушнина, воск, мёд) (стр. 80—81, 138). «В этом отношении, — правильно утверждает М. В. Фехнер, — восточная торговля имела несомненно большее значение для экономического развития страны, чем торговля с Западной Европой, как известно, вывозившей из России преимущественно сырьё» (стр. 138).

Эти ценные выводы М. В. Фехнер убедительно опровергают положения буржуазных учёных, проникшие и на страницы советских изданий, что Русское государство вывозило и на Запад и на Восток якобы только продукты сельского хозяйства и сырьё⁶.

Наблюдения М. В. Фехнер о преобладании в русском вывозе в страны Востока в XVI в. (в частности, в Среднюю Азию и Ногайскую орду) изделий ремесленного производства и промыслов имеют немалое значение для изучения взаимоотношения в прошлом великого русского народа с другими народами нашей страны.

Приведя примеры распространения восточных товаров по всей территории Русского государства, М. В. Фехнер показала, что торговля восточными товарами уже переста-

ла быть торговлей только предметами роскоши, имевшими узкий рынок сбыта среди верхушки феодального общества (золотные ткани, самоцветы, дорогое оружие). Значительную роль в русском ввозе стали играть продукты производственного значения (камедь, краски, квасцы, нефть) (стр. 61—63, 93, 116), а также хлопчатобумажные и дешёвые шёлковые ткани и перец, не являвшиеся тогда, как это неправильно пишет автор на стр. 138, товарами широкого потребления.

Следует добавить, что в торговле с Ногайской ордой и прикаспийскими странами немалое значение, особенно в первой половине XVI в., имел ввоз рыбы. Нельзя также игнорировать и торговлю невольниками, распространённую во всех государствах в XV—XVI вв.; о «выкупе пленных» упоминается в главе 72 «Стоглава», в посольских делах, житийной литературе и других источниках.

Наблюдения над характером русско-восточной торговли привели М. В. Фехнер к обобщающему выводу, что «торговля с восточными странами, будучи сама следствием общего роста производительных сил страны, являлась в то же время крупным фактором, стимулировавшим дальнейший рост производства и способствовавшим развитию внутреннего товарооборота» (стр. 138), что торговля со странами Востока должна несомненно учитываться при изучении процесса складывания «всероссийского рынка».

М. В. Фехнер также убедительно опровергает распространённый в исторических работах взгляд на страны Западной Европы как на поставщиков основных товаров⁷. Восточные товары имели в России в XVI в. значительно большее распространение, чем товары западноевропейские, занимавшие сравнительно с восточными «ещё скромное место на русском рынке». В этом отношении характерно замечание Ивана Грозного, сделанное им в письме к английской королеве Елизавете, что «Московское государство покамест без аглинских товаров

⁶ См. статью С. Бахрушина. Предпосылки «Всероссийского рынка» в XVI в. «Ученые записки МГУ», вып. 87, стр. 58. М. 1946.

⁷ В частности, оказывается, что большинство самоцветов в XVI в. было известно на Руси по их восточным названиям, не проникшим в западноевропейские языки: яхонт червчатый (название, созвучное иранскому «jaqut», на Западе известен под названием рубина), изумруд и др. (стр. 106—107). Это доказывает, что главная масса самоцветов попадала на Русь в результате непосредственных торговых сношений с Востоком.

не скудно было» (стр. 5). Установление через территорию Русского государства европейско-азиатского транзита ещё больше повысило экономическую значимость восточной торговли.

Выводы о первенствующей роли восточной торговли во внешней торговле Русского государства в XVI в. являются большим достижением М. В. Фехнер, так как до последнего времени внешнеэкономические связи Русского государства XVI в. рассматривались преимущественно как торговля со странами Западной Европы. Эта неправильная точка зрения нашла отражение в специальной работе С. А. Покровского «Внешняя торговля и внешняя торговая политика России» (М. 1947), а также во втором издании книги П. И. Лященко «История народного хозяйства СССР». Т. I, стр. 277—279 (М. 1952).

Установление М. В. Фехнер факта существования разносторонних и постоянных экономических связей Русского государства со странами Востока в XVI в. помогает глубоко понять характер международных отношений того времени, в частности неудачи агрессивных планов Турции в Восточной Европе. Народы Поволжья, Закавказья и Средней Азии, давно экономически связанные с Русским государством, не поддерживали агрессивных намерений султана.

Последняя глава книги посвящена организации русской торговли со странами Востока. М. В. Фехнер устанавливает, что Русское государство, стремясь упорядочить торговые отношения со странами Востока, выступало инициатором в деле заключения торговых договоров, и показывает, что развитие русско-восточной торговли в XVI в. в значительной степени было обязано активной торговой политике Русского государства. Автор отмечает также большую роль в развитии экономических связей со странами Востока царской торговли, которая пользовалась значительными привилегиями. Однако, несмотря на привилегированное положение царской казённой торговли, купеческая торговля, находившаяся в руках главным образом среднего и мелкого купечества, всё же имела более широкий размах и большее значение в стране, чем торговля казны.

Таковы основные положения исследования М. В. Фехнер и дополнительные выводы, напрашивающиеся при чтении этой книги. Работа М. В. Фехнер существенно обогащает и изменяет наши представления

о характере внешней торговли Русского государства в XVI веке.

Монографии М. В. Фехнер присущи, однако, и недостатки. На стр. 6 имеет место неправильная формулировка о слиянии «обособленных до того областей Русского государства в один всероссийский рынок». Между тем в цитируемом автором труде В. И. Ленина речь идёт о слиянии феодально раздробленных земель в единое государство⁸. Развитие же рынка связано прежде всего с развитием общественного разделения труда и товарного производства.

Тематика работы и хронологический охват большинства источников не вполне отвечают заглавию работы. Автор преимущественное внимание уделяет второй половине XVI века. История торговли Русского государства со странами Востока в первой половине XVI в. раскрыта недостаточно. В частности, совершенно непонятно исключение из поля зрения автора Казанского и Астраханского ханств, являвшихся в первой половине XVI в. (особенно Казанское) главными контрагентами Русского государства на Востоке. В Казани на рубеже XV—XVI вв. собиралась ежегодная ярмарка; интенсивными оставались торговые связи русских купцов с казанскими и приезжими купцами и в последующие годы. В 1520 — начале 1530 г. в Казани находилось много русских. В Казань постоянно «ездили гости многих земель», и «многие иноземцы дальние торговаху с Русью»⁹.

Автор не сумел достаточно полно показать изменения в развитии торговли Русского государства со странами Востока на протяжении XVI века. Отдельные интересные наблюдения остались необобщёнными.

Отметив стремление Русского государства торговать на рынках Востока (стр. 5), автор в то же время слишком мало внимания уделяет известным ей фактам постоянного стремления стран Востока к торговым сношениям с Русским государством. В XVI в. многие страны Востока (даже далёкая Индия) проявляли инициативу в организации политических и торговых сношений с Русским государством. Государства Поволжья, Закавказья, Средней Азии издавна тяготели к Русскому государству, рассчитывая на его экономическую и политическую поддержку.

Недостаточное внимание уделено также вопросам внешнеполитическим, неразрывным

⁸ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 137.

⁹ ЦГАДА. Дела Ногайские, кн. 4, л. 100; ПСРЛ, т. XIX, стб. 23.

связанным с внешней торговлей и нередко определявшим характер и направление внешней торговли. Так, например, торговые посольства среднеазиатских и особенно кавказских владетелей имели в значительной степени и внешнеполитические цели; они обращались к Ивану Грозному с просьбой не только «торговым людям дорогу отворить», но и «беречь» их владения от неприятелей.

В отдельных случаях автор преувеличивает значение внешней торговли во взаимоотношениях Русского государства и некоторых стран Востока в XVI веке. Это имеет место, в частности, в отношении Турции (стр. 119). Исследованиями советских учёных твёрдо установлено, что в связи с агрессивной политикой Турции в Восточной Европе для турецких феодалов основными вопросами взаимоотношений с Русским государством были тогда вопросы внешнеполитические¹⁰. Сама М. В. Фехнер в другом месте пишет о «планах турецкой экспансии на Дону и в Поволжье» (стр. 121).

Вызывают возражения также и некоторые выводы более частного характера.

Мысль М. В. Фехнер о «второстепенной роли «торговли с Ногайской ордой» в ту эпоху» (стр. 8) осталась недоказанной. Источники первой половины XVI в. свидетельствуют об обратном явлении. Торговля с Ногайской ордой была тогда постоянной. Ногаи были главными поставщиками лошадей, которых пригоняли в некоторые годы до 25 тысяч. О русско-ногайской торговле писали в Крыму¹¹, знали о ней и в Западной Европе. Рукописные Ногайские дела, с пропусками опубликованные в Продолжении Древней Российской Вивлиофики и лишь частично использованные Г. Перетятковичем в работе «Поволжье в XV и XVI веках», дают дополнительный материал по истории русско-ногайской торговли.

Несколько преуменьшены и масштабы русско-крымской торговли в первой половине XVI века. Некоторые дополнительные сведения о ней можно найти в исследовании

В. Е. Сыроечковского «Мухаммед-Герай и его вассалы», где упоминается о ввозившихся на Русь крымских кожевенных изделиях и коврах¹². Торговые сношения с Крымом в некоторые годы первой половины XVI в. были достаточно интенсивными. В грамоте, отправленной Иваном IV крымскому хану осенью 1545 г., читаем о пребывании крымских гостей в Русском государстве в 1543—1544 годах следующее: «...а гости твои ордобазарцы, и жидовя, и арменя, и турчяня, кои в твоём имене в те поры ходили к Москве, многие и не одинова, да и с Москвы назад пришли, а иные и нынеча на Москве и в иных государя нашего городах». В Крымских же делах находим и указания о численности купеческих караванов, отправлявшихся в Крым. Например, в августе 1545 г. в Крым отправилось 55 одних только жителей Одоева и Белева. Одной из целей поездки было вернуть пленных, захваченных во время хищнических набегов крымцев на русские уклады¹³.

Недостаточно обоснованной представляется и попытка М. В. Фехнер рассматривать «поминки» как своеобразную форму товарообмена (стр. 67, 123). «Поминки» прежде всего были фактором политических взаимоотношений. Приведённый М. В. Фехнер на стр. 133 разговор турецкого пристава с московским послом в Турции («и только будут поминки добрые и не мало и паша на вас станет глядеть прямо обея глаза, а только будет поминков немного и паша на вас станет смотреть одним глазом») сам по себе может служить опровержением мнения автора.

Из мелких замечаний остановлюсь на том, что «чауш» не собственное имя посла (стр. 59), а обозначает слово «посол» на турецком языке. Это слово неоднократно встречается в Крымских и Ногайских посольских делах применительно к дипломатическим представителям султана.

Однако отмеченные недостатки не снижают ценности книги М. В. Фехнер, являющейся серьёзным исследованием, основные выводы и данные которого прочно войдут в историческую науку.

Государственный Исторический музей сделал полезное дело, напечатав эту книгу.

С. О. Шмидт

¹⁰ См. Н. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв. Т. 1. М. 1946; И. Смирнов. Восточная политика Василия III. «Исторические записки», кн. 27. 1948.

¹¹ В наказе московскому послу к крымскому хану в 1534 г. читаем: «Из Ногай ходят люди во государя нашего земли с торгом, и от государя нашего люди к ним ходят с торгом». ЦГАДА. Дела Крымские, кн. 8, л. 131.

¹² См. «Учёные записки» МГУ, вып. 61, стр. 25. М. 1940.

¹³ ЦГАДА. Дела Крымские, кн. 9, лл. 24, 22 об.

Всеобщая история

А. Я. МАНУСЕВИЧ. *Очерки по истории Польши*. Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР. Москва. 1952. 405 стр.

На страницах нашей печати неоднократно отмечалась настоятельная потребность в сводном пособии по истории Польской Народной Республики. Понятен поэтому интерес, который вызывает вышедшая недавно в свет книга А. Я. Манусевича «Очерки по истории Польши».

В книге собран немалый фактический материал по истории Польши XIX—XX веков. В ряде случаев автор даёт правильное решение рассматриваемых вопросов. И всё же книга А. Я. Манусевича не отвечает высоким требованиям, которые предъявляются к такого рода работе. Ей присущи серьёзные, принципиальные недостатки, в значительной мере объясняющиеся слабым знакомством автора с литературой и первоисточниками по ряду разделов истории Польши.

Название книги дезориентирует читателя. Книга должна бы называться «Очерки по истории Польши XIX—XX веков», так как первая часть («Феодално-крепостническая многонациональная Речь Посполитая») может рассматриваться лишь как введение, в котором к тому же имеется ряд пробелов и ошибок. Чтобы не возвращаться к этому вопросу, остановимся кратко на недостатках введения. В нём не освещена проблема происхождения классов, не показана даже обобщённая картина социально-экономического развития страны в период феодализма.

Целиком обойдена автором проблема зарождения феодальных отношений и их развития вплоть до конца XV века. Начало феодальной раздробленности отнесено ко второй половине XII в., тогда как на самом деле тенденция к феодальной раздробленности явно обозначилась уже во второй половине XI в. и окончательно взяла верх в первой половине XII века. Нарисованная автором картина немецкой колонизации может создать неверное представление о том, что она носила массовый характер во всех польских землях, что возникновение польского города относится к XIII—XIV вв. и обусловлено немецкой колонизацией. Таким образом, автор явно преувеличивает значение немецкой колонизации

для экономического развития страны. В то же время он ничего не говорит о том, что польский город, как ремесленный и торговый центр, существовал задолго до немецкой колонизации. О социально-экономическом развитии страны в XV—XVI вв. сказано несколько слов; не раскрыто историческое значение перехода к отработочной ренте, ничего не говорится об особенностях этого перехода в Польше. Не отмечен такой характерный факт, как аграризация польского города во второй половине XVII — первой половине XVIII века. Крайне поверхностно охарактеризовано экономическое развитие страны во второй половине XVIII в., в период зарождения капиталистического уклада, не показан процесс обуржуазивания шляхты.

Посвятив введение преимущественно вопросам государственного развития Польши, автор не говорит, когда возникло Польское государство. Характеризуя «государство первых Пястов», А. Я. Манусевич пишет, что оно «явилось переходным этапом от племенной организации, от строя «военной демократии» к феодальному строю» (стр. 11). Трактую государство как переходный этап от племенной организации к феодальному строю, автор допускает теоретическую путаницу.

А. Я. Манусевич по существу не дал ответа на такой важный вопрос, как причины образования многонациональной Речи Посполитой, не проследил изменение объективного исторического значения польско-литовской унии с конца XIV до середины XVI в., не подчеркнул, что объединение Великого княжества Литовского и Польши было определено прежде всего сращиванием классовых и сословных интересов польских и литовских феодалов, их страхом перед растущим сопротивлением украинского и белорусского народов социальному и национальному игу.

Польша XV—XVII вв. являлась важным фактором в политическом развитии Европы. Показать этого автору, однако, не удалось. Не удалось ему и вскрыть отрицательную роль римской курии по отношению к Польше.

Рассмотрим теперь важнейшие недостатки не только вводной части, но и основных разделов книги.

Совершенно недопустимо, что в изданной в 1952 г. книге нет даже попытки поставить в отношении истории Польши важнейшие проблемы, вытекающие из труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

Отсутствие анализа проблемы взаимоотношений между базисом и надстройкой приводит к тому, что остались невыясненными условия возникновения специфической формы феодальной надстройки — «дворянской демократии с монархом во главе», представлявшей «одну из самых грубых форм общества»¹. Рецензируемая книга не показывает, как эта надстройка способствовала не только сохранению феодального базиса, но и консервации его наиболее реакционных, наиболее уродливых элементов. Большим пробелом книги является отсутствие в ней характеристики развития польской нации, роли прогрессивных национальных традиций в истории польского народа.

О том, что А. Я. Манусевич не придаёт значения вопросам периодизации, свидетельствует структура книги, которая находится в резком противоречии с принципами марксистско-ленинской периодизации истории. Автор скользит по поверхности событий, не раскрывает важнейших закономерностей исторического процесса.

Серьёзные возражения вызывает структура второй части книги — «Польша в период разделов и чужеземного ига». Здесь изложение ведётся по трём параллельным линиям: история польских земель под властью Пруссии (Германии), Австрии (Австро-Венгрии) и России излагается порознь. Для периода 1815—1846 гг. добавляются ещё две линии изложения — Краковская республика и польская эмиграция. Такое изложение создаёт существенные неудобства для читателей, устранить которые автор не сумел. Так, например, о Краковском восстании 1846 г. автор пишет на стр. 124—125, а о теснейшим образом связанном с ним крестьянском восстании в Галиции — на стр. 170—171. Отклики же на это крестьянское восстание, его влияние на другие польские земли освещаются до того, как речь идёт о самом восстании. Таких примеров можно было бы привести немало. Но дело не толь-

ко в этих неудобствах «чересполосного» изложения. Беда заключается в том, что при подобном построении книги автор не только уводит читателя от ясного представления о том, что польские земли были единым национальным организмом, что был один боюющийся польский народ, но подчас он и сам забывает об этом, искусственно расчленяя события, происходившие в различных польских землях, загущивая как раз те явления, которые говорят о теснейшей связи расчленённых польских земель (см. изложение революционных событий 1846, 1848 гг., отклики на восстание 1863 г. и т. п.). За этим «лоскутным» изложением истории королевства Польского, польских земель Германии и Австрии теряется история польского народа в целом.

Крупнейшим недостатком работы является невнимание к движущим силам истории, к классовой борьбе трудящихся, ко всему новому, прогрессивному на различных этапах истории польского народа. Борьба крепостного крестьянства против феодального гнёта, революционная борьба пролетариата за социальное и национальное освобождение польского народа, развитие прогрессивной общественной мысли в Польше — изложение всех этих важнейших вопросов в книге А. Я. Манусевича нередко сводится к общим малосодержательным фразам.

В «Очерках» не проанализировано ни одно из массовых революционных выступлений пролетариата и крестьянства, не показаны должным образом глубокие национальные противоречия, раздиравшие шляхетскую Речь Посполитую и буржуазно-помещичье Польское государство. В то же время внутрисословным и внутриклассовым распрям и дразгам различных партий, групп и фракций шляхты и буржуазии автор вслед за буржуазными польскими историками уделяет большое, во многих случаях чрезмерное, внимание. Из этого следует, что указание И. В. Сталина о том, что историческая наука «должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов»², в книге А. Я. Манусевича осталось невыполненным.

Не раскрыты должным образом наиболее яркие моменты из истории революционного движения в Польше в XIX веке. Так, первой польской группе социалистов-утопистов, обществу «Люд польский», от

¹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 78. ОГИЗ. Госполитиздат. 1939.

² «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 116.

ражавшему антифеодальные стремления польского крестьянства, посвящён лишь один малосодержательный абзац (стр. 117); неточно и в недостаточной степени освещена деятельность выдающегося польского революционного демократа Эдварда Дембовского; неполна и неточна характеристика «Союза плебеев» и его отношений с Познанским комитетом (стр. 133—134); не упомянуты выдающиеся произведения польской прогрессивной общественной мысли — работы Ворцеля, «Жизненные истины польского народа» и «Демократический катехизис» Каменского; не упомянут ученик Дембовского Юлиан Госляр, казнённый австрийской реакцией, и т. д. Что может извлечь читатель из такой, например, характеристики выдающегося крестьянского революционера Петра Сцегенного: «Крестьянский демократизм сочетался во взглядах Сцегенного с клерикализмом и элементами национализма. В целом его выступления носили боевой, революционный характер» (стр. 147)? Нечётко и поверхностно характеризует автор мировоззрение великого польского поэта Адама Мицкевича и его революционную деятельность (стр. 119—120).

Не дав научной характеристики того разнородного блока, каким была накануне восстания 1863 г. так называемая партия «красных», автор пишет: «Общим для «красных» (следовательно, и для Домбровского, Сераковского, Паллевского и других революционных демократов.— Авт.) было стремление... к восстановлению ее [Польши] в пределах восточных границ угнетательской Речи Посполитой в 1772 г.» (стр. 155). Далее А. Я. Манусевич утверждает: «Польские революционные демократы... стремились установить сотрудничество и единство действий с другим польским влиятельным политическим направлением, получившим название партии «белых» (стр. 157). Эти нелепые утверждения находятся в прямом противоречии с исторической действительностью. Особенно возмутительны те обвинения в национализме, в великодержавных притязаниях на непольские земли, которые А. Я. Манусевич бросает Сцегенному и выдающимся польским революционным демократам 60-х годов, ученикам и единомышленникам Герцена, Чернышевского, Шевченко.

В книге не показано, как изменилось международное значение польского вопроса начиная с 70-х годов XIX века. Не отмечено значение для истории польского на-

рода (а не только для Королевства Польского) перемещения в конце XIX в. центра международного революционного движения в Россию, в то время как именно под этим углом зрения надлежит рассматривать важнейшие вопросы истории Польши начиная с конца XIX века.

Характеристика, которую даёт А. Я. Манусевич первой польской рабочей партии — партии «Пролетариат», явно противоречит оценке исторической роли этой партии, данной Болеславом Берутом на Объединительном съезде рабочих партий Польши в декабре 1948 года. Автор вообще в чрезвычайной малой мере использовал ценнейшие указания по вопросам истории Польши и польского рабочего движения, которые содержатся в трудах Болеслава Берута, не позаботился ознакомить с ними читателя книги.

Немало места уделил автор освещению ошибок польской социал-демократии, но революционная деятельность СДКПиЛ, так высоко оценивавшаяся В. И. Лениным, показана крайне недостаточно и теряется, отходит на второй план по сравнению с её ошибками, минусами. Совершенно недостаточно показана деятельность Ф. Э. Дзержинского, составляющая «гордость польского революционного движения» (Берут)³.

Описывая революционные события 1905—1907 гг. в Польше, автор мог опереться на работы советских историков. Однако эти работы автором не использованы, в частности недостаточно показана боевая связь русского и польского пролетариата.

Товарищ Сталин в 1926 г. дал гениальную характеристику внутриполитического положения буржуазно-помещичьей Польши. Он говорил: «Польша представляет в настоящее время ряд коренных противоречий, которые, развиваясь далее, неминуемо должны создать в Польше непосредственную революционную ситуацию. Эти противоречия проходят по трём основным линиям: по линии рабочего вопроса, по линии крестьянского вопроса, по линии национального вопроса»⁴. Эта характеристика должна была служить руководящим указанием для автора «Очерков». Однако и в этой части книги, относящейся к истории буржуазно-помещичьей Польши, автор уделяет недостаточное внимание борьбе трудящихся Польши против буржуазии и помещиков, тесно связанных с иностран-

³ См. «Feliks Dzierżyński, 1877—1926», str. 5. Warszawa. 1951.

⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 8, стр. 170.

ными империалистами и стремившихся получить максимальную прибыль за счёт усиления эксплуатации рабочего класса и крестьян. О крупнейших революционных боях пролетариата Домбровского угольного бассейна и других районов Польши в 1918—1919 гг., о созданных пролетариатом Польши советах рабочих депутатов и их деятельности, о крестьянских восстаниях в 1919 г. автор говорит только в нескольких общих фразах (стр. 277, 278, 287).

Двадцатилетняя история буржуазно-помещичьей Польши наполнена непрерывающейся героической борьбой украинцев и белорусов за национальное и социальное освобождение, за воссоединение с Украинской и Белорусской советскими республиками. Автор же рецензируемой работы данному вопросу уделяет всего несколько фраз. Такая недооценка борьбы угнетённых народов за свободу и независимость ведёт к искажению истории буржуазно-помещичьей Польши, к неправильному объяснению причин её краха в 1939 году.

Не дав анализа важнейших классовых боёв трудящихся масс в буржуазно-помещичьей Польше, автор сосредоточивает внимание читателя на ошибках Коммунистической партии Польши, оставляя в тени революционные дела коммунистов. При таком изложении история польской компартии оказывается искажённой.

Крупные недостатки имеются и в освещении внешней политики польского буржуазно-помещичьего государства.

Автор слабо разоблачает политику американских империалистов, которые устами президента США Вильсона требовали на Версальской мирной конференции лишения Польши её исконных земель на западе, не показывает, как американские и англо-французские империалисты вдохновляли и организовали нападение белопанской Польши на Советскую Россию в 1919—1920 годах.

Не разоблачает автор и провокационную роль правящих клик США, Англии и Франции в подготовке губительного для Польши германо-польского соглашения 1934 г., явившегося серьёзной брешью в здании коллективной безопасности, о чём так ясно сказано в «Исторической справке» Совинформбюро⁵.

В книге недостаточно раскрыто засилье иностранного капитала в Польше, превра-

щение буржуазно-помещичьей Польши в рынок и источник сырья для иностранных империалистов. Известно, что доля иностранного капитала в монополистических объединениях Польши составляла в 1938 г. около 50%, а в ряде важнейших отраслей промышленности достигала 87—89%. Иностранцы, особенно американские, империалисты использовали своё господствующее положение в экономике Польши для превращения страны в свой аграрно-сырьевой придаток. Не показана должным образом и борьба империалистических стран за овладение польским рынком, польскими источниками сырья, подчинение польских буржуазно-помещичьих классов иностранным империалистам, решающее влияние иностранных империалистов на направление внешней политики Польши и их роль в подготовке краха буржуазно-помещичьего польского государства.

Особенно слабой частью работы является четвёртая часть — «Народно-демократическая Польша», где на протяжении 60 страниц автор ограничивается общими, поверхностными рассуждениями.

Совершенно очевидно, что в книге, посвящённой истории Польши XIX—XX вв., раздел «Народно-демократическая Польша» должен занимать ведущее место, так как эта часть книги привлекает особенно пристальное внимание читателей. Недостатки книги А. Я. Манусевича в этой части таковы, что вынуждают сделать вывод о несерьёзном отношении автора к этому ответственному разделу его работы.

Важнейший вопрос об этапах развития народно-демократической Польши изложен в книге туманно, запутан, характеристика народной демократии дана неясно и противоречиво. На стр. 354 А. Я. Манусевич пишет: «Становление в Польше народной демократии (июль 1944 г.) сопровождалось постепенным раскрытием в се деятельности основных сторон диктатуры пролетариата». Ниже, описывая положение страны тотчас после второй мировой войны, он заявляет, что народно-демократическая власть лишь «приближалась к выполнению функций диктатуры пролетариата» (стр. 367).

В «Очерках» не дано глубокого анализа коренных социально-экономических преобразований, осуществлённых трудящимися массами в Польше под руководством Польской рабочей партии. Автор не раскрывает исторического значения революционной аграрной реформы, обеспечившей поддержку народно-демократической власти со

⁵ См. «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», стр. 14. ОГИЗ. Госполитиздат. 1948.

стороны огромного большинства польского народа.

Отсутствует также подробная характеристика национализации важнейших отраслей народного хозяйства, не показано создание новых органов власти, новой армии, органов безопасности и т. д. Из изложения автора не видно, как трудящиеся массы Польши, опираясь на помощь Советского Союза, разгромили террористические подпольные банды и сорвали попытки польской и американо-английской реакции спровоцировать гражданскую войну и реставрировать в Польше буржуазно-помещичий строй.

Советско-польскому договору о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве от 21 апреля 1945 г., закрепившему коренной поворот в отношениях между Советским Союзом и Польшей, являющемуся залогом независимости, могущества и процветания Польской Народной Республики, автор рецензируемой книги уделяет всего несколько строк (стр. 366), не раскрывая в них всего значения договора и даже не излагая его содержания.

В настоящей рецензии мы остановились лишь на значительных недостатках книги А. Я. Манусевича. В «Очерках» много фактических неточностей, искажений дат

и т. п. Ряд ошибок допущен в картах, помещённых в тексте. Книга небрежно отредактирована, в ней много шаблонных выражений, встречаются и прямые противоречия. Так, на стр. 119 Мерославский характеризуется как «видный военный теоретик», а на стр. 161 сказано, что, «несмотря на раздутую репутацию военного гения, Мерославский был весьма ограничен в своих военных дарованиях».

Давая общую оценку книги, необходимо подчеркнуть, что в ней остаются нерешёнными или искажены важнейшие вопросы истории польского народа. Книга написана на низком методологическом уровне. В ней не учтены многие руководящие указания классиков марксизма-ленинизма и документы Польской объединённой рабочей партии, не использованы новые работы советских и польских историков, материалы дискуссий и обсуждений, непосредственно связанных с рассматриваемыми в книге вопросами. Ни актуальность темы, ни научно-популярный характер «Очерков» не давали основания Издательству учебно-педагогической литературы снижать требования к книге.

В. Д. Королук, И. С. Миллер,
В. Т. Фомин

Ю. В. БОРИСОВ. *Русско-французские отношения после Франкфуртского мира 1871—1875*. Под общей редакцией акад. Е. В. Тарле. Госполитиздат. 1951. 287 стр.

Свою книгу автор посвящает характеристике взаимоотношений России и Франции в 1871—1875 годах. На основании сопоставления материалов Архива внешней политики России, изданной дипломатической переписки Франции, Германии и России, частичного использования материалов прессы и мемуарной литературы автор попытался осветить позицию европейских держав в первой половине 70-х годов XIX в. и выявить объективную роль России «как спасительницы Франции от нового военного разгрома, который готовился германскими правящими кругами в 1871—1875 гг.» (стр. 11).

Ю. В. Борисов довольно подробно освещает конфликты между Германией и Францией, спровоцированные Бисмарком вскоре после заключения мирного договора во Франкфурте-на-Майне.

Привлечение документов Архива внешней политики России позволило автору охарактеризовать позицию руководителей внешней политики России, понимавших, как указы-

вает Ю. В. Борисов, что ослабление Франции и дальнейшее усиление кайзеровской Германии приведёт к изменению соотношения сил в Европе, опасному для России. Поэтому одновременно с укреплением русско-германских отношений, что выразилось и в военной конвенции от 6 мая (24 апреля ст. ст.) 1873 г. и в соглашении трёх императоров 1873 г., руководители русской внешней политики шли по пути сближения с Францией, оказав ей дипломатическую поддержку в ликвидации спровоцированных Бисмарком конфликтов.

Опираясь на выводы профессоров А. С. Ерусалимского¹ и В. М. Хвостова²

¹ А. Ерусалимский. Военная тревога 1875 г. «Учёные записки» Института истории РАН ИОН. Т. 6. 1928; его же. Предисловие к публикации документов «Франко-германский кризис 1875 г.». «Красный архив» № 6 (91) за 1938 г.; его же. Бисмарк как дипломат. М. 1940.

² «История дипломатии». Т. II. М.-Л. 1945.

и используя новые архивные документы, Ю. В. Борисов показывает, что «в результате энергичных настояний русской дипломатии в Берлине в мае 1875 г. Бисмарк вынужден был отказаться от своих агрессивных антифранцузских планов» (стр. 275). В этой же главе Ю. В. Борисов разоблачает фальсификацию истории этих событий реакционной буржуазной историографией, утверждавшей, что в устранении «военной тревоги» 1875 г. видную роль якобы сыграла английская дипломатия. Автор раскрывает провокационный и лицемерный характер действий министра иностранных дел Великобритании лорда Дерби, который, как выражался старший советник министерства иностранных дел России А. Г. Жomini, «с грохотом вломился в открытую дверь» (стр. 262).

В книге Ю. В. Борисова содержится ряд серьезных недостатков и ошибок. Автор в основном ограничивается изложением дипломатической стороны отношений России, Франции и Германии. Такой метод исследования ведёт к освещению внешней политики в отрыве от внутренней политики государств. Крен в узко понятую «дипломатическую историю» не даёт возможности верно охарактеризовать внешнюю политику, которая значительно шире, чем область дипломатии. К сожалению, этот существенный недостаток характерен для ряда диссертаций и печатных работ советских историков. Подобный подход к вопросам внешней политики, когда исторические события рассматриваются только через призму дипломатических донесений, с точки зрения процессов, происходящих на поверхности, без широкого освещения их экономической и социальной основы, снижает научную ценность исторических исследований.

Уделив большое внимание деятельности русской дипломатии, автор не проследил связи внешнеполитических акций царизма с его внутренней политикой, не показал различных точек зрения отдельных групп господствующих классов царской России на вопросы внешней политики, не вскрыл экономических, политических и социальных корней этих взглядов.

Автором не было учтено в должной мере указание И. В. Сталина о том, что со времени крымского поражения России «самостоятельная роль царизма в области внешней политики Европы стала значительно падать»³.

Характеризуя причины русско-французского сближения, Ю. В. Борисов указывает, что «боязнь революции, дикий страх перед славными традициями парижских коммунаров были той почвой, на которой французским реакционерам легче всего было сговориться с царским правительством» (стр. 179), и что, установив режим безудержной реакции и террора, «прекрасно понимая, чего от них хотят в Петербурге, Тьер и Мак-Магон всеми силами старались

снискать доверие русских правящих кругов» (стр. 76). Правящие круги царской России полностью одобряли кровавое подавление Парижской Коммуны. По причины русско-французского сближения объяснялись иными обстоятельствами, да и террористический режим Тьера был установлен отнюдь не для того, чтобы удовлетворить пожелания правящих сфер царской России. Преувеличив этот фактор в упрочении русско-французских отношений, Ю. В. Борисов одновременно слишком мало говорит о том, что наибольшую помощь Тьеру в его борьбе с Парижской Коммуной оказал Бисмарк.

Подобные неправильные формулировки перекликаются с утверждениями М. Н. Покровского о «полицейской основе» русско-французского союза 1891—1893 годов. Следует отметить при этом, что Ю. В. Борисов в своей книге не подверг критике антиисторические и антимарксистские взгляды М. Н. Покровского на историю внешней политики России конца XIX в., а такая критика необходима в исторической работе, посвящённой рассматриваемому времени.

Автор допустил серьёзную ошибку, полностью отказавшись от рассмотрения экономических проблем, в том числе русско-французских экономических взаимоотношений, на том «основании», что «русско-французские экономические связи... должны явиться предметом специального исследования» (стр. 14). В результате оказался односторонне охарактеризованным рост русско-германского экономического антагонизма, который автор объясняет недовольством «крупной русской торгово-промышленной буржуазии и части помещиков таможенной политикой Германии, широким проникновением её товаров в прибалтийские районы» (стр. 272; ср. стр. 62). На самом деле от ввоза немецких товаров проигрывала буржуазия Москвы и юга России, требовавшая поэтому проведения протекционистской политики; наоборот, буржуазия Петербурга, северо-запада и запада России была заинтересована в ввозе ряда германских товаров (металл, уголь и др.). Поэтому заявление о единстве интересов русской буржуазии в отношении торговли с Германией является ошибочным.

Мало внимания уделил автор военно-стратегической стороне внешней политики России. Как известно, победа Пруссии в войне с Францией и образование агрессивной Германской империи побудили ряд военных деятелей России во главе с военным министром Д. А. Милютиним решительно выступить с требованиями переустройства русской военной организации. 1 января 1874 г. была введена всеобщая воинская повинность и начали приниматься некоторые меры к укреплению западной границы России. Россия была заинтересована в наличии на западных границах кайзеровской Германии сильной французской армии.

Подчас слишком подробно, злоупотребляя пересказом, автор излагает документы о переговорах русских и французских официальных представителей; в то же время читатель не получает правильного пред-

³ И. Сталин. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». «Большевик» № 9 за 1941 год.

ставления об отношении к Франции другой России — России революционной. В частности, ограничившись исследованием главным образом дипломатических отношений, автор, к сожалению, слишком мало места уделит (стр. 22—24) высказываниям революционно-демократических кругов России о Парижской Коммуне.

В. И. Ленин неоднократно подчёркивал, что при исследовании внешнеполитических проблем необходимо брать «всю политику всей системы европейских государств в их экономическом и политическом взаимоотношении»⁴. В книге Ю. В. Борисова упущен ряд важных проблем международных отношений, в частности, не учитывается усиление колониальной экспансии Великобритании в Средней Азии, приведшее к обострению русско-английских противоречий и сыгравшее большую роль в стремлении царской России упрочить свои отношения с Германией и Австро-Венгрией.

Неправильно трактуются и основные причины сближения Германии и Австро-Венгрии (но не Австрии, как часто называет автор это государство). По мнению Ю. В. Борисова, причиной сближения послужило «огромное военное превосходство Германской империи», представлявшей «серьёзную угрозу для Австрии» (стр. 41). Подобная точка зрения весьма упрощает оценку этих важных событий в истории международных отношений.

Политика великих европейских держав в исследуемый период не охарактеризована должным образом. Автором не были изучены парламентские отчёты Франции, Германии и Англии, являющиеся важным источником для историка нового времени.

Что касается материалов прессы, то, как мы уже отмечали, Ю. В. Борисов использовал их лишь частично. Он пошёл по самому лёгкому для исследователя пути — ограничился использованием досье газетных вырезок, которое составлялось в министерстве иностранных дел России и не может служить полноценным источником при изучении истории других стран. Дав на стр. 15—25 беглый обзор положения во Франции, автор в дальнейшем счёл себя свободным от обязанности дать характеристику внутриполитической обстановки в этой стране. Вследствие одностороннего знакомства с прессой автор не сумел показать ни французских политических партий, ни их отношения к вопросам внешней политики, в частности к вопросу о сближении с Россией, ни даже влияния политических партий на решение актуальных вопросов внешней политики Франции. Ю. В. Борисовым не показана внешняя политика Тьера и Мак-Магона как отражение контрреволюционной внутренней политики французской буржуазии. Невнимание к внутреннему положению Франции привело автора и к прямым ошибкам. Так, представителя крупной французской буржуазии Леона Гамбетту он характеризует как мелкобуржуазного демократа (см. стр. 47); превращает во французского пуб-

лициста Э. Сиона русского реакционера, профессора физиологии И. Ф. Циона (см. стр. 51), вынужденного ввиду протестов студентов покинуть профессорскую кафедру в Петербурге и перебраться во Францию. И. Ф. Цион имел тесный контакт с М. Н. Катковым, К. П. Победоносцевым и другими реакционными деятелями России и одновременно завязал связи с французскими финансовыми кругами.

Ю. В. Борисов не останавливается и на колониальной политике французской буржуазии. Начало 70-х годов XIX в. характеризуется жестоким подавлением восстания кабиллов и арабов в Алжире, захватом новых территорий в Индокитае, где в 1874 г. Вьетнаму были навязаны кабальные договоры, и дальнейшим проникновением французского капитала в Тунис. Обеспечение колониальных интересов французской буржуазии являлось важной задачей внешней политики французского правительства, что должен был показать Ю. В. Борисов.

Рядом недостатков страдает и характеристика политики Германии. Ограничившись дипломатической стороной вопроса, автор не показал, что провокации Бисмарка имели своей целью шантажирование французского правительства, а иногда объяснялись и внутриполитическими причинами. Отметив провокационный характер политики кайзеровской Германии, Ю. В. Борисов не использовал опубликованные материалы о деятельности Большого генерального штаба Пруссии (а не Германии, как его называет автор на стр. 90 и 229; генеральный штаб Германии появился на несколько десятилетий позднее), тогда как материалы о деятельности германских военных кругов совершенно необходимы при изучении внешней политики страны. Не использовано автором 15-томное собрание сочинений Бисмарка, а также книга Э. Вертгеймера об Ю. Андраши⁵, в которых содержится ряд важных документальных данных по истории международных отношений той эпохи. Автор неправильно видит в борьбе Бисмарка с Ватиканом только антифранцузскую направленность (см. стр. 84). Цели Бисмарка были значительно шире и в основном были связаны с проводившейся им политикой так называемого «культуркампфа».

Мало внимания уделяет Ю. В. Борисов и политике Англии (до «военной тревоги» 1875 г.) и Италии.

Книга Ю. В. Борисова, в которой приводятся ряд новых архивных документов, даёт известное представление о дипломатической стороне русско-французских отношений 1871—1875 годов. Но серьёзным недостатком книги является неправильный подход автора к изучению проблем внешней политики и отмеченные нами ошибки в ряде важных вопросов.

М. Н. Машкин

⁵ E. Wertheimer. Graf Julius Andrássy. Sein Leben und seine Zeit. Bd. I—III. Stuttgart. 1910—1913.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 365.

ХРОНИКА И ИНФОРМАЦИЯ

ТЕМАТИКА ДИССЕРТАЦИЙ ПО ВОПРОСАМ ИСТОРИИ СССР И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ, УТВЕРЖДЕННЫХ ВАК В 1951 ГОДУ *

ИСТОРИЯ НАРОДОВ СССР (ДО КОНЦА XIX В.)

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Из истории русской медиевистики.— МГПИ имени Ленина.

Работа учителя над формированием понятия «феодализм» у учащихся VI класса на материале курса истории средних веков.— МОПИ.

Римский аграрный вопрос в русской историографии XIX века.— МГУ.

Системы и методы описания документальных материалов в архивах дореволюционной России (XIX — начало XX в.).— Ист.-архивн. ин-т.

Деятельность губернских учёных архивных комиссий в области архивного дела (1884—1917).— Ист.-архивн. ин-т.

Основные принципы организации хранения документальных материалов Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане.— Ист.-архивн. ин-т.

ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ СТРОЙ И РАННЕКЛАССОВОЕ ОБЩЕСТВО НА ТЕРРИТОРИИ СССР

Юго-восточная граница расселения раннеславянских племён.— ИИМК АН СССР.

Торговля Ольвии в доготскую эпоху.— ИИМК АН СССР.

* История орошения Хорезма с древнейших времён до наших дней.— ИИМК АН СССР.

Население Прикубанья конца VII — середины IV в. до н. э. По материалам городищ и грунтовых могильников.— ЛГУ.

Культура Нагорного Карабаха по археологическим источникам (конец III — середина I тысяч. до н. э.).— ЛГУ.

Культура Южного Закавказья в VII — VI вв. до н. э. по археологическим данным.— Ин-т ист. АН Арм. ССР.

Моздокские осетины (историко-этнографическое исследование).— Ин-т этногр. АН СССР.

Общественный строй санталов.— Ин-т этногр. АН СССР.

Краснолаковая керамика Боспора (II в. до н. э. — IV в. н. э.).— ИИМК АН СССР.

Куланурхвинский древний могильник.— Ин-т ист. АН Груз. ССР.

Этнографический очерк животноводства у локайцев — Ин-т этногр. АН СССР.

Племена городецкой культуры.— ИИМК АН СССР.

ЭПОХА ФЕОДАЛИЗМА

Ранний феодализм

Очерки по истории Сурожа VIII—XV вв. МГПИ имени Потёмкина.

Гехаркуник и его лапидарные надписи.— Ин-т ист. АН Арм. ССР.

Административная и налоговая политика арабов в Армении (с начала VIII в. до середины IX в.).— Ин-т ист. АН Арм. ССР.

Средневековые поселения области Нисы (севернее Копет-Дага) в IX—XV веках.— САГУ.

Политические взаимоотношения Византии, Болгарии и Руси в 967—971 годах.— Ин-т ист. АН СССР.

Материальная культура населения Литвы IX—XII вв. по данным исследований погребальных памятников (поздний железный век).— Ин-т ист. АН Литовск. ССР.

Половцы.— МОПИ.

Развитый феодализм

Освобождение Руси от татарского ига.— ЛГПИ имени Герцена.

Очерки по социально-экономической истории генуэзской Каффы конца XIII — первой половины XV века.— МГПИ имени Потёмкина.

Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV — первая половина XVI в.).— Ин-т ист. АН СССР.

Западногрузинские монеты XIII—XIV веков. (Копитнарский клад).— Ин-т ист. АН Груз. ССР.

Из истории феодальных сеньорий Сомхит — Сабаратнано XV—XVIII вв.— Ин-т ист. АН Груз. ССР.

Материальная культура Средней Азии и Хоросана XV—XVI веков. По данным миниатюр ленинградских собраний.— ИИМК АН СССР.

Крах агрессивной политики Ватикана в России (XV—XVI вв.).— МОПИ.

Рижские цехи в XVI в. и «Календарные порядки» в Риге.— МОПИ.

* Список сокращений и условных обозначений см. «Вопросы истории» № 6 за 1952 год, стр. 143.

Период позднего феодализма

Социально-политическая сущность религиозно-общественного движения в русском государстве третьей четверти XVII века.— ЛГУ.

Социально-экономические отношения чепецкой удмуртской деревни на рубеже XVII—XVIII вв.— Ист.-архивн. ин-т.

Патриархальное рабство в XVII—XVIII вв. у чукчей, эвенков, бурят.—МОПИ.

Сочинения Юрия Крижанича и русская действительность XVII века.— ЛГУ.

* Строительство русской армии в XVIII веке.— Ин-т ист. АН СССР.

Революционное движение рабочих людей на мануфактурах в России в середине XVIII века.— МГПИ имени Ленина.

Рескрипт 6 декабря 1846 года (предпосылки и сущность).— ЛОИИ.

Положение государственных крестьян по наказам в Комиссию 1767—1768 годов.— ЛГПИ имени Покровского.

Государственные крестьяне Ставрополя в конце XVIII и начале XIX века.— Ростовск. н. Д. ун-т.

Очерки по истории южнославянской молдавано-волошской колонизации в России в 50—60-х годах XVIII века.— МГПИ имени Ленина.

Антифеодальная борьба крестьянских масс Украины в начале XVIII века.— ВПШ.

Крестьянское движение на Стародубщине (40—70-е годы XVIII века).— Ин-т ист. АН УССР.

Усиление закрепощения крестьян и классовая борьба на Украине в XV в. — первой половине XVI века.— Ин-т ист. АН УССР.

Борьба украинского казачества против турецко-татарской агрессии в 1600—1621 годах.— Ин-т ист. АН УССР.

Развитие русской военно-теоретической мысли в первой четверти XVIII века.— ВПА имени Ленина.

Политические взгляды грузинского феодала XVIII века (Ал. Амилахвари).— Ин-т ист. АН Груз. ССР.

* Возникновение русских железных дорог и железнодорожный вопрос в России до начала 40-х годов XIX века.— Ин-т ист. АН СССР.

Взаимоотношения Казахстана с ханствами Средней Азии в первой половине XIX века.— Ин-т восток. АН СССР.

* Очерк социально-экономической истории Тувы (XIX — начало XX века (до 1917 г.)).— Ин-т ист. АН СССР.

Русско-сербские отношения 1804—1812 годов.— ЛГУ.

* Южное общество декабристов.— Ин-т ист. АН СССР.

Общественно-политические взгляды Н. П. Огарёва.— Ин-т ист. АН УССР.

Проблемы западноевропейской политики и внешней политики России середины XIX в. в освещении Герцена.— МГПИ имени Потёмкина.

Формирование исторических взглядов Н. И. Костомарова.— Ин-т ист. АН УССР.
Тарас Григорьевич Шевченко — великий революционер-демократ.— Киевск. ун-т.

Польское восстание 1830—1831 гг. в Литве и Белоруссии.— МГУ.

Вооружённое восстание крестьян в Мегрелии в 1856—1857 годах.— Ин-т ист. АН Груз. ССР.

* Присоединение Северной Киргизии к России.— ЛОИИ.

Рабочее движение в России в годы революционной ситуации (1859—1861).— МГУ.

«Великорусс» и его место в демократическом движении периода революционной ситуации (1859—1861).— МГУ.

Революционные демократы и цензурная политика правительства в годы первой революционной ситуации.— ЛГУ.

Социально-политические взгляды Николая Яковлевича Николадзе.— Тбилиск. ун-т.

* Грузия в Восточной войне 1853—1856 годов.— Ин-т ист. АН СССР.

* Переустройство русской армии в 50—70-х годах XIX века.— ЛГУ.

ЭПОХА КАПИТАЛИЗМА

Развитие капиталистических отношений в восточносибирской деревне в 50-х годах XIX века.— ЛГУ.

Хозяйственное состояние Костромской, Переяславль-Залесской и Юрьев-Польской провинций Московской губернии по хозяйственным анкетам 60-х годов XIX века (к вопросу о формировании капиталистического уклада в промышленности).— МГУ.

Либеральное дворянство в период подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 года.— МОПИ.

Борьба вокруг реформы 1861 г. в Казанской губернии.— Ист.-архивн. ин-т.

Крестьянские волнения в Виленской и Ковенской губерниях накануне реформы 1861 года.— МГУ.

Реформа 19 февраля 1861 года (по материалам уставных грамот Тверского, Бежецкого и Осташковского уездов в Тверской губернии).— МГПИ имени Ленина.

Крестьянская реформа 1861 г. в Тамбовской губернии.— МГПИ имени Потёмкина.

Крестьянское жилище Нижегородской губернии в середине XIX века.— Ин-т этногр. АН СССР.

Развитие капитализма в земледелии и буржуазное разложение крестьянства на Украине во второй половине XIX века.— Львов. ун-т.

Этническая территория каракалпаков в Северном Хорезме (XVIII—XIX вв.).— Ин-т этногр. АН СССР.

Восстание крестьян коми-пермяков в 1861 году.— МГУ.

Крестьянская реформа в Кабарде (1867).— МГУ.

Законодательство о фабричном труде в России в 80-х и начале 90-х годов XIX века.— Ин-т ист. АН СССР.

Иностранный капитал в тяжёлой промышленности Дона в 1890—1917 годах.— Ростов. ун-т.

Чиншевая реформа 1886 года в Белоруссии.— Ист.-архивн. ин-т.

Крестьянское землевладение на Дону в связи с деятельностью крестьянского и дворянского земельных банков (1885—1904 гг.).— Ростовск. н. Д. ун-т.

ИСТОРИЯ СССР. XX ВЕК

БОРЬБА ЗА СОЗДАНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ В РОССИИ (1883—1901)

Борьба В. И. Ленина за аграрную программу марксистской партии (1894—1906).— ВПА.

Марксистские социал-демократические организации Москвы 90-х годов.— МГУ.

Социал-демократическое движение в Туле и оформление в нём ленинско-искровского направления (1894—1903).— МГУ.

История революционного движения на николаевском заводе «Наваль» (1895—1917).— Киевск. ун-т.

Борьба В. И. Ленина с «экономизмом», за создание Российской социал-демократической рабочей партии.— МГУ.

Борьба В. И. Ленина и И. В. Сталина за идеологические основы марксистской партии (1900—1903).— АОН.

Борьба В. И. Ленина и И. В. Сталина за идеологические основы марксистской партии (1900—1902).— МОПИ.

В. И. Ленин — создатель и руководитель «Искры».— ВПА имени Ленина.

Ленинская «Искра».— ВПА имени Ленина.

Ленинская «Искра» — первая газета нового типа.— МГУ.

Борьба В. И. Ленина и И. В. Сталина за гегемонию пролетариата в период ленинской «Искры».— МГУ.

Ленинская «Искра» в борьбе с «экономизмом», за создание партии нового типа.— МГУ.

Корреспонденция ленинской «Искры» о революционном рабочем движении на Украине.— Ин-т ист. АН УССР.

* Борьба за создание ленинско-искровских организаций на Дону.— Ростовск. н. Д. ун-т.

ПОДЪЁМ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ В НАЧАЛЕ 1900-х ГОДОВ. ОБРАЗОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ. ПОЯВЛЕНИЕ ВНУТРИ ПАРТИИ ФРАКЦИЙ БОЛЬШЕВИКОВ И МЕНЬШЕВИКОВ (1901—1904)

Образование большевистских организаций Владимирской губернии в 1901—1904 годах.— МГУ.

Большевистская газета «Борьба пролетариата» и её борьба за партию нового типа.— МГУ.

Аграрные отношения к началу XX столетия и крестьянское революционное движе-

Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Забайкалья в конце XIX века.— ЛГУ

Русско-французские отношения в 1879—1887 годах (из предистории русско-французского союза).— МОПИ.

Американская экспансия на северо-востоке России в конце XIX века.— МГПИ имени Ленина.

ние в Восточной Грузии в 1902—1904 годах.— Ин-т ист. АН Груз. ССР.

Борьба В. И. Ленина за партию нового типа в период между вторым и третьим съездами.— МГУ.

Борьба В. И. Ленина и И. В. Сталина за созыв III съезда РСДРП.— Тбилисс. ун-т.

Борьба В. И. Ленина и И. В. Сталина за созыв III съезда РСДРП.— АОН.

Борьба большевиков за партию нового типа между II и III съездами РСДРП.— ЛГУ.

Борьба закавказских большевиков под руководством товарища Сталина за III съезд РСДРП.— АОН.

Борьба В. И. Ленина и И. В. Сталина за устав марксистской партии в 1903—1905 годах.— МГУ.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА И ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (1904—1907)

Русско-японская война 1904—1905 годов и антивоенная тактика большевистских организаций.— Ереванск. ун-т.

Разоблачение В. И. Ленинным идеологии эсеров накануне революции 1905—1907 годов.— МОПИ.

Ленинско-сталинская теория перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.— МГУ.

Большевики Красноярска в период русско-японской войны и первой русской революции 1904—1907 годов.— АОН.

Проблема Временного революционного правительства в работах Ленина и Сталина в первой русской революции 1905—1907 годов.— ЛГУ.

Киевская социал-демократическая организация накануне первой буржуазно-демократической революции в России.— Киевск. ун-т.

Газета «Пролетарий» в 1905 году.— Экон.-стат. ин-т.

История первой большевистской газеты «Вперёд».— Саратов. ун-т.

Большевистская газета «Вперёд» и её историческое значение.— ЛГУ.

Большевистская газета «Вперёд» (I—V. 1905 г.).— МГУ.

Революционная роль большевистской печати в России в 1905 году (январь — декабрь 1905 г.).— АОН.

Большевистская печать Восточной Сибири накануне и в период первой русской революции.— МГУ.

Борьба большевиков за ленинскую аграрную программу в революции 1905—1907 годов.— ЛГУ.

Борьба большевиков против партии эсеров, за руководство крестьянским движением в революции 1905—1907 годов.— МГУ.

Борьба петербургских большевиков за руководство рабочим движением осенью 1905 года (октябрь — декабрь).— МГУ.

Революционное движение в Кахетии в 1905—1907 годах.— Ин-т ист. АН Груз. ССР.

Гор. Кутаис и его уезд в период революции 1905—1907 годов.— Тбилисс. ун-т.

В. И. Ленин и И. В. Сталин о роли массовых политических стачек в период подъёма революции (1905—1907 гг.).— АОН.

В. И. Ленин и И. В. Сталин о вооружённом восстании.— ЛГУ.

Ленин и Сталин о вооружённом восстании в период первой русской революции.— ВПА имени Ленина.

Московские большевики во главе масс в период подготовки и проведения декабрьского вооружённого восстания 1905 г. в Москве.— МГУ.

Революционное движение в войсках петербургского военного округа в годы первой русской революции.— ЛГПИ имени Герцена.

Революционное студенчество накануне и в период первой русской революции.— ЛГУ.

Революционные волнения и восстания в железнодорожных войсках в период первой русской революции 1905—1907 годов.— ЛГУ.

Рабочие Владикавказской железной дороги в революции 1905—1907 годов.— Ростовск. н. Д. ун-т.

Национально-освободительное движение на Украине в революции 1905—1907 годов.— Киевск. ун-т.

Советы рабочих депутатов на Украине в 1905 году.— Ин-т ист. АН УССР.

* Иваново-вознесенские большевики в первой русской революции.— МГУ.

Большевики Казани в революции 1905—1907 годов.— МГУ.

Симбирские большевики в революции 1905—1907 годов.— МГУ.

Крестьянское движение в Симбирской губернии в период первой русской революции 1905—1907 годов.— МГПИ имени Ленина.

Крестьянское движение в Черниговской губернии в 1905—1907 годах.— Горьк. ун-т.

Крестьянское движение в Ярославской губернии в период первой русской буржуазно-демократической революции 1905—1907 годов.— ЛГУ.

Крестьянское движение в Воронежской губернии в период революции 1905—1907 годов.— МОПИ.

Революция 1905—1907 гг. в Ставропольской губернии.— МГПИ имени Ленина.

Революция 1905—1907 годов в Черноморской губернии.— Ростовск. н. Д. ун-т.

Борьба закавказских большевиков против армянских националистов в революции 1905—1907 годов.— ВПА имени Ленина.

Роль большевистских организаций в революционном движении Чувашии в годы первой русской революции.— МГУ.

Большевистские организации в Прибайкалье в период первой русской революции (1905—1907 гг.).— МГПИ имени Ленина.

Борьба большевиков против меньшевиков, за революционную марксистскую партию (1906—1907 гг.).— МГУ.

Аграрный вопрос во Второй государственной думе и борьба большевиков с кадетами, за крестьянство.— ЛГУ.

Революционная, партийная и государственная деятельность В. В. Куйбышева.— АОН.

Революционная деятельность большевика Хусайна Ямашева.— Казанск. ун-т.

РОССИЯ В ГОДЫ СТОЛЫПИНСКОЙ РЕАКЦИИ (1908—1912)

Аграрная реформа Столыпина в Саратовской губернии.— Ист.-архивн. ин-т.

Третья государственная дума и национальная политика царизма на Кавказе.— МГПИ имени Ленина.

Рабочий вопрос в III государственной думе.— МГПИ имени Ленина.

Борьба большевиков за партию, против ликвидаторства (1908—1912).— МГУ.

Пражская партийная конференция. Оформление большевиков в самостоятельную марксистскую партию.— АОН.

РОССИЯ В ГОДЫ ПОДЪЁМА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ ПЕРЕД ПЕРВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНОЙ (1912—1914)

Большевистская партия в борьбе за массы в годы нового революционного подъёма (1912—1914).— АОН.

Стаечная борьба петербургского пролетариата в годы революционного подъёма (1912—1914).— ЛГПИ имени Герцена.

Московский пролетариат в годы нового революционного подъёма (1912—июль 1914 г.).— МГПИ имени Ленина.

Московская организация большевиков в годы нового революционного подъёма (1912—1914).— Экон. ин-т.

Большевики Урала в годы подъёма рабочего движения перед первой мировой войной (1912—1914).— МГУ.

Екатеринославская большевистская организация в годы нового революционного подъёма (1912—1914).— ЛГУ.

Рабочее движение в Екатеринославской губернии в годы революционного подъёма (1912—1914).— Ин-т ист. АН УССР.

Революционное движение в царской армии в 1912—1914 годах.— АОН.

Роль большевистской «Правды» в борьбе за развёртывание массового рабочего движения (апрель 1912 — май 1913).— АОН.

В. И. Ленин и И. В. Сталин — вдохновители и организаторы борьбы большевиков на выборах в IV государственную думу.— МГУ.

Большевистская газета «Правда» в борьбе за массы в период избирательной кампании в IV государственную думу.— АОН.

Деятельность партии большевиков в страховой кампании (1912—1914).— ЛГПИ имени Покровского.

К разработке товарищем Сталиным теории и программы большевизма по национальному вопросу.— АОН.

Порошинское (летнее) 1913 г. совещание ЦК РСДРП с партийными работниками.— ИМЭЛ.

Степан Шаумян — верный ученик и соратник Ленина и Сталина. 1878—1918 гг. (жизнь и деятельность).— АОН.

А. И. Ульянова-Елизарова и М. И. Ульянова — профессиональные революционеры.— МГУ.

РОССИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ. ВТОРАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ (1914 — март 1917 г.)

Тактика большевистской партии в годы первой мировой войны (1914—1917).— АОН.

Борьба В. И. Ленина против пацифизма, за превращение войны империалистической в войну гражданскую.— ЛГУ.

Борьба партии большевиков за ленинско-сталинскую политику в национальном вопросе в годы первой мировой войны.— МГУ.

Возникновение и развитие марксистских кружков в Казахстане.— МГУ.

Рабочее движение и большевистские организации на Урале в годы мировой империалистической войны и февральской революции (1914 — март 1917).— ИМЭЛ.

Большевики — организаторы и руководители стачечной борьбы рабочих Донбасса в годы империалистической войны (на примере горловской стачки 1916 г.).— Эконом.-стат. ин-т.

Партия большевиков в период февральской буржуазно-демократической революции в России.— АОН.

Московский совет рабочих депутатов от февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. до Великой Октябрьской социалистической революции.— Ист.-архивн. ин-т.

Борьба партии большевиков за войско петроградского гарнизона в 1917 году.— МГУ.

ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (апрель 1917—1918)

В. И. Ленин и И. В. Сталин о резервах Великой Октябрьской социалистической революции.— АОН.

Борьба партии большевиков за революционную мобилизацию масс в период мирного развития революции в России в 1917 году.— АОН.

Большевистская «Правда» в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март — октябрь 1917).— МГУ.

Пролетарская молодежь Москвы в борьбе за подготовку и проведение Великой Октябрьской социалистической революции (февраль — ноябрь 1917).— Ин-т ист. АН СССР.

Большевистская газета «Солдатская правда» в период подготовки и проведения Ве-

ликой Октябрьской социалистической революции.— ВПА имени Ленина.

Борьба большевиков за солдатские массы на Западном фронте в 1917 году (март — октябрь).— ВПА имени Ленина.

Большевистская фронтовая газета «Окопная правда» в борьбе за большевизацию солдатских масс 12-й армии в период революционной мобилизации масс (май — август 1917).— ЛГУ.

Апрельские тезисы Ленина — гениальный план борьбы большевистской партии за переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической.— АОН.

Теория Ленина — Сталина о слабом звене империалистической цепи (опыт России).— ВПА имени Ленина.

Разработка и принятие новой программы партии (апрель 1917 — март 1919).— МГУ.

Яков Михайлович Свердлов на Урале.— ЛГУ.

Большевистская партия и Учредительное собрание.— МОПИ.

Тактика партии большевиков по отношению к Учредительному собранию (апрель 1917 — январь 1918).— АОН.

Тактика партии большевиков по отношению к Учредительному собранию в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.— МГУ.

Борьба партии большевиков с «левыми» эсерами, за упрочение советской власти (октябрь 1917 — июль 1918).— Эконом.-стат. ин-т.

Экономическая платформа партии большевиков в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.— ВПА имени Ленина.

Экономическая платформа партии большевиков в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции.— МГУ.

Экономическая платформа большевиков в предоктябрьский период.— МГПИ имени Ленина.

Аграрная программа партии большевиков в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (апрель 1917 — ноябрь 1918).— Киевск. ун-т.

Борьба крестьян Московской губернии за землю в 1917 г. (март—октябрь).— МГПИ имени Ленина.

Открытие В. И. Лениным Советов как государственной формы диктатуры пролетариата и образование советского социалистического государства.— АОН.

Национальный вопрос в строительстве советского социалистического государства (1917—1922).— МГПИ имени Ленина.

Партия большевиков — руководитель профсоюзов в борьбе за упрочение советской власти (ноябрь 1917 — середина 1918 г.).— ЛГУ.

Борьба большевистской партии за руководство профессиональным движением петроградского пролетариата в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.— ЛГУ.

Борьба партии Ленина — Сталина за кре-

стьянство как союзника пролетариата в социалистической революции.— МОПИ.

Борьба партии большевиков за крестьянство в первый год пролетарской революции (ноябрь 1917—1918 г.).— ЛГУ.

Борьба большевистской партии за женские пролетарские массы в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.— ЛГПИ имени Покровского.

Политика большевистской партии по отношению к буржуазной интеллигенции в первые годы советской власти (октябрь 1917 — март 1919).— МГУ.

История Устава большевистской партии (ноябрь 1917 — 1939 г.).— ЛГУ.

Устав ВКП(б) и регулирование состава партии в послеоктябрьский период (1917—1941).— МГУ.

Московские большевики в борьбе за упрочение советской власти (ноябрь 1917 — июнь 1918).— МГПИ имени Ленина.

Московская большевистская организация во главе профессиональных союзов в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.— МГУ.

Московская организация большевиков в борьбе за крестьянство в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.— АОН.

Роль Петроградского военно-революционного комитета в подготовке и проведении Октябрьского вооружённого восстания.— МГПИ имени Ленина.

Борьба большевиков за Советы в уездах Петроградской губернии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.— ЛГУ.

Луганская большевистская организация в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.— МГУ.

Казанские большевики в борьбе за крестьянство в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции.— МГУ.

Борьба большевиков за установление и упрочение советской власти в Симбирской губернии (апрель 1917 — июль 1918).— АОН.

Борьба астраханских большевиков за упрочение советской власти в Астрахани.— МГУ.

Большевики Орловской губернии в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции и утверждение советской власти.— МГУ.

Борьба за установление советской власти в Калуге в 1917 году.— ЛГУ.

Борьба большевиков Красноярска за установление и упрочение советской власти в Енисейской губернии (1917 — май 1918).— ЛГУ.

Завоевание и упрочение советской власти в Чувашии в 1917—1918 гг.— МГУ.

Борьба большевиков Армении за установление советской власти в Армении в 1917 году.— Ереванск. ун-т.

Борьба за установление и упрочение советской власти в Молдавии (1917—1920 гг.).— МГПИ имени Ленина.

Подготовка Великой Октябрьской социалистической революции в Латвии.— Латв. ун-т.

Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Латвии.— Латв. ун-т.

Партия большевиков — организатор разгрома контрреволюционного корниловского заговора.— МГУ.

Роль большевистской партии в разгроме заговора генерала Корнилова против революции.— ЛГУ.

Партия большевиков — руководитель профсоюзов в борьбе за упрочение советской власти (ноябрь 1917 — середина 1918 г.).— ЛГУ.

Партия большевиков перед VI съездом.— МГУ.

Партия большевиков в период подготовки Октябрьской социалистической революции (VI съезд, июль — август 1917).— САГУ.

Борьба большевиков Симбирской губернии за крестьянство в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.— МГУ.

Большевики Южного Урала в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.— АОН.

Борьба за установление и упрочение советской власти в Ярославской губернии.— МГУ.

Борьба иваново-вознесенских большевиков за установление советской власти в 1917 году.— МГПИ имени Ленина.

Вологодские большевики в борьбе за советскую власть (1917—1920 гг.).— ЛГУ.

Советская власть в борьбе за проведение на местах ленинско-сталинской продовольственной политики (по материалам Тверской губернии 1917—1918 гг.).— МГПИ имени Ленина.

Ликвидация помещичьего землевладения и первые шаги по социалистическому переустройству сельского хозяйства в Орловской губернии в 1917—1918 годах.— Ист.-архивн. ин-т.

Комитеты бедноты Московской губернии и их роль в развёртывании социалистической революции в деревне.— МГПИ имени Потёмкина.

Комитеты деревенской бедноты и развёртывание социалистической революции в деревне.— ЛГУ.

Борьба партии большевиков за кооперирование крестьянских хозяйств в 1917—1919 годах.— ЛГУ.

Комитеты бедноты в борьбе за укрепление Красной Армии (Восточный фронт).— Ростовск. н. Д. ун-т.

Комитеты деревенской бедноты Петроградской губернии.— ЛГПИ имени Покровского.

Рабочий контроль в промышленности Иваново-Вознесенского района в 1917—1918 годах.— ЛГПИ имени Герцена.

Борьба пролетариата Донско-Криворожского бассейна за рабочий контроль в промышленности.— Харьковск. ун-т.

Октябрьская социалистическая революция и создание советской школы (1917—1920).— АОН.

Борьба большевистской партии за завоевание учительства и вовлечение его в активное социалистическое строительство (1917—1925).— МГУ.

Деятельность Всероссийской коллегии по формированию Красной Армии (декабрь 1917 — май 1918).— ВПА имени Ленина.

Партия большевиков в борьбе за создание Советской Армии в первой половине 1918 года (период добровольческого принципа комплектования Советской Армии).— ВПА имени Ленина.

Партийное строительство в период первой передышки (1918).— МГУ.

Первые шаги в реализации ленинского плана приступа к социалистическому строительству (весна — лето 1918).— МГУ.

Комитеты деревенской бедноты и разгром контрреволюционного кулачества (1918 год).— ЛГУ.

Колхозное строительство на Харьковщине (1918—1929).— Харьковск. ун-т.

Борьба партии большевиков за упрочение советской власти в районах Северной области в 1918 году.— ЛГУ.

Борьба трудящихся масс Западной Украины под руководством коммунистических организаций за установление советской власти в 1918—1920 годах.— МГУ.

Формирование рабочего класса в Киргизии.— Ин-т яз. и лит. и Ин-т ист., археол. и этногр. Казах. ССР.

ИНОСТРАННАЯ ВОЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

(1918—1920 гг.)

Борьба партии большевиков за укрепление военно-политического союза пролетариата и крестьянства в годы гражданской войны (1918—1920).— ВПА имени Ленина.

Борьба партии Ленина — Сталина за воспитание рабочих и трудящихся крестьян в духе советского патриотизма в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.).— ВПА имени Ленина.

Марксизм-ленинизм об историческом значении и характере вооружённых сил социалистического государства.— ВПА имени Ленина.

Вопросы политического воспитания советских воинов в произведениях В. И. Ленина и И. В. Сталина.— ЛГУ.

Партия Ленина — Сталина — организатор и вдохновитель разгрома первого похода Антанты.— АОН.

Английская оккупация Баку 1918—1919 годов.— Ереванск. ун-т.

США — организатор колчаковского реакционного режима в Сибири (1918—1919 гг.).— МГУ.

Заговор генерала Корнилова против революции и его разгром.— АОН.

Организация разгрома первого натиска Антанты и внутренней контрреволюции в Среднем Поволжье (май — октябрь 1918 г.).— МГПИ имени Потёмкина.

Борьба большевистской партии за улучшение качества состава своих рядов в годы

иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920).— ЛГУ.

Борьба партии большевиков за упрочение советской власти в период военной иностранной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.) (на материалах воронежской большевистской партийной организации).— МГПИ имени Ленина.

Московская организация большевиков в борьбе за хлеб в первый период гражданской войны.— МГУ.

Политика большевистской партии по национальному вопросу в период иностранной военной интервенции и гражданской войны 1918—1920 годов (на примере Казахстана).— АОН.

Борьба рабочих Москвы за осуществление ленинского плана приступа к социалистическому строительству весной 1918 года.— АОН.

Участие московских профсоюзов в создании Красной Армии (1918—1920 гг.).— ВШП.

Комсомол Украины в борьбе против интервентов и внутренней контрреволюции (в 1918—1920 гг.).— Киевск. ун-т.

Иваново-вознесенские большевики в борьбе за хлеб в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.).— МГУ.

Роль воронежских большевиков в годы гражданской войны (1918—1920).— МГУ.

Саратовская большевистская организация в борьбе за хлеб в 1918—1920 годах.— Саратов. ун-т.

Большевики Казахстана в годы гражданской войны (1918—1920).— МГУ.

Большевики — организаторы партизанского движения на севере Казахстана в годы гражданской войны (1918—1919).— МГУ.

К истории борьбы за социалистическую реконструкцию сельского хозяйства в Узбекской ССР (1918—1930).— Ин-т ист. и археол. АН УзССР.

Борьба моряков под руководством С. М. Кирова с интервентами и белогвардейцами на Нижней Волге и Каспии (1918—1920).— ЛГУ.

Черкасская оборона (1918—1919).— Объед. Учён. совет Ин-та яз. и лит. и Ин-та ист., археол. и этногр. АН Казах. ССР.

Большевики Красноярского края в борьбе против Колчака — Экон. ин-т.

Партизанское движение на Черноморье в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920).— Ростовск. н. Д. ун-т.

Разгром вооружённой интервенции Антанты на юге Украины (ноябрь 1918 — апрель 1919).— Ин-т ист. АН УССР.

Принятие программы РКП(б) на VIII съезде.— Азерб. ун-т.

Партия большевиков — вдохновитель и организатор разгрома Юденича в 1919 году.— ВПА имени Ленина.

Московские большевики во главе трудящихся столицы в борьбе за осуществление призыва В. И. Ленина «Все на борьбу с Деникиным».— МГУ.

Борьба за установление советской власти

в гор. Самарканде (февраль 1917 — февраль 1918).— Узб. ун-т.

М. В. Фрунзе — командующий всеми вооружёнными силами Украины и Крыма.— ВПА имени Ленина.

М. В. Фрунзе и советское строительство в Средней Азии (1919—1920).— МГПИ имени Потёмкина.

М. В. Фрунзе — организатор и руководитель разгрома Бухарского эмирата.— МГУ.

М. В. Фрунзе и вопросы советской военной идеологии.— ЛГУ.

Военно-политическая деятельность В. В. Куйбышева на Туркестанском фронте.— ВПА имени Ленина.

Борьба большевиков Дагестана против английских интервентов и Деникина.— МГУ.

Борьба партии большевиков за коммунистические формы труда в годы гражданской войны.— МГУ.

Московские коммунистические субботники в 1919 году.— АОН.

Коммунистические субботники на Кубани (1920—1921 гг.).— МГУ.

Партийно-следственная комиссия ЦК РКП(б) и Совета обороны на Восточном фронте (январь 1919 г.).— ЛГУ.

А. М. Горький в борьбе за создание советской интеллигенции в период иностранной военной интервенции и гражданской войны.— МГУ.

Подготовка Антантой нападения панской Польши на Советскую Россию в 1920 году.— Киевск. ун-т.

Борьба трудящихся Украины под руководством большевистской партии с интервенцией панской Польши в 1920 году.— Харьковск. ун-т.

Участие трудящихся Башкирии в борьбе за разгром II и III походов Антанты.— Ин-т ист. АН СССР.

Разгром японской интервенции и крах происков американских империалистов на советском Дальнем Востоке (1920—1922).— Ин-т восток. АН СССР.

Борьба армянского народа против агентов англо-американского империализма дашнаков, за установление советской власти в Армении.— ВДШ.

Борьба партии большевиков и советской власти за проведение ленинско-сталинской национальной политики в Закавказье в 1920—1925 годах.— МГУ.

Г. К. Орджоникидзе в борьбе за установление советской власти в Закавказье 1920—1921 гг.— Экон. ин-т.

Борьба большевистской партии за упрочение советской власти на Украине (в 1920 г.).— Киевск. ун-т.

Большевистская партия в борьбе за восстановление угольной промышленности Донбасса в 1920 г.— Киевск. ун-т.

СССР В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА НА МИРНУЮ РАБОТУ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА (1921—1925)

Ленинско-сталинский кооперативный план.— МГУ.

Вопросы стратегии и тактики большевизма в произведениях И. В. Сталина 1921—1925 годов.— АОН.

Вопросы партийного строительства в период перехода большевистской партии к новой экономической политике (1921 — май 1922 г.).— ЛГУ.

Из истории классовой борьбы на экономическом фронте в первый период новой экономической политики (1921—1925).— ЛГПИ имени Покровского.

Борьба партии большевиков за укрепление союза рабочего класса и крестьянства в восстановительный период.— ЛГУ.

Борьба партии Ленина — Сталина за укрепление союза рабочего класса с крестьянством в период восстановления народного хозяйства (1921—1925).— МГУ.

Борьба большевистской партии за укрепление профсоюзов в первые годы нэпа (1921—1922).— АОН.

Борьба большевистской партии за подъём партийного просвещения в период восстановления народного хозяйства страны (1921—1925).— ЛГУ.

Рабочий класс СССР в восстановительный период (восстановление индустриальных кадров рабочего класса в 1921—1925 гг.).— АОН.

Московская организация большевиков в борьбе за укрепление союза рабочего класса и крестьянства в первые годы новой экономической политики (1921—1923).— МГУ.

Московские большевики в борьбе за восстановление социалистической промышленности (1921—1925 гг.).— МГУ.

Екатеринославская партийная организация в период борьбы за восстановление народного хозяйства (1921—1925 гг.).— Киевск. ун-т.

Большевики Одесщины в борьбе за укрепление союза рабочих и крестьян в восстановительный период 1921—1925 гг.— Киевск. ун-т.

Большевики Дона в борьбе за восстановление сельского хозяйства в 1921—1925 гг.— Ростовск. н. Д. ун-т.

Большевики Туркестана в борьбе за переход к новой экономической политике.— МГУ.

Коммунистическая партия (большевиков) Белоруссии в борьбе за восстановление народного хозяйства (1921—1925 гг.).— ИМЭЛ.

Армянская ССР в первый год нэпа (весна 1921 — весна 1922).— Ин-т ист. АН Арм. ССР.

Борьба партии большевиков против буржуазной идеологии в первые годы нэпа (1921—1922).— МГУ.

Борьба большевистской партии с реакционной идеологией сменоземовства.— ЛГУ.

Борьба Ленина и Сталина за создание новой, советской интеллигенции.— МГУ.

Борьба большевистской партии за развитие советского воздушного флота в 1921—1928 годах.— ВПА имени Ленина.

Крестьянская печать в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства.— ВПШ.

Комитеты незаможных селян в первый период новой экономической политики (1921—1922 г.).— Ин-т ист. АН УССР.

Успехи развития сельского хозяйства Украины к концу восстановительного периода 1923—1925 годов.— Ин-т ист. АН УССР.

Партия большевиков — вдохновитель и организатор социалистического соревнования и ударничества в промышленности в период первой пятилетки (1928—1932 гг.).— АОН.

Ленинский призыв в партию (из истории партийной организации Ростовской области).— МГУ.

Ленинский призыв в партию в Казахстане в 1924 году.— МГУ.

Борьба большевистской партии с грузинским национал-уклонизмом и его разгром.— ЛГУ.

Борьба большевистской партии за оживление Советов (1924—1926 гг.).— МГУ.

Борьба большевистской партии за оживление Советов в деревне в конце восстановительного периода (1924—1925 гг.).— МГУ.

Борьба большевистской партии за укрепление Советской Армии в период военной реформы (1924—1928 гг.).— ВПА имени Ленина.

Совет народного хозяйства Северного района (организация и первый этап деятельности).— МОПИ.

Комсомол на строительстве и освоении Магнитогорского металлургического комбината имени Сталина (1924—1933 гг.).— АОН.

Образование Узбекской советской социалистической республики.— АОН.

СССР В ПЕРИОД БОРЬБЫ ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЮ СТРАНЫ (1926—1929)

Развитие товарищем И. В. Сталиным учения В. И. Ленина о возможности построения социализма в одной стране.— МГУ.

Борьба партии большевиков за единство своих рядов в первые годы социалистической индустриализации нашей страны.— ВПА имени Ленина.

Борьба большевистской партии за развёртывание критики и самокритики в период подготовки и осуществления развёрнутого наступления социализма на капиталистические элементы по всему фронту (1926—1929 гг.).— ВПА имени Ленина.

Укрепление советской государственности в 1926—1929 гг. (перевыборы Советов).— Ин-т ист. АН СССР.

Большевистская партия в борьбе за социалистическую индустриализацию СССР (1926—1929 гг.).— МГУ.

Борьба Вятской (Кировской) парторганизации за социалистическую индустриализацию (1926—1933 гг.).— МОПИ.

* Советизация казахского аула (1926—1929 гг.).— Ин-т ист. АН СССР.

Борьба партии Ленина — Сталина за подготовку массового колхозного движения (1927—1929 гг.).— АОН.

Наступление против кулачества в период подготовки сплошной коллективизации сель-

ского хозяйства на Украине (1927—1929 гг.).— Киевск. ун-т.

Борьба партии большевиков за вовлечение женщин-крестьянок в колхозное строительство на Украине (1927—1929 гг.).— Киевск. ун-т.

Молдавская партийная организация в борьбе за подготовку и проведение коллективизации сельского хозяйства (1927—1932 гг.).— АОН.

Борьба за хлеб в 1928 году.— Ин-т ист. АН СССР.

Административное районирование РСФСР в 1928—1930 годах.— Ин-т ист. АН СССР.

Социалистическая индустриализация БССР за годы трёх сталинских пятилеток (1928—1941).— Белорусск. ун-т.

Борьба большевиков Черниговщины за коллективизацию сельского хозяйства (1928—1935 гг.).— Киевск. ун-т.

Борьба ярославских большевиков за коллективизацию сельского хозяйства и ликвидацию кулачества как класса в годы первой сталинской пятилетки (1928—1932).— МГУ.

Борьба большевиков в республике Коми за коллективизацию сельского хозяйства 1928—1933 годов.— МОПИ.

Сталинская политика индустриализации СССР и её осуществление за годы трёх предвоенных сталинских пятилеток.— ЛГУ.

Борьба большевистской партии за решение проблемы промышленных кадров в годы первой сталинской пятилетки (1929—1932).— ЛГУ.

Руководство большевистской партии профсоюзами в период первой сталинской пятилетки (1928—1932 гг.).— АОН.

Советские профсоюзы в год великого перелома (1929).— ВШП.

Партия Ленина — Сталина — организатор и вдохновитель социалистического соревнования в период первой пятилетки (март 1929 — январь 1933).— ЛГПИ имени Герцена.

Борьба партии большевиков за выполнение плана первой пятилетки в области промышленности.— АОН.

Критика и самокритика в борьбе большевистской партии за выполнение задач первой сталинской пятилетки.— МГПИ имени Ленина.

Большевистская критика и самокритика — метод партийного руководства в период подготовки развёрнутого наступления социализма по всему фронту (XV—XVI съезды ВКП(б)).— МГУ.

Социалистическое соревнование в промышленности в первом году первой сталинской пятилетки (1928—1929).— Ин-т ист. АН СССР.

Борьба большевистской партии за выполнение задач первого пятилетнего плана в области культурного строительства (1928—1932 гг.).— АОН.

Борьба большевистской партии за создание новой советской интеллигенции в годы первой сталинской пятилетки (1928—1932).— ЛГУ.

Мероприятия коммунистической партии и советского правительства по реорганизации и укреплению высшей школы (1928—1937 гг.).— АОН.

Борьба большевиков Ленинграда за культурно-технический подъём рабочих в период первой сталинской пятилетки (1929—1932).— ЛГУ.

Борьба ленинградской организации ВКП(б) за превращение Ленинграда в центр передового машиностроения в 1928—1933 гг.— ЛГУ.

Большевики Украины в борьбе за организацию социалистического соревнования в тяжёлой промышленности в годы первой сталинской пятилетки.— Харьковск. ун-т.

Рабочие Харькова в борьбе за социалистическую индустриализацию страны в период первой сталинской пятилетки (1928—1932).— Киевск. ун-т.

Партия большевиков в борьбе за создание Уралмашзавода (1928—1933 гг.).— АОН.

Партия большевиков в борьбе за создание Магнитогорского металлургического комбината имени товарища Сталина (1929—1931 гг.).— МГУ.

Борьба партии большевиков за осуществление курса на коллективизацию сельского хозяйства (1927—1929 гг.).— МГПИ имени Ленина.

Борьба партии большевиков за укрепление Советов в деревне в период коллективизации сельского хозяйства (1929—1932 гг.).— АОН.

Роль контрактации сельскохозяйственных продуктов в подготовке массового колхозного движения (1928—1929).— Ин-т ист. АН СССР.

Шефство московских рабочих над деревней в годы коллективизации (1929—1933).— Ин-т нар. хоз-ва имени Плеханова.

Борьба нижегородских большевиков за коллективизацию сельского хозяйства в Нижегородском крае (вторая половина 1929 года до XVI съезда ВКП(б)).— МГУ.

Алтайские большевики в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства в годы первой сталинской пятилетки (1928—1932).— ЛГУ.

Большевистская организация Златоуста в борьбе за выполнение первой и второй сталинских пятилеток.— АОН.

Большевики Узбекистана в борьбе за промышленное развитие республики в период первой пятилетки (1929—1932 гг.).— МГУ.

Роль и задачи профсоюзов Узбекистана в борьбе за выполнение плана хлопководства первой пятилетки (1928—1933 гг.).— ВПШ.

Культурное развитие Башкирии за годы первых сталинских пятилеток (1928—1940).— МГПИ имени Потёмкина.

Борьба большевистской партии за победу колхозного строя и организационно-хозяйственное укрепление колхозов в 1929—1934 гг. (на примере Башкирской АССР).— АОН.

Борьба большевистской партии за коллективизацию сельского хозяйства Киргизии (1929—1934 гг.).— АОН.

СССР В ПЕРИОД БОРЬБЫ ЗА КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЮ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА (1930—1934)

Борьба большевистской партии за усиление политики ограничения и вытеснения кулачества после XV съезда ВКП(б).— МГУ.

Партия большевиков — организатор ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации сельского хозяйства.— МГУ.

Исторический поворот от политики ограничения и вытеснения кулацких элементов к политике ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации (на примере Нижневолжского края).— МГУ.

Борьба партии за организационно-хозяйственное укрепление колхозов во второй пятилетке.— МГУ.

Борьба большевистской партии за решение проблемы руководящих партийно-советских кадров в период развёрнутого наступления социализма по всему фронту (1930—1934).— МГУ.

Партия большевиков в борьбе за осуществление ленинско-сталинской программы культурного строительства (1930—1936 гг.).— ЛГУ.

Партия большевиков в борьбе за подготовку новых кадров квалифицированных рабочих в годы второй сталинской пятилетки (1933—1935).— МГУ.

Большевистская партия в борьбе за укрепление социалистического труда в колхозах в период второй пятилетки.— МГУ.

Советская производственно-техническая интеллигенция в борьбе за завершение технической реконструкции народного хозяйства в период второй пятилетки.— АОН.

Борьба большевиков Московской области за культурное строительство в годы второй пятилетки.— МГУ.

Ленинградские большевики в борьбе за подъём социалистической культуры (1934—1939 гг.).— ЛГУ.

Комсомол Дона — помощник партии в борьбе за сплошную коллективизацию сельского хозяйства.— Ростовск. н. Д. ун-т.

Большевистская печать — могучее оружие партии в борьбе за создание Урало-Кузнецкого комбината (1930—1932 гг.).— МГУ.

Коллективизация сельского хозяйства и её роль в укреплении могущества Советской Армии.— ВПА имени Ленина.

Коллективизация сельского хозяйства в Балашовском районе.— МБИ.

История колхоза имени Военсовета СКВО Ростовской области.— МГУ.

Борьба большевистской партии за экономический и культурный подъём национальных республик в период второй сталинской пятилетки.— АОН.

Большевики Белоруссии в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства.— ЛГУ.

Коллективизация сельского хозяйства на Тереке.— Ростовск. н. Д. ун-т.

К истории колхозного строительства в Грузии.— Тбилиск. ун-т.

Большевики Таджикистана в борьбе за развёртывание массовой коллективизации сельского хозяйства республики.— МГУ.

Партийные организации Казахстана в борьбе за создание и развитие промышленных очагов республики в годы второй сталинской пятилетки (1933—1937).— МГУ.

Борьба большевиков Казахстана за вовлечение женщин-казашек в колхозное строительство.— МГУ.

Переход бурятского улуса к социалистическому колхозному строю на примере колхоза имени Карла Маркса, Баргузинского аймака, Бурят-Монгольской АССР.— МГПИ имени Потёмкина.

Партийная организация Коми-Пермяцкого национального округа в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства (1930—1934 гг.).— Молотовск. ун-т.

Рост материального благосостояния рабочего класса в результате выполнения второй сталинской пятилетки.— АОН.

Роль политических отделов МТС в политическом и организационно-хозяйственном укреплении колхозов (1933—1934 гг.).— АОН.

Политотделы МТС в борьбе за политическое и организационно-хозяйственное укрепление колхозов (1933—1934 гг.).— МГУ.

Борьба политических отделов МТС за политическое и организационно-хозяйственное укрепление колхозов (1933—1934 гг.).— МГУ.

Политотделы МТС в борьбе за политическое и организационно-хозяйственное укрепление колхозов 1933—1934 гг. (по материалам бывшей ЦЧО).— МГУ.

Политотделы МТС в борьбе за укрепление колхозов (по материалам Кошкинского района, Средневолжского края).— МГУ.

Политические отделы машинно-тракторных станций в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов (1933—1934 гг.) (по материалам Горьковского и Средневолжского краёв).— АОН.

Политические отделы МТС и партийные организации Одесской области в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов (1933—1934 гг.).— Киевск. ун-т.

Роль политотделов МТС в организационно-хозяйственном укреплении колхозов Башкирии (1933—1934 гг.).— Ин-т ист. АН СССР.

СССР В ПЕРИОД БОРЬБЫ ЗА ЗАВЕРШЕНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРОВЕДЕНИЕ НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ (1935—1937)

Второй всесоюзный съезд колхозников-ударников.— АОН.

Партия большевиков в борьбе за организацию стахановского движения во второй сталинской пятилетке (1935—1937 гг.).— МГПИ имени Ленина.

Стахановское движение на шахтах Дона (1935—1941).— Ин-т народн. хоз. имени Плеханова.

Зарождение и развитие стахановского движения в Ленинграде.— ЛГУ.

Всенародное обсуждение и принятие Сталинской Конституции (12 июня — 5 декабря 1936 г.).— АОН.

Курс большевистской партии на развернутую внутрипартийную демократию перед выборами в Верховный Совет СССР в 1937 году.— ВПА имени Ленина.

Проведение Сталинской Конституции в Башкирской АССР.— Ин-т ист. АН СССР.

Торжество ленинско-сталинской национальной политики в Татарской АССР.— Казанск. ун-т.

Вклад русского народа в развитие мордовской культуры.— ЛГУ.

Ненецкая женщина до и после Великой Октябрьской социалистической революции.— ЛГУ.

СССР В ПЕРИОД БОРЬБЫ ЗА ЗАВЕРШЕНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА И ПОСТЕПЕННЫЙ ПЕРЕХОД К КОММУНИЗМУ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ (1938 — июнь 1941)

Перестройка партийно-организационной работы ВКП(б) в годы третьей сталинской пятилетки.— Ростовск. н. Д. ун-т.

Агитационно-пропагандистская работа ленинградской городской партийной организации по обеспечению выполнения третьего пятилетнего плана в области промышленности.— ЛГУ.

Борьба партии Ленина — Сталина за дальнейшее организационно-хозяйственное укрепление колхозов в третьей пятилетке (1938 — июнь 1941 г.).— АОН.

Большевики Казахстана в борьбе за выполнение третьей сталинской пятилетки (1938 — июнь 1941 г.).— АОН.

Процесс национальной консолидации алтайцев в условиях социализма.— Ин-т этногр. АН СССР.

СССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (июнь 1941 — 1945)

Комсомол — верный помощник большевистской партии (комсомольские организации советского тыла в годы Отечественной войны — 1941—1945).— АОН.

Первичная комсомольская организация в Вооружённых Силах Союза ССР.— ВПА имени Ленина.

Источники силы и могущества Советской Армии.— ЛГУ.

Источники силы и несокрушимости Советского государства.— Белорусск. ун-т.

Героическая оборона города Ленинграда в дни Великой Отечественной войны.— МГУ

Московские большевики в борьбе за мобилизацию колхозного крестьянства на помощь фронту в годы Великой Отечественной войны (1941—1945).— МГУ.

Борьба большевиков Раменского района, Московской области, за развитие колхозного хозяйства в годы Великой Отечественной войны.— МГПИ имени Потёмкина.

Борьба колхозного крестьянства Курской области за сохранение и возрождение колхозов во время Великой Отечественной войны (1941—1943).— МГПИ имени Потёмкина.

Большевики Уральского завода тяжёлого машиностроения имени С. Орджоникидзе в период Великой Отечественной войны Советского Союза.— МГУ.

Ворошиловградская областная партийная организация во главе народных масс области в борьбе против немецко-фашистских оккупантов в 1942—1943 годах.— МГУ.

Борьба украинского народа под руководством коммунистической партии против угона граждан СССР на фашистскую ка-торгу в Германию.— МГУ.

Партизанское движение в Одесской области против немецко-фашистских захватчиков в дни Великой Отечественной войны.— Ин-т ист. АН УССР.

Большевики Киевской области в борьбе за восстановление и дальнейшее развитие сахарной промышленности (1943—1950 гг.).— Киевск. ун-т.

Большевицкая печать в героической обороне Одессы.— Киевск. ун-т.

Борьба трудящихся Черновицкой области против немецко-фашистских оккупантов в период Великой Отечественной войны (1941—1944 гг.).— Львовск. ун-т.

Станиславщина в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.).— Ин-т ист. АН УССР.

Андижанская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941—1945 гг.).— Ин-т ист. и археолог. АН УзССР.

Ленинско-сталинский комсомол Советской Киргизии в годы Великой Отечественной войны.— МГПИ имени Ленина.

Воспитание советских воинов в духе дружбы народов СССР в период Великой Отечественной войны.— ВПА имени Ленина.

СССР В БОРЬБЕ ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ХОЗЯЙСТВА, ЗА СТРОИТЕЛЬСТВО КОММУНИЗМА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945—1950)

Партия большевиков в борьбе за повышение производительности труда в промышленности в период первой послевоенной пятилетки.— АОН.

Московские большевики в борьбе за послевоенный подъём сельского хозяйства (1946—1950 гг.).— Эконом.-стат. ин-т.

Большевики Сталинграда в борьбе за восстановление города-героя.— МГУ.

Партийная организация Сталинграда в борьбе за развитие социалистического соревнования в первой послевоенной сталинской пятилетке.— МГПИ имени Ленина.

Большевики Рязанской области в борьбе за подъём колхозного хозяйства после Великой Отечественной войны.— МГУ.

Ставропольская партийная организация в борьбе за послевоенную сталинскую пятилетку в области сельского хозяйства (1946—1950 гг.).— АОН.

Партийная организация Краснодарского

края в борьбе за восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства в послевоенный период.— МГПИ имени Ленина.

Борьба большевиков Украины за выполнение решений Февральского Пленума ЦК ВКП(б) «О мерах подъёма сельского хозяйства в послевоенный период».— АОН.

Роль комсомола Украины в развитии социалистического соревнования и стахановского движения в период послевоенной сталинской пятилетки в области промышленности (январь 1946 — октябрь 1950).— Киевск. ун-т.

Партийная организация Сахалинской области в борьбе за выполнение послевоенной сталинской пятилетки (1946—1950).— АОН.

Парижская мирная конференция 1946 года (Борьба советской делегации против англо-американского империализма, за суверенитет и независимость народов на Парижской мирной конференции).— АОН.

Борьба делегации СССР в атомной комиссии ООН за запрещение атомного оружия и учреждение международного контроля над атомной энергией (1946—1949 гг.).— Киевск. ун-т.

Воспитание советских воинов на боевых традициях Советской Армии в мирное время.— ВПА имени Ленина.

Культурно-просветительная работа в Советской Армии (1946—1950 гг.).— ВПА имени Ленина.

Москва в народных песнях и преданиях о защите Родины.— Ин-т этногр. АН СССР.

Всенародная борьба за выполнение великого сталинского плана преобразования природы.— ЛГПИ имени Герцена.

Техника современных домашних промыслов и ремёсел в киргизских колхозах.— Ин-т этногр. АН СССР.

Абхазы Ачамчирского района (опыт этнографического исследования культуры и быта колхозников).— Ин-т этногр. АН СССР.

История народов Западной Украины и Литвы до воссоединения с Советским Союзом

Борьба трудящихся Западной Украины за воссоединение с Украинской Советской Социалистической Республикой (1917—1939 гг.).— АОН.

Положение крестьян Западной Украины в панской Польше.— Львовск. ун-т.

Борьба рабочих и крестьян Западной Украины за советскую власть и воссоединение с Советской Украиной в 1928—1933 годах.— Киевск. ун-т.

Борьба трудящихся Северной Буковины против румынских империалистов. Социальное и национальное освобождение и воссоединение с Советской Украиной (1930—1940 гг.).— МГУ.

Борьба литовского народа против клерикализма в годы господства христианско-демократической партии (1920—1926 гг.).— МГУ.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ДРЕВНИЕ ВЕКА

Социально-экономический строй Крита в VI—IV веках до нашей эры.— МГУ.

Западная политика афинской рабовладельческой демократии времён Перикла.— ЛГУ.

Социально-политическая борьба в Афинах в 411 г. до н. э. (Олигархический переворот четырёхсот).— ЛГПИ имени Герцена.

История Синопы в классическое и эллинистическое время.— МГПИ имени Потёмкина.

Социальные реформы Агиса и Клеомена в древней Спарте.— Ин-т ист. АН СССР.

Государственное хозяйство Птолемеевского Египта в середине III в. до н. э.— МГУ.

Фракия и Рим. Борьба фракийских племён против римской агрессии во II—I вв. до н. э. и в начале I в.— МГПИ имени Ленина.

Кризис римской демократии и заговор Катилины.— ЛГУ.

Армянский поход Нерона и сопротивление народов Востока римской агрессии.— МГПИ имени Ленина.

Социальные отношения в галльских городах в первом—втором веках нашей эры.— МГУ.

Провинция Ахайя при Антонинах.— Ин-т ист. АН СССР.

СРЕДНИЕ ВЕКА

Англия

Ранние огораживания и борьба за общинные земли в Англии в XIII веке.— ЛГПИ имени Герцена.

Начало колониальной экспансии Англии в 70—80-х годах XVI в.— ЛГУ.

Германия

Восстание Бедного Конрада в Вюртемберге в 1514 году.— ЛГПИ имени Герцена.

Борьба за объединение Германии в немецкой публицистике и программных документах эпохи реформации и крестьянской войны.— ЛГПИ имени Герцена.

Франция

Борьба городов северо-восточной Франции за независимость в XII—XIII веках.— МГПИ имени Ленина.

Интенданты провинций в системе французского абсолютизма (от их возникновения до середины XVII в.).— МОПИ.

Социально-экономические отношения и классовая борьба в Лионе первой половины XVII века.— ЛГУ.

Политические идеи кардинала Ришелье.— Харьковск. ун-т.

Чехия

Социально-политические и национальные требования в учении Яна Гуса.— МГПИ имени Ленина.

Сербия

Развитие социально-экономического строя Сербии в XIII—XIV веках.— ЛГПИ имени Герцена.

Прибалтийские страны

Немецкая агрессия в Восточную Прибалтику в первой половине XIII века.— ЛГПИ имени Герцена.

Начало колониальной экспансии в Америку.— ЛГУ.

Индия

* Религиозная политика Акбара (к истории индо-мусульманских разногласий).— Ин-т ист. АН СССР.

НОВАЯ ИСТОРИЯ

Маркс и Энгельс. I Интернационал.

Борьба Маркса и Энгельса за пролетарскую партию в 40—50-х годах XIX столетия («Союз коммунистов» 1847—1852 гг.).— МГУ.

К. Маркс и Ф. Энгельс о национальном вопросе.— МГУ.

Борьба П. Лафарга за революционные принципы I Интернационала (1866—1872 гг.).— МГПИ имени Потёмкина.

Международные отношения

Шлезвиг-Гольштейнский вопрос и европейские державы в 1863—1864 году.— МГУ.

Англо-Кашгарский торговый договор 1874 г.— Ин-т восток. АН СССР.

Германская дипломатия и конец русско-германского договора о нейтралитете в 1890 году.— Ин-т ист. АН СССР.

Политика германского империализма в отношении России во время русско-японской войны (1904—1905 гг.).— МГУ.

Образование англо-французской антанты. 1904.— ЛГУ.

Франко-русские отношения накануне первой мировой империалистической войны (1911—1914 гг.).— ВПА имени Ленина.

Германия

Лассаль — родоначальник оппортунизма в рабочем движении Германии (к истории Всеобщего германского рабочего союза 1862—1864).— АОН.

Подготовка Германии к военной агрессии в период 1871—1875 годов.— ВПА имени Ленина.

Социальный вопрос в «культуркампфе» в Германии (1871—1878 гг.).— МГУ.

Колониальная политика Германии в Юго-Западной Африке (восстание гереро и готтентотов в 1904—1907 гг.).— МГПИ имени Ленина.

Подъём рабочего движения в Германии в годы первой русской революции (1905—1906).— Ин-т ист. АН СССР.

Франция

Народное общество в Кольмаре (1791—1794 гг.).— Одесск. ун-т.

Камилл Демулен и борьба течений в якобинском блоке.— МГПИ имени Потёмкина. Внешняя политика Второй французской республики весной 1848 года.— МГУ.

Французские социалисты и крестьянский вопрос в конце XIX века.— МГПИ имени Потёмкина.

Политика правящих кругов французской буржуазии по отношению к католической церкви и Ватикану в начале XX века.— МОПИ.

Чехия

Национально-политическая борьба в Чехии в годы становления австро-венгерского дуализма (1866—1871 гг.).— Ин-т ист. АН СССР.

Болгария

Светозар Маркович (социально-политические взгляды).— МГУ.

Аграрный переворот 1877—1879 гг. и борьба болгарского народа против реставраторов султанской власти в Болгарии.— ЛГУ.

Социально-политические взгляды Христо Ботева.— МГУ.

Сербия

Рабочее движение в Сербии накануне первой мировой империалистической войны (1910—1914 гг.).— АОН.

Корея

Корея в 1893—1896 гг. (крестьянское восстание и борьба корейского народа против японских милитаристов и их американских пособников).— Ин-т восток. АН СССР.

Индия

Экономическое положение индийского крестьянства и его борьба против феодального и колониального гнёта в 70-х годах XIX века.— ЛГУ.

Афганистан

Завоевание афганцами левобережья Аму-Дарьи в 30—80-х годах XIX века.— Ин-т восток. АН СССР.

Монголия

Внешняя Монголия в период автономии (1911—1919 гг.).— МГУ.

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

Международные отношения

Интервенция американского империализма в Китае в период революции 1925—1927 годов.— ЛГУ.

Американские империалисты — пособники фашистской интервенции в Испании (1936—1939 гг.).— АОН.

Роль США в подготовке мюнхенского сговора с фашистскими апрессорами.— Ин-т междунар. отнош.

Экспансия американского империализма в Турции после второй мировой войны (1945—1949 гг.).— АОН.

Некоторые вопросы экспансии США в странах Пиренейского полуострова после второй мировой войны.— ВДШ.

Страны народной демократии

Руководящая роль рабочего класса в борьбе за построение социализма в европейских странах народной демократии.— АОН.

Польша

Дружба с СССР — прочная гарантия могущества и независимости народно-демократической Польши, её развития по пути к социализму.— ВПА имени Ленина.

СССР и борьба народно-демократической Польши за западные земли.— АОН.

Внутриполитическая борьба в Польше в 1925—1926 гг. и фашистский переворот клики Пилсудского.— Львовск. ун-т.

Чехословакия

Освободительная миссия СССР и борьба чехословацкого народа за свободу и независимость Чехословакии (1941—1945 гг.).— ВПА имени Ленина.

Роль Советского Союза в освобождении Чехословакии и его помощь чехословацкому народу в укреплении народно-демократического государства.— АОН.

Земельная реформа в народно-демократической Чехословакии.— Ин-т ист. АН СССР.

Китай

Революционное движение в Китае в период подготовки единого национального антиимпериалистического фронта (1923 г.).— Ин-т восток.

Роль революционной армии в китайской революции 1925—1927 годов.— МГУ.

Великий поход Китайской Красной Армии 1934—1936 гг. (Из истории китайской Народно-освободительной армии).— МГУ.

Строительство народно-демократической власти в Северо-Восточном Китае (1945—1949 гг.).— Ин-т восток. АН СССР.

США

США — оплот антисоветской политики империализма в 1918—1923 годах.— ВПА имени Ленина.

Реакционная деятельность лидеров Американской федерации труда в рабочем движении США в период экономического кризиса 1929—1933 годов.— ВШП.

Реакционная политика Американской федерации труда после второй мировой войны (1945—1948 гг.).— АОН.

Борьба американского пролетариата против антирабочей политики реакционного правительства Трумэна (1947—1949 гг.).— АОН.

Франция

Реакционная политика французских радикал-социалистов в правительстве Эррио (1924—1925 гг.).— МГПИ имени Потёмкина.

Мюнхенская политика французского империализма (1936—1938 гг.).— Ин-т ист. АН СССР.

Внешняя политика Франции накануне второй мировой войны.— Ин-т мир. хоз.

Французская компартия в борьбе против империалистической реакции, за установ-

ление дружеских отношений Франции с Советским Союзом (1939—1947).— АОН.

Борьба Французской коммунистической партии за национальную независимость Франции в период второй мировой войны.— ВПА имени Ленина.

Коммунистическая партия Франции — выразитель национальных интересов французского народа.— АОН.

Политика французского правительства в германском вопросе после второй мировой войны (1945—1949 гг.).— АОН.

Германия

Революционное движение в германском военно-морском флоте в 1917—1918 гг. и Кильское восстание.— ВПА имени Ленина.

Германия в Локарно.— ЛГПИ имени Герцена.

Роль правительства Г. Мюллера в воссоздании военно-экономического потенциала Германии и подготовке фашистской диктатуры (1928—1930 гг.).— АОН.

Борьба Коммунистической партии Германии за единый фронт, против наступления фашизма (1930—1932).— АОН.

Английская политика вооружения гитлеровской Германии (1935—1936 гг.).— Ин-т ист. АН СССР.

Политика раскола Германии западными оккупационными державами (1945—1949 гг.).— Ин-т междунар. отнош.

Земельная реформа в Германской Демократической Республике.— МОПИ.

Австрия

Борьба трудящихся Галиции под руководством коммунистических организаций за

советскую власть в 1918—1920 годах.— Киевск. ун-т.

Борьба трудящихся Восточной Галиции за установление советской власти в 1920 г.— Ин-т ист. АН УССР.

Захват Австрии гитлеровской Германией в марте 1938 г.— АОН.

Испания

Освободительная война испанского народа (1936—1939 гг.) и агрессивная политика империалистических государств.— ЛГУ.

Индия

Формирование и развитие национальных группировок индийской промышленной буржуазии.— Ин-т восток. АН СССР.

Империалистическая политика английских лейбористов в Индии после второй мировой войны.— ВПА имени Ленина.

Этнический состав населения Южной Индии.— Ин-т этногр. АН СССР.

Иран

Бехаизм как идеологическое оружие англо-американского империализма в Иране.— Ин-т восток.

Япония

Аграрная реформа в Японии (1945—1949 гг.).— Ин-т восток. АН СССР.

Японские правые социалисты на службе американского империализма.— Ин-т восток. АН СССР.

Аргентина

Аргентина и вторая мировая война (Перонизм как аргентинская разновидность фашизма и борьба демократических сил Аргентины против сил империализма и аргентинской реакции).— АОН.

Научная сессия на Кренгольмской мануфактуре

В августе 1952 г. общественность Эстонской ССР отмечала 80-летие первой крупной стачки на Кренгольмской мануфактуре — стачки 1872 года.

Эстонские историки издали сборник документов, опубликовали статьи и брошюры, посвященные истории начального периода рабочего движения в Эстонии¹.

¹ См. сб. «Кренгольмская стачка 1872 г.». Архивный отдел МВД и ЦГИА ЭССР, Таллин. 1952; А. В а с с а р. Восьмидесятилетие Кренгольмской стачки. Журнал «Большевик Эстонии» № 7 за 1952 г., стр. 49—62; Ег о ж е. Начало рабочего движения в Эстонии. «Известия Академии наук Эстонской ССР» Т. 1, № 1, стр. 26—53. 1952; П. С и л л а о т с. Кренгольмская стач-

31 августа в Нарве, в помещении клуба Кренгольмской мануфактуры, состоялась выездная научная сессия Института истории Академии наук Эстонской ССР и Института истории партии при ЦК КП(б) Эстонии — филиала Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б).

С напряженным вниманием аудитория прослушала доклад члена-корреспондента АН СССР профессора А. М. Панкратовой «Начало рабочего движения в России», под-

ка 1872 г. Научно-популярная серия Академии наук Эстонской ССР. Таллин. 1952; В. З у б о в. Об историческом прошлом и развитии Кренгольмской мануфактуры. Таллин. 1952. (Последние три работы на эстонском языке.)

черкнувшей большое значение стачки 1872 г не только для рабочих Кренгольмской мануфактуры, но и для рабочих всей России. В этом первом серьёзном классовом столкновении труда и капитала в Эстонии; отметил докладчик, русские рабочие выступали в качестве организаторов и руководителей. Уже в этом боевом выступлении русские и эстонские рабочие осознали силу и значение братской солидарности и пролетарского интернационализма, единство классовых интересов рабочих всех национальностей. В дальнейшем под руководством революционной партии пролетариата, благодаря её энергичной воспитательной работе эта пролетарская солидарность выросла в прочную дружбу между эстонским и русским пролетариатом, неоднократно выступавшим против общих врагов — царизма и капитализма. Закреплённая кровью в революциях 1905 и 1917 гг., эта дружба и в дальнейшем оставалась нерушимой. С помощью великого русского народа, построившего новое, социалистическое государство, добился полной победы над классовым врагом и эстонский рабочий класс.

Кандидат исторических наук А. К. Вассар прочитал доклад «Стачки рабочих Кренгольмской мануфактуры 1872 и 1882 годов». Докладчик показал, что нарвские рабочие и прежде всего рабочие Кренгольмской мануфактуры сыграли выдающуюся роль в истории рабочего и революционного движения в Эстонии. Нарва вплоть до начала XX в. была крупнейшим центром рабочего движения в Эстонии. Развитию рабочего движения здесь способствовала близость Нарвы к руководящему центру рабочего движения в России — Петербургу. Наиболее активной и руководящей силой в этих стачках были русские рабочие. В Нарве в среде русских рабочих-революционеров воспитались и выросли первые эстонские рабочие-революционеры В. Прейсман, Я. Тамм и др. Под руководством русских рабочих в Нарве был организован в 1875 г. первый известный нам рабочий кружок в Эстонии. Во главе кружка стоял русский рабочий П. Фёдоров. Русские рабочие пробуждали эстонский рабочий класс к борьбе с самодержавием и капиталистами. В Нарве возник и первый марксистский кружок эстонских рабочих, который был связан с ленинским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». И в дальнейшем рабочее движение в Эстонии развивалось в самой тесной связи с общероссийским рабочим движением.

Стачки нарвских рабочих 1872 и 1882 гг. явились ярким примером братской дружбы и нерушимого классового единства русских и эстонских рабочих. Эти революционные традиции дороги рабочему классу Эстонии; он по праву гордится ими.

Директор Кренгольмской мануфактуры М. А. Сорокин прочитал доклад «Кренгольмская мануфактура в период Советской власти». До установления буржуазной диктатуры в Эстонии Кренгольмская мануфактура была одним из крупнейших текстильных предприятий не только России, но и Европы, сказал докладчик. Но

в годы буржуазной диктатуры фабрики Кренгольмской мануфактуры, как и вся экономика Эстонии, пришли в упадок.

Иностранные капиталисты, хозяйничавшие в Эстонии, выкачивали из страны сырьё, превратили её в рынок сбыта для залежалых иностранных товаров, не допускали развития крупной промышленности в Эстонии. В 1933 г. на мануфактуре работало лишь 15% довоенного количества рабочих, выработка продукции составляла 11% довоенного уровня, заработная плата рабочих не превышала $\frac{1}{3}$ довоенной. Толпы голодных безработных целыми днями простаивали у фабричных ворот, ожидая случайной работы.

Гитлеровские оккупанты превратили Нарву в развалины. В городе, где прежде проживало 40 тыс. населения, остались только две престарелые женщины. Лишь 114 домов оказалось возможным восстановить, всё остальное было уничтожено. Полностью были уничтожены Георгиевская прядильная фабрика, фабрика «Еф», лесопильный и кирпичный заводы, электростанция, взорваны головные сооружения на каналах мануфактуры, выведены из строя водяные турбины, повреждены подземные инженерные сооружения, сожжены дома рабочих, разрушены школы, клубы и т. д. Из-под водонапорной башни посёлка Кренгольма было извлечено около 2 тонн взрывчатки, заложенной гитлеровскими бандитами. Гитлеровцы убили в Нарве около 30 тыс. мирных советских граждан и военнопленных. Материальный ущерб, нанесённый Кренгольмской мануфактуре фашистскими оккупантами, исчисляется, по данным инвентаризационной комиссии, более чем в 166 млн. рублей. Годы немецко-фашистской оккупации — самые мрачные страницы в почти столетней истории Кренгольмской мануфактуры.

По призыву коммунистической партии и советского правительства рабочие и служащие Кренгольмской мануфактуры под руководством своей партийной организации начали самоотверженную борьбу за восстановление комбината. Большую помощь кренгольмцам оказали братские республики присылкой оборудования. На монтаж фабрик были направлены лучшие ленинградские специалисты. В Ленинграде были обучены первые группы будущих прядильщиков мануфактуры. Летом 1945 г. частично восстановленные цеха Йоальской фабрики уже стали давать продукцию.

Кренгольмская мануфактура оснащена теперь высокопроизводительной отечественной техникой, установлены ткацкие автоматы. Около 200 млн. рублей затрачено на восстановление комбината. В 1951 г. выпуск продукции на мануфактуре увеличился в 23 раза по сравнению с 1946 годом. В 1951 г. Кренгольмская мануфактура дала пряжи в 5,7 раза и тканей в 17,7 раза больше, чем в 1940 году. К январю 1952 г. рабочим мануфактуры было предоставлено более 56 тыс. кв. м. жилой площади, для детей рабочих построено 5 детских садов и яслей, открыты клуб и школа на 880 мест. Работают вечерний техникум,

школа рабочей молодёжи, школа фабрично-заводского ученичества, которая за 6 лет выпустила около 1500 молодых специалистов. Методом индивидуального обучения подготовлено свыше 4,6 тыс. рабочих, более 4 тыс. рабочих прошли курсы повышения квалификации, учились в кружках технического искусства. В 1953 г. будет выстроен Дворец культуры, сейчас ведётся строительство Нарвской гидроэлектростанции. Среднегодовой заработок рабочего на Кренгольмской мануфактуре вырос (в абсолютных цифрах) в 1951 г., по сравнению с 1945 г., более чем в 2 раза.

Рабочие и служащие Кренгольмской мануфактуры отвечают на заботу партии и правительства и лично И. В. Сталина героическим трудом. Имена многих стахановцев, новаторов производства, Кренгольмской мануфактуры известны далеко за пределами Нарвы. М. А. Тахтарова работает на мануфактуре с 1912 года. Она депутат Верховного Совета СССР, награждена за самоотверженный труд орденом Ленина.

«Мы, советские люди,— сказала в своём выступлении М. А. Тахтарова,— видя неустанно отеческую заботу о трудящихся со стороны партии, правительства и лично товарища Сталина, будем работать ещё лучше, работать для того, чтобы наша славная Родина была ещё могучей, чтобы советским людям жилось ещё лучше, будем бороться за мир во всём мире.

Мы строим коммунизм, мы хотим, чтобы все люди жили богато и культурно. Мы не хотим войны, мы требуем, чтобы американо-английские и французские империалисты прекратили свои злодеяния в Корее, во Вьетнаме, чтобы они прекратили подготовку новой мировой войны. Человечеству нужен мир, а не война».

Работая инструктором производственного обучения, тов. Тахтарова обучила свыше 300 человек. До 200 прядильщиц обучила её ученица Г. Венкова. Ученицы М. А. Тах-

таровой — В. Демченко, З. Матвеева и многие другие — выполнили за три года пятилетний производственный план. Зарядчица ткацких автоматов Ф. Бочинина благодаря новому приёму работы вдвое превысила существовавшую норму выработки. Технический совет фабрики одобрил инициативу Ф. Бочининой и внедрил её метод на фабрике. Приёмом работы Бочининой заинтересовались и другие фабрики Советского Союза. Всеобщее уважение завоевали на комбинате заместитель заведующего ткацкой фабрикой К. Йыгисте, старейшие рабочие мануфактуры А. Трельман, А. Эристе и многие другие. Рационализаторы Кренгольма только за первое полугодие 1952 г. внесли 77 рационализаторских предложений, давших более 540 тыс. рублей экономии. Дружный коллектив Кренгольмской мануфактуры, где плечом к плечу работают русские и эстонские рабочие, с огромным воодушевлением встретил директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 гг., встал на стахановскую вахту и принял на себя конкретные обязательства по досрочному выполнению государственного плана, по дальнейшему повышению производительности труда и улучшению качества выпускаемой продукции.

Выступившие на сессии рабочие и служащие Кренгольмской мануфактуры М. Тахтарова, А. Трельман, Ф. Бочинина, К. Йыгисте, старый большевик Р. Шифер поделились воспоминаниями о борьбе коллектива Кренгольма за советскую власть, рассказали о невыносимых условиях работы на капиталистов, поделились своим новаторским опытом работы, приобретённым в годы советской власти. Они благодарили коммунистическую партию, советское правительство и лично И. В. Сталина за счастливую жизнь, обрётённую эстонским народом.

В. А. Маамяги

Научная работа исторического факультета Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина

В марте 1952 г. в Белорусском государственном университете имени В. И. Ленина состоялась очередная научная сессия. На исторической секции было заслушано 13 докладов. Доценты В. И. Степанов и Е. К. Азаренко выступили с докладами на тему «О материалистическом мировоззрении и элементах диалектики в трудах М. В. Ломоносова». Доклад на тему «Американо-английские империалисты — злейшие враги белорусского народа»¹ (по материалам об антисоветских проносах американо-англий-

ских империалистов в западных областях в 1918—1919 гг.) сделал старший преподаватель П. З. Савочкин.

Докладчик указал, что американо-английские империалисты сделали всё от них зависящее, чтобы максимально сохранить военную мощь Германии для борьбы с советской Россией. Империалисты США, Англии и Франции потребовали от главнокомандующих германскими оккупационными армиями на Украине, в Белоруссии и в Прибалтике, чтобы до прибытия войск Антанты они сами подавляли борьбу трудящихся за Советы. Выполняя приказ своих новых хозяев, германские оккупационные

¹ Доклад опубликован в журнале «Большевик Белоруссии» № 8 за 1952 год.

власти в начале января 1919 г. подавили забастовку в городе Гродно и расстреляли демонстрацию продленских рабочих.

По приказу миллиардеров Уолл-стрита германские оккупационные власти вооружили белогвардейскую и националистическую контрреволюцию в Литве и Белоруссии. По их же приказу германские войска пропустили в Белоруссию и Литву белогвардейские легионы Пилсудского. В начале февраля 1919 г. легионы Пилсудского по прямой указке заправил Уолл-стрита ворвались на территорию советской Белоруссии и Литвы. 20 февраля 1919 г. они захватили город Брест и начали продвижение вглубь Гродненской и Виленской губерний. К концу апреля 1919 г. армия Пилсудского захватила Вильно, Лиду, Барановичи и начала развивать свой грабительский поход на восток.

Не было такого населённого пункта в Белоруссии, жители которого не подверглись бы грабёжам и насилиям со стороны оккупантов. Только по трём уездам западных областей Белоруссии — Несвижскому, Новогрудскому, Вилейскому — число убитых, пострадавших от грабежа и насилий белогвардейских банд в 1919—1920 гг., по далеко не полным данным, достигло 33 465 человек.

11 марта 1919 г. в Пинск прибыли американо-английская и французская миссии, после чего в городе начались погром, массовые аресты, убийства. В городе было убито свыше 100 человек белорусских патриотов. На протяжении суток продолжались грабежи и насилия в городе Лида, в результате чего было убито свыше 150 человек; свыше 2 тыс. человек было убито в Вильно.

В ряд городов Белоруссии прибыли американские и другие иностранные миссии: в Гродно (март 1919 г.) — американская миссия майора Росса и французская миссия полковника Ребуля; в Вильно — американская миссия сенатора Маргентау (из Белостока); в Ковно (19 мая 1919 г.) — представитель военно-политической миссии США полковник Варвик Грин. Они организовали кулацко-белогвардейские мятежи в тылу Красной Армии. Руки американо-английских империалистов обгажены кровью тысяч белорусских рабочих и крестьян, павших при защите советской власти в 1918—1920 гг., расстрелянных во время белогвардейских мятежей и белогвардейского террора.

Аспирант Скопцов С. Г. сделал доклад на тему «Деятельность комитетов общественной взаимопомощи в БССР (1921—1925 гг.)».

Докладчик использовал документальные материалы Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства БССР (фонд ЦК крестьянских обществ взаимопомощи), материалы Государственного архива Минской области (фонды Логойского и Бегомльского районных комитетов взаимопомощи, фонды сельских комитетов), материалы Цартархива ЦК КП(б) Б, а также материалы центральных, республиканских и местных газет за 1921—1925 годы.

Для оказания хозяйственной помощи крестьянству комитеты взаимопомощи создавали материальные фонды. К концу 1925 г. материальный фонд всех комитетов БССР составил 205 630 пудов зерна и 69 762 руб. К октябрю 1925 г. земельный фонд всех комитетов БССР, предназначенный для общественной запашки, составлял 1 464 десятины пахотной земли. Только за 1925 г. комитеты взаимопомощи БССР оказали различную помощь 49 633 маломощным крестьянским хозяйствам. Комитеты взаимопомощи сыграли большую роль в организации бедноты в борьбе с кулачеством, в укреплении союза рабочего класса с крестьянством. Комитеты содействовали вовлечению беднейшего и среднего крестьянства во все виды сельскохозяйственной кооперации и, таким образом, содействовали подъёму производительных сил бедняцких и середняцких хозяйств.

Доклад на тему «Положение крестьян и крестьянское движение в Белоруссии в 1863—1865 гг.» прочитала доцент М. Б. Фридман.

В докладе рассматривались малоисследованные вопросы истории Белоруссии. На основе большого фактического материала (архивного, опубликованного и неопубликованного) в докладе подробно освещено положение крестьян Белоруссии после реформы 1861 года. Недовольные условиями освобождения, крестьяне Белоруссии продолжали бороться за землю и полную свободу. Крестьянское движение в Белоруссии имело место как в 1861 г., так и в 1862 г., вылившись в начале 1863 г. в крестьянское восстание. Наиболее подробно докладчик остановился на крестьянском движении 1863 г. в Минской, Витебской, Гродненской, Могилёвской и Виленской губерниях.

По докладу М. Б. Фридман высказались М. П. Баранова и Ф. М. Нечай; как недостаток доклада они отметили отсутствие историографического обзора литературы по данному вопросу, а также недостаточный показ роли К. Калиновского в данном движении.

Старший преподаватель кафедры истории СССР М. П. Баранова выступила с докладом на тему «Волнения государственных крестьян в Белоруссии в начале XIX века».

Докладчик привлек неопубликованные архивные материалы (Минского, Гродненского областных исторических архивов, Центрального государственного исторического архива в Ленинграде), имеющиеся публикации документов (ПСЗРИ «Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах», тт. I, II) и немногочисленные общие исследования.

На основании указанных документов докладчик выяснил картину экономического развития Белоруссии, положения государственных крестьян и их борьбы против феодального гнёта и пришёл к следующему основному выводу.

В начале XIX в. в связи с ростом феодальной эксплуатации и значительным ухудшением положения государственных крестьян усилилась борьба государственных

ных крестьян против помещиков-арендаторов и субарендаторов.

На конкретном фактическом материале автор проследил все формы борьбы государственных крестьян (жалобы, волнения, открытые выступления). Особое значение имели выступления крестьян Бортянского староства (Лидский уезд, Гродненской губернии), Кошанского староства (Рогачевский уезд, Могилёвской губернии).

В заключение М. П. Баранова указала, что волнения государственных крестьян в начале XIX в. носили стихийный антифеодальный, прогрессивный характер, вливались в общее русло борьбы крестьянства всей Российской империи и способствовали гибели крепостнической системы.

По докладу М. П. Барановой высказались В. Н. Перцев, М. Б. Фридман, Ф. М. Нечай. В. Н. Перцев, отметив ряд интересных положений в докладе, указал, как на недостаток его, на отсутствие сравнительной характеристики положения помещичьих и государственных крестьян; недостаточно показана активность крестьянских волнений, не конкретизированы формы капиталистических отношений в государственных имениях Белоруссии. Выражение докладчика «крестьяне находились в условиях разложения феодального строя» следовало раскрыть на конкретном материале. В соответствии с содержанием доклада, в котором отражены в основном пассивные формы борьбы крестьян (жалобы, бегство, неповиновение), доклад следовало бы назвать «Положение государственных крестьян», ибо нельзя пассивную форму борьбы крестьян называть волнениями.

Доклад на тему «Развитие исторической мысли в Белоруссии до XVII века» прочитал профессор В. Н. Перцев.

Докладчик рассмотрел отражение исторической мысли в произведениях фольклора и в летописях. Для белорусского фольклора характерны настроения патриотизма, в нём мы находим реалистическую оценку исторических событий и оптимистический взгляд на будущее. В то же время в нём отражён гнев народа против феодального гнёта, княжеских междоусобиц и нападений внешних врагов. В фольклоре, несмотря на присущие ему элементы фантастики, мы видим правильное в основных своих чертах понимание истории формирования белорусской народности.

Иные моменты в развитии исторической мысли в Белоруссии проявляются в летописях. Ранние белорусские летописные записи до нас не дошли. Дошедшие до нас так называемые «Лиговские» летописи относятся к более позднему времени — к концу XV и началу XVI века. Более ранние из них (так называемые «Краткие» летописи) ещё проникнуты сочувствием к народным массам, ожидавшим помощи от Московского государства и ненавидевшим иноземных феодальных поработителей, между тем как в более поздних (то есть «пространных») летописях уже ярко проявляется сочувствие к литовским феодалам и князьям (особенно к Витовту), которые превозносятся в ущерб польской шляхте и

в меньшей степени в ущерб московским князьям.

Уже с конца XVI в., а отчасти и раньше летописная литература в Белоруссии приходит в упадок, и исторический материал, включавшийся ранее в летописи, мы находим в такого рода исторической литературе, как дневники, мемуары, полемические сочинения по религиозным вопросам, сборники документальных источников.

По докладу В. Н. Перцева выступили Ф. М. Нечай, С. М. Ханутин и Р. А. Никольская, высказавшие возражения докладчику по вопросу о рассматриваемом им обычае кувады, как проявлении стремления мужчин занять в семье господствующее положение в период перехода от матриархата к патриархату. Кроме того выступавшие указали, что по содержанию доклада ему лучше было бы дать название «Проявление общественно-политической мысли в фольклоре и летописях в XII—XV вв.», с чем докладчик согласился.

Доклад на тему «Образование Северо-Германского союза в 1867 г. и позиция России» сделал доцент Л. М. Шнеерсон.

Анализируя новую расстановку политических сил в Пруссии и Германии, вызванную победоносным для Пруссии исходом войны 1866 г., и рассматривая борьбу во круг проекта конституции, Северо-Германского союза, автор показал позицию, занятую Россией и другими крупными европейскими державами в германском вопросе.

Доклад на тему «Позиция общественных кругов России по отношению к балканским событиям 1875 г.» сделал старший преподаватель С. М. Ханутин.

В докладе разоблачается легенда дворянско-буржуазной историографии (Татищев, Корнилов и др.) о «едином потоке» помощи восставшим балканским славянам. Различные общественные классы России дали различную оценку балканским событиям и заняли по отношению к ним разные позиции. Реакционные помещичьи круги, настроения которых отражала в первую очередь катковская пресса («Московские ведомости», «Русский вестник»), выступили за дипломатическое разрешение балканских осложнений и скорейшую ликвидацию восстания балканских славян. Такую же позицию занял «Голос», отражавший настроение либерального дворянства и либеральничавшей бюрократии. И те и другие боялись, с одной стороны, проникновения на Балканы революционных элементов, с другой стороны, выдвижения восточного вопроса. Экспансионистские по своей природе, эти круги не надеялись в данный момент на реализацию широких планов на Ближнем Востоке, и славянское движение для них теряло свой смысл.

Несколько иную позицию заняли широкие круги торгово-промышленной буржуазии, настроения которых отражали такие органы печати, как «Русские ведомости», «Вестник Европы» и др. Эта печать выступила за поддержку восстания и готова была оказать полную поддержку правительству, если бы оно решило активно вмешаться в балканские дела.

В отличие от либерально-буржуазных кругов, которые «сочувствием» славянам прикрывали свои корыстные интересы, искреннее сочувствие восставшим славянским провинциям выразила демократическая печать — «Дело», «Отечественные записки» и др. Она высоко оценивала борьбу восставших, связывала национально-освободительное движение на Балканах с социальным гнётом, в первую очередь с тяжёлым положением крестьян.

М. Б. Фридман, считая доклад С. М. Ханутина интересным, отметила, однако, что докладчику следовало подробнее осветить отношение к восточному кризису Англии, Австрии, Германии и других стран, более подробно показать объективно-прогрессивную политику России в отношении балканских народов.

Доклад на тему «Рурский кризис и борьба германского рабочего класса против правительства Куно (июнь — август 1923 г.)» сделал доцент Г. М. Трухнов. По докладу Г. М. Трухнова в прениях выступили М. П. Баранова, С. М. Ханутин и Ф. М. Нечай. Выступавшие указали докладчику, что в результате того, что он не затронул вопроса об отношении советского правительства и рабочих Франции к событиям в Германии во время правительства Куно, создаётся впечатление изолированности борьбы германских рабочих против проамериканской политики правительства Куно.

Об итогах своей научной работы на тему «Классовая борьба в Иудее и восстания против Рима в конце I и в начале II века н. э.» доложил доцент Г. М. Лившиц.

Г. М. Лившиц отметил, что, вопреки утверждениям буржуазных учёных, классовые противоречия в Иудее в рассматриваемую эпоху достигли большой остроты и глубины. Трудящиеся Иудеи испытывали двойной гнёт — отечественных эксплуататоров и римских захватчиков. Реакционная часть имущей верхушки страны пошла на сделку с римлянами, предавая интересы широких народных масс. Освобождение иудеев от римского гнёта было невозможно без решительной борьбы против господствующего класса рабовладельцев, против соглашательской имущей верхушки иудейского народа.

Автор показал, что основной принцип римской политики — «разделяй и властвуй» — проводился по отношению к иудейскому населению не только в период восстания 66—73 гг., но и в последующее время.

В работе подробно освещены предпосылки, ход и последствия восстаний иудеев в 115—117 гг. как в Месопотамии, так и в восточных провинциях империи. Подробному анализу подверглись также события, связанные с восстанием Бар-Кохбы (132—135 гг.). Автор доклада отмечает, что иудейские восстания II в. н. э. были важным звеном в общей цепи социальных движений, подрывавших устои рабовладельческой Римской империи.

А. М. Малинин отметил, что в докладе Г. М. Лившица необходимо было подробнее осветить вопрос о классовом составе вос-

ставших и с классовой структуре иудейского общества.

Доклад на тему «Противоречия и борьба внутри афинского гражданства в начале VI в. до н. э.» сделала кандидат исторических наук Р. А. Никольская.

Докладчик отметил, что англо-американские историки фальсифицируют историю античного общества, изображая афинскую рабовладельческую республику как образец «свободы, равенства и законности», не зная никакой внутренней противоречий и борьбы. Наследниками афинской республики они считают США (А. Zimmern. Athens and America «The Classical Journal». October 1947).

Привлекая фактические данные из произведений Фукидида, Аристотеля, Плутарха, докладчик доказал, что после проведения реформ Солона афинские граждане в целом уже превратились в единый класс рабовладельцев, но что внутри этого класса рабовладельцев имелись два течения. Одно — реакционное, представленное родовой земельной знатью, стремившейся удержать в своих руках монополию политической власти и сохранить все существовавшие ещё пережитки родового строя. Другое — прогрессивное, представленное новой богатой аристократией и поддерживаемое демосом. Представители этого течения стремились уничтожить остатки родового строя и создать такое новое государственное устройство, которое создавало бы наиболее благоприятные условия для дальнейшего развития рабовладельческого способа производства. Отсюда вытекает, что борьба в афинском гражданстве на изучаемом этапе была борьбой за создание демократической рабовладельческой республики, против стремления родовой знати создать аристократическую рабовладельческую республику.

По докладу Р. А. Никольской с замечаниями выступили Г. М. Лившиц, А. И. Малинин, Ф. М. Нечай. Они указали, что в докладе недостаточно уделено внимания характеристике русской исторической науки по проблеме истории афинской демократии. Кроме того докладчик не попытался в свете данных источников и на основе критического отношения к ним конкретно показать хозяйственную деятельность и имущественное расслоение среди афинского гражданства во времена Солона.

Об итогах своей научной работы на тему «Аграрные отношения в Риме за время от 451 г. до 376 г. до н. э.» доложил доцент Ф. М. Нечай.

В истории Рима западноевропейская буржуазная историография в своих классовых интересах усиленно фальсифицирует аграрную историю, объявляет вымыслом борьбу мелких и крупных землевладельцев.

Ф. М. Нечай прослеживает на основании источников за время от 451 по 376 г. до н. э. историю завоеваний Римом земель у своих соседей и столкновение плебеев с патрициями по аграрному вопросу. В результате завоеваний за время с 451 г. по 376 г. до н. э. земли римского государства располагались в четырёхугольнике: озеро

Собатинское — Фалерии — Ферентин — Таррацина (Анксур). За 75 лет, от времени принятия законов XII таблиц до законов Лициния и Секстия, Рим почти 50 лет вёл войны со своими соседями с целью захвата их земель. В течение того же времени, на протяжении 20 лет, аграрный вопрос в Риме неизменно всплывал как главный вопрос внутренней жизни государства. Вся сложность аграрного вопроса в Риме была связана с тем, что малоземельные плебеи могли получать земельные участки вдали от Рима лишь как колонисты, выселяясь из Рима в колонии, а патриции оккупировали вновь приобретённые Римом земли и обрабатывали их рабским трудом, сами оставаясь в Риме. Территория, отведённая колонистам за 75 лет, от 451 г. по 376 г. до н. э., составила незначительную часть завоёванных Римом за это время земель.

В начале 70-х годов IV в. до н. э. борьба малоземельного населения Рима вылилась в требование произвести передел завоёван-

ных Римом земель, что и нашло своё выражение в известной рогадии Лициния и Секстия.

По докладу Ф. М. Нечая выступили Г. М. Лившиц, А. М. Малинин, Р. А. Никольская. Они отметили, что доклад вызывает интерес тем, что в нём аграрные отношения в Риме освещены как со стороны истории конфликтов по аграрному вопросу в Риме, так и со стороны истории расширения *agri publici* в результате завоевания Римом земель своих соседей. Критические замечания касались утверждения докладчика об установлении законами XII таблиц частной собственности. Г. М. Лившиц считает, что полное установление таковой нужно отнести к рубежу IV—III вв. до н. э.

Прочитанные на сессии доклады намечены к опубликованию в «Учёных записках» университета.

Ф. Н.

«НЕУДАЧНОЕ ПОСОБИЕ» *

Министерство высшего образования СССР считает критику программы курса «Новая история» для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов на страницах журнала «Вопросы истории» правильной.

Учтя критику и замечания по указанной программе, полученные из высших учебных заведений, Министерство высшего образования поручило кафедре новой истории Московского государственного университета разработать проект новой программы, который и был подготовлен в июле 1952 года.

В настоящее время коллективу кафедры новой истории Московского университета дано указание еще раз в свете решений XIX съезда партии и работы товарища И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» доработать проект программы курса «Новая история» для исторических факультетов университетов и педагогических институтов с тем, чтобы после широкого обсуждения этой программы на кафедрах новой и всеобщей истории университетов и педагогических институтов утвердить ее как типовую программу.

Заместитель министра высшего образования СССР М. А. Прокофьев.

* См. письмо в редакцию В. А. Жебокрицкого и Л. А. Коваленко в № 4 за 1952 г.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ ЗА 1952 ГОД

	№№		№№
ПЕРЕДОВЫЕ			
Против субъективистских ошибок в изучении истории советского общества	12	Пуговкин Г. Н. — Партия Ленина — Сталина — организатор массового движения за коллективизацию сельского хозяйства в СССР	12
За дальнейший подъём исторической науки в СССР	9	Рыбаков Б. А. — Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина . . .	9
Исторический материализм — теоретическая основа исторической науки	7	Сидоров А. Л. — Задачи Института истории Академии наук СССР в свете гениального труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и решений XIX съезда КПСС	10
От редакционной коллегии журнала «Вопросы истории»	8	Смирнов И. С. — Государственная деятельность В. И. Ленина в области культурного строительства в 1917—1920 годах	7
Покончить с проявлениями марризма в археологии	12	Степанов Н. Н. — Историческое значение присоединения народностей Крайнего Севера к России	7
Труды по истории, удостоенные Сталинской премии за 1951 год . . .	4	Стучебникова М. Д. — Большевицкая «Правда» в годы подъёма рабочего движения перед первой империалистической войной (1912—1914 годы)	5
СТАТЬИ		Тарле Е. В. — Михаил Илларионович Кутузов — полководец и дипломат	3
История СССР		Титаренко С. Л. — Развитие советской демократии	11
Азизян А. К. — И. В. Сталин о возникновении и развитии социалистических наций в СССР	9	Церцвадзе М. В. — Батумская политическая демонстрация 1902 года	3
Ангран П. — Отголоски восстания декабристов во Франции	12	Чигринов Г. А. — Социалистическое соревнование и стахановское движение в промышленности Москвы и Московской области в 1939—1941 годах	6
Багдасаров С. С. — Партия большевиков — организатор Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики (ЗСФСР)	8	Шунков В. И. — О феодальном строе сибирской деревни в XVII веке	6
Бурчуладзе Е. Е. — Крушение англо-турецких захватнических планов в Грузии в 1855—1856 годах . .	4	Яцунский В. К. — Промышленный переворот в России (к проблеме взаимодействия производительных сил и производственных отношений)	12
Вещиков А. Т. — Ростовская стачка 1902 года	11	Всеобщая история	
Греков Б. Д. — В. И. Ленин о некоторых вопросах истории России	1	Барановский М. И. — Американо-английские капиталисты — душители тайпинского восстания . . .	1
Греков Б. Д. — Генезис феодализма в России в свете учения И. В. Сталина о базисе и надстройке	5	Бирюков В. В. — О некоторых вопросах развития феодального общества	2
Григорян З. Т. — Борьба Англии и Франции против освобождения Армении из-под ирано-турецкого ига	3	Виноградов Н. П. — Рабочее движение в Китае накануне образования единого национального антиимпериалистического фронта . . .	10
Иллерицкий В. Е. — Исторические взгляды А. И. Герцена	10	Ермолев В. И. — Подъём борьбы рабочего класса в Аргентине в 1918—1922 годах	11
Кретов Ф. Д. — По ленинскому пути	1		
Обишкин Г. Д. — В. И. Ленин — основатель и руководитель Советского государства	1		
Панкратова А. М. — Всемирноисторическое значение Великой Октябрьской социалистической революции	11		
Пашуто В. Т. — А. А. Шахматов — буржуазный источниковед . .	2		
Петров Ю. П. — Военные комиссары в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920)	2		

№№	СООБЩЕНИЯ	№№
	История СССР	
11	Али-Заде А. А.—Монгольские завоеватели в Азербайджане и сопредельных странах в XIII—XIV веках	8
4	Арутюнян Б. М.—Социально-экономическое положение крестьян в Армении XII в. по Судебнику Мхитара Гоша	8
7	Васильев Б. Н.—Формирование промышленного пролетариата Ивановской области	6
12	Васин И. Н.—Первые марксистские организации в Москве (1884—1894 гг.)	10
1	Веймарн Е. В., Стржелецкий С. Ф.—К вопросу о славянах в Крыму	4
6	Горбань Н. В.—Крестьянство Западной Сибири в крестьянской войне 1773—1774 годов	11
4	Дорошенко В. В.—Латышские племена в первом тысячелетии нашей эры	9
1	Павленко Н. И.—К вопросу о рынке рабочей силы для металлургических мануфактур в 20—40-х годах XVIII века	3
9	Пушкарёв Л. Н.—Неизвестные заметки декабриста И. И. Горбачевского	12
6	Савицкая Р. М.—Издание произведений В. И. Ленина в СССР и за границей	1
8	Снытко Т. Г.—Новые материалы по истории общественного движения конца XVIII века	9
5	Фёдоров В. А.—Борьба крестьян России против военных поселений (1810—1818)	11
9	Всеобщая история	
	Антюхина В. И.—Из истории борьбы Коммунистической партии Франции за национальную независимость Франции в годы второй мировой войны (1939—1944)	4
5	Белявская И. А.—Государственное «регулирование» промышленности американскими империалистами (1917—1918 гг.)	2
7	Иванов М. С.—К истории ограбления Ирана Англо-Иранской нефтяной компанией	5
7	Крестьянское восстание в Корее в 1894 году	9
5	Ли Чен Вон—Оборона острова Канхва против американских агрессоров в 1871 году	3
3	Пак Си Хен—Флотоводец Ли Сун Син	3
5	Полевой Б. П.—Первые попытки США захватить острова Рюкю, Бонин и Тайвань (1853—1857)	12
2	Хренов И. А.—Революционное выступление варшавских рабочих в январские дни 1905 года	2
	Чен Ю Ген—Агрессия английских империалистов в Корее	9
7	Ю Мен Сек—Кан Гам Чан	3
	ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ	
	История СССР	
	Горовой Ф. С.—О причинах задержки обнародования манифеста 19 февраля 1861 года	
	Еремян С. Т.—К вопросу об этногенезе армян	
	Ионенко И. М.—Об исторических условиях превращения курско-орловского диалекта в основу русского национального языка	
	Лооне Л. А.—Из истории промышленного переворота в Эстонии	
	Мехтиев Г. Г.—Историческое значение присоединения Азербайджана к России	
	Пажитнов К. А.—К вопросу о промышленном перевороте в России	
	Рубинштейн Н. Л.—Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России XVIII века	
	Всеобщая история	
	Левандовский А. П.—Об этническом составе империи Каролингов	

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

История СССР

Бескровный Л. Г.—В. Шутой. Народная война на Украине против шведских захватчиков в 1708—1709 гг.

Борисов А. Л.—Об изданиях Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова по древней истории и археологии

Зимин А. А.—«Послания Ивана Грозного»

Зимин А. А.—А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв.

Кабанов П. И.—Вопросы дальневосточной политики России в XIX веке в освещении учебника для высшей школы

Киняпина Н. С.—К. Аксенов. Северное общество декабристов

Клокман Ю. Р.—«А. В. Суворов». Документы. Т. II

Козаченко А. И.—«Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». Сборник статей

Липицкий С. В.—«Суворовский сборник»

Найда С. Ф., Овсиско И. Т.—М. Супруненко. Украина в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.)

Никифоров Л. А.—В. П. Лыцов. Персидский поход Петра I (1722—1723)

Николаева А. Т.—Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.

Панеях В. М.—А. Г. Маньков. Цены и их движение в Русском государстве XVI века

Панченкова М. Т.—А. И. Андрущенко. Адмирал Ушаков

Погребинский А. П.—С. И. Ангонова. Влияние столыпинской аграрной реформы на изменения в составе рабочего класса

Полевой Ю. З., Павленко Н. И.—С. И. Архангельский. Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Поволжья и Нижегородской области XVII—XIX вв.

Смирнов И. И.—К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства

Список научных работ академика Б. Д. Грекова

Степанов Н. П.—История Бурят-Монгольской АССР. Т. I

Токарев С. В.—«Рабочее движение в России в XIX веке». Т. I. 1800—1860. Волнения крепостных и вольнонаёмных рабочих. Сборник документов и материалов

Устюгов П. А.—К. И. Сербина. Очерки из социально-экономической истории русского города

Устюгов Н. В., Яцунский В. К., Мышко Д. И., Ткаченко Н. М.—История Молдавии. Т. I. От

№№

древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции

Фадеев А. В.—О. П. Маркова. Восстание в Кахетии 1812 г.

Фортуатов П. К.—Ю. Р. Клокман. Фельдмаршал Румянцев в период русско-турецкой войны 1768—1774 гг.

Фортуатов П. К.—Военные вопросы в освещении советских исторических трудов по истории СССР

Чивадзе Ш. И.—Труды азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б). Т. XVII

Шмидт С. О.—М. В. Фехнер. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке

Шупков В. И.—З. Я. Бояршинова. Население Томского уезда в первой половине XVII века

Шутой В. Е.—Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. VIII

Всеобщая история

Васильева О. В.—Журнал для историков в Германской Демократической Республике

Галан Х. М.—Бустаманте К. М. Новый Берналь Диас дель Кастильо, или История вторжения североамериканцев в Мексику; Роа Барсена Х. М. Воспоминания о североамериканском вторжении (1846—1848)

Григорьев В. Г.—Американские фальсификаторы истории внешней политики США

Данилов А. И.—Средние века. Сборник. Вып. III. Институт истории АН СССР. М. 1951

Зубков Н. Б., Кукушкин К. В.—Ху Шен. Агрессия империалистических держав в Китае. Лю Даянь. История американской агрессии в Китае. Цин Бэнь-ли. История экономической агрессии американского империализма в Китае

И. Б.—Синсе и серое. Рассказ о гражданской войне

Каменцева Е. И.—Ч. Лоукотка. Развитие письма

Каплевский Б. П.—М. Квин. Всеобщая стачка 1934 г. в Сан-Франциско

Корольюк В. Д., Миллер И. С., Фомин В. Т.—А. Я. Манусевич. Очерки по истории Польши

Костюшко И. И.—З. Млынарский. Из истории польской демократии. З. Млынарский. У истоков польской демократии

Лезин В. В.—Ким Ир Сен. Великая освободительная война корейского народа за свободу и независимость

Максимович Г. А., Колесницкий Н. Ф.—Проф. В. Ф. Семёнов. История средних веков

Машкин М. Н.—Ю. В. Борисов. Русско-французские отношения после Франкфуртского мира 1871—1875 гг.

№№

7

6

6

10

12

12

9

10

8

5

6

3

10

2

8

11

12

8

8

9

12

Мицкун П. И.—Рафаэль Альтамира-и-Кревеа. История Испании. Т. II

Молок А. И.—Протоколы Временного правительства и Комиссии исполнительной власти (24 февраля — 22 июня 1848)

Нарочницкий А. Л.—Корейско-американские отношения. Документы, относящиеся к дальневосточной дипломатии США. Т. I

Похлёбкин В. В., Соловьёв О. Ф.—Скотт Ф. Д. Соединённые Штаты и Скандинавия

Рафиков А. Х.—А. И. Бернштам. Очерк истории гуннов

Руденко Б. Т., Попов Б. С., Рыжкова В. П.—«Новая история». Т. I. 1640—1789

Стадниченко А. И., Киселёва М. А., Сикирянская Л. А.—Г. Ефимов. Очерки по новой и новейшей истории Китая

Хренов И. А.—Книга о борьбе Польской рабочей партии за национальное и социальное освобождение польского народа

Ю. П.—Итальянская коммунистическая партия

ХРОНИКА И ИНФОРМАЦИЯ

Бенклев С. Н.—Научная работа историков Воронежского университета

Бородкин П. А.—Государственный архив Алтайского края

Буркова Н. А.—Государственный архив Ставропольского края

Венгерский институт исторических наук (письмо из Будапешта)

В. К.—Обсуждение вопросов периодизации новейшей истории Китая

В. Н.—В отделении истории и философии Академии наук СССР

В президиуме Академии наук Союза ССР

Дахштейгер Г. Ф.—В Институте истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР

Д. Р.—Юбилей академика Б. Д. Грекова

Дунаевский В. А.—Научно-теоретическая конференция по вопросам историографии в Воронежском государственном университете

Елисабедашвили Г. И.—Тбилисский филиал Центрального музея В. И. Ленина

Ермолаев П. Ф.—Отдел дореволюционных фондов Государственного архива Чувашской АССР

Зеленов Т. М.—Издание и распространение труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» в зарубежных странах

Игнатьев В. Л.—Центральный музей В. И. Ленина

И. Р.—В Институте истории АН СССР

И. Р.—В Институте истории АН СССР

№№	К. А.—Научная конференция историков Ивановского государственного педагогического института	6
5	Козырина К. И., Ратнер Н. Д., Госин И. Я., Кан Е. М., Орлик И. И., Каменецкая К. Р.—Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания и историческая наука в европейских странах народной демократии	8
3	Луизова Т. В.—Собрание рукописей П. П. Дубровского в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина	8
2	Маамяги В. А.—Научная сессия на Кренгольмской мануфактуре	12
9	На конференциях читателей журнала «Вопросы истории»	8
5	Ныпорко Д. В.—Киевский филиал Центрального музея В. И. Ленина	1
8	Прображенский А. А., Андреев Г. П., Козлова А. В., Кирсанов С. А.—Государственные архивы Советского Союза	10
6	Рожкова Т. Д.—Государственный архив Тюменской области	11
12	С. Т.—В Институте истории Академии наук СССР	11
8	Тематика диссертаций по вопросам истории, защищённых в СССР в 1945—1950 годах	6
2	Тематика диссертаций по вопросам истории, защищённых в СССР в 1945—1950 годах (продолжение)	7
2	Тематика диссертаций по вопросам истории, защищённых в СССР в 1945—1950 годах (окончание)	8
9	Тематика диссертаций по вопросам истории СССР и всеобщей истории, утверждённых ВАК в 1951 году	12
9	Ф. И.—Научная работа исторического факультета Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина	12
7	Фёдоров Г. Б.—Выездная сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР	2
7	Шарапов Ю. П.—Государственный архив Вологодской области	6
6	Штефан Г., проф.—Археологическая выставка в Бухаресте	9

НЕКРОЛОГИ

3	Памяти Я. А. Манандяна	6
1	Н. Л. Рубинштейн	9
1	Б. К. Рубцов	7
6	С. В. Юшков	9

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

8	Вяткин М. П.—Письмо в редакцию	2
1	Державин Н., акад.—Письмо в редакцию	7
5	Жебокрицкий В. А., Коваленко Л. А.—Неудачное пособие	4
10	Бутягин А.—Письмо в редакцию	6
	Письмо в редакцию	12

СОДЕРЖАНИЕ

Против субъективистских ошибок в изучении истории советского общества	3
Покончить с проявлениями марризма в археологии	11

СТАТЬИ

Г. Н. Пуговкин — Партия Ленина—Сталина — организатор массового движения за коллективизацию сельского хозяйства в СССР	18
В. К. Яцунский — Промышленный переворот в России (К проблеме взаимодействия производительных сил и производственных отношений)	48
А. И. Молок — Некоторые вопросы истории июньского восстания 1848 года в Париже	71
П. Ангран — Отголоски восстания декабристов во Франции	98

СООБЩЕНИЯ

Б. П. Полевой — Первые попытки США захватить острова Рюкю, Бонин и Тайвань (1853—1857)	117
Л. Н. Пушкарёв — Неизвестные заметки декабриста И. И. Горбачевского	127

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

И. А. Хренов — Книга о борьбе польской рабочей партии за национальное и социальное освобождение польского народа	130
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

История СССР

Ш. И. Чивадзе — Труды Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б), т. XVII	137
В. М. Панеях — А. Г. Маньков. Цены и их движение в Русском государстве XVI века	141
С. О. Шмидт — М. В. Фехнер. Торговля русского государства со странами Востока в XVI веке	146

Всеобщая история

В. Д. Королюк, И. С. Миллер, В. Т. Фомин — А. Я. Манусевич. Очерки по истории Польши	151
М. Н. Машкин — Ю. В. Борисов. Русско-французские отношения после Франкфуртского мира 1871—1875 гг.	155

ХРОНИКА И ИНФОРМАЦИЯ

Тематика диссертаций по вопросам истории СССР и всеобщей истории, утверждённых ВАК в 1951 году	158
Б. А. Маамяги — Научная сессия на Кренгольмской мануфактуре	172
Ф. Н. — Научная работа исторического факультета Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина	174
Письмо в редакцию	179
Алфавитный указатель статей за 1952 год	180

ИСПРАВЛЕНИЯ

В № 10 за 1952 г. 1) стр. 94, правая кол., 24 строка сверху, следует читать: «(1855—1924)».
2) стр. 114, 21 строка сверху, следует читать: «1805—1813 гг. (стр. 263)».
В № 11 за 1952 г. на стр. 102, 41 сноска, следует читать: «см. статью Мочалова и брошюру И. И. Ставского».

Редакционная коллегия:

П. Н. Третьяков (главный редактор), И. М. Волков, Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин, С. Ф. Найда, А. Д. Никонов, **Б. К. Рубцов**, А. Л. Сидоров, А. Д. Удальцов.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 647.

Тел. Д 3-31-04.

А 01410

Изд. № 1019.

Заказ № 2952.

Тираж 40 000 экз.

Подписано к печати 21/I 1953 г. Формат бум. 70×108^{1/16}. 5,75 бум. л. — 15,75 печ. л.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.